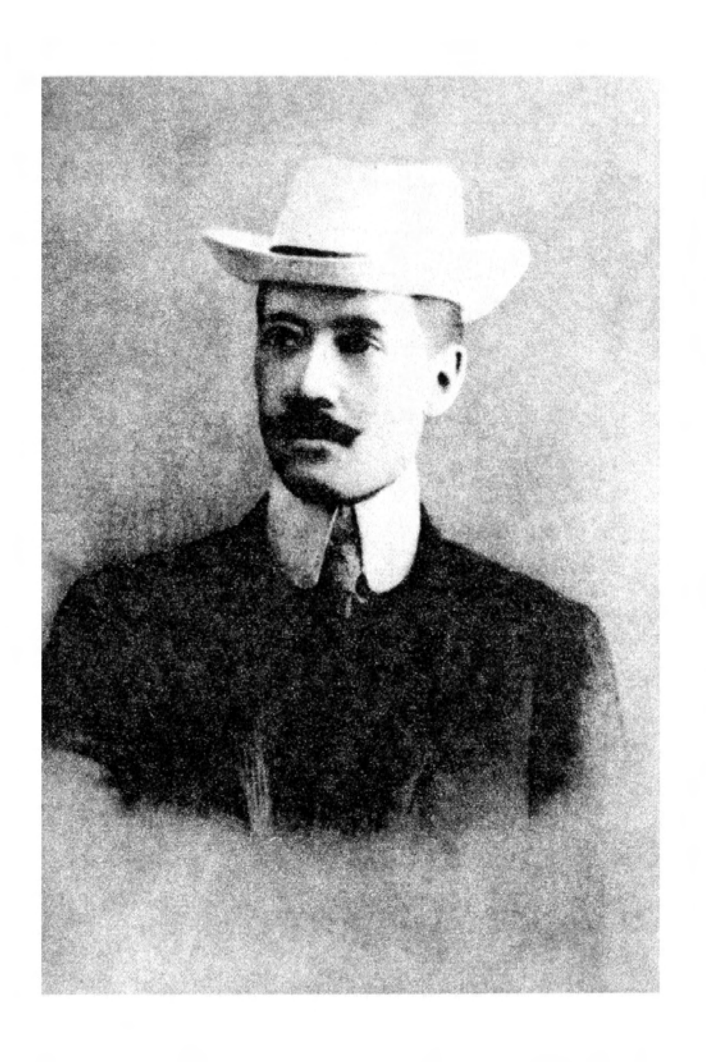

Н. С. ГУМИЛЕВ

СОЧИНЕНИЯ

ВОСКРЕСЕНЬЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н.С.ГУМИЛЕВ

Полное собрание сочинений в десяти томах

ТОМ ПЕРВЫЙ

Стихотворения. Поэмы
(1902—1910)

Москва

1998

ББК 84.Р1
Г94

Тексты подготовили и примечания составили: М.Баскер (Великобритания), Т.М.Вахитова, Ю.В.Зобнин, А.И.Михайлов, В.А.Прокофьев, Г.В.Филиппов.

В подготовке тома принимали участие: В.Н.Воронович (С.-Петербург), Н.М.Иванникова (Москва), Н.Г.Князева (С.-Петербург), В.П.Петрановский (С.-Петербург), И.В.Платонова-Лозинская (С.-Петербург), С.Л.Слободнюк (Магнитогорск), А.К.Станюкович (Москва)

Ответственный редактор тома Ю.В.Зобнин

Редактор Д.М. Климова

Исследовательская часть проекта выполнена при поддержке РГНФ (проект № 96-04-06157)

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:
Г.В.Пряхин (руководитель)
С.В.Богачев, П.О.Иванов, Н.И.Мастерова, В.В.Милюков, Д.К.Соколова,
Л.М.Ульянова, Л.Г.Фронина

Г 94 **Гумилев Н.С.** Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902—1910). — М.: Воскресенье, 1998. — 502 с.; ил.

ISBN 5—88528—160—2 (Т. 1)
ISBN 5—88528—159—9

Настоящий многотомник является первым полным собранием сочинений Николая Степановича Гумилева (1886—1921).

В первый том включены стихотворения и поэмы периода с 1902 по1910 гг., первоначальные редакции художественных произведений, а также комментарии к ним.

Г $\frac{4702010102—019}{К56(03)—98}$

О НИКОЛАЕ ГУМИЛЕВЕ И ЕГО ПОЭЗИИ

В литературе нашей немного, наверное, найдется случаев, когда кровное родство имен так постоянно оборачивалось бы столь значимым историческим драматизмом:

Муж в могиле,
Сын в тюрьме.
Помолитесь обо мне.

Автор этих стихов Анна Андреевна Ахматова. *Муж* — Николай Степанович Гумилев. *Сын* — Лев Николаевич Гумилев. Каждый в общем нашем осознании, по сути, уже почти никогда не выпадает из триады. Каждый постоянно осложнял судьбы двух других — и жизненно, и житейски — и брал на себя тройной груз невзгод и почестей, забвения и внимания.

Ведь Анна Ахматова для нас — не только сама по себе, но и — навсегда — даже разводившаяся с ним — *жена* Николая Гумилева. Николай Гумилев — не только сам по себе, но и — навечно — даже разведшийся с ней — *муж* Анны Ахматовой. Лев Гумилев — не только сам по себе, но и — обреченно — *сын тех*.

И все же во главе — даже просто хронологически — Николай Гумилев, *муж* и *отец*. И в истоке жизненных драм он же — поэт Николай Гумилев. Две особенности определили, по сути, все в его творчестве. Он — очень русский поэт самой революционной эпохи в жизни России. Но как же можно говорить «русский» о поэте, которого почти сразу критики назвали иностранцем и потом это многократно подтверждали? А что до революционной эпохи, то она обернулась для поэта трагически: в 1921 году он был расстрелян; раньше думали, что за соучастие в контрреволюционном заговоре, теперь знаем, что за недонесение о нем. Колоссальный общественный катаклизм легко и беспощадно ломал иные личные и литературные судьбы. Недаром еще в 20-е годы в одном рижском издании Николая Гумилева назвали Андре Шенье русской революции. Как известно, Андре Шенье пал жертвой якобинского террора в пору революции французской. Правда, слава к Шенье, которого до казни как поэта почти не знали, пришла посмертно, посмертно вышла и его первая книга. Гумилева узнали задолго до его смерти как автора нескольких книг, и он еще до казни становится уже почти знаменитым русским поэтом.

Хотя на первый взгляд в этой поэзии действительно было мало русского, Гумилев, став зрелым, установившимся художником, признался:

О Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты свое возьмешь.

Что же «свое» взяла Русь в поэте, от нее чуть ли не принципиально отстранившемся?

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда.

Вежлив с современностью — и только. Как эта отчужденная, холодноватая вежливость непривычна для русского поэта. Но в то же время именно такая отстраненность от современности, от жизни позволила самозабвенно и с большой силой создавать в поэзии особый романтический мир и, уйдя в него, в нем жить, действовать, любить и страдать. Только в предреволюционную и революционную эпоху могла в литературе с такой силой рождаться и, конечно, по-разному у разных поэтов и писателей проявляться романтическая мечта о новом и совершенно ином мире. Так «волшебница» Русь брала-таки «свое» и давала «свое» поэту, вроде бы от нее бежавшему.

Многое в самой жизни питало и воспитало романтическое мироощущение Гумилева от самых ранних лет. Большинство русских поэтов неизменно выходило из российской глубинки. Гумилев провел самые ранние годы если не на окраине ее, то все же на краю, на переднем ее оборонном рубеже. Он родился 3(15) апреля 1886 года в Кронштадте в семье военного корабельного врача. Так что, скажем, морские флибустьерские мотивы и рано возникшая и через всю жизнь пронесенная страсть к путешествиям и странствиям шли не только из литературы. Правда, скоро, по выходе в отставку отца, семья уехала из Кронштадта и оказалась в другом, совсем иного рода, но тоже романтическом и поэтическом месте — в Царском Селе. Царское Село — одна из колыбелей русской поэзии, во всяком случае в ее истоках и в ее концах. Недаром своего гимназического учителя — поэта Иннокентия Анненского — Гумилев назовет позднее «последним из царскосельских лебедей». Но и царскосельское пребывание перебьется еще одним сильным романтическим впечатлением. На два с половиной года семья уедет на Кавказ — тоже традиционный очаг русской поэзии. Там в «Тифлисском листке» осенью 1902 года появится первое стихотворение гимназиста Гумилева «Я в лес бежал из городов...». Но «бежал» герой Гумилева не просто в лес (привычно для романтика) из «неволи душных городов», если вспомнить пушкинский стих, не в экзотичный, но все-таки и в самом романтизме реальный мир — Кавказа, например. Опять-таки можно вспомнить, что у Пушкина, у Лермонтова в самых романтических произведениях есть и реальные обра-

зы Кавказа (люди, природа). Романтический «лес» Гумилева — это целая особая условная страна, так сказать, страна только его мечты, куда рванулись и где живут его герои. Так стало в сборнике «Путь конквистадоров» (1905), так продолжилось во втором его сборнике «Романтические цветы» (1908).

Конквистадор — это как раз человек, открывающий такой новый, необычный романтический мир.

Я конквиста́дор в панцире железном,
Я весело преследую звезду.
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.

Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растет туман... но я молчу и жду
И верю, я любовь свою найду...
Я конквистадор в панцире железном.

И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту свою создам
И песней битв любовно зачарую.

Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я вплету в воинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую.

Конквистадор Гумилева не только создатель такого романтического мира, но и завоеватель его — почему он и конквистадор. Стихи его первых, во многом ученических, сборников — действительно «песни битв». Так проявилось самое главное начало, характеризующее романтизм Гумилева — начало действенности, активности, воли. Оно уже никогда больше, по-разному проявляясь, не уйдет из его поэзии; именно потому поэзия Гумилева так сильно влияла позднее на собственно граждански, общественно, казалось бы, чуждых ему поэтов, непосредственно связавших свою судьбу с революцией — Николая Тихонова, Эдуарда Багрицкого и др. Однако мечта героев Гумилева не просто некая бесплотность и отвлеченность, это не только отлет от настоящего, но и полет в будущее. Потому-то это и требующее мощного волевого усилия завоевание. «Людям настоящего» (так и называется одно из стихотворений), обреченным «быть тяжелыми каменьями для грядущих поколений», противостоит обращение к «Людям будущего» (это название другого стихотворения).

Но вы не люди, вы живете,
Стрелой мечты вонзаясь в твердь.

И еще: стихи Гумилева отнюдь не абсолютно противостояли эмпирической, казалось бы, достаточно непритязательной тогда, жизни Гумилева-человека. Внешне затянувшийся, так сказать, инкубационный период (достаточно сказать, что гимназию Гумилев закончил только к двадцати годам) был периодом большой внутренней работы, судя по тому, как относительно быстро ковалось поэтическое мастерство. Именно — ковалось, потому что весь путь Гумилева — от начала и до конца — был путем постоянных и очень наглядных литературных штудирований, освоений и изучений — теоретических и практических. Кстати сказать, это тоже явно способствовало тому, что Гумилев в дальнейшем оказался и проницательным, точным критиком поэзии. А в окружавшей его литературной среде он приобрел звание мастера. Да и литературное объединение, которое он впоследствии возглавил, называлось «Цех поэтов» — не только по профессиональной цеховой замкнутости, но и по цеховой профессиональной исполнительности высокого класса мастеров. Вообще, от первых лет становление мастера-поэта было и становлением очень волевого человеческого характера.

Русская и в России родившаяся необычайная по силе и масштабу поэтическая мечта о другом и новом мире именно в силу необычности потребовала нездешних, «нерусских» форм, а такие формы поэт находил в искусстве других стран. Душа мастера, буквально истязавшего себя усилиями в стремлении постичь форму, овладеть ею, находила такое формальное совершенство, столетиями предельно отточенное мастерство прежде всего во французском искусстве — в поэзии и отчасти в живописи. Даже третий сборник Гумилева «Жемчуга» (1910) хотя уже и результат выучки, в то же время и свидетельство обучения: стихи-«жемчужины», собранные в нем, по форме своей во многом еще искусственного происхождения. Тем не менее оригинальное, именно гумилевское волевое начало, определившееся сразу, проявлено и здесь. Оно-то, с большой силой устремляющееся в область мечты, не могло остаться только с мечтой, искало ей новые опоры и основания. И находило. В пору обучения в Париже появляются в стихах Гумилева обращения к миру, который в самой жизни может эту мечту о необычном напитать и удовлетворить, — сначала только литературные обращения. Это Восток и — больше всего — Африка. Пока это все еще мечта, но уже о конкретном, где-то существующем, живущем. Может быть, не случайно в великой чеховской пьесе о русской провинции врачу Астрову вдруг пригрезилась Африка. Почему Африка? Потому что это что-то уже совершенно необычное, чуждое, далекое, совсем «не отсюда». Постоянно живущая мечта, способность отлететь, вырвавшаяся вдруг в форме случайной, даже не попутной фразы. Недаром же, как над пророчеством, так бьется над ней, над никчемной вроде бы фразой, театр, так усиленно размышляют критики. Так неожиданно, по-астровски, но уже, конечно, романтично (впрочем, ведь разве Астров не тайный романтик, не мечтатель?) возникает у Гумилева Африка:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф...

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Гумилев не только в стихах был поэтом действенного волевого усилия. Африка была мечтой достижимой. И он за ней отправился, даже не поставив в известность о поездке родителей. Затем, в 1909—1910 годах, он уже из России опять уехал в Африку (в Абиссинию) в составе русской экспедиции. После поездки в Италию в 1912 году он снова в Африке — уже начальником новой академической экспедиции. Интерес становится устойчивым и разнообразным, а следующий сборник, называвшийся «Чужое небо» (1912), заключили «Абиссинские песни». Есть еще особенность Гумилева как русского поэта, проявившаяся в этих «абиссинских» стихах. И в ранних и в более поздних стихах, созидавших романтическую мечту, мечта эта и жажда ее и способность к ней не только примета и свойство романтического героя, избранного. Мечта есть то, что разлито в мире, чем, может быть, одержим каждый. Стихов, прямо об этом говорящих, немного, но они есть, свидетельствуя о незамкнутости мира гумилевского романтического героя, казалось бы, столь исключительного. Потому-то, когда поэт писал об Африке, сам угол зрения оказался необычным. Абиссинские стихи стали не стихами об абиссинцах, а, так сказать, стихами абиссинцев (воина, невольника, любовника...), довольно условных, конечно, но все же не бесплотных. Гумилев-поэт в своих стихах об Африке, оставаясь романтиком и мечтателем, был уже и профессионалом-исследователем — этнографом, археологом, фольклористом. Все это с еще большей силой проявилось и в позднейших, вплоть до самых последних, «африканских» стихах Гумилева. Но Африка для Гумилева оказалась не просто одной из тем и сказалась не только в стихах собственно о ней самой. Привычное уже устремление к необычному и экзотическому находило опору в самой жизни: появлялась особая свежесть восприятия ее, определялся вход к основному, первичному, первобытному — и уже не только в «африканских» стихах. Так формировались посылки к тому поэтическому движению, которое получило название «акмеизм» (другое название — «адамизм») и которое прежде всего было представлено самим Гумилевым, к тому же и теоре-

тически его обосновавшем. Оно объединило некоторых в будущем больших поэтов (А.Ахматова, О.Мандельштам). Объединило их тогда желание после во многом обращенного к туманностям *иных* миров символизма заново обрести свежесть и первозданность мира, его живых красок, зримых и устойчивых форм, возродить вкус к жизни как она есть. В стихах зрелого Гумилева это проявилось очень ощутимо. Мир поэзии Гумилева продолжал оставаться романтическим, несовременным (миром древнего воина, средневекового путешественника, поэта Возрождения), но в самом романтизме он уже получал плоть, обретал зримые формы. Одной из вдохновляющих Гумилева вдохновенных идей было желание установить связь времен, панорамировать человеческую историю и географию, где — и Восток, и Запад, и прошлое, и будущее. За выпадением или ослаблением двух звеньев: России и настоящего. Потому-то, оказавшись в обстановке действительно экстремальной (первая мировая война, фронт), поэт Гумилев и человек Гумилев решительно разошлись. У поэта не хватило ни смелости, ни интереса посмотреть в глаза жизни, в то время как человек мужественно смотрел в глаза смерти. Военные стихи Гумилева, может быть, бледнее иного им написанного (к тому же их немного). Военные дела офицера Гумилева еще одно подтверждение его силы воли и героизма: два Георгия (солдатских!).

Гумилев не стал бы тем оригинальным русским поэтом, каким он стал, если бы не уходил в своем творчестве от непосредственно социальной и национальной традиции. Но потому же картина его поэтического бытия оказывалась неполной. И поэт это ощущал. И чем дальше, тем больше:

И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

И все же в целом ряде поздних стихов поэта мы видим, как Россия опять берет «свое». Появляются невиданные прежде темы и мотивы («Андрей Рублев», «Детство», «Городок», «Мужик»). Возможно, их-то и не хватало для процесса рождения того «шестого чувства» (так и названо одно стихотворение) постижения мира, предощущением которого мучился, и которое предрекает поэт, и которое тоже, наверное, ориентировало бы в слепых переходах пространств и времен.

Перед тем как Андре Шенье снесли голову, он сказал: «В этой голове коечто было». Поздние стихи Гумилева, мучившегося в пору мучительного рождения нового мира ощущением рождения нового, «шестого» человеческого чувства, которое помогло бы стихи — фрагменты античного, средневекового, восточного, китайского, русского мира сложить в грандиозную картину бытия и осмыслить связь времен и пространств, свидетельствуют, что в голове их создателя «кое-что было». И, может быть, «Заблудившийся трамвай», как значимо и символично

назвал поэт одно из лучших своих произведений последних лет, нашел бы свои пути-рельсы. Пока же в нашем сознании Николай Гумилев более всего остался таким, каким представил себя сам в стихотворении «Мои читатели»:

Я не оскорбляю их неврастенией,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.

Николай Скатов

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее полное издание сочинений и писем Николая Степановича Гумилева — итог многолетнего изучения творческого наследия поэта. Вехами на этом пути явились четырехтомное Собрание сочинений под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (Вашингтон, 1962 — 1968), том «Стихотворений и поэм» в Большой серии «Библиотеки поэта» под редакцией М.Д. Эльзона (Л., 1988) и три тома «Сочинений», подготовленные Н.А. Богомоловым, Р.Л. Щербаковым, Е.Е. Степановым, Р.Д. Тименчиком (М., 1991). Многочисленные ценные материалы, дополняющие указанные издания, содержатся в публикациях, статьях и книгах М. Баскера, Н.А. Богомолова, В.В. Бронгулеева, В.Н. Вороновича, Ш. Греем, Ю.В. Зобнина, А.В. Лаврова, В.К. Лукницкой, В.П. Петрановского, А.К. Станюковича, Г.П. Струве, Р.Д. Тименчика, М.Д. Эльзона, а также в сборниках материалов научных конференций «Гумилевские чтения» (Вена, 1984), «Николай Гумилев: 1886 — 1986» (Беркли, 1986), «Н. Гумилев и русский Парнас» (Л., 1991), «Гумилевские чтения» (Спб., 1996) и в обширном томе «Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография», вышедшем под редакцией М.Д. Эльзона и Н.А. Грозновой в 1994 году.

Рукописи Гумилева рассредоточены по различным государственным и частным собраниям. Среди первых нужно прежде всего назвать Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ; Москва), Российскую государственную библиотеку (РГБ; Москва), Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук (ИРЛИ; Санкт-Петербург), а также Гуверовский институт (Стэнфорд, США). Среди частных собраний особо выделяется коллекция И.В. Платоновой-Лозинской (Санкт-Петербург). Следует также отметить собрания Н.Г. Князевой-Лесман (Санкт-Петербург) и А.К. Станюковича (Москва). Крупнейшее частное собрание рукописей и материалов, посвященных Гумилеву, — собрание П.Н. Лукницкого — в 1997 году передано В.К. и С.П.Лукницкими в Институт русской литературы. Разнородные гумилевские материалы (автографы произведений, письма, деловые заметки, документы и т.д.) находятся также в Российской национальной библиотеке (РНБ; Санкт-Петербург), Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА; Москва), Центральном государственном историческом архиве Петербурга (ЦГИАП).

Полное собрание сочинений и писем Н.С. Гумилева в 10 томах, издаваемое ныне Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук, является сводом всех известных к настоящему времени произведений

поэта. В издании приводятся в полном объеме первоначальные редакции художественных произведений, дается исчерпывающий свод вариантов — по черновым, промежуточным и беловым рукописям, корректурам, спискам, печатным источникам. В издание входят также все сохранившиеся административно-юридические документы, относящиеся к жизни Гумилева, важнейшие иконографические материалы, библиография изданий произведений поэта и литературы о нем.

В состав издания входят следующие материалы:

Тома 1—4. Стихотворения и поэмы.

Том 5. Художественная проза.

Том 6. Драматургия.

Том 7. Переводы.

Том 8. Литературно-критические статьи.

Том 9. Письма, инскрипты, рабочие и деловые записи.

Том 10. Административно-юридические документы. Библиография.

В томах 1—9 материал расположен в следующем общем порядке: полный свод стихотворных или прозаических текстов; другие редакции и варианты; комментарии. Принципы функционирования справочного аппарата особо оговариваются в специальных заметках, открывающих каждый раздел.

Общим принципом расположения произведений в каждом томе является хронологическая последовательность. Корпус текстов разделен на хронологические рубрики по годам. Законченные произведения размещаются согласно дате, соответствующей написанию первой редакции. Тексты, датированные приблизительно, располагаются после произведений, имеющих точные даты. При отсутствии авторской даты (Гумилев как правило не датировал свои произведения) и других точных документальных данных возможные отступления от хронологии обусловлены логикой творческой биографии автора. Авторские композиционно-текстовые образования (циклы, книги) не сохраняются, состав их приводится списком (с указанием номера данного произведения в томе) в статье, предваряющей комментарий, и в алфавитном указателе.

Тексты произведений приводятся по последней прижизненной авторской редакции. Немногочисленные исключения особо оговариваются в комментариях к тексту. При установлении основного текста соблюдается как правило приоритет авторской публикации над автографом и списком, а также приоритет авторского документа над посмертной публикацией (если источник последней не сохранился). Даты под текстами публикуются лишь в том случае, если они имеются в источнике публикации. Тексты печатаются по современной орфографии с сохранением тех морфологических, лексических и графических особенностей, которые имеют смысловое, стилистическое, орфоэпическое или интонационное значение.

В раздел «Другие редакции и варианты» входят авторские версии текстов, отличные от той, которая в качестве окончательной помещается в основном корпусе. При установлении отличия учитываются любые отступления от оконча-

тельного варианта — вплоть до пунктуационных и графических, за исключением очевидных ошибок (описок или опечаток). За минимальную единицу при указании вариативности приняты: заглавие, подзаголовок, посвящение, стих, предложение. При вариантности подавляющего большинства стихов (предложений) в отдельных версиях текста, таковая признается другой редакцией и помещается в данном разделе целиком.

Раздел «Комментарии» начинается с вводной статьи, в которую включены необходимые сведения биографического и историко-литературного характера, относящиеся к данному периоду творчества Гумилева; приводится состав авторских книг и циклов, а также данные об истории их создания; излагаются важнейшие критические и научно-исследовательские оценки.

Комментарии к каждому произведению содержат библиографические, текстологические сведения, а также пояснения малоизвестных реалий. Библиографический отдел комментаторской статьи охватывает издания с 1902 по 1996 гг. Библиография прижизненных изданий дается в хронологическом порядке, источник текста настоящего издания выделяется шрифтом. В случае, если данный текст при жизни автора не публиковался, источник его указывается с помощью формулы «Печ. по...». Библиография посмертных изданий состоит из нескольких перечней в хронологической последовательности: отдельные издания, сборники и альманахи; журналы; газеты. Специально оговаривается наличие существенных особенностей публикации. Названия большинства изданий даются в сокращении (список сокращений, использованных в каждом томе, заключает раздел комментариев). Информация о наличии автографов данного текста включает в себя указание на их местонахождение, палеографическое описание (в необходимых случаях), наличие вариативных фрагментов (при имеющейся авторской правке приводятся исключенные фрагменты). Приблизительная датировка сопровождается ссылкой на ее источник. Указываются известные в настоящее время переводы на иностранные языки. Историко-литературный комментарий включает в себя характеристику наиболее значительных критических и теоретико-литературных работ, относящихся к данному произведению. Поясняются в соответствии с контекстом малоизвестные имена, понятия, личные имена, названия, цитаты (явные и скрытые), реминисценции и т.п., дается перевод иноязычных текстов.

Каждый том завершается алфавитным указателем произведений.

Возможные оригинальные особенности композиции и справочного аппарата каждого отдельного тома оговариваются особо в заключительной части вводной статьи и заметках, предваряющих разделы.

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

1902 — 1910

1902—1903

1

Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь молиться я готов,
Рыдать, как прежде не рыдал.

Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:
Свет беспощадный, свет слепой
Мой выпил мозг, мне выжег грудь.

Я грешник страшный, я злодей:
Мне Бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей,
Но растоптал я идеал...

Я мог бороться, но, как раб,
Позорно струсив, отступил
И, говоря: «Увы, я слаб!» —
Свои стремленья задавил...

Я грешник страшный, я злодей...
Прости, Господь, прости меня.
Душе измученной моей
Прости, раскаянье ценя!..

Есть люди с пламенной душой,
Есть люди с жаждою добра,
Ты им вручи свой стяг святой,
Их манит и влечет борьба.
Меня ж прости!..

2

Я вечернею порою над заснувшею рекою,
Полон дум необъяснимых, всеми кинутый, брожу.
Точно дух ночной блуждаю, встречи радостной не знаю,
Одиночества дрожу.

Слышу прошлые мечтанья, и души моей страданья
С новой силой, с новой злобой у меня в груди встают.
С ними я окончил дело, сердце знать их не хотело,
Но они его гнетут.

Нет, довольно мне страданий, больше сладких упований
Не хочу я, и в бесстрастье погрузиться я хочу.
Дайте прошлому забвенье, к настоящему презренье,
И я в небо улечу.

Но напрасны все усилья, тесно связанные крылья
Унести меня не могут с опостылевшей земли,
Как и все мои мечтанья, мои прежние страданья
Позабыться не могли.

3. ПОСВЯЩЕНИЕ К СБОРНИКУ «ГОРЫ И УЩЕЛЬЯ»

I

Люблю я чудный горный вид,
Остроконечные вершины,
Где каждый лишний шаг грозит
Несвоевременной кончиной.

II

Люблю над пропастью глухой
Простором дали любоваться
Или неверною тропой
Всё выше-выше подниматься.

III

В горах мне люб и Божий свет,
Но люб и смерти миг единый!
Не заманить меня вам, нет,
В пустые, скучные долины.

4

У скалистого ущелья
Одинокий я стоял,
Предо мной поток нагорный
И клубился, и сверкал.

Из-за туч, кроваво-красна,
Светит полная луна,
И в волнах потока мутных
Отражается она.

И какие-то виденья
Всё встают передо мной,
То над волнами потока,
То над пропастью глухой.

Ближе, ближе подлетают.
Наконец — о, страшный вид! —
Пред смущенными очами
Вереница их стоит.

И как вглядываюсь ближе,
Боже, в них я узнаю
Свои прежние мечтанья,
Молодую жизнь свою.

И все прошлые желанья,
И избыток свежих сил,
Всё, что с злобой беспощадной
В нас дух века загубил.

Всё, что продал я, прельстившись
На богатство и почет,
Всё теперь виденьем грозным
Предо мною предстает.

Полон грусти безотрадной,
Я рыдаю, и в горах
Эхо громко раздается,
Пропадая в небесах.

5. МОЛОДОЙ ФРАНЦИСКАНЕЦ

I

Младой францисканец безмолвно сидит,
Объятый бесовским волненьем.
Он книгу читает, он в книге чертит,
И ум его полон сомненьем.

И кажется тесная келья ему
Унылей, угрюмее гроба,
И скучно, и страшно ему одному,
В груди подымается злоба.

Он мало прожил, мало знает он свет,
Но чудные знает преданья
О страшных влияньях могучих планет,
О тайнах всего мирозданья.

Но всё опостылело в жизни ему
Без горя и радостей света.
Так в небе, внезапно прорезавши тьму,
Мелькает златая комета,

И, после себя не оставив следа,
В пространстве небес исчезает,
Так полная сил молодая душа
Бесплодно в стенах изнывает.

Младой францисканец безмолвно сидит,
Главу уронивши на руки,

Он книгу отбросил и в ней не чертит,
Исполнен отчаянной муки.

«Нет, полно, — вскричал он, — начну жить и я,
Без радостей жизнь да не вянет.
Пускай замолчит моей грусти змея
И сердце мне грызть перестанет.

Бегу из монашеских душных я стен,
Как вор, проберуся на волю,
И больше, о нет, не сменяю на плен
Свободную, новую долю».

II

Суров инквизитор великий сидит,
Теснятся кругом кардиналы,
И юный преступник пред ними стоит,
Свершивший проступок немалый.

Он бегство затеял из монастыря
И пойман был с явной уликой,
Но с сердцем свободным, отвагой горя,
Стоит он, бесстрашный, великий.

Вот он пред собраньем ведет свою речь,
И судьи, смутяся, робеют,
И стража хватается гневно за меч,
И сам инквизитор бледнеет.

«Судить меня смеют, и кто же, рабы!
Прислужники римского папы
Надменно и дерзко решают судьбы
Того, кто попался им в лапы.

Ну что ж! Осудите меня на костер,
Хвалитеся мощью своею!
Но знайте, что мой не померкнется взор,
Что я не склоню свою шею!

И смерть моя новых борцов привлечет,
Сообщников дерзких, могучих;
Настанет и вашим несчастьям черед!
Над вами сбираются тучи!

Я слышал: в далеких германских лесах,
Где всё еще глухо и дико,
Поднялся один благородный монах,
Правдивою злобой великий.

Любовию к жизни в нем сердце горит!
Он юности ведает цену!
Блаженства небес он людям не сулит
Земному блаженству в замену!

А вы! Ваше время давно отошло!
Любви не вернете народа,
Да здравствует свет, разгоняющий зло!
Да здравствует наша свобода!

Прощайте! Бесстрашно на казнь я иду.
Над жизнью моею вы вольны,
Но речи от сердца сдержать не могу,
Пускай ею вы недовольны».

6

Вам, кавказские ущелья,
Вам, причудливые мхи,
Посвящаю песнопенья,
Мои лучшие стихи.

Как и вы, душа угрюма,
Как и вы, душа мрачна,
Как и вы, не любит шума,
Ее манит тишина.

Буду помнить вас повсюду,
И хоть я в чужом краю,
Но о вас я не забуду
И теперь о вас пою.

7

На сердце песни, на сердце слезы,
Душа страданьями полна.
В уме мечтанья, пустые грезы
И мрак отчаянья без дна.

Когда же сердце устанет биться,
Грудь наболевшая замрет,
Когда ж покоем мне насладиться
В сырой могиле придет черед?

8

В шумном вихре юности цветущей
Жизнь свою безумно я сжигал,
День за днем, стремительно бегущий,
Отдохнуть, очнуться не давал.

Жить как прежде больше не могу я,
Я брожу как охладелый труп,
Я томлюсь по ласке поцелуя,
Поцелуя милых женских губ.

9

Злобный гений, царь сомнений,
Ты опять ко мне пришел,
И, желаньем утомленный, потревоженный и сонный,
Я покой в тебе обрел.

Вечно жить среди мучений, среди тягостных сомнений —
Это сильных идеал.
Ничего не созидая, ненавидя, презирая
И блистая, как кристалл.

Назади мне слышны стоны, но свободный, обновленный,
Торжествующая пошлость, я давно тебя забыл;
И, познавши отрицанье, я живу, как царь созданья
Средь отвергнутых могил.

10

Много в жизни моей я трудов испытал,
Много вынес и тяжких мучений,
Но меня от отчаянья часто спасал
Благодатный, таинственный гений.

Я не раз в упоеньи великой борьбы
Побеждаем был вражеской силой
И не раз под напором жестокой судьбы
Находился у края могилы.

Но отчаянья не было в сердце моем,
И надежда мне силы давала.
И я бодро стремился на битву с врагом,
На борьбу против злого начала.

А теперь я, наскучив тяжелой борьбой,
Безмятежно свой век доживаю,
Но меня тяготит мой позорный покой,
И по битве я часто вздыхаю.

Чудный гений надежды давно отлетел,
Отлетели и светлые грезы,
И осталися трусости жалкой в удел
Малодушно-холодные слезы.

11

Я всю жизнь отдаю для великой борьбы,
Для борьбы против мрака насилья и тьмы.
Но увы! окружают меня лишь рабы.
Недоступные светлым идеям умы.

Они или холодной насмешкой своей,
Или трусостью рабской смущают меня,
И живу я во мраке не видя лучей
Благодатного, ясного, светлого дня.

Но меня не смутить, я пробьюся вперед
От насилья и мрака к святому добру,
И, завидев светила свободы восход,
Я спокоен умру.

12

Во мраке безрадостном ночи,
Душевной больной пустоты
Мне светят лишь дивные очи
Ее неземной красоты.

За эти волшебные очи
Я с радостью, верь, отдаю
Мое наболевшее сердце,
Усталую душу мою.

За эти волшебные очи
Я смело в могилу сойду,
И первое, лучшее счастье
В могиле сырой я найду.

А очи, волшебные очи
Так грустно глядят на меня,
Исполнены тайной печали,
Исполнены силой огня.

Напрасно родятся мечтанья,
Напрасно волнуется кровь.
Могу я внушить сострадание,
Внушить не могу я любовь.

Летит равнодушное время
И быстро уносится вдаль,
А в сердце холодное бремя,
И душу сжигает печаль.

Стихотворенія

Николая Гумилева.

13.

М.М.М.

Я песни слагаю во славу твою
Затем, что тебя я безумно люблю,
   Затем, что меня ты не любишь.
Я вечно страдаю и вечно грущу,
Но, друг мой прекрасный, тебя я прощу
   За то, что меня ты погубишь.
Так раненный в сердце шипом соловей
О розе-убийце поет всё нежней
   И плачет в тоске безнадежной,
А роза, склонясь меж зеленой листвы,
Смеется над скорбью его, как и ты,
   О друг мой, прекрасный и нежный.

14

С тобой я буду до зари,
Наутро я уйду
Искать, где спрятались цари,
Лобзавшие звезду.

У тех царей лазурный сон
Заткал лучистый взор;
Они — заснувший небосклон
Над мраморностью гор.

Сверкают в золоте лучей
Их мантий багрецы,
И на сединах их кудрей
Алмазные венцы.

И их мечи вокруг лежат
В каменьях дорогих,
Их чутко гномы сторожат
И не уйдут от них.

Но я приду с мечом своим;
Владеет им не гном!
Я буду вихрем грозовым,
И громом, и огнем!

Я тайны выпытаю их,
Все тайны дивных снов,
И заключу в короткий стих,
В оправу звонких слов.

Промчится день, зажжет закат,
Природа будет храм,
И я приду, приду назад
К отворенным дверям.

С тобою встретим мы зарю,
Наутро я уйду
И на прощанье подарю
Добытую звезду.

15. ПЕСНЬ ЗАРАТУСТРЫ

Юные, светлые братья
Силы, восторга, мечты,
Вам раскрываю объятья,
Сын голубой высоты.

Тени, кресты и могилы
Скрылись в загадочной мгле,
Свет воскресающей силы
Властно царит на земле.

Кольца роскошные мчатся,
Ярок восторг высоты;
Будем мы вечно встречаться
В вечном блаженстве мечты.

Жаркое солнце поэта
Блещет, как звонкая сталь.
Горе не знающим света!
Горе обнявшим печаль!

16. CREDO

Откуда я пришел, не знаю...
Не знаю я, куда уйду,
Когда победно отблистаю
В моем сверкающем саду.

Когда исполнюсь красотою,
Когда наскучу лаской роз,
Когда запросится к покою
Душа, усталая от грез.

Но я живу, как пляска теней
В предсмертный час больного дня,
Я полон тайною мгновений
И красной чарою огня.

Мне всё открыто в этом мире —
И ночи тень, и солнца свет,
И в торжествующем эфире
Мерцанье ласковых планет.

Я не ищу больного знанья,
Зачем, откуда я иду;
Я знаю, было там сверканье
Звезды, лобзающей звезду.

Я знаю, там звенело пенье
Перед престолом красоты,
Когда сплетались, как виденья,
Святые белые цветы.

И, жарким сердцем веря чуду,
Поняв воздушный небосклон,
В каких пределах я ни буду,
На всё наброшу я свой сон.

Всегда живой, всегда могучий,
Влюбленный в чары красоты.
И вспыхнет радуга созвучий
Над царством вечной пустоты.

17. ОССИАН

По небу бродили свинцовые, тяжкие тучи,
Меж них багровела луна, как смертельная рана.
Зеленого Эрина воин, Кухулин могучий
Упал под мечом короля океана, Сварана.

Зловеще рыдали сивиллы седой заклинанья,
Вспенённое море вставало и вновь опадало,
И встретил Сваран исступленный, в грозе ликованья
Героя героев, владыку пустыни, Фингала.

Схватились и ходят, скользя на росистых утесах,
Друг другу ломая медвежьи упругие спины,
И слушают вести от ветров протяжноголосых
О битве великой в великом испуге равнины.

Когда я устану от ласковых слов и объятий,
Когда я устану от мыслей и дел повседневных,
Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий
Я вижу на холме героев суровых и гневных.

18. ПЕСНЯ О ПЕВЦЕ И КОРОЛЕ

Мой замок стоит на утесе крутом
В далеких, туманных горах,
Его я воздвигнул во мраке ночном,
С проклятьем на бледных устах.

В том замке высоком никто не живет,
Лишь я его гордый король,
Да ночью спускается с диких высот
Жестокий, насмешливый тролль.

На дальнем утесе, труслив и смешон,
Он держит коварную речь,
Но чует, что меч для него припасен,
Не знающий жалости меч.

Однажды сидел я в порфире златой,
Горел мой алмазный венец —
И в дверь постучался певец молодой,
Бездомный, бродячий певец.

Для всех, кто отвагой и силой богат,
Отворены двери дворца;
В пурпуровой зале я слушать был рад
Безумные речи певца.

С красивою арфой он стал недвижим,
Он звякнул дрожащей струной,
И дико промчалась по залам моим
Гармония песни больной.

«Я шел один в ночи беззвездной
В горах с уступа на уступ
И увидал над мрачной бездной,
Как мрамор белый, женский труп.

Влачились змеи по уступам,
Угрюмый рос чертополох,
И над красивым женским трупом
Бродил безумный скоморох.

И, смерти дивный сон тревожа,
Он бубен потрясал в руке,
Над миром девственного ложа
Плясал в дурацком колпаке.

Едва звенели колокольца,
Не отдаваяся в горах,
Дешевые сверкали кольца
На узких, сморщенных руках.

Он хохотал, смешной, беззубый,
Скача по сумрачным холмам,
И прижимал больные губы
К холодным девичьим губам.

И я ушел, унес вопросы,
Смущая ими божество,
Но выше этого утеса
Не видел в мире ничего».

Я долее слушать безумца не мог,
Я поднял сверкающий меч,
Певцу подарил я кровавый цветок
В награду за дерзкую речь.

Цветок зазиял на высокой груди,
Красиво горящий багрец...
«Безумный певец, ты мне страшен, уйди».
Но мертвенно бледен певец.

Порвалися струны, протяжно звеня,
Как арфу его я разбил,
За то, что он плакать заставил меня,
Властителя гордых могил.

Как прежде, в туманах не видно луча,
Как прежде, скитается тролль,
Он, бедный, не знает, боясь меча,
Что властный рыдает король.

По-прежнему тих одинокий дворец,
В нем трое, в нем трое всего:
Печальный король, и убитый певец,
И дикая песня его.

19. ДЕВА СОЛНЦА

Марианне Дмитриевне Поляковой

I

Могучий царь суров и гневен,
Его лицо мрачно, как ночь,
Толпа испуганных царевен
Бежит в немом смятеньи прочь.

Вокруг него сверкает злато,
Алмазы, пурпур и багрец,
И краски алого заката
Румянят мраморный дворец.

Он держит речь в высокой зале
Толпе разряженных льстецов,
В его глазах сверканье стали,
А в речи гул морских валов.

Он говорит: «Еще ребенком
В глуши окрестных деревень
Я пеньем радостным и звонким
Встречал веселый, юный день.

Я пел и солнцу и лазури,
Я плакал в ужасе глухом,
Когда безжалостные бури
Царили в небе голубом.

Явилась юность — праздник мира,
В моей груди кипела кровь,
И в блеске солнечного пира
Я увидал мою любовь.

Она во сне ко мне слетала,
И наклонялася ко мне,
И речи дивные шептала
О золотом, лазурном дне.

Она вперед меня манила,
Роняла белые цветы,
Она мне двери отворила
К восторгам сладостной мечты.

И чтобы стать ее достойным,
Вкусить божественной любви,
Я поднял меч к великим войнам,
Я плавал в злате и крови.

Я стал властителем вселенной,
Я Божий бич, я Божий глас,
Я царь жестокий и надменный,
Но лишь для вас, о, лишь для вас.

А для нее я тот же страстный
Любовник вечно молодой,
Я тихий гимн луны, согласной
С бесстрастно блещущей звездой.

Рабы, найдите Деву Солнца
И приведите мне, царю,
И все дворцы, и все червонцы,
И земли все я вам дарю».

Он замолчал, и все мятутся,
И отплывают корабли,
И слуги верные несутся,
Спешат во все концы земли.

II

И солнц и лун прошло так много,
Печальный царь, томяся, ждет,
Он жадно смотрит на дорогу,
Склонясь у каменных ворот.

Однажды солнце догорало
И тихо теплились лучи,
Как песни вышнего хорала,
Как рати ангельской мечи.

Гонец примчался запыленный,
За ним сейчас еще другой,
И царь, горящий и влюбленный,
С надеждой смотрит пред собой.

Как звуки райского напева,
Он ловит быстрые слова:
«Она живет, святая дева...
О ней уже гремит молва...

Она пришла к твоим владеньям,
Она теперь у этих стен,
Ее народ встречает пеньем
И преклонением колен».

И царь навстречу деве мчится,
Охвачен страстною мечтой,
Но вьется траурная птица
Над венценосной головой.

Он видит деву, блеск огнистый
В его очах пред ней потух,
Пред ней, такой невинной, чистой,
Стыдливо-трепетной, как дух.

Лазурных глаз не потупляя,
Она идет, сомкнув уста,
Как дева пламенного рая,
Как солнца юная мечта.

Одежды легкие, простые
Покрыли матовость плечей,
И нежит кудри золотые
Венок из солнечных лучей.

Она идет стопой воздушной,
Глаза безмерно глубоки,
Она вплетает простодушно
В венок степные васильки.

Она не внемлет гласу бури,
Она покинула дворцы,
Пред ней рассыпались в лазури
Степных закатов багрецы.

Ее душа мечтой согрета,
Лазурность манит впереди,
И волны ласкового света
В ее колышутся груди.

Она идет перед народом,
Она скрывается вдали,
Так солнце клонит лик свой к водам,
Забыв о горестях земли.

И гордый царь опять остался
Безмолвно-бледен и один,
И кто-то весело смеялся
Бездонной радостью глубин.

Но глянул царь орлиным оком
И издал он могучий глас,
И кровь пролилася потоком,
И смерть, как буря, пронеслась.

Он как гроза, он гордо губит
В палящем зареве мечты,
За то, что он безмерно любит
Безумно-белые цветы.

Но дремлет мир в молчаньи строгом,
Он знает правду, знает сны,
И Смерть, и Кровь даны нам Богом
Для оттененья Белизны.

20. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Осенней неги поцелуй
Горел в лесах звездою алой,
И песнь прозрачно-звонких струй
Казалась тихой и усталой.

С деревьев падал лист сухой,
То бледно-желтый, то багряный,
Печально плача над землей
Среди росистого тумана.

И солнце пышное вдали
Мечтало снами изобилья
И целовало лик земли
В истоме сладкого бессилья.

А вечерами в небесах
Горели алые одежды
И, обагренные, в слезах,
Рыдали Голуби Надежды.

Летя в безмирной красоте,
Сердца к далекому манили
И созидали в высоте
Венки воздушно-белых лилий.

И осень та была полна
Словами жгучего напева,
Как плодоносная жена,
Как прародительница Ева.

*

В лесу, где часто по кустам
Резвились юные дриады,
Стоял безмолвно-строгий храм,
Маня покоем колоннады.

И белый мрамор говорил
О царстве Вечного Молчанья
И о полете гордых крыл
Неверно-тяжких, как рыданье.

А над высоким алтарем
В часы полуночных видений
Сходились, тихие, вдвоем
Две золотые девы-тени.

В объятьях ночи голубой,
Как розы радости мгновенны,
Они шептались меж собой
О тайнах Бога и вселенной.

Но миг, и шепот замолкал,
Как звуки тихого аккорда,
И белый мрамор вновь сверкал
Один, задумчиво и гордо.

И иногда, когда с небес
Слетит вечерняя прохлада,
Покинув луг, цветы и лес,
Шалила юная дриада.

Входила тихо, вся дрожа,
Залита сумраком багряным,

Свой белый пальчик приложа
К устам душистым и румяным.

На пол, горячий от луча,
Бросала пурпурную розу
И убегала, хохоча,
Любя свою земную грезу.

Ее влечет ее стезя
Лесного, радостного пенья,
А в этом храме быть нельзя
Детям греха и наслажденья.

И долго роза на полу
Горела пурпурным сияньем
И наполняла полумглу
Сребристо-горестным рыданьем.

Когда же мир, восстав от сна,
Сверкал улыбкою кристалла,
Она, печальна и одна,
В безмолвном храме умирала.

*

Когда ж вечерняя заря
На темном небе угасает
И на ступени алтаря
Последний алый луч бросает,

Пред ним склоняется одна,
Одна, желавшая напева
Или печальная жена,
Или обманутая дева.

Кто знает мрак души людской,
Ее восторги и печали?
Они эмалью голубой
От нас закрытые скрижали.

Кто объяснит нам, почему
У той жены всегда печальной
Глаза являют полутьму,
Хотя и кроют отблеск дальний?

Зачем высокое чело
Дрожит морщинами сомненья
И меж бровями залегло
Веков тяжелое томленье?

И улыбаются уста
Зачем загадочно и зыбко?
И страстно требует мечта,
Чтоб этой не было улыбки?

Зачем в ней столько тихих чар?
Зачем в очах огонь пожара?
Она для нас больной кошмар
Иль правда, горестней кошмара.

Зачем в отчаяньи мечты,
Она склонилась на ступени?
Что надо ей от высоты
И от воздушно-белой тени?

Не знаем! Мрак ночной глубок,
Мечта — пожар, мгновенья — стоны;
Когда ж забрезжится восток
Лучами жизни обновленной?

*

Едва трепещет тишина,
Смеясь эфирным синим волнам,
Глядит печальная жена
В молчанье строгом и безмолвном.

Небес далеких синева
Твердит неясные упреки,
В ее душе зажглись слова
И манят огненные строки.

Они звенят, они поют
Так заклинательно и строго:
«Душе измученной приют
В чертогах Радостного Бога;

Но Дня Великого покров
Не для твоих бессильных крылий,
Ты вся пока во власти снов,
Во власти тягостных усилий.

Ночная, темная пора
Тебе дарит свою усладу,
И в ней живет твоя сестра —
Беспечно-юная дриада.

И ты еще так любишь смех
Земного, алого покрова,
И ты вплетаешь яркий грех
В гирлянды неба голубого.

Но если ты желаешь Дня
И любишь лучшую отраду,
Отдай объятиям огня
Твою сестру, твою дриаду.

И пусть она сгорит в тебе
Могучим, радостным гореньем,
Молясь всевидящей судьбе,
Ее покорствуя веленьям.

И будет твой услышан зов,
Мольба не явится бесплодной,
Уйдя от радости лесов,
Ты будешь божески свободной».

И душу те слова зажгли,
Горели огненные стрелы,
И алый свет, и свет земли
Предстал, как свет воздушно-белый.

*

Песня Дриады

Я люблю тебя, принц огня,
Так восторженно, так маняще,
Ты зовешь, ты зовешь меня
Из лесной, полуночной чащи.

Хоть в ней сны золотых цветов
И рассказы подруг приветных,
Но ты знаешь так много слов,
Слов любовных и беззаветных.

Как горит твой алый камзол,
Как сверкают милые очи,
Я покину родимый дол,
Я уйду от лобзаний ночи.

Так давно я ищу тебя,
И ко мне ты стремишься тоже,

Золотая звезда, любя,
Из лучей нам постелет ложе.

Ты возьмешь в объятья меня,
И тебя, тебя обниму я,
Я люблю тебя, принц огня,
Я хочу и жду поцелуя.

*

Цветы поют свой гимн лесной,
Детям и ласточкам знакомый,
И под развесистой сосной
Танцуют маленькие гномы.

Горит янтарная смола,
Лесной дворец светло пылает,
И голубая полумгла
Вокруг, как бабочка, порхает.

Жених, как радостный костер,
Горит, могучий и прекрасный,
Его сверкает гордый взор,
Его камзол пылает красный.

Цветы пурпурные звенят:
«Давайте места, больше места,
Она идет, краса дриад,
Стыдливо-белая невеста».

Она, прекрасна и тиха,
Не внемля радостному пенью,
Идет в объятья жениха
В любовно-трепетном томленьи.

От взора ласковых цветов
Их скрыла алая завеса,
Довольно песен, грез и снов
Среди лазоревого леса.

Он совершен, великий брак,
Безумный крик всемирных оргий!
Пускай леса оденет мрак,
В них было счастье и восторги.

*

Да, много, много было снов
И струн восторженно звенящих
Среди таинственных лесов,
В их голубых, веселых чащах.

Теперь открылися миры
Жене божественно-надменной,
Взамен угаснувшей сестры
Она узнала сон вселенной.

И, в солнца ткань облечена,
Она великая святыня,
Она не бледная жена,
Но венценосная богиня.

В эфире радостном блестя,
Катятся волны мировые,
А в храме Белое Дитя
Творит святую литургию.

И Белый Всадник кинул клик,
Скача порывисто-безумно,
Что миг настал, великий миг,
Восторг предмирный и бездумный.

Уж звон копыт затих вдали,
Но вечно радостно мгновенье!
...И нет дриады, сна земли,
Пред ярким часом пробужденья.

21. СКАЗКА О КОРОЛЯХ

«Мы прекрасны и могучи,
Молодые короли,
Мы парим, как в небе тучи,
Над миражами земли.

В вечных песнях, в вечном танце
Мы воздвигнем новый храм.
Пусть пьянящие багрянцы
Точно окна будут нам.

Окна в Вечность, в лучезарность,
К берегам Святой Реки,
А за нами пусть Кошмарность
Создает свои венки.

Пусть терзают иглы терний
Лишь усталое чело,
Только солнце в час вечерний
Наши кудри греть могло.

Ночью пасмурной и мглистой
Сердца чуткого не мучь;
Грозовой иль золотистой
Будь же тучей между туч».

*

Так сказал один влюбленный
В песни солнца, в счастье мира,

Лучезарный, как колонны
Просветленного эфира.

Словом вещим, многодумным
Пытку сердца успокоив,
Но смеялись над безумным
Стены старые покоев.

Сумрак комнат издевался,
Бледно-серый и угрюмый,
Но другой король поднялся
С новым словом, с новой думой.

Его голос был так страстен,
Столько снов жило во взоре,
Он был трепетен и властен,
Как стихающее море.

Он сказал: «Индийских тканей
Не постигнуты узоры,
В них несдержанность желаний,
Нам неведомые взоры.

Бледный лотус под луною
На болоте, мглой одетом,
Дышит тайною одною
С нашим цветом, с белым цветом.

И в безумствах теокалли
Что-то слышится иное,
Жизнь без счастья, без печали
И без бледного покоя.

Кто узнает, что томится
За пределом наших знаний

И, как бледная царица,
Ждет мучений и лобзаний».

*

Мрачный всадник примчался на черном коне,
Он закутан был в бархатный плащ,
Его взор был ужасен, как город в огне,
И, как молния ночью, блестящ.

Его кудри, как змеи, вились по плечам,
Его голос был песней огня и земли,
Он балладу пропел молодым королям,
И балладе внимали, смутясь, короли.

*

«Пять могучих коней мне дарил Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Я увидел бездонность подземных пещер
И роскошных долин молодое лицо.

Принесли мне вина — струевого огня
Фея гор и властительно-пурпурный Гном,
Я увидел, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом.

И я понял восторг созидаемых дней,
Расцветающий гимн мирового жреца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.

Там, на высях сознанья, — безумье и снег...
Но восторг мой прожег голубой небосклон,
Я на выси сознанья направил свой бег
И увидел там деву, больную, как сон.

Ее голос был тихим дрожаньем струны,
В ее взоре сплетались ответ и вопрос,
И я отдал кольцо этой деве Луны
За неверный оттенок разбросанных кос.

И, смеясь надо мной, презирая меня,
Мои взоры одел Люцифер в полутьму,
Люцифер подарил мне шестого коня,
И Отчаянье было названье ему».

*

Голос тягостной печали,
Песней горя и земли,
Прозвучал в высоком зале,
Где стояли короли.

И холодные колонны
Неподвижностью своей
Оттеняли взор смущенный,
Вид угрюмых королей.

Но они вскричали вместе,
Облегчив больную грудь:
«Путь к Неведомой Невесте —
Наш единый верный путь.

Полны влагой наши чаши,
Так осушим их до дна,
Дева Мира будет нашей,
Нашей быть она должна!

Сдернем с радостной скрижали
Серый, мертвенный покров,
И раскрывшиеся дали
Нам расскажут правду снов.

Это верная дорога,
Мир иль наш, или ничей,
Правду мы возьмем у Бога
Силой огненных мечей».

*

По дороге их владений
Раздается звук трубы,
Голос царских наслаждений,
Голос славы и борьбы.

Их мечи из лучшей стали,
Их щиты как серебро,
И у каждого в забрале
Лебединое перо.

Все, надеждою крылаты,
Покидают отчий дом,
Провожает их горбатый
Старый, верный мажордом.

Верны сладостной приманке,
Они едут на закат,
И, смущаясь, поселянки
Долго им вослед глядят,

Видя только панцирь белый,
Звонкий, словно лепет струй,
И рукою загорелой
Посылают поцелуй.

*

По обрывам пройдет только смелый...
Они встретили Деву Земли,

Но она их любить не хотела,
Хоть и были они короли.

Хоть безумно они умоляли,
Но она их любить не могла,
Голубеющим счастьем печали
Молодых королей прокляла.

И больные, плакучие ивы
Их окутали тенью своей,
В той стране, безнадежно-счастливой,
Без восторгов, и снов, и лучей.

И венки им сплетали русалки
Из фиалок и лилий морских,
И, смеясь, надевали фиалки
На склоненные головы их.

Ни один не вернулся из битвы...
Развалился прадедовский дом,
Где так часто святые молитвы
Повторял их горбун мажордом.

*

Краски алого заката
Гасли в сумрачном лесу,
Где измученный горбатый
За слезой ронял слезу.

Над покинутым колодцем
Он шептал свои слова,
И бесстыдно над уродцем
Насмехалася сова.

«Горе! Умерли русалки,
Удалились короли,
Я, беспомощный и жалкий,
Стал властителем земли.

Прежде я беспечно прыгал,
Царский я любил чертог,
А теперь сосновых игол
На меня надет венок.

А теперь в моем чертоге
Так пустынно ввечеру;
Страшно в мире.. страшно, боги...
Помогите... я умру...»

Над покинутым колодцем
Он шептал свои слова,
И бесстыдно над уродцем
Насмехалася сова.

22

Когда из темной бездны жизни
Мой гордый дух летел, прозрев,
Звучал на похоронной тризне
Печально-сладостный напев.

И в звуках этого напева,
На мраморный склоняясь гроб,
Лобзали горестные девы
Мои уста и бледный лоб.

И я из светлого эфира,
Припомнив радости свои,
Опять вернулся в грани мира
На зов тоскующей любви.

И я раскинулся цветами,
Прозрачным блеском звонких струй,
Чтоб ароматными устами
Земным вернуть их поцелуй.

23. ЛЮДЯМ НАСТОЯЩЕГО

Для чего мы не означим
Наших дум горячей дрожью,
Наполняем воздух плачем,
Снами, смешанными с ложью.

Для того ль, чтоб бесполезно,
Без блаженства, без печали
Между Временем и Бездной
Начертить свои спирали.

Для того ли, чтоб во мраке,
Полном снов и изобилья,
Бросить тягостные знаки
Утомленья и бессилья.

И когда сойдутся в храме
Сонмы радостных видений,
Быть тяжелыми камнями
Для грядущих поколений.

24. ЛЮДЯМ БУДУЩЕГО

Изда́вна люди уважали
Одно старинное звено,
На их написано скрижали:
Любовь и Жизнь — одно.
Но вы не люди, вы живете,
Стрелой мечты вонзаясь в твердь,
Вы слейте в радостном полете
Любовь и Смерть.

Издавна люди говорили,
Что все они рабы земли
И что они, созданья пыли,
Родились и умрут в пыли.
Но ваша светлая беспечность
Зажглась безумным пеньем лир.
Невестой вашей будет Вечность,
А храмом — мир.

Все люди верили глубоко,
Что надо жить, любить шутя
И что жена — дитя порока,
Стократ нечистое дитя.
Но вам бегущие годины
Несли иной, нездешний звук,
И вы возьмете на Вершины
Своих подруг.

25. ПРОРОКИ

И ныне есть еще пророки,
Хотя упали алтари,
Их очи ясны и глубоки
Грядущим пламенем зари.

Но им так чужд призыв победный,
Их давит власть бездонных слов,
Они запуганы и бледны
В громадах каменных домов.

И иногда в печали бурной
Пророк, не признанный у нас,
Подъемлет к небу взор лазурный
Своих лучистых, ясных глаз.

Он говорит, что он безумный,
Но что душа его свята,
Что он, в печали многодумной,
Увидел светлый лик Христа.

Мечты Господни многооки,
Рука Дающего щедра,
И есть еще, как он, пророки —
Святые рыцари добра.

Он говорит, что мир не страшен,
Что он Зари Грядущей князь...
Но только духи темных башен
Те речи слушают, смеясь.

26. НА МОТИВЫ ГРИГА

Кричит победно морская птица
Над вольной зыбью волны фиорда,
К каким пределам она стремится?
О чем ликует она так гордо?

Холодный ветер, седая сага
Так властно смотрят из звонкой песни,
И в лунной грезе морская влага
Еще прозрачней, еще чудесней.

Родятся замки из грезы лунной,
В высоких замках тоскуют девы,
Златые арфы так многострунны,
И так маняще звучат напевы.

Но дальше песня меня уносит,
Я всей вселенной увижу звенья,
Мое стремленье иного просит,
Иных жемчужин, иных каменьев.

Я вижу праздник веселый, шумный,
В густых дубравах ликует эхо,
И ты приходишь мечтой бездумной,
Звеня восторгом, пылая смехом.

А на высотах, столь совершенных,
Где чистых лилий сверкают слезы,
Я вижу страстных среди блаженных,
На горном снеге алеют розы.

И где-то светит мне образ бледный,
Всегда печальный, всегда безмолвный...
...Но только чайка кричит победно
И гордо плещут седые волны.

27. ОСЕНЬ

По узкой тропинке
Я шел, упоенный мечтою своей,
И в каждой былинке
Горело сияние чьих-то очей.

Сплеталися травы,
И медленно пели и млели цветы,
Дыханьем отравы
Зеленой, осенней светло залиты.

И в счастье обмана
Последних холодных и властных лучей
Звенел хохот Пана
И слышался говор нездешних речей.

И девы-дриады,
С кристаллами слез о лазурной весне,
Вкусили отраду,
Забывшись в осеннем, божественном сне.

Я знаю измену,
Сегодня я Пана ликующий брат.
А завтра одену
Из снежных цветов прихотливый наряд.

И грусть ледяная
Расскажет утихшим волненьем в крови
О счастье без рая,
Глазах без улыбки и снах без любви.

28

Иногда я бываю печален,
Я забытый, покинутый бог,
Созидающий в груде развалин
Старых храмов — грядущий чертог.

Трудно храмы воздвигнуть из пепла,
И бескровные шепчут уста:
Не навек ли сгорела, ослепла
Вековая, Святая Мечта.

И тогда надо мною неясно,
Где-то там, в высоте голубой,
Чей-то голос порывисто-страстный
Говорит о борьбе мировой.

«Брат усталый и бледный, трудися!
Принеси себя в жертву земле,
Если хочешь, чтоб горные выси
Загорелись в полуночной мгле.

Если хочешь ты яркие дали
Развернуть пред больными людьми,
Дни безмолвной и жгучей печали
В свое мощное сердце возьми.

Жертвой будь голубой, предрассветной...
В темных безднах беззвучно сгори...
...И ты будешь Звездою Обетной,
Возвещающей близость зари».

29

По стенам опустевшего дома
Пробегают холодные тени,
И рыдают бессильные гномы
В тишине своих новых владений.

По стенам, по столам, по буфетам
Все могли бы их видеть воочью,
Их, оставленных ласковым светом,
Окруженных безрадостной ночью.

Их больные и слабые тельца
Трепетали в тоске и истоме
С той поры, как не стало владельца
В этом прежде смеявшемся доме.

Сумрак комнат покинутых душен,
Тишина с каждым мигом печальней,
Их владелец был ими ж задушен
В темноте готической спальни.

Унесли погребальные свечи,
Отшумели прощальные тризны,
И остались лишь смутные речи
Да рыданья, полны укоризны.

По стенам опустевшего дома
Пробегают холодные тени,
И рыдают бессильные гномы
В тишине своих новых владений.

30. КРЫСА

Вздрагивает огонек лампадки,
В полутемной детской тихо, жутко,
В кружевной и розовой кроватке
Притаилась робкая малютка.

Что там? Будто кашель домового?
Там живет он, маленький и лысый...
Горе! Из-за шкафа платяного
Медленно выходит злая крыса.

В красноватом отблеске лампадки,
Поводя колючими усами,
Смотрит, есть ли девочка в кроватке,
Девочка с огромными глазами.

— Мама, мама! — Но у мамы гости,
В кухне хохот няни Василисы,
И горят от радости и злости,
Словно уголечки, глазки крысы.

Страшно ждать, но встать еще страшнее.
Где он, где он, ангел светлокрылый?
— Милый ангел, приходи скорее,
Защити от крысы и помилуй!

31. РАССВЕТ

Змей взглянул, и огненные звенья
Потянулись, медленно бледнея,
Но горели яркие каменья
На груди властительного Змея.

Как он дивно светел, дивно страшен!
Но Павлин и строг и непонятен,
Золотистый хвост его украшен
Тысячею многоцветных пятен.

Молчаливо ждали у преддверья;
Только ангел шевельнул крылами,
И посыпались из рая перья
Легкими, сквозными облаками.

Сколько их насыпалось, белея,
Словно снег над неокрепшей нивой!
И погасли изумруды Змея
И Павлина веерное диво.

Что нам в бледном утреннем обмане?
И Павлин, и Змей — чужие людям.
Вот они растаяли в тумане,
И мы больше видеть их не будем.

Мы дрожим, как маленькие дети,
Нас пугают времени налеты.
Мы пойдем молиться на рассвете
В ласковые мраморные гроты.

1904

32. РУСАЛКА

На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны,
Это странно-печальные сны
Мирового, больного похмелья.
На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны.

У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи,
Он блестит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат.
У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи.

Я люблю ее, деву-ундину,
Озаренную тайной ночной,
Я люблю ее взгляд заревой
И горящие негой рубины...
Потому что я сам из пучины,
Из бездонной пучины морской.

33. РАЗГОВОР

Я властительный и чудный
Пел печальной бледной деве:
«Видишь воздух изумрудный
В обольстительном напеве?

Посмотри, как быстро челны
Легкотканого обмана
Режут радостные волны
Мирового Океана.

Солнце жаркое в лазури
Так роскошно и надменно
Грезит негой, грезит бурей
Ослепительной вселенной.

И как голуби надежды,
Охранители святыни,
Духи в пурпурной одежде
Наполняют воздух синий.

И мы в ту войдем обитель,
Царство радостных видений,
Где я буду повелитель,
Вождь волшебных песнопений.

Озаренная напевом,
Ты полюбишь мира звенья,
Будешь радостною Евой
Для иного поколенья».

34

Был праздник веселый и шумный,
Они повстречалися раз...
Она была в неге безумной
С манящим мерцанием глаз.

А он был безмолвный и бледный,
Усталый от призрачных снов.
И он не услышал победный
Могучий и радостный зов.

Друг друга они не узнали
И мимо спокойно прошли,
Но звезды в лазури рыдали,
И где-то напевы звучали
О бледном обмане земли.

1905

35. РАССКАЗ ДЕВУШКИ

В вечерний час горят огни...
Мы этот час из всех приметим,
Господь, сойди к молящим детям
И злые чары отгони!

Я отдыхала у ворот
Под тенью милой, старой ели,
А надо мною пламенели
Снега неведомых высот.

И в этот миг с далеких гор
Ко мне спустился странник дивный,
В меня вперил он взор призывный,
Могучей негой полный взор.

И пел красивый чародей:
«Пойдем со мною на высоты,
Где кроют мраморные гроты
Огнем увенчанных людей.

Их очи дивно глубоки,
Они прекрасны и воздушны,
И духи неба так послушны
Прикосновеньям их руки.

Мы в их обители войдем
При звуках светлого напева,
И там ты будешь королевой,
Как я — могучим королем.

О, пусть ужасен голос бурь
И страшны лики темных впадин,
Но горный воздух так прохладен
И так пленительна лазурь».

И эта песня жгла мечты,
Дарила волею мгновенья
И наряжала сновиденья
В такие яркие цветы.

Но тих был взгляд моих очей,
И сердце, ждущее спокойно,
Могло ль прельститься цепью стройной
Светло чарующих речей.

И дивный странник отошел,
Померкнул в солнечном сиянье,
Но внятно-тяжкое рыданье
Мне повторял смущенный дол.

В вечерний час горят огни...
Мы этот час из всех приметим,
Господь, сойди к молящим детям
И злые чары отгони.

36. СОНЕТ

Как конкиста́дор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растет туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конкистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца,
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

37. ОГОНЬ

Я не знаю, что живо, что нет,
Я не ведаю грани ни в чем...
Жив играющий молнией гром —
Живы гроздья планет...

И красивую яркость огня
Я скорее живой назову,
Чем седую, больную траву,
Чем тебя и меня...

Он всегда устремляется ввысь,
Обращается в радостный дым,
И столетья над ним пронеслись,
Золотым и всегда молодым...

Огневые лобзают уста...
Хоть он жжет, но он всеми любим.
Он лучистый венок для Христа,
И не может он быть не живым...

38. СМЕРТЬ

Нежной, бледной, в пепельной одежде
Ты явилась с ласкою очей.
Не такой тебя встречал я прежде
В трубном вое, в лязганьи мечей.

Ты казалась золотисто-пьяной,
Обнажив сверкающую грудь.
Ты среди кровавого тумана
К небесам прорезывала путь.

Как у вечно жаждущей Астреи,
Взоры были дивно глубоки,
И неслась по жилам кровь быстрее,
И крепчали мускулы руки.

Но тебя, хоть ты теперь иная,
Я мечтою прежней узнаю.
Ты меня манила песней рая,
И с тобой мы встретимся в раю.

39. ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Солнце катится, кудри мои золотя,
Я срываю цветы, с ветерком говорю.
Почему же не счастлив я, словно дитя,
Почему не спокоен, подобно царю?

На испытанном луке дрожит тетива,
И всё шепчет и шепчет сверкающий меч.
Он, безумный, еще не забыл острова,
Голубые моря нескончаемых сеч.

Для кого же теперь вы готовите смерть,
Сильный меч и далёко стрéляющий лук?
Иль не знаете вы — завоевана твердь,
К нам склонилась земля, как союзник и друг;

Все моря целовали мои корабли,
Мы почтили сраженьями все берега,
Неужели за гранью широкой земли
И за гранью небес вы узнали врага?

Я въ мукѣ бѣжалъ и въ [illegible]

Въ пустыню отъ людей бѣжалъ
Теперь молиться я готовъ
Рыдать, какъ прежде не рыдалъ

Вотъ я одинъ съ самимъ собой
Пора, пора мнѣ отдохнуть.
Свѣтъ безпощадный, свѣтъ слѣпой
Мой выпилъ мозгъ, мнѣ выжегъ грудь.

Я страшный грѣшникъ, я злодѣй
Мнѣ Богъ бороться силы далъ

40. УМНЫЙ ДЬЯВОЛ

Мой старый друг, мой верный Дьявол,
Пропел мне песенку одну:
— Всю ночь моряк в пучине плавал,
А на заре пошел ко дну.

Кругом вставали волны-стены,
Спадали, вспенивались вновь,
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.

Он слышал зов, когда он плавал:
«О, верь мне, я не обману»...
Но помни, — молвил умный Дьявол, —
Он на заре пошел ко дну. —

1906

41

Мне надо мучиться и мучить,
Твердя безумное «люблю».
О миг, страшися мне наскучить,
Я царь твой, я тебя убью!

О миг, не будь бессильно плоским,
Но опали, сожги меня
И будь великим отголоском
Веками ждущего Огня.

42. ИСКАТЕЛИ ЖЕМЧУГА

От зари
Мы, как сны;
Мы цари
Глубины.

Нежен, смел
Наш размах,
Наших тел
Блеск в водах.

Мир красив...
Поспешим,
Вот отлив,
Мы за ним.

Жемчугов
И медуз
Уж готов
Полный груз.

Поплывет
Наш челнок
Всё вперед
На восток.

Нежных жен
Там сады,
Ласков звон

Злой воды.

Посетим
Берега,
Отдадим
Жемчуга.

Сон глубин,
Радость струй
За один
Поцелуй.

43

Наталье Владимировне Анненской

В этом альбоме писать надо длинные, длинные строки,
как нити,
Много в них можно дурного сказать, может быть, и
хорошего много;
Что хорошо или дурно в этом мире роскошных и
ярких событий!
Будьте правдивы и верьте в дьяволов, если Вы верите
в Бога.

Если ж Вы верите в дьяволов, тех, что веселое,
нежное губят,
Знайте, что духи живут на земле, духи робкие, бледные,
словно намеки,
Вы их зовите к себе, и они к Вам придут, вас полюбят,
Сказки расскажут о счастьи, правдивые, как эти
длинные, длинные строки.

44

Я откинул докучную маску,
Мне чего-то забытого жаль...
Я припомнил старинную сказку
Про священную чашу Грааль.

Я хотел бы бродить по селеньям,
Уходить в неизвестную даль,
Приближаясь к далеким владеньям
Зачарованной чаши Грааль.

Но таить мы не будем рыданья,
О, моя золотая печаль!
Только чистым даны созерцанья
Вечно радостной чаши Грааль.

Разорвал я лучистые нити,
Обручавшие мне красоту; —
Братья, сестры, скажите, скажите,
Где мне вновь обрести чистоту?

45. ПЕЩЕРА СНА

Там, где похоронен старый маг,
Где зияет в мраморе пещера,
Мы услышим робкий, тайный шаг,
Мы с тобой увидим Люцифера.

Подожди, погаснет скучный день,
В мире будет тихо, как во храме,
Люцифер прокрадется, как тень,
С тихими вечерними тенями.

Скрытые, незримые для всех,
Сохраним мы нежное молчанье,
Будем слушать серебристый смех
И бессильно-горькое рыданье.

Синий блеск нам взор заворожит,
Фея Маб свои расскажет сказки,
И спугнет, блуждая, Вечный Жид
Бабочек оранжевой окраски.

Но когда воздушный лунный знак
Побледнеет, шествуя к паденью,
Снова станет трупом старый маг,
Люцифер — блуждающею тенью.

Фея Маб на лунном лепестке
Улетит к далекому чертогу,
И, угрюмо посох сжав в руке,
Вечный Жид отправится в дорогу.

И, взойдя на плиты алтаря,
Мы заглянем в узкое оконце,
Чтобы встретить песнею царя —
Золотисто-огненное солнце.

46. 1905, 17 ОКТЯБРЯ

Захотелось жабе черной
Заползти на царский трон,
Яд жестокий, яд упорный
В жабе черной затаен.

Двор смущенно умолкает,
Любопытно смотрит голь,
Место жабе уступает
Обезумевший король.

Чтоб спасти свои седины
И оставшуюся власть,
Своего родного сына
Он бросает жабе в пасть.

Жаба властвует сердито,
Жаба любит треск и гром.
Пеной черной, ядовитой
Всё обрызгала кругом.

После, может быть, прибудет
Победитель темных чар,
Но преданье не забудет
Отвратительный кошмар.

47

Мореплаватель Павзаний
С берегов далеких Нила
В Рим привез и шкуры ланей,
И египетские ткани,
И большого крокодила.

Это было в дни безумных
Извращений Каракаллы.
Бог веселых и бездумных
Изукрасил цепью шумных
Толп причудливые скалы.

В золотом, невинном горе
Солнце в море уходило,
И в пурпуровом уборе
Император вышел в море,
Чтобы встретить крокодила.

Суетились у галеры
Бородатые скитальцы,
И изящные гетеры
Поднимали в честь Венеры
Точно мраморные пальцы.

И какой-то сказкой чудной,
Нарушителем гармоний,
Крокодил сверкал у судна
Чешуею изумрудной
На серебряном понтоне.

48. КРЕСТ

Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяниться вином.
Холодные звезды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.

В холодном безумьи, в тревожном азарте
Я чувствовал, будто игра эта — сон.
«Весь банк, — закричал, — покрываю я в карте!»
И карта убита, и я побежден.

Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.

— Стать вольным и чистым, как звездное небо,
Твой посох принять, о Сестра Нищета,
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста!

Мгновенье... и в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил мой крест.

49. ЛЕТО

Лето было слишком знойно,
Солнце жгло с небесной кручи, —
Тяжело и беспокойно,
Словно львы, бродили тучи.
В это лето пробегало
В мыслях, в воздухе, в природе
Золотое покрывало
Из гротесок и пародий.
Точно кто-то, нам знакомый,
Уходил к пределам рая,
А за ним спешили гномы
И кружилась пыль седая.
И с тяжелою печалью
Наклонилися к бессилью
Мы, обманутые далью
И захваченные пылью.

50

Сегодня у берега нашего бросил
Свой якорь досель незнакомый корабль,
Мы видели отблески пурпурных весел,
Мы слышали смех и бряцание сабль.

Тяжелые грузы корицы и перца,
Красивые камни и шкуры пантер,
Всё, всё, что ласкает надменное сердце,
На том корабле нам привез Люцифер.

Мы долго не ведали, враг это, друг ли.
Но вот капитан его в город вошел,
И черные очи горели, как угли,
И странные знаки пестрили камзол.

За ним мы спешили толпою влюбленной,
Смеялись при виде нежданных чудес,
Но старый наш патер, святой и ученый,
Сказал нам, что это противник небес.

Что суд приближается страшный, последний,
Что надо молиться для встречи конца...
Но мы не поверили в скучные бредни
И с гневом прогнали седого глупца.

Ушел он в свой домик, заросший сиренью,
Со стаею белых своих голубей...
А мы отдалися душой наслажденью,
Веселым безумьям богатых людей.

Мы сделали гостя своим бургомистром —
Царей не бывало издавна у нас, —
Дивились движеньям, красивым и быстрым,
И молниям черных, пылающих глаз.

Мы строили башни, высоки и гулки,
Украсили город, как стены дворца,
Остался лишь бедным, в глухом переулке,
Сиреневый домик седого глупца.

Он враг золотого, роскошного царства,
Средь яркого пира — он горестный крик,
Он давит нам сердце, лишенный коварства,
Влюбленный в безгрешность седой бунтовщик.

Довольно печали, довольно томлений!
Омоем сердца от последних скорбей!
Сегодня пойдем мы и вырвем сирени,
Камнями и криком спугнем голубей.

51

Музы, рыдать перестаньте,
Грусть вашу в песнях излейте,
Спойте мне песню о Данте
Или сыграйте на флейте.

Дальше, докучные фавны,
Музыки нет в вашем кличе!
Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче,

Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе...
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде?

Жил беспокойный художник.
В мире лукавых обличий —
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче.

Тайные думы поэта
В сердце его прихотливом
Стали потоками света,
Стали шумящим приливом.

Музы, в сонете-брильянте
Странную тайну отметьте,
Спойте мне песню о Данте
И Габриеле Россетти.

52. ИМПЕРАТОРУ

Призрак какой-то неведомой силы,
Ты ль, указавший законы судьбе,
Ты ль, император, во мраке могилы
Хочешь, чтоб я говорил о тебе?

Горе мне! Я не трибун, не сенатор,
Я только бедный бродячий певец,
И для чего, для чего, император,
Ты на меня возлагаешь венец?

Заперты мне все богатые двери,
И мои бедные сказки-стихи
Слушают только бездомные звери
Да на высоких горах пастухи.

Старый хитон мой изодран и черен,
Очи не зорки, и голос мой слаб,
Но ты сказал, и я буду покорен,
О император, я верный твой раб.

53. КАРАКАЛЛА

Император с профилем орлиным,
С черною, курчавой бородой,
О, каким бы стал ты властелином,
Если б не был ты самим собой!

Любопытно-вдумчивая нежность,
Словно тень, на царственных устах,
Но какая дикая мятежность
Затаилась в сдвинутых бровях!

Образы властительные Рима,
Юлий Цезарь, Август и Помпей, —
Это тень, бледна и еле зрима,
Перед тихой тайною твоей.

Кончен ряд железных сновидений,
Тихи гробы сумрачных отцов,
И ласкает быстрый Тибр ступени
Гордо розовеющих дворцов.

Жадность снов в тебе неутолима:
Ты бы мог раскинуть ратный стан,
Бросить пламя в храм Иерусалима,
Укротить бунтующих парфян.

Но к чему победы в час вечерний,
Если тени упадают ниц,
Если, словно золото на черни,
Видны ноги стройных танцовщиц?

Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет, дрожа, того, кто не придет.

Там, в твоих садах, ночное небо,
Звезды разбросались, как в бреду,
Там, быть может, ты увидел Феба,
Трепетно бродящего в саду.

Как и ты, стрелою снов пронзенный,
С любопытным взором он застыл
Там, где дремлет, с Нила привезенный,
Темно-изумрудный крокодил.

Словно прихотливые камеи —
Тихие, пустынные сады,
С темных пальм в траву свисают змеи,
Зреют небывалые плоды.

Беспокоен смутный сон растений,
Плавают туманы, точно сны,
В них ночные бабочки, как тени,
С крыльями жемчужной белизны.

Тайное свершается в природе:
Молода, светла и влюблена,
Легкой поступью к тебе нисходит,
В облако закутавшись, луна.

Да, от лунных песен ночью летней
Неземная в этом мире тишь,
Но еще страшнее и запретней
Ты в ответ слова ей говоришь.

А потом в твоем зеленом храме
Медленно, как следует царю,
Ты, неверный, пышными стихами
Юную приветствуешь зарю.

54. ДУМЫ

Зачем они ко мне собрались, думы,
Как воры ночью в тихий мрак предместий?
Как коршуны, зловещи и угрюмы,
Зачем жестокой требовали мести?

Ушла надежда, и мечты бежали,
Глаза мои открылись от волненья,
И я читал на призрачной скрижали
Свои слова, дела и помышленья.

За то, что я спокойными очами
Смотрел на уплывающих к победам,
За то, что я горячими губами
Касался губ, которым грех неведом,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком тонки,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Томили только, горестны и звонки, —

За всё теперь настало время мести.
Обманный, нежный храм слепцы разрушат,
И думы, воры в тишине предместий,
Как нищего во тьме, меня задушат.

55

Он воздвигнул свой храм на горе,
Снеговой многобашенный храм,
Чтоб молиться он мог на заре
Переменным небесным огням.

И предстал перед ним его Бог,
Бесконечно родной и чужой,
То печален, то нежен, то строг,
С каждым новым мгновеньем иной.

Ничего не просил, не желал,
Уходил и опять приходил,
Переменно горящий кристалл
Посреди неподвижных светил.

И безумец, роняя слезу,
Поклонялся небесным огням,
Но собралися люди внизу
Посмотреть на неведомый храм.

И они говорили, смеясь:
«Нет души у минутных огней,
Вот у нас есть властитель и князь
Из тяжелых и вечных камней».

А безумец не мог рассказать
Нежный сон своего божества,
И его снеговые слова,
И его голубую печать.

56. НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Над высокою горою
Поднимались башни замка,
Окруженного рекою,
Как причудливою рамкой.

Жили в нем согласной парой
Принц, на днях еще из детской,
С ним всезнающий, и старый,
И напыщенный дворецкий.

В зале Гордых Восклицаний
Много копий и арканов,
Чтоб охотиться на ланей
И рыкающих кабанов.

Вид принявши молодецкий,
Принц несется на охоту,
Но за ним бежит дворецкий
И кричит, прогнав дремоту:

«За пределами Веледа
Есть заклятые дороги,
Там я видел людоеда
На огромном носороге.

Кровожадный, ликом темный,
Он бросает злые взоры,
Носорог его огромный
Потрясает ревом горы».

Принц не слушает и мчится,
Белый панцирь так и блещет,
Сокол, царственная птица,
На руке его трепещет.

Вдруг... жилище людоеда —
Скал угрюмые уступы
И, трофей его победы,
Полусъеденные трупы.

И, как сны необычайны,
Пестрокожие удавы...
Но дворецкий знает тайны,
Жжет магические травы.

Не успел алтарь остынуть,
Людоед уже встревожен,
Не пытается он вынуть
Меч испытанный из ножен.

На душе тяжелый ужас,
Непонятная тревога,
И трубит он в рог, натужась,
Вызывает носорога.

Но он скоро рог оставит:
Друг его в лесистом мраке,
Где его упорно травят
Быстроногие собаки.

Юный принц вошел нечаян
В этот дом глухих рыданий,
И испуганный хозяин
Очутился на аркане.

Людоеда посадили
Одного с его тоскою
В башню мрака, башню пыли,
За высокою стеною.

Говорят, он стал добрее,
Проходящим строит глазки
И о том, как пляшут феи,
Сочиняет детям сказки.

1907

57. ФРАНЦИЯ

О Франция, ты призрак сна,
Ты только образ, вечно милый,
Ты только слабая жена
Народов грубости и силы.

Твоя разряженная рать,
Твои мечи, твои знамена —
Они не в силах отражать
Тебе враждебные племена.

Когда примчалася война
С железной тучей иноземцев,
То ты была покорена
И ты была в плену у немцев.

И раньше... вспомни страшный год,
Когда слабел свой гордый идол.
Его испуганный народ
Врагу властительному выдал.

Заслыша тяжких ратей гром,
Ты трепетала, точно птица,
И вот на берегу глухом
Стоит великая гробница.

А твой веселый, звонкий рог,
Победный рог завоеваний,
Теперь он беден и убог,
Он только яд твоих мечтаний.

И ты стоишь, обнажена,
На золотом роскошном троне,
Но красота твоя, жена,
Тебе спасительнее брони.

Где пел Гюго, где жил Вольтер,
Страдал Бодлер, богов товарищ,
Там не посмеет изувер
Плясать при зареве пожарищ.

И если близок час войны
И ты осуждена к паденью,
То вечно будут наши сны
С твоей блуждающею тенью.

И нет, не нам, твоим жрецам,
Разбить в куски скрижаль закона
И бросить пламя в Notre-Dame,
Разрушить стены Пантеона.

Твоя война — для нас война.
Покинь же сумрачные станы,
Чтоб песней, звонкой, как струна,
Целить запекшиеся раны.

Что значит в битве алость губ?!
Ты только сказка, отойди же.
Лишь через наш холодный труп
Пройдут враги, чтоб быть в Париже.

58. ВЛЮБЛЕННАЯ В ДЬЯВОЛА

Что за бледный и красивый рыцарь
Проскакал на вороном коне,
И какая сказочная птица
Кружилась над ним в вышине?

И какой печальный взгляд он бросил
На мое цветное окно,
И зачем мне сделался несносен
Мир родной и знакомый давно?

И зачем мой старший брат в испуге
При дрожащем мерцаньи свечи
Вынимал из погребов кольчуги
И натачивал копья и мечи?

И зачем сегодня в капелле
Все сходились, читали псалмы,
И монахи угрюмые пели
Заклинанья против мрака и тьмы?

И спускался сумрачный астролог
С заклинательной башни в дом,
И зачем был так странно долог
Его спор с моим старым отцом?

Я не знаю, ничего не знаю,
Я еще так молода,
Но я всё же плачу, и рыдаю,
И мечтаю всегда.

59

Зачарованный викинг, я шел по земле,
Я в душе согласил жизнь потока и скал,
Я скрывался во мгле на моем корабле,
Ничего не просил, ничего не желал.

В ярком солнечном свете — надменный павлин,
В час ненастья — внезапно свирепый орел,
Я в тревоге пучин встретил остров ундин,
Я летучее счастье, блуждая, нашел.

Да, я знал, оно жило и пело давно,
В дикой буре его сохранилась печать,
И смеялось оно, опускаясь на дно,
Поднимаясь к лазури, смеялось опять.

Изумрудным покрыло земные пути,
Зажигало лиловым морскую волну...
Я не смел подойти и не мог отойти
И не в силах был словом порвать тишину.

60

Слушай веления мудрых,
Мыслей пленительный танец.
Бойся у дев златокудрых
Нежный заметить румянец.

От непостижного скройся —
Страшно остаться во мраке.
Ночью весеннею бойся
Рвать заалевшие маки.

Девичьи взоры неверны,
Вспомни сказанья Востока;
Пояс на каждой пантерный,
Дума у каждой жестока.

Сердце пронзенное вспомни,
Пурпурный сок виноградин.
Вспомни, нет муки огромней,
Нету тоски безотрадней.

Вечером смолкни и слушай,
Грезам отдавшись беспечным.
Слышишь, вечерние души
Шепчут о нежном и вечном.

Ласковы быстрые миги,
Строго-высокие свечи,
Мудрые, старые книги
Знающих тихие речи.

61. ПОКОРНОСТЬ

Только усталый достоин молиться богам,
Только влюбленный — ступать по весенним лугам!

На небе звезды, и тихая грусть на земле,
Тихое «пусть» прозвучало и тает во мгле.

Это — покорность! Приди и склонись надо мной,
Бледная дева под траурно черной фатой!

Край мой печален, затерян в болотной глуши,
Нету прекраснее края для скорбной души.

Вот порыжевшие кочки и мокрый овраг,
Я для него отрекаюсь от призрачных благ.

Что я: влюблен или просто смертельно устал?
Так хорошо, что мой взор, наконец, отблистал!

Тихо смотрю, как степная колышется зыбь,
Тихо внимаю, как плачет болотная выпь.

62. МАСКАРАД

В глухих коридорах и в залах пустынных
Сегодня собрались веселые маски,
Сегодня в увитых цветами гостиных
Прошли ураганом безумные пляски.

Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы метались меж ними,
Был факел горящий и лютня, где струны
Твердили одно непонятное имя.

Мазурки стремительный зов раздавался,
И я танцевал с куртизанкой Содома,
О чем-то грустил я, чему-то смеялся,
И что-то казалось мне странно знакомо.

Молил я подругу: «Сними эту маску,
Ужели во мне не узнала ты брата?
Ты так мне напомнила древнюю сказку,
Которую раз я услышал когда-то.

Для всех ты останешься вечно чужою
И лишь для меня бесконечно знакома,
И верь, от людей и от масок я скрою,
Что знаю тебя я, царица Содома».

Под маской мне слышался смех ее юный,
Но взоры ее не встречались с моими,
Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы метались меж ними.

Как вдруг под окном, где угрозой пустою
Темнело лицо проплывающей ночи,
Она от меня ускользнула змеею,
И сдернула маску, и глянула в очи.

Я вспомнил, я вспомнил — такие же песни,
Такую же дикую дрожь сладострастья
И ласковый вкрадчивый шепот: «Воскресни,
Воскресни для жизни, для боли и счастья!»

Я многое понял в тот миг сокровенный,
Но страшную клятву мою не нарушу.
Царица, царица, ты видишь, я пленный,
Возьми мое тело, возьми мою душу!

63. ЗАКЛИНАНИЕ

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства.

Аромат сжигаемых растений
Открывал пространства без границ,
Где носились сумрачные тени,
То на рыб похожи, то на птиц.

Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы,
Гордые военные трибуны
Опускали взоры, как рабы.

А царица, тайное тревожа,
Мировой играла крутизной,
И ее атласистая кожа
Опьяняла снежной белизной.

Отданный во власть ее причуде,
Юный маг забыл про всё вокруг,
Он смотрел на маленькие груди,
На браслеты вытянутых рук.

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил, как мертвый, не дыша,
Отдал всё царице беззаконий,
Чем была жива его душа.

А когда на изумрудах Нила
Месяц закачался и поблек,
Бледная царица уронила
Для него алеющий цветок.

64. ЯГУАР

Странный сон увидел я сегодня:
Снилось мне, что я сверкал на небе,
Но что жизнь, чудовищная сводня,
Выкинула мне недобрый жребий.

Превращен внезапно в ягуара,
Я сгорал от бешеных желаний,
В сердце — пламя грозного пожара,
В мускулах — безумье содроганий.

И к людскому крался я жилищу
По пустому сумрачному полю
Добывать полуночную пищу,
Богом мне назначенную долю.

Но нежданно в темном перелеске
Я увидел нежный образ девы
И запомнил яркие подвески,
Поступь лани, взоры королевы.

«Призрак Счастья, Белая Невеста...» —
Думал я, дрожащий и смущенный,
А она промолвила: «Ни с места!» —
И смотрела тихо и влюбленно.

Я молчал, ее покорный кличу,
Я лежал, ее окован знаком,
И достался, как шакал, в добычу
Набежавшим яростным собакам.

А она прошла за перелеском
Тихими и легкими шагами,
Лунный луч кружился по подвескам,
Звезды говорили с жемчугами.

Пропадая въ небесахъ.

+ + + +

Молодой францисканецъ.

I

Младой францисканецъ безмолвно сидитъ
Объятый бѣсовскимъ волненьемъ
Онъ книгу читаетъ, онъ въ книгѣ чертитъ
И умъ его полонъ сомнѣньемъ.

И кажется узкая келья ему
Унылой, угрюмѣе гроба,

65

Царь, упившийся кипрским вином
И украшенный красным кораллом,
Говорил и кричал об одном,
Потрясая звенящим фиалом:

«Почему вы не пьете, друзья,
Этой первою полночью брачной?
Этой полночью радостен я,
Я — доселе жестокий и мрачный.

Все вы знаете деву богов,
Что владела богатою Смирной
И сегодня вошла в мой альков,
Как наложница, робкой и мирной.

Ее лилии были нежны
И, как месяц, печальны напевы.
Я не видел прекрасней жены,
Я не знал обольстительней девы.

И когда мой открылся альков,
Я, властитель, смутился невольно.
От сверканья ее жемчугов
Было взорам и сладко и больно.

Не смотрел я на бледность лица,
Не того мое сердце хотело,
Я ласкал, я терзал без конца
Беззащитное юное тело.

Вы должны позавидовать мне,
О друзья дорогие, о братья.
Я услышал, сгорая в огне,
Как она мне шептала проклятья.

Кровь царицы, как пурпур, красна,
Задыхаюсь я в темном недуге.
И еще мне несите вина,
Нерадиво-ленивые слуги».

Царь, упившийся кипрским вином
И украшенный красным кораллом,
Говорил и кричал об одном,
Потрясая звенящим фиалом.

66. АХИЛЛ И ОДИССЕЙ

Одиссей

Брат мой, я вижу глаза твои тусклые,
Вместо доспехов меха леопарда
С негой обвили могучие мускулы,
Чувствую запах не крови, а нарда.

Сладкими винами кубок твой полнится,
Тщетно вождя ожидают в отряде,
И завивает, как деве, невольница
Черных кудрей твоих длинные пряди.

Ты отдыхаешь под светлыми кущами,
Сердце безгневно и взор твой лилеен
В час, когда дебри покрыты бегущими,
Поле — телами убитых ахеян.

Каждое утро — страдания новые...
Вот, я раскрыл пред тобою одежды.
Видишь, как кровь убегает багровая, —
Это не кровь, это наши надежды.

Ахилл

Брось, Одиссей, эти стоны притворные,
Красная кровь вас с землей не разлучит,
А у меня она страшная, черная,
В сердце скопилась, и давит, и мучит.

67

За часом час бежит и падает во тьму,
Но властно мой флюид прикован к твоему.

Сомкнулся круг навек, его не разорвать,
На нем нездешних рек священная печать.

Явленья волшебства — лишь игры вечных числ,
Я знаю все слова и их сокрытый смысл.

Я все их вопросил, но нет ни одного
Сильнее тайны сил флюида твоего.

Да, знанье — сладкий мед, но знанье ли спасет,
Когда закон зовет и время настает.

За часом час бежит, я падаю во тьму,
За то, что мой флюид покорен твоему.

68. ВОСПОМИНАНИЕ

Над пучиной в полуденный час
Пляшут искры, и солнце лучится,
И рыдает молчанием глаз
Далеко залетевшая птица.

Заманила зеленая сеть
И окутала взоры туманом,
Ей осталось лететь и лететь
До конца над немым океаном.

Прихотливые вихри влекут,
Бесполезны мольбы и усилья,
И на землю ее не вернут
Утомленные белые крылья.

И когда я увидел твой взор,
Где печальные скрылись зарницы,
Я заметил в нем тот же укор,
Тот же ужас измученной птицы.

69. МЕЧТЫ

За покинутым, бедным жилищем,
Где чернеют остатки забора,
Старый ворон с оборванным нищим
О восторгах вели разговоры.

Старый ворон в тревоге всегдашней
Говорил, трепеща от волненья,
Что ему на развалинах башни
Небывалые снились виденья.

Что в полете воздушном и смелом
Он не помнил тоски их жилища
И был лебедем нежным и белым,
Принцем был отвратительный нищий.

Нищий плакал бессильно и глухо,
Ночь тяжелая с неба спустилась,
Проходившая мимо старуха
Учащенно и робко крестилась.

70. МНЕ СНИЛОСЬ

Мне снилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
 Поставлены рядом.

Когда мы сказали: «Довольно»?
Давно ли, и что это значит?
Но странно, что сердцу не больно,
 Что сердце не плачет.

Бессильные чувства так странны,
Застывшие мысли так ясны,
И губы твои не желанны,
 Хоть вечно прекрасны.

Свершилось: мы умерли оба,
Лежим с успокоенным взглядом,
Два белые, белые гроба
 Поставлены рядом.

71. КОРАБЛЬ

«Что ты видишь во взоре моем,
В этом бледно-мерцающем взоре?»
— «Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем.

Тот корабль... величавей, смелее
Не видали над бездной морской.
Колыхались высокие реи,
Трепетала вода за кормой.

И летучие странные рыбы
Покидали подводный предел
И бросали на воздух изгибы
Изумрудно блистающих тел.

Ты стояла на дальнем утесе,
Ты смотрела, звала и ждала,
Ты в последнем веселом матросе
Огневое стремленье зажгла.

И никто никогда не узнает
О безумной, предсмертной борьбе
И о том, где теперь отдыхает
Тот корабль, что стремился к тебе.

И зачем эти тонкие руки
Жемчугами прорезали тьму,
Точно ласточки с песней разлуки,
Точно сны, улетая к нему.

Только тот, кто с тобою, царица,
Только тот вспоминает о нем,
И его голубая гробница
В затуманенном взоре твоем».

72. ПЕРЧАТКА

На руке моей перчатка,
И ее я не сниму,
Под перчаткою загадка,
О которой вспомнить сладко
И которая уводит мысль во тьму.

На руке прикосновенье
Тонких пальцев милых рук,
И как слух мой помнит пенье,
Так хранит их впечатленье
Эластичная перчатка, верный друг.

Есть у каждого загадка,
Уводящая во тьму,
У меня — моя перчатка,
И о ней мне вспомнить сладко,
И ее до новой встречи не сниму.

73. ГИЕНА

Над тростником медлительного Нила,
Где носятся лишь бабочки да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но пленительной царицы.

Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна, как грешная сирена,
Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры крадется гиена.

Ее стенанья яростны и грубы,
Ее глаза зловещи и унылы,
И страшны угрожающие зубы
На розоватом мраморе могилы.

«Смотри, луна, влюбленная в безумных,
Смотрите, звезды, стройные виденья,
И темный Нил, владыка вод бесшумных,
И бабочки, и птицы, и растенья.

Смотрите все, как шерсть моя дыбится,
Как блещут взоры злыми огоньками.
Не правда ль, я такая же царица,
Как та, что спит под этими камнями?

В ней билось сердце, полное изменой,
Носили смерть изогнутые брови,
Она была такою же гиеной,
Она, как я, любила запах крови».

По деревням собаки воют в страхе,
В домах рыдают маленькие дети,
И хмурые хватаются феллахи
За длинные, безжалостные плети.

74

За стенами старого аббатства —
Мне рассказывал его привратник —
Что ни ночь творятся святотатства:
Приезжает неизвестный всадник,

В черной мантии, большой и неуклюжий,
Он идет двором, сжимая губы,
Медленно ступая через лужи,
Пачкает в грязи свои раструбы.

Отодвинув тяжкие засовы,
На пороге суетятся духи,
Жабы и полуночные совы,
Колдуны и дикие старухи.

И всю ночь звучит зловещий хохот
В коридорах гулких и во храме,
Песни, танцы и тяжелый грохот
Сапогов, подкованных гвоздями.

Но наутро в диком шуме оргий
Слышны крики ужаса и злости.
То идет с мечом святой Георгий,
Что иссечен из слоновой кости.

Видя гневно сдвинутые брови,
Демоны спасаются в испуге,
И наутро видны капли крови
На его серебряной кольчуге.

75. НЕВЕСТА ЛЬВА

Жрец решил. Народ, согласный
С ним, зарезал мать мою:
Лев пустынный, бог прекрасный,
Ждет меня в степном раю.

Мне не страшно, я ли скроюсь
От грозящего врага?
Я надела алый пояс,
Янтари и жемчуга.

Вот в пустыне я и кличу:
«Солнце-зверь, я заждалась,
Приходи терзать добычу
Человеческую, князь!

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах,
Пасть и не подняться вновь,
Дай услышать страшный запах,
Темный, пьяный, как любовь».

Как куренья, пахнут травы,
Как невеста, я тиха,
Надо мною взор кровавый
Золотого жениха.

76. САМОУБИЙСТВО

Улыбнулась и вздохнула,
Догадавшись о покое,
И последний раз взглянула
На ковры и на обои.

Красный шарик уронила
На вино в узорный кубок
И капризно помочила
В нем кораллы нежных губок.

И живая тень румянца
Заменилась тенью белой,
И, как в странной позе танца,
Искривясь, поникло тело.

И чужие миру звуки
Издалёка набегают,
И незримый бисер руки,
Задрожав, перебирают.

На ковре она трепещет,
Словно белая голубка,
А отравленная блещет
Золотая влага кубка.

77

На камине свеча догорала, мигая,
Отвечая дрожаньем случайному звуку,
Он, согнувшись, сидел на полу, размышляя,
Долго ль можно терпеть нестерпимую муку.

Вспоминал о любви, об ушедшей невесте,
Об обрывках давно миновавших событий
И шептал: «О, убейте меня, о, повесьте,
Забросайте камнями, как пса, задавите!»

В набегающем ужасе странной разлуки
Ударял себя в грудь, исступленьем объятый,
Но не слушались жалко повисшие руки
И их мускулы дряблые, словно из ваты.

Он молился о смерти... навеки, навеки
Успокоит она, тишиной обнимая,
И забудет он горы, равнины и реки,
Где когда-то она проходила живая!

Но предателем сзади подкралось раздумье,
И он понял: конец роковой самовластью.
И во мраке ему улыбнулось безумье
Лошадиной оскаленной пастью.

78. ЗА ГРОБОМ

Под землей есть тайная пещера,
Там стоят высокие гробницы.
Огненные грезы Люцифера, —
Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой,
Но придет и властно глянет в очи
Смерть, старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,
Понесет от башни и до башни.
Со стеклянным, выпученным взором
Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в твою гробницу,
Ты загрезишь о небесном храме,
Ты увидишь пред собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть,
Целовать со злобой бесконечной.
Ты не сможешь двинуться и крикнуть...
Это всё. И это будет вечно.

79

На горах розовеют снега,
Я грущу с каждым мигом сильней.
Для кого я сбирал жемчуга
В зеленеющей бездне морей?!

Для тебя ли? Но ты умерла,
Стала девой таинственных стран,
Над тобою огнистая мгла,
Над тобою лучистый туман.

Ты теперь безмятежнее дня,
Белоснежней его облаков,
Ты теперь не захочешь меня,
Не захочешь моих жемчугов.

Но за гранями многих пространств,
Где сияешь ты белой звездой,
В красоте жемчуговых убранств,
Как жених, я явлюсь пред тобой.

Расскажу о безумной борьбе,
О цветах, обагренных в крови,
Расскажу о тебе и себе
И о нашей жестокой любви.

И на миг, забывая покой,
Ты припомнишь закат и снега,
И невинной прозрачной слезой
Ты унизишь мои жемчуга.

80. ОТКАЗ

Царица — иль, может быть, только печальный ребенок, —
Она наклонялась над сонно вздыхающим морем,
И стан ее, стройный и гибкий, казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу серебряным зорям.

Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица,
И вот перед ней замелькали на влаге дельфины.
Чтоб плыть к бирюзовым владеньям влюбленного принца,
Они предлагали свои глянцевитые спины.

Но голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое «не надо»...
Царица — иль, может быть, только капризный ребенок,
Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда.

81. ЖИРАФ

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
        Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
        Изысканный бродит жираф.

82. МАЭСТРО

Н.Л.Сверчкову

В красном фраке с галунами,
Надушенный, встал маэстро,
Он рассыпал перед нами
Звуки легкие оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Как виденья, как гиганты,
И метались в гулкой зале,
И роняли бриллианты.

К золотым сбегали рыбкам,
Что плескались там, в бассейне,
И по девичьим улыбкам
Плыли тише и лилейней.

Созидали башни храмам
Голубеющего рая
И ласкали плечи дамам,
Улыбаясь и играя.

А потом с веселой дрожью,
Закружившись вкруг оркестра,
Тихо падали к подножью
Надушенного маэстро.

83. ПОМПЕЙ У ПИРАТОВ

От кормы, изукрашенной красным,
Дорогие плывут ароматы
В трюм, где скрылись в волненьи опасном
С угрожающим видом пираты.

С затаенною злобой боязни
Говорят, то храбрясь, то бледнея,
И вполголоса требуют казни,
Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служат рабами,
То покорно, то с гневом напрасным,
И не смеют бродить под шатрами,
На корме, изукрашенной красным.

Слышен зов. Это голос Помпея,
Окруженного стаей голубок.
Он кричит: «Эй, собаки, живее!
Где вино? Высыхает мой кубок».

И над морем седым и пустынным,
Приподнявшись лениво на локте,
Посыпает толченым рубином
Розоватые длинные ногти.

И, оставив мечтанья о мести,
Умолкают смущенно пираты
И несут, раболепные, вместе
И вино, и цветы, и гранаты.

84. ЗАРАЗА

Приближается к Каиру судно
С длинными знаменами Пророка.
По матросам угадать нетрудно,
Что они с Востока.

Капитан кричит и суетится,
Слышен голос гортанный и резкий,
Меж снастей видны смуглые лица,
И мелькают красные фески.

На пристани толпятся дети,
Забавны их тонкие тельца,
Они сошлись еще на рассвете
Посмотреть, где станут пришельцы.

Аисты сидят на крыше
И вытягивают шеи.
Они всех выше,
И им виднее.

Аисты — воздушные маги,
Им многое тайное понятно:
Почему у одного бродяги
На щеках багровые пятна.

Аисты кричат над домами,
Но никто не слышит их рассказа,
Что вместе с духами и шелками
Пробирается в город зараза.

85. САДЫ ДУШИ

Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны,
Как воды утром, розовеют птицы,
И — кто поймет намек старинной тайны? —
В них девушка в венке великой жрицы.

Глаза, как отблеск чистой серой стали,
Изящный лоб, белей восточных лилий,
Уста, что никого не целовали
И никогда ни с кем не говорили.

И щеки — розоватый жемчуг юга,
Сокровище немыслимых фантазий,
И руки, что ласкали лишь друг друга,
Переплетясь в молитвенном экстазе.

У ног ее — две черные пантеры
С отливом металлическим на шкуре.
Взлетев от роз таинственной пещеры,
Ее фламинго плавает в лазури.

Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны.
Пускай сирокко бесится в пустыне,
Сады моей души всегда узорны.

86. ЛЮБОВНИКИ

Любовь их душ родилась возле моря,
В священных рощах девственных наяд,
Чьи песни вечно-радостно звучат,
С напевом струн, с игрою ветра споря.

Великий жрец... Страннее и суровей
Едва ль была людская красота,
Спокойный взгляд, сомкнутые уста
И на кудрях повязка цвета крови.

Когда вставал туман над водной степью,
Великий жрец творил святой обряд,
И танцы гибких, трепетных наяд
По берегу вились жемчужной цепью.

Средь них одной, пленительней, чем сказка,
Великий жрец оказывал почет.
Он позабыл, что красота влечет,
Что опьяняет красная повязка.

И звезды предрассветные мерцали,
Когда забыл великий жрец обет,
Ее уста не говорили «нет»,
Ее глаза ему не отказали.

И, преданы клеймящему злословью,
Они ушли из тьмы священных рощ
Туда, где их сердец исчезла мощь,
Где их сердца живут одной любовью.

87. МОЛИТВА

Солнце свирепое, солнце грозящее,
Бога, в пространствах идущего,
Лицо сумасшедшее,

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!

88. УЖАС

Я долго шел по коридорам,
Кругом, как враг, таилась тишь.
На пришлеца враждебным взором
Смотрели статуи из ниш.

В угрюмом сне застыли вещи,
Был странен серый полумрак,
И, точно маятник зловещий,
Звучал мой одинокий шаг.

И там, где глубже сумрак хмурый,
Мой взор горящий был смущен
Едва заметною фигурой
В тени столпившихся колонн.

Я подошел, и вот мгновенный,
Как зверь, в меня вцепился страх:
Я встретил голову гиены
На стройных девичьих плечах.

На острой морде кровь налипла,
Глаза зияли пустотой,
И мерзко крался шепот хриплый:
«Ты сам пришел сюда, ты мой!»

Мгновенья страшные бежали,
И наплывала полумгла,
И бледный ужас повторяли
Бесчисленные зеркала.

Много въ жизни моей я трудовъ испыталъ
Много вынесъ и тяжкихъ мучений
Но меня отъ отчаянья часто спасалъ
Благодатный, таинственный геній.

Я не разъ въ упоеніи великой ~~[illegible]~~ борьбы
Побѣждаемъ былъ вражеской силой
И не разъ подъ напоромъ жестокой судьбы
Находился у края могилы.

Но отчаянья не было въ сердцѣ моемъ
И надежда мнѣ силы давала.

89. ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Валерию Брюсову

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервется пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть, —
Тотчас бешеные волки в кровожадном исступленьи
В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось всё, что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный испуг,
И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ!
Но я вижу — ты смеешься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

90

Нас было пять... Мы были капитаны,
Водители безумных кораблей,
И мы переплывали океаны,
Позор для Бога, ужас для людей.

Далекие загадочные страны
Нас не пленяли чарою своей,
Нам нравились зияющие раны,
И зарева, и жалкий треск снастей.

Наш взор являл туманное ненастье,
Что можно видеть, но понять нельзя,
И после смерти наши привиденья

Поднялись, как подводные каменья,
Как прежде, черной гибелью грозя
Искателям неведомого счастья.

91. ОРЕЛ СИНДБАДА

Следом за Синдбадом-Мореходом
В чуждых странах я сбирал червонцы
И блуждал по незнакомым водам,
Где, дробясь, пылали блики солнца.

Сколько раз я думал о Синдбаде
И в душе лелеял мысли те же...
Было сладко грезить о Багдаде,
Проходя у чуждых побережий.

Но орел, чьи перья — красный пламень,
Что носил богатого Синдбада,
Поднял и швырнул меня на камень,
Где морская веяла прохлада.

Пусть халат мой залит свежей кровью, —
В сердце гибель загорелась снами.
Я — как мальчик, схваченный любовью
К девушке, окутанной шелками.

Тишина над дальним кругозором,
В мыслях праздник светлого бессилья,
И орел, моим смущенный взором,
Отлетая, распускает крылья.

92. ПРИНЦЕССА

В темных покрывалах летней ночи
Заблудилась юная принцесса.
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаще леса.

Он отвел ее в свою избушку,
Угостил лепешкой с горьким салом,
Подложил под голову подушку
И закутал ноги одеялом.

Сам заснул в углу далеком сладко,
Стало тихо тишиной виденья,
Пламенем мелькающим лампадка
Освещала только часть строенья.

Неужели это только тряпки,
Жалкие, ненужные отбросы,
Кроличьи засушенные лапки,
Брошенные на пол папиросы?

Почему же ей ее томленье
Кажется мучительно знакомо
И ей шепчут грязные поленья,
Что она теперь лишь вправду дома?

...Ранним утром заспанный рабочий
Проводил принцессу до опушки,
Но не раз потом в глухие ночи
Проливались слезы об избушке.

93. НОСОРОГ

Видишь, мчатся обезьяны
С диким криком на лианы,
Что свисают низко, низко,
Слышишь шорох многих ног?
Это значит — близко, близко
От твоей лесной поляны
Разъяренный носорог.

Видишь общее смятенье,
Слышишь топот? Нет сомненья,
Если даже буйвол сонный
Отступает глубже в грязь.
Но, в нездешнее влюбленный,
Не ищи себе спасенья,
Убегая и таясь.

Подними высоко руки
С песней счастья и разлуки,
Взоры в розовых туманах
Мысль далёко уведут,
И из стран обетованных
Нам незримые фелуки
За тобою приплывут.

94

Неслышный, мелкий падал дождь,
Вдали чернели купы рощ,
Я шел один средь трав высоких,
Я шел и плакал тяжело
И проклинал творящих зло,
Преступных, гневных и жестоких.

И я увидел пришлеца:
С могильной бледностью лица
И с пересохшими губами,
В хитоне белом, дорогом,
Как бы упившийся вином,
Он шел неверными шагами.

И он кричал: «Смотрите все,
Как блещут искры на росе,
Как дышат томные растенья,
И Солнце, золотистый плод,
В прозрачном воздухе плывет,
Как ангел с песней Воскресенья.

Как звезды, праздничны глаза,
Как травы, вьются волоса,
И нет в душе печалям места
За то, что я убил тебя,
Склоняясь, плача и любя,
Моя царица и невеста».

И всё сильнее падал дождь,
И всё чернели купы рощ,
И я промолвил строго-внятно:
«Убийца, вспомни Божий страх,
Смотри: на дорогих шелках
Как кровь алеющие пятна».

Но я отпрянул, удивлен,
Когда он свой раскрыл хитон
И показал на сердце рану.
Из ней дымящаяся кровь
То тихо капала, то вновь
Струею падала по стану.

И он исчез в холодной тьме,
А на задумчивом холме
Рыдала горестная дева.
И я задумался светло
И полюбил творящих зло
И пламя их святого гнева.

95. ОЗЕРО ЧАД

На таинственном озере Чад
Посреди вековых баобабов
Вырезные фелуки стремят
На заре величавых арабов.
По лесистым его берегам
И в горах, у зеленых подножий,
Поклоняются страшным богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей.

Я была женой могучего вождя,
Дочерью властительного Чада,
Я одна во время зимнего дождя
Совершала таинство обряда.
Говорили — на сто миль вокруг
Женщин не было меня светлее,
Я браслетов не снимала с рук.
И янтарь всегда висел на шее.

Белый воин был так строен,
Губы красны, взор спокоен,
Он был истинным вождем;
И открылась в сердце дверца,
А когда нам шепчет сердце,
Мы не боремся, не ждем.
Он сказал мне, что едва ли
И во Франции видали
Обольстительней меня,
И как только день растает,

Для двоих он оседлает
Берберийского коня.

Муж мой гнался с верным луком,
Пробегал лесные чащи,
Перепрыгивал овраги,
Плыл по сумрачным озерам
И достался смертным мукам;
Видел только день палящий
Труп свирепого бродяги,
Труп покрытого позором.

А на быстром и сильном верблюде,
Утопая в ласкающей груде
Шкур звериных и шелковых тканей,
Уносилась я птицей на север,
Я ломала мой редкостный веер,
Упиваясь восторгом заране.
Раздвигала я гибкие складки
У моей разноцветной палатки
И, смеясь, наклонялась в оконце,
Я смотрела, как прыгает солнце
В голубых глазах европейца.

А теперь, как мертвая смоковница,
У которой листья облетели,
Я ненужно-скучная любовница,
Словно вещь, я брошена в Марселе.
Чтоб питаться жалкими отбросами,
Чтобы жить, вечернею порою
Я пляшу пред пьяными матросами,
И они, смеясь, владеют мною.
Робкий ум мой обессилен бедами,
Взор мой с каждым часом угасает...
Умереть? Но там, в полях неведомых,
Там мой муж, он ждет и не прощает.

96

Как труп, бессилен небосклон,
Земля — как уличенный тать.
Преступно-тайных похорон
На ней зловещая печать.
Ум человеческий смущен,
В его глубинах — черный страх,
Как стая траурных ворон
На обессиленных полях.

Но где же солнце, где луна?
Где сказка — жизнь и тайна — смерть?
И неужели не пьяна
Их золотою песней твердь?
И неужели не видна
Судьба — их радостная мать,
Что пеной жгучего вина
Любила смертных опьянять.

Напрасно ловит робкий взгляд
На горизонте новых стран.
Там только ужас, только яд,
Змеею жалящий туман.
И волны глухо говорят,
Что в море бурный шквал унес
На дно к обителям наяд
Ладью, в которой плыл Христос.

97. ИГРЫ

Консул добр: на арене кровавой
Третий день не кончаются игры,
И совсем обезумели тигры,
Дышат древнею злобой удавы.

А слоны, а медведи! Такими
Опьянелыми кровью бойцами,
Туром, бьющим повсюду рогами,
Любовались едва ли и в Риме.

И тогда лишь был отдан им пленный,
Весь израненный, вождь алеманов,
Заклинатель ветров и туманов
И убийца с глазами гиены.

Как хотели мы этого часа!
Ждали битвы, мы знали — он смелый.
Бейте, звери, горячее тело,
Рвите, звери, кровавое мясо!

Но, прижавшись к перилам дубовым,
Вдруг завыл он, спокойный и хмурый,
И согласным ответили ревом
И медведи, и волки, и туры.

Распластались покорно удавы,
И упали слоны на колени,
Ожидая его повелений,
Поднимали свой хобот кровавый.

Консул, консул и вечные боги,
Мы такого еще не видали!
Ведь голодные тигры лизали
Колдуну запыленные ноги.

98

Одиноко-незрячее солнце смотрело на страны,
Где безумье и ужас от века застыли на всём,
Где гора в отдаленьи казалась взъерошенным псом,
Где клокочущей черною медью дышали вулканы.

Были сумерки мира.

Но на небе внезапно качнулась широкая тень,
И кометы, что мчались, как волки свирепы и грубы,
И сшибались друг с другом, оскалив железные зубы,
Закружились, встревоженным воем приветствуя день.

Был испуг ожиданья.

И в терновом венке, под которым сочилася кровь,
Вышла тонкая девушка, нежная в синем сияньи,
И серебряным плугом упорную взрезала новь,
Сочетанья планет ей назначили имя: Страданье.

Это было спасенье.

99. RENVOI

Еще ослепительны зори,
И перья багряны у птиц,
И много есть в девичьем взоре
Еще не прочтенных страниц.

И лилии строги и пышны,
Прохладно дыханье морей,
И звонкими веснами слышны
Вечерние отклики фей.

Но греза моя недовольна,
В ней голос тоски задрожал,
И сердцу мучительно больно
От яда невидимых жал.

У лучших заветных сокровищ,
Что предки сокрыли для нас,
Стоят легионы чудовищ
С грозящей веселостью глаз.

Здесь всюду и всюду пределы
Всему, кроме смерти одной,
Но каждое мертвое тело
Должно быть омыто слезой.

Искатель нездешних Америк,
Я отдал себя кораблю,
Чтоб, глядя на брошенный берег,
Шепнуть золотое «люблю!».

1908

100. САДА-ЯККО

В полутемном строгом зале
Пели скрипки, Вы плясали.
Группы бабочек и лилий
На шелку зеленоватом,
Как живые, говорили
С электрическим закатом,
И ложилась тень акаций
На полотна декораций.

Вы казались бонбоньеркой
Над изящной этажеркой,
И, как беленькие кошки,
Как играющие дети,
Ваши маленькие ножки
Трепетали на паркете,
И жуками золотыми
Нам сияло Ваше имя.

И когда Вы говорили,
Мы далекое любили,
Вы бросали в нас цветами
Незнакомого искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства,
И мы верили, что солнце —
Только вымысел японца.

101. ОСНОВАТЕЛИ

Ромул и Рем взошли на гору,
Холм перед ними был дик и нем.
Ромул сказал: «Здесь будет город».
«Город, как солнце», — ответил Рем.

Ромул сказал: «Волей созвездий
Мы обрели наш древний почет».
Рем отвечал: «Что было прежде,
Надо забыть, глянем вперед».

«Здесь будет цирк, — промолвил Ромул, —
Здесь будет дом наш, открытый всем».
«Но надо поставить ближе к дому
Могильные склепы», — ответил Рем.

102. МАНЛИЙ

Манлий сброшен. Слава Рима,
Власть всё та же, что была,
И навеки нерушима,
Как Тарпейская скала.

Рим, как море, волновался,
Разрезали вопли тьму,
Но спокойно улыбался
Низвергаемый к нему.

Для чего ж в полдневной хмаре,
Озаряемый лучом,
Возникает хмурый Марий
С окровавленным мечом?

103

Моя душа осаждена
Безумно странными грехами,
Она — как древняя жена
Перед своими женихами.

Она должна в чертоге прясть,
Склоняя взоры всё суровей,
Чтоб победить глухую страсть,
Смирить мятежность бурной крови.

Но если бой неравен стал,
Я гордо вспомню клятву нашу
И, выйдя в пиршественный зал,
Возьму отравленную чашу.

И смерть придет ко мне на зов,
Как Одиссей, боец в Пергаме,
И будут вопли женихов
Под беспощадными стрелами.

104. КАМЕНЬ

А.И.Гумилевой

Взгляни, как злобно смотрит камень,
В нем щели странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень;
Не думай, то не светляки!

Давно угрюмые друиды,
Сибиллы хмурых королей,
Отмстить какие-то обиды
Его призвали из морей.

Он вышел черный, вышел страшный,
И вот лежит на берегу,
А по ночам ломает башни
И мстит случайному врагу.

Летит пустынными полями,
За куст приляжет, подождет,
Сверкнет огнистыми щелями
И снова бросится вперед.

И редко кто бы мог увидеть
Его ночной и тайный путь,
Но берегись его обидеть,
Случайно как-нибудь толкнуть.

Он скроет жгучую обиду,
Глухое бешенство угроз.

Он промолчит и будет с виду
Недвижен, как простой утес.

Но где бы ты ни скрылся, спящий,
Тебе его не обмануть,
Тебя отыщет он, летящий,
И дико ринется на грудь.

И ты застонешь в изумленьи,
Завидя блеск его огней,
Заслыша шум его паденья
И жалкий треск твоих костей.

Горячей кровью пьяный, сытый,
Лишь утром он оставит дом,
И будет страшен труп забытый,
Как пес, раздавленный быком.

И, миновав поля и нивы,
Вернется к берегу он вновь,
Чтоб смыли верные приливы
С него запекшуюся кровь.

105. БОЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ

Меня терзает злой недуг,
Я вся во власти яда жизни,
И стыдно мне моих подруг
В моей сверкающей отчизне.

При свете пламенных зарниц
Дрожат под плетью наслаждений
Толпы людей, зверей, и птиц,
И насекомых, и растений.

Их отвратительным теплом
И я согретая невольно,
Несусь в пространстве голубом,
Твердя старинное «довольно».

Светила смотрят всё мрачней,
Но час тоски моей недолог,
И скоро в бездну мир червей
Помчит озлобленный осколок.

Комет бегущих душный чад
Убьет остатки атмосферы,
И диким ревом зарычат
Пустыни, горы и пещеры.

И ляжет жизнь в моей пыли,
Пьяна от сока смертных гроздий,
Сгниют и примут вид земли
Повсюду брошенные кости.

И снова будет торжество,
И снова буду я единой:
Необозримые равнины
И на равнинах никого.

106. ПОСЛЕ СМЕРТИ

Я уйду, убегу от тоски,
Я назад ни за что не взгляну,
Но, сжимая руками виски,
Я лицом упаду в тишину.

И пойду в голубые сады
Между ласковых серых равнин,
Чтобы рвать золотые плоды,
Потаенные сказки глубин.

Гибких трав вечереющий шелк
И второе мое бытие...
Да, сюда не прокрадется волк,
Там вцепившийся в горло мое.

Я пойду и присяду, устав,
Под уютный задумчивый куст,
И не двинется призрачность трав,
Горизонт будет нежен и пуст.

Пронесутся века, не года,
Но и здесь я печаль сохраню.
Так я буду бояться всегда
Возвращенья к распутному дню.

107. АНДРОГИН

Тебе никогда не устанем молиться,
Немыслимо-дивное Бог-Существо.
Мы знаем, Ты здесь, Ты готов проявиться,
Мы верим, мы верим в Твое торжество.

Подруга, я вижу, ты жертвуешь много,
Ты в жертву приносишь себя самое,
Ты тело даешь для Великого Бога,
Изысканно-нежное тело свое.

Спеши же, подруга! Как духи, нагими,
Должны мы исполнить старинный обет,
Шепнуть, задыхаясь, забытое Имя
И, вздрогнув, услышать желанный ответ.

Я вижу, ты медлишь, смущаешься... Что же?!
Пусть двое погибнут, чтоб ожил один,
Чтоб странный и светлый с безумного ложа,
Как феникс из пламени, встал Андрогин.

И воздух — как роза, и мы — как виденья,
То близок к отчизне своей пилигрим...
И верь! Не коснется до нас наслажденье
Бичом оскорбительно-жгучим своим.

108. ПОЭТУ

Пусть будет стих твой гибок, но упруг,
Как тополь зеленеющей долины,
Как грудь земли, куда вонзился плуг,
Как девушка, не знавшая мужчины.

Уверенную строгость береги:
Твой стих не должен ни порхать, ни биться,
Хотя у музы легкие шаги,
Она богиня, а не танцовщица.

И перебойных рифм веселый гам,
Соблазн уклонов легкий и свободный
Оставь, оставь накрашенным шутам,
Танцующим на площади народной.

И, выйдя на священные тропы,
Певучести пошли свои проклятья.
Пойми: она любовница толпы,
Как милостыни, ждет она объятья.

109

Под рукой уверенной поэта
Струны трепетали в легком звоне,
Струны золотые, как браслеты
Сумрачной царицы беззаконий.

Опьянили зовы сладострастья,
И спешили поздние зарницы,
Но недаром звякнули запястья
На руках бледнеющей царицы.

И недаром взоры заблистали:
Раб делил с ней счастье этой ночи,
Лиру положили в лучшей зале,
А поэту выкололи очи.

110. НА ПИРУ

Влюбленный принц Диего задремал,
И выронил чеканенный бокал,
И голову склонил меж блюд на стол,
И расстегнул малиновый камзол.

И видит он прозрачную струю,
И на струе стеклянную ладью,
В которой плыть уже давно, давно
Ему с его невестой суждено.

Вскрываются пространства без конца,
И, как два взора, блещут два кольца.
Но в дымке уж заметны острова,
Где раздадутся тайные слова,
И где венками белоснежных роз
Их обвенчает Иисус Христос.

А между тем властитель на него
Вперил свой взгляд, где злое торжество.
Прикладывают наглые шуты
Ему на грудь кровавые цветы,
И томная невеста, чуть дрожа,
Целует похотливого пажа.

111. ОДЕРЖИМЫЙ

Луна плывет, как круглый щит
Давно убитого героя,
А сердце ноет и стучит,
Уныло чуя роковое.

Чрез дымный луг, и хмурый лес,
И угрожающее море
Бредет с копьем наперевес
Мое чудовищное горе.

Напрасно я спешу к коню,
Хватаю с трепетом поводья
И, обезумевший, гоню
Его в ночные половодья.

В болоте темном дикий бой
Для всех останется неведом,
И верх одержит надо мной
Привыкший к сумрачным победам:

Мне сразу в очи хлынет мгла...
На полном, бешеном галопе
Я буду выбит из седла
И покачусь в ночные топи.

Как будет страшен этот час!
Я буду сжат доспехом тесным,
И, как всегда, о coup de grâce
Я возоплю пред неизвестным.

Я угадаю шаг глухой
В неверной мгле ночного дыма,
Но, как всегда, передо мной
Пройдет неведомое мимо...

И утром встану я один,
А девы, рады играм вешним,
Шепнут: «Вот странный паладин
С душой, измученной нездешним».

112. АННА КОМНЕНА

Тревожный обломок старинных потемок,
Дитя позабытых народом царей,
С мерцанием взора на зыби Босфора
Следит ускользающий бег кораблей.

Прекрасны и грубы влекущие губы
И странно красивый изогнутый нос,
Но взоры унылы, как холод могилы,
И страшен разбросанный сумрак волос.

У ног ее рыцарь, надменный, как птица,
Как серый орел пиренейских снегов.
Он отдал сраженья за крик наслажденья,
За женский, доступный для многих альков.

Напрасно гремели о нем менестрели,
Его отличали в боях короли —
Он смотрит, безмолвный, как знойные волны,
Дрожа, рассекают его корабли.

И долго он будет ласкать эти груди
И взором ловить ускользающий взор,
А утром, спокойный, красивый и стройный,
Он голову склонит под меткий топор.

И снова в апреле заплачут свирели,
Среди облаков закричат журавли,
И в сад кипарисов от западных мысов
За сладким позором придут корабли.

И снова царица замрет, как блудница,
Дразнящее тело свое обнажив,
Лишь будет печальней, дрожа в своей спальне:
В душе ее мертвый останется жив.

Так сердце Комнены не знает измены,
Но знает безумную жажду игры
И темные муки терзающей скуки,
Сковавшей забытые смертью миры.

113. РЫЦАРЬ С ЦЕПЬЮ

Слышу гул и завыванье призывающих рогов,
И я снова конквистадор, покоритель городов.

Словно раб, я был закован, жил, униженный, в плену
И забыл, неблагодарный, про могучую весну.

А она пришла, ступая над рубинами цветов,
И, ревнивая, разбила сталь мучительных оков.

Я опять иду по скалам, пью студеные струи,
Под дыханьем океана раны зажили мои.

Но, вступая, обновленный, в неизвестную страну,
Ничего я не забуду, ничего не прокляну.

И чтоб помнить каждый подвиг, — и возвышенность,
и степь, —
Я к серебряному шлему прикую стальную цепь.

114. ВЫБОР

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лёт,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

Я всю жизнь отдаю для великой борьбы
Для борьбы противъ мрака насилья и тьмы.
Но увы! окружают меня лишь рабы.
Недоступные светлымъ идеямъ умы.

Они или холодной насмешкой своей
Или трусливо-рабской слушают меня
И живу я во мраке не видя лучей
Благодатнаго, яснаго, светлаго дня.

Но меня не смутить, я пробьюся впередъ
Отъ насилья и мрака къ святому добру

115. КОЛОКОЛ

Медный колокол на башне
Тяжким гулом загудел,
Чтоб огонь горел бесстрашней,
Чтобы бешеные люди
Праздник правили на груде
Изуродованных тел.

Звук помчался в дымном поле,
Повторяя слово «смерть».
И от ужаса и боли
В норы прятались лисицы,
А испуганные птицы
Лётом взрезывали твердь.

Дальше звал он, точно пенье,
К созидающей борьбе,
Люди мирного селенья,
Люди плуга брали молот,
Презирая зной и холод,
Храмы строили себе.

А потом он умер, сонный,
И мечтали пастушки:
«Это, верно, бог влюбленный,
Приближаясь к светлой цели,
Нежным рокотом свирели
Опечалил тростники».

116. ЗАВЕЩАНИЕ

Очарован соблазнами жизни,
Не хочу я растаять во мгле,
Не хочу я вернуться к отчизне,
К усыпляющей, мертвой земле.

Пусть высоко на розовой влаге
Вечереющих горных озер
Молодые и строгие маги
Кипарисовый сложат костер.

И покорно, склоняясь, положат
На него мой закутанный труп,
Чтоб смотрел я с последнего ложа
С затаенной усмешкою губ.

И когда заревое чуть тронет
Темным золотом мраморный мол,
Пусть задумчивый факел уронит
Благовонье пылающих смол.

И свирель тишину опечалит,
И серебряный гонг заревет
В час, когда задрожит и отчалит
Огневеющий траурный плот.

Словно демон в лесу волхвований,
Снова вспыхнет мое бытие,
От мучительных красных лобзаний
Зашевелится тело мое.

И пока к пустоте или раю
Необорный не бросит меня,
Я еще один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня.

117. СТАРЫЙ КОНКВИСТАДОР

Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конквистадор.
В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады.

Восемь дней скитался он без пищи,
Конь издох, но под большим уступом
Он нашел уютное жилище,
Чтоб не разлучаться с милым трупом.

Там он жил в тени сухих смоковниц,
Песни пел о солнечной Кастилье,
Вспоминал сраженья и любовниц,
Видел то пищали, то мантильи.

Как всегда, был дерзок и спокоен
И не знал ни ужаса, ни злости.
Смерть пришла, и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости.

118. ЗАВОДИ

Н.В.Анненской

Солнце скрылось на западе
За полями обетованными,
И стали тихие заводи
Синими и благоуханными.

Сонно дрогнул камыш,
Пролетела летучая мышь,
Рыба плеснулась в омуте...
...И направились к дому те,
У кого есть дом
С голубыми ставнями,
С креслами давними
И круглым чайным столом.

Я один остался на воздухе
Смотреть на сонную заводь,
Где днем так отрадно плавать,
А вечером плакать,
Потому что я люблю тебя, Господи.

119. ВАРВАРЫ

Когда зарыдала страна под немилостью Божьей
И варвары в город вошли молчаливой толпою,
На площади людной царица поставила ложе,
Суровых врагов ожидала царица нагою.

Трубили герольды. По ветру стремились знамена —
Как листья осенние, прелые, бурые листья.
Роскошные груды восточных шелков и виссона
С краев украшали литые из золота кисти.

Царица была — как пантера суровых безлюдий,
С глазами — провалами темного, дикого счастья.
Под сеткой жемчужной вздымались дрожащие груди,
На смуглых руках и ногах трепетали запястья.

И зов ее мчался, как звоны серебряной лютни:
«Спешите, герои, несущие луки и пращи!
Нигде, никогда не найти вам жены бесприютней,
Чьи жалкие стоны вам будут желанней и слаще.

Спешите, герои, окованы медью и сталью,
Пусть в бедное тело вопьются свирепые гвозди,
И бешенством ваши нальются сердца и печалью
И будут красней виноградных пурпуровых гроздий.

Давно я ждала вас, могучие, грубые люди,
Мечтала, любуясь на зарево ваших становищ.
Идите ж, терзайте для муки расцветшие груди,
Герольд протрубит — не щадите заветных сокровищ».

Серебряный рог, изукрашенный костью слоновьей,
На бронзовом блюде рабы протянули герольду,
Но варвары севера хмурили гордые брови,
Они вспоминали скитанья по снегу и по льду.

Они вспоминали холодное небо и дюны,
В зеленых трущобах веселые щебеты птичьи,
И царственно-синие женские взоры... и струны,
Которыми скальды гремели о женском величьи.

Кипела, сверкала народом широкая площадь,
И южное небо раскрыло свой огненный веер,
Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь,
С надменной усмешкой войска повернул он на север.

120. СТАРИНА

Вот парк с пустынными опушками,
Где сонных трав печальна зыбь,
Где поздно вечером с лягушками
Перекликаться любит выпь.

Вот дом, старинный и некрашеный,
В нем словно плавает туман,
В нем залы гулкие украшены
Изображением пейзан.

Мне суждено одну тоску нести,
Где дед раскладывал пасьянс
И где влюблялись тетки в юности
И танцевали контреданс.

И сердце мучится бездомное,
Что им владеет лишь одна
Такая скучная и темная,
Незолотая старина.

...Теперь бы кручи необорные,
Снега серебряных вершин
Да тучи сизые и черные
Над гулким грохотом лавин!

121. ВОРОТА РАЯ

Не семью печатями алмазными
В Божий рай замкнулся вечный вход,
Он не манит блеском и соблазнами,
И его не ведает народ.

Это дверь в стене, давно заброшенной,
Камни, мох и больше ничего,
Возле — нищий, словно гость непрошеный,
И ключи у пояса его.

Мимо едут рыцари и латники,
Трубный вой, бряцанье серебра,
И никто не взглянет на привратника,
Светлого апостола Петра.

Все мечтают: «Там, у Гроба Божия,
Двери рая вскроются для нас,
На горе Фаворе, у подножия,
Прозвенит обетованный час».

Так проходит медленное чудище,
Завывая, трубит звонкий рог,
И апостол Петр в дырявом рубище,
Словно нищий, бледен и убог.

122. ОЗЕРА

Я счастье разбил с торжеством святотатца,
И нет ни тоски, ни укора,
Но каждою ночью так ясно мне снятся
Большие ночные озера.

На траурно-черных волнах ненюфары,
Как думы мои, молчаливы,
И будят забытые, грустные чары
Серебряно-белые ивы.

Луна освещает изгибы дороги,
И видит пустынное поле,
Как я задыхаюсь в тяжелой тревоге
И пальцы ломаю до боли.

Я вспомню, и что-то должно появиться,
Как в сумрачной драме развязка:
Печальная девушка, белая птица
Иль странная, нежная сказка.

И новое солнце заблещет в тумане,
И будут стрекозами тени,
И гордые лебеди древних сказаний
На белые выйдут ступени.

Но мне не припомнить. Я, слабый, бескрылый,
Смотрю на ночные озера
И слышу, как волны лепечут без силы
Слова рокового укора.

Проснусь, и как прежде уверенны губы,
Далеко и чуждо ночное,
И так по-земному прекрасны и грубы
Минуты труда и покоя.

123. ВЕЧЕР

Еще один ненужный день,
Великолепный и ненужный!
Приди, ласкающая тень,
И душу смутную одень
Своею ризою жемчужной.

И ты пришла... ты гонишь прочь
Зловещих птиц — мои печали.
О, повелительница ночь,
Никто не в силах превозмочь
Победный шаг твоих сандалий!

От звезд слетает тишина,
Блёстит луна — твое запястье,
И мне во сне опять дана
Обетованная страна —
Давно оплаканное счастье.

124. В ПУТИ

Кончено время игры,
Дважды цветам не цвести.
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.

Область унынья и слез —
Скалы с обеих сторон
И оголенный утес,
Где распростерся дракон.

Острый хребет его крут,
Вздох его — огненный смерч.
Люди его назовут
Сумрачным именем: Смерть.

Что ж, обратиться нам вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нет, ни за что, ни за что!
Значит, настала пора.
Лучше слепое Ничто,
Чем золотое Вчера!

Вынем же меч-кладенец,
Дар благосклонных наяд,
Чтоб обрести, наконец,
Неотцветающий сад.

125. КОЛДУНЬЯ

Она колдует тихой ночью
У потемневшего окна
И страстно хочет, чтоб воочью
Ей тайна сделалась видна.

Как бред, мольба ее бессвязна,
Но мысль, упорна и горда, —
Она не ведает соблазна
И не отступит никогда.

Внизу... там дремлет город пестрый
И кто-то слушает и ждет,
Но меч, уверенный и острый,
Он тоже знает свой черед.

На мертвой площади, где серо
И сонно падает роса,
Живет неслыханная вера
В ее ночные чудеса.

Но тщетен зов ее кручины,
Земля всё та же, что была,
Вот солнце выйдет из пучины
И позолотит купола.

Ночные тени станут реже,
Прольется гул, как ропот вод,
И в сонный город ветер свежий
Прохладу моря донесет.

И меч сверкнет, и кто-то вскрикнет,
Кого-то примет тишина,
Когда усталая поникнет
У заалевшего окна.

126

Рощи пальм и заросли алоэ,
Серебристо-матовый ручей,
Небо, бесконечно голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Разве счастье — сказка или ложь?
Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду,
Разве ты не властно жить, как травы
В этом упоительном саду?

127. ПРАВЫЙ ПУТЬ

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни.
Странник оно, из ковша золотого
Пьющий остатки на варварской тризне.

Выйдешь к природе! Природа враждебна,
Всё в ней пугает, всего в ней помногу,
Вечно звучит в ней фанфара молебна
Не твоему и ненужному Богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли, —
Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли.

Что ж, это путь величавый и строгий:
Плакать с осенним пронзительным ветром,
С нищими нищим таиться в берлоге,
Хмурые думы оковывать метром.

128. В ПУСТЫНЕ

Давно вода в мехах иссякла,
Но как собака не умру:
Я в память дивного Геракла
Сперва отдам себя костру.

И пусть, пылая, жалят сучья,
Грозит чернеющий Эреб,
Какое странное созвучье
У двух враждующих судеб!

Он был героем, я — бродягой,
Он — полубог, я — полузверь,
Но с одинаковой отвагой
Стучим мы в замкнутую дверь.

Пред смертью все, — Терсит и Гектор,
Равно ничтожны и славны,
Я также выпью сладкий нектар
В полях лазоревой страны...

129. ОХОТА

Князь вынул бич и кинул клич —
Грозу охотничьих добыч,

И белый конь, душа погонь,
Ворвался в стынущую сонь.

Удар копыт в снегу шуршит,
И зверь встает, и зверь бежит,

Но не спастись ни в глубь, ни в высь,
Как змеи, стрелы понеслись.

Их легкий взмах наводит страх
На неуклюжих росомах,

Грызет их медь седой медведь,
Но всё же должен умереть.

И, легче птиц, склоняясь ниц,
Князь ищет четкий след лисиц.

Но вечер ал, и князь устал,
Прилег на мох и задремал,

Не дремлет конь, его не тронь,
Огонь в глазах его, огонь.

И, волк равнин, подходит финн,
Туда, где дремлет властелин,

А ночь светла, земля бела,
Господь, спаси его от зла!

130. СЕВЕРНЫЙ РАДЖА

Валентину Кривичу

1

Она простерлась, неживая,
Когда замышлен был набег,
Ее сковали грусть без края,
И синий лед, и белый снег.

Но и задумчивые ели
В цветах серебряной луны,
Всегда тревожные, хотели
Святой по-новому весны.

И над страной лесов и гатей
Сверкнула золотом заря —
То шли бесчисленные рати
Непобедимого царя.

Он жил на сказочных озерах,
Дитя брильянтовых раджей,
И радость светлая во взорах,
И губы, лотуса свежей.

Но, сына царского, на север
Его таинственно влечет:
Он хочет в поле видеть клевер,
В сосновых рощах желтый мед.

Гудит земля, оружье блещет,
Трубят военные слоны,

И сын полуночи трепещет
Пред сыном солнечной страны.

Се — царь! Придите и поймите
Его спасающую сеть,
В кипучий вихрь его событий
Спешите кануть и сгореть.

Легко сгореть и встать иными,
Ступить на новую межу,
Чтоб встретить в пламени и дыме
Владыку севера, Раджу.

2

Он встал на крайнем берегу,
И было хмуро побережье,
Едва чернели на снегу
Следы глубокие, медвежьи.

Да в отдаленной полынье
Плескались рыжие тюлени,
Да небо в розовом огне
Бросало ровный свет без тени.

Он обернулся... там, во мгле,
Дрожали зябнущие парсы
И, обессилев, на земле
Валялись царственные барсы,

А дальше падали слоны,
Дрожа, стонали, как гиганты,
И лился мягкий свет луны
На их уборы, их брильянты.

Но людям, павшим перед ним,
Царь кинул гордое решенье:

«Мы в царстве снега создадим
Иную Индию... — Виденье.

На этот звонкий синий лед
Утесы мрамора не лягут,
И лотус здесь не зацветет
Под вековою сенью пагод.

Но будет белая заря
Пылать слепительнее вдвое,
Чем у бирманского царя
Костры из мирры и алоэ.

Не бойтесь этой наготы
И песен холода и вьюги,
Вы обретете здесь цветы,
Каких не знали бы на юге...»

3

И древле мертвая страна
С ее нетронутою новью,
Как дева юная, пьяна
Своей великою любовью.

Из дивной Галлии вотще
К ней приходили кавалеры,
Красуясь в бархатном плаще,
Манили к тайнам чуждой веры.

И Византии строгой речь,
Ее задумчивые книги
Не заковали этих плеч
В свои тяжелые вериги.

Здесь каждый миг была весна
И в каждом взоре жило солнце,

Когда смотрела тишина
Сквозь закоптелое оконце.

И каждый мыслил: «Я в бреду,
Я сплю, но радости всё те же,
Вот встану в розовом саду
Над белым мрамором прибрежий.

И та, которую люблю,
Придет застенчиво и томно,
Она близка... Теперь я сплю,
И хорошо у грезы темной».

Живет закон священной лжи
В картине, статуе, поэме —
Мечта великого Раджи,
Благословляемая всеми.

1909

131

На льдах тоскующего полюса,
Где небосклон туманом стерт,
Я без движенья и без голоса,
Окровавленный, распростерт.

Глаза нагнувшегося демона,
Его лукавые уста...
И манит смерть, всегда, везде она
Так непостижна и проста.

Из двух соблазнов, что я выберу,
Что слаще — сон иль горечь слез?
Нет, буду ждать, чтоб мне, как рыбарю,
Явился в облаке Христос.

Он превращает в звезды горести,
В напиток солнца жгучий яд
И созидает в мертвом хворосте
Никейских лилий белый сад.

132. ПОЕДИНОК

В твоем гербе — невинность лилий,
В моем — багряные цветы.
И близок бой, рога завыли,
Сверкнули золотом щиты.

Я вызван был на поединок
Под звуки бубнов и литавр,
Среди смеющихся тропинок,
Как тигр в саду, — угрюмый мавр.

Ты — дева-воин песен давних,
Тобой гордятся короли,
Твое копье не знает равных
В пределах моря и земли.

Вот мы схватились и застыли,
И войско с трепетом глядит,
Кто побеждает: я ли, ты ли,
Иль гибкость стали, иль гранит.

Я пал, и, молнии победней,
Сверкнул и в тело впился нож.
Тебе восторг — мой стон последний,
Моя прерывистая дрожь.

И ты уходишь в славе ратной,
Толпа поет тебе хвалы,
Но ты воротишься обратно,
Одна, в плаще весенней мглы.

И над равниной дымно-белой
Мерцая шлемом золотым,
Найдешь мой труп окоченелый
И снова склонишься над ним:

«Люблю! Ты слышишь, милый, милый?
Открой глаза, ответь мне: «Да».
За то, что я тебя убила,
Твоей я стану навсегда».

Еще не умер звук рыданий,
Еще шуршит твой белый шелк,
А уж ко мне ползет в тумане
Нетерпеливо-жадный волк.

133. ОРЕЛ

Орел летел всё выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Где жил он прежде? Может быть, в плену,
В оковах королевского зверинца,
Кричал, встречая девушку-весну,
Влюбленную в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна,
Когда глядел он в узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце в солнце.

Не всё ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И он летел три ночи и три дня
И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно-холодными лучами.
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

134. ОДИНОЧЕСТВО

Я спал, и смыла пена белая
Меня с родного корабля,
И в черных водах, помертвелая,
Открылась мне моя земля.

Она полна конями быстрыми
И красным золотом пещер,
Но ночью вспыхивают искрами
Глаза блуждающих пантер.

Там травы славятся узорами
И реки словно зеркала,
Но рощи полны мандрагорами,
Цветами ужаса и зла.

На синевато-белом мраморе
Я высоко воздвиг маяк,
Чтоб пробегающие на море
Далёко видели мой стяг.

Я предлагал им перья страуса,
Плоды, коралловую нить,
Но ни один стремленья паруса
Не захотел остановить.

Все чтили древнего оракула
И приговор его суда
О том, чтоб вечно сердце плакало
У всех заброшенных сюда.

И надо мною одиночество
Возносит огненную плеть
За то, что древнее пророчество
Мне суждено преодолеть.

135. ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Ветер гонит тучу дыма,
Словно грузного коня.
Вслед за ним неумолимо
Встало зарево огня.

Только в редкие просветы
Темно-бурых тополей
Видно розовые светы
Обезумевших полей.

Ярко вспыхивает ма́ис,
С острым запахом смолы,
И шипя, и разгораясь,
В пламя падают стволы.

Резкий грохот, тяжкий топот,
Вой, мычанье, визг и рев,
И зловеще-тихий ропот
Закипающих ручьев.

Вон несется слон-пустынник,
Лев стремительно бежит,
Обезьяна держит финик
И пронзительно визжит.

С вепрем стиснутый бок о бок,
Легкий волк, душа ловитв,
Зубы белы, взор неробок —
Только время не для битв.

А за ними в дымных пущах
Льется новая волна
Опаленных и ревущих...
Как назвать их имена?

Словно там, под сводом ада,
Дьявол щелкает бичом,
Чтобы грешников громада
Вышла бешеным смерчом.

Всё страшней в ночи бессонной,
Всё быстрее дикий бег,
И, огнями ослепленный,
Черной кровью обагренный,
Первым гибнет человек.

136. ЦАРИЦА

Твой лоб в кудрях отлива бронзы,
Как сталь, глаза твои остры,
Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.

Когда Тимур в унылой злобе
Народы бросил к их мете,
Тебя несли в пустынях Гоби
На боевом его щите.

И ты ступила в крепость Агры,
Светла, как древняя Лилит,
Твои веселые онагры
Звенели золотом копыт.

Был вечер тих. Земля молчала,
Едва вздыхали цветники,
Да от зеленого канала,
Взлетая, реяли жуки.

И я следил в тени колонны
Черты алмазного лица
И ждал, коленопреклоненный,
В одежде розовой жреца.

Узорный лук в дугу был согнут,
И, вольность древнюю любя,
Я знал, что мускулы не дрогнут
И острие найдет тебя.

Тогда бы вспыхнуло былое:
Князей торжественный приход,
И пляски в зарослях алоэ,
И дни веселые охот.

Но рот твой, вырезанный строго,
Таил такую смену мук,
Что я в тебе увидел Бога
И робко выронил свой лук.

Толпа рабов ко мне метнулась,
Теснясь, волнуясь и крича,
И ты лениво улыбнулась
Стальной секире палача.

137

Тебе бродить по солнечным лугам,
Зеленых трав, смеясь, раздвинуть стены!
Так любят льнуть серебряные пены
К твоим нагим и маленьким ногам.

Весной в лесах звучит веселый гам,
Всё чувствует дыханье перемены;
Больны луной, проносятся гиены,
И пляски змей странны по вечерам.

Как белая восторженная птица,
В груди огонь желанья распаля,
Проходишь ты, и мысль твоя томится:
Ты ждешь любви, как влаги ждут поля;
Ты ждешь греха, как воли кобылица;
Ты страсти ждешь, как осени земля!

138. СУДНЫЙ ДЕНЬ

В.И.Иванову

Раскроется серебряная книга,
Пылающая магия полудней,
И станет храмом брошенная рига,
Где, нищий, я дремал во мраке будней.

Священных схим озлобленный расстрига,
Я принял мир и горестный, и трудный,
Но тяжкая на грудь легла верига,
Я вижу свет... то День подходит Судный.

Не смирну, не бдолах, не кость слоновью —
Я приношу зовущему пророку
Багряный сок из винограда сердца.

И он во мне поймет единоверца,
Залитого, как он, во славу Року
Блаженно расточаемою кровью.

139

Нежданно пал на наши рощи иней,
Он не сходил так много-много дней,
И полз туман, и делались тесней
От сорных трав просветы пальм и пиний.

Гортани жег пахучий яд глициний,
И стыла кровь, и взор глядел тусклей,
Когда у стен раздался храп коней,
Блеснула сталь, пронесся крик эриний.

Звериный плащ полуспустив с плеча,
Запасы стрел еще не расточа,
Как груды скал, задумчивы и буры,

Они пришли, губители богов,
Соперники летучих облаков,
Неистовые воины Ассуры.

140. ВОИН АГАМЕМНОНА

Смутную душу мою тяготит
Странный и страшный вопрос:
Можно ли жить, если умер Атрид,
Умер на ложе из роз?

Всё, что нам снилось всегда и везде,
Наше желанье и страх,
Все отражалось, как в чистой воде,
В этих спокойных очах.

В мышцах жила несказанная мощь,
Нега — в изгибе колен,
Был он прекрасен, как облако, — вождь
Золотоносных Микен.

Что я? Обломок старинных обид,
Дротик, упавший в траву.
Умер водитель народов, — Атрид,
Я же, ничтожный, живу.

Манит прозрачность глубоких озер,
Смотрит с укором заря.
Тягостен, тягостен этот позор —
Жить, потерявши царя!

141

В моих садах — цветы, в твоих — печаль...
Приди ко мне, прекрасною печалью
Заворожи, как дымчатой вуалью,
Моих садов мучительную даль.

Ты — лепесток иранских белых роз.
Войди сюда, в сады моих томлений,
Чтоб не было порывистых движений,
Чтоб музыка была пластичных поз,

Чтоб пронеслось с уступа на уступ
Задумчивое имя Беатриче
И чтоб не хор менад, а хор девичий
Пел красоту твоих печальных губ.

142

Пощади, не довольно ли жалящей боли,
Темной пытки отчаянья, пытки стыда!
Я оставил соблазн роковых своеволий,
Усмиренный, покорный, я твой навсегда.

Слишком долго мы были затеряны в безднах,
Волны-звери, подняв свой мерцающий горб,
Нас крутили и били в объятьях железных
И бросали на скалы, где пряталась скорбь.

Но теперь, словно белые кони от битвы,
Улетают клочки грозовых облаков.
Если хочешь, мы выйдем для общей молитвы
На хрустящий песок золотых островов.

143

Я не буду тебя проклинать,
Я печален печалью разлуки,
Но хочу и теперь целовать
Я твои уводящие руки.

Всё свершилось, о чем я мечтал
Еще мальчиком странно-влюбленным,
Я увидел блестящий кинжал
В этих милых руках обнаженным.

Ты подаришь мне смертную дрожь,
А не бледную дрожь сладострастья,
И меня навсегда уведешь
К островам совершенного счастья.

144. У БЕРЕГА

Сердце — улей, полный сотами,
Золотыми, несравненными!
Я борюсь с водоворотами
И клокочущими пенами.

Я трирему с грудью острою
В буре бешеной измучаю,
Но домчусь к родному острову
С грозовою сизой тучею.

Я войду в дома просторные,
Сердце встречами обрадую
И забуду годы черные,
Проведенные с Палладою.

Так! Но кто, подобный коршуну,
Над моей душою носится,
Словно манит к року горшему,
С новой кручи в бездну броситься?

В корабле раскрылись трещины,
Море взрыто ураганами,
Берега, что мне обещаны,
Исчезают за туманами.

И шепчу я, робко слушая
Вой над водною пустынею:
«Нет, союза не нарушу я
С необорною богинею».

145. ИЗБИЕНИЕ ЖЕНИХОВ

Только над городом месяц двурогий
Остро прорезал вечернюю мглу,
Встал Одиссей на высоком пороге,
В грудь Антиноя он бросил стрелу.

Чаша упала из рук Антиноя,
Очи окутал кровавый туман,
Легкая дрожь... и не стало героя,
Лучшего юноши греческих стран.

Схвачены ужасом, встали другие,
Робко хватаясь за щит и за меч,
Тщетно! Уверенны стрелы стальные,
Злобно-насмешлива царская речь:

«Что же, князья знаменитой Итаки,
Что не спешите вы встретить царя,
Жертвенной кровью священные знаки
Запечатлеть у его алтаря?

Вы истребляли под грохот тимпанов
Всё, что мне было богами дано,
Тучных быков, круторогих баранов,
С кипрских холмов золотое вино.

Льстивые речи шептать Пенелопе,
Ночью ласкать похотливых рабынь —
Слаще, чем биться под музыку копий,
Плавать под ужасом водных пустынь!

Что обо мне говорить вы могли бы?
«Он никогда не вернется домой,
Труп его съели безглазые рыбы
В самой бездонной пучине морской».

Как? Вы хотите платить за обиды,
Ваши дворцы предлагаете мне?
Я бы не принял и всей Атлантиды,
Всех городов, погребенных на дне!

Звонко поют окрыленные стрелы,
Мерно блестит угрожающий меч,
Все вы, князья, и трусливый и смелый,
Белою грудой готовитесь лечь.

Вот Евримах, низкорослый и тучный,
Бледен... бледнее он мраморных стен,
В ужасе бьется, как овод докучный,
Юною девой захваченный в плен.

Вот Антином... разъяренные взгляды...
Сам он громаден и грузен, как слон,
Был бы он первым героем Эллады,
Если бы с нами отплыл в Илион.

Падают, падают тигры и лани
И никогда не поднимутся вновь.
Что это? Брошены красные ткани
Или, дымясь, растекается кровь?

Ну, собирайся со мною в дорогу,
Юноша светлый, мой сын Телемах!
Надо служить беспощадному богу,
Богу Тревоги на черных путях.

Снова полюбим влекущую даль мы
И золотой от луны горизонт,
Снова увидим священные пальмы
И опененный, клокочущий Понт.

Пусть не запятнано ложе царицы, —
Грешные к ней прикасались мечты.
Чайки белей и невинней зарницы
Темной и страшной ее красоты».

146. ОДИССЕЙ У ЛАЭРТА

Еще один старинный долг,
Мой рок, еще один священный!
Я не убийца, я не волк,
Я чести сторож неизменный.

Лица морщинистого черт
В уме не стерли вихри жизни.
Тебя приветствуют, Лаэрт,
В твоей задумчивой отчизне.

Смотрю: украсили сады
Холмов утесистые скаты.
Какие спелые плоды,
Как сладок запах свежей мяты!

Я слезы кротости пролью,
Я сердце к счастью приневолю,
Я земно кланяюсь ручью,
И бедной хижине, и полю.

И сладко мне, и больно мне
Сидеть с тобой на козьей шкуре,
Я верю — боги в тишине,
А не в смятенье и не в буре.

Но что мне розовых харит
Неисчислимые услады?!
Над морем встал алмазный щит
Богини воинов, Паллады.

Старик, спеша отсюда прочь,
Последний раз тебя целую
И снова ринусь грудью в ночь
Увидеть бездну грозовую.

Но в час, как Зевсовой рукой
Мой черный жребий будет вынут,
Когда предсмертною тоской
Я буду навзничь опрокинут,

Припомню я не день войны,
Не праздник в пламени и дыме,
Не ласки знойные жены,
Увы, делимые с другими, —

Тебя, твой миртовый венец,
Глаза, безоблачнее неба,
И с нежным именем «отец»
Сойду в обители Эреба.

147

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны —
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель,

Чья не пылью затерянных хартий, —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь

И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Клочья пены с высоких ботфорт,

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыплется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса, —
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,

Меткой пулей, острогой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

×

× М.М.М. ×

Я песни слагаю во славу твою
Затѣмъ, что тебя я безумно люблю
Затѣмъ, что меня ты не любишь.
Я вѣчно страдаю и вѣчно грущу
Но другъ мой прекрасный тебѣ я прощу
За то, что меня ты погубишь...
Такъ раненый въ сердце шипомъ соловей
О розѣ убитый поетъ все нѣжней
И плачетъ въ тоскѣ безнадежной,
А роза, склонясь межъ зеленой листвы
Смѣется надъ скорбью его, какъ и ты
О другъ мой прекрасный и нѣжный.

148

Вы все, паладины Зеленого Храма,
Над пасмурным морем следившие румб,
Гонзальво и Кук, Лаперуз и де Гама,
Мечтатель и царь, генуэзец Колумб!

Ганнон Карфагенянин, князь Сенегамбий,
Синдбад-Мореход и могучий Улисс,
О ваших победах гремят в дифирамбе
Седые валы, набегая на мыс!

А вы, королевские псы, флибустьеры,
Хранившие золото в темном порту,
Скитальцы-арабы, искатели веры
И первые люди на первом плоту!

И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостылели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!

Как странно, как сладко входить в ваши грезы,
Заветные ваши шептать имена
И вдруг догадаться, какие наркозы
Когда-то рождала для вас глубина!

И кажется: в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчелы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!»

И карлики с птицами спорят за гнезда,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звезды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

149

Только глянет сквозь утесы
Королевский старый форт,
Как веселые матросы
Поспешат в знакомый порт.

Там, хватив в таверне сидру,
Речь ведет болтливый дед,
Что сразить морскую гидру
Может черный арбалет.

Темнокожие мулатки
И гадают, и поют,
И несется запах сладкий
От готовящихся блюд.

А в заплеванных тавернах
От заката до утра
Мечут ряд колод неверных
Завитые шулера.

Хорошо по докам порта
И слоняться, и лежать,
И с солдатами из форта
Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок
Дерзко выклянчить два су,
Продавать им обезьянок
С медным обручем в носу.

А потом бледнеть от злости,
Амулет зажать в полу,
Всё проигрывая в кости
На затоптанном полу.

Но смолкает зов дурмана,
Пьяных слов бессвязный лёт,
Только рупор капитана
Их к отплытью призовет.

150

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль Летучего Голландца.

Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но, знак печали и несчастий,
Огни святого Эльма светятся,
Усеяв борт его и снасти.

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою.
Окровавленной, но железною,
В штурвал вцепляется — другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.
Так смотрят трупы на пожарище,
Невыразимо и угрюмо.

И если в час прозрачный, утренний
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучил голос внутренний
Слепым предвестием печали.

Ватаге буйной и воинственной
Так много сложено историй,
Но всех страшней и всех таинственней
Для смелых пенителей моря —

О том, что где-то есть окраина —
Туда, за тропик Козерога! —
Где капитана с ликом Каина
Легла ужасная дорога.

151. ПОПУГАЙ

Я — попугай с Антильских островов,
Но я живу в квадратной келье мага.
Вокруг — реторты, глобусы, бумага,
И кашель старика, и бой часов.

Пусть в час заклятий, в вихре голосов
И в блеске глаз, мерцающих, как шпага,
Ерошат крылья ужас и отвага
И я сражаюсь с призраками сов...

Пусть! Но едва под этот свод унылый
Войдет гадать о картах иль о милой
Распутник в раззолоченном плаще, —

Мне грезится корабль в тиши залива,
Я вспоминаю солнце... и вотще
Стремлюсь забыть, что тайна некрасива.

152. ВОСПОМИНАНЬЕ

Когда в полночной тишине
Мелькнет крылом и крикнет филин,
Ты вдруг прислонишься к стене,
Волненьем сумрачным осилен.

О чем напомнит этот звук,
Загадка вещая для слуха?
Какую смену древних мук,
Какое жало в недрах духа?

Былое память воскресит
И снова с плачем похоронит
Восторг, который был открыт
И не был узнан, не был понят.

Тот сон, что в жизни ты искал,
Внезапно сделается ложным,
И мертвый черепа оскал
Тебе шепнет о невозможном.

Ты прислоняешься к стене,
А в сердце ужас и тревога,
Так страшно слышать в тишине
Шаги неведомого бога.

Но миг! И, чуя близкий плен,
С душой, отдавшейся дремоте,
Ты промелькнешь средь белых пен
В береговом водовороте.

153. СВИДАНИЕ

Сегодня ты придешь ко мне,
Сегодня я пойму,
Зачем так странно при луне
Остаться одному.

Ты остановишься, бледна,
И тихо сбросишь плащ.
Не так ли полная луна
Встает из темных чащ?

И, околдованный луной,
Окованный тобой,
Я буду счастлив тишиной,
И мраком, и судьбой.

Так зверь безрадостных лесов,
Почуявший весну,
Внимает шороху часов
И смотрит на луну,

И тихо крадется в овраг
Будить ночные сны,
И согласует легкий шаг
С движением луны.

Как он, и я хочу молчать,
Тоскуя и любя,
С тревогой древнею встречать
Мою луну, тебя.

Проходит миг, ты не со мной,
И снова день и мрак,
Но, обожженная луной,
Душа хранит твой знак.

Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но, как луна, всегда светла
Полночная любовь.

154. УХОДЯЩЕЙ

Не медной музыкой фанфар,
Не грохотом рогов
Я мой приветствовал пожар
И сон твоих шагов. —

Сковала бледные уста
Святая Тишина,
И в небе знаменем Христа
Сияла нам луна.

И рокотали соловьи
О Розе Горних стран,
Когда глаза мои, твои
Заворожил туман.

И вот теперь, когда с тобой
Я здесь последний раз,
Слезы ни флейта, ни гобой
Не вызовут из глаз.

Теперь душа твоя мертва,
Мечта твоя темна,
А мне все те ж твердит слова
Святая Тишина.

Соединяющий тела
Их разлучает вновь,
Но будет жизнь моя светла,
Пока жива любовь.

155

Вы пленены игрой цветов и линий,
У Вас в душе и радость, и тоска,
Когда весной торжественной и синей
Так четко в небе стынут облака.

И рады Вы, когда ударом кисти
Вам удается их сплести в одно,
Еще светлей, нежней и золотистей
Перенести на Ваше полотно.

И грустно Вам, что мир неисчерпаем,
Что до конца нельзя его пройти,
Что из того, что было прежде раем,
Теперь идут все новые пути.

Но рок творцов не требует участья,
Им незнакома горечь слова — «жаль»,
И если всё слепительнее счастье,
Пусть будет всё томительней печаль.

156. АКРОСТИХ

Когда Вы будете большою,
А я — негодным стариком,
Тогда, согбенный над клюкою,
Я вновь увижу Ваш альбом,

Который рифмами всех вкусов,
Автографами всех имен —
Ремизов, Бальмонт, Блок и Брюсов —
Давно уж будет освящен.

О, счастлив буду я напомнить
Вам время давнее, когда
Стихами я помог наполнить
Кардон нетронутый тогда.
А Вы, Вы скажете мне бойко:
«Я в прошлом помню только Бойку!»

157. ТОВАРИЩ

Что-то подходит близко, верно,
Холод томящий в грудь проник.
Каждую ночью в тьме безмерной
Я вижу милый, странный лик.

Старый товарищ, древний ловчий,
Снова встаешь ты с ночного дна,
Тигра смелее, барса ловче,
Сильнее грузного слона.

Помню, всё помню; как забуду
Рыжие кудри, крепость рук,
Меч твой, вносивший гибель всюду,
Из рога турьего твой лук?

Помню и волка; с нами в мире
Вместе бродил он, вместе спал,
Вечером я играл на лире,
А он тихонько подвывал.

Что же случилось? Чьею властью
Вытоптан был наш дикий сад?
Раненый коршун, темной страстью
Товарищ дивный был объят.

Спутанно помню — кровь повсюду,
Душу гнетущий мертвый страх,
Ночь, и героев павших груду,
И труп товарища в волнах.

Что же теперь, сквозь ряд столетий,
Выступил ты из смертных чащ, —
В смуглых ладонях лук и сети
И на плечах багряный плащ?

Сладостной верю я надежде,
Лгать не умеют сердцу сны,
Скоро пройду с тобой, как прежде,
В полях неведомой страны.

158. СЕМИРАМИДА

Светлой памяти И.Ф.Анненского

Для первых властителей завиден мой жребий,
И боги не так горды.
Столпами из мрамора в пылающем небе
Укрепились мои сады.

Там рощи с цистернами для розовой влаги,
Голубые, нежные мхи,
Рабы и танцовщицы, и мудрые маги,
Короли четырех стихий.

Всё манит и радует, всё ясно и близко,
Всё таит восторг тишины,
Но каждою полночью так страшно и низко
Наклоняется лик луны.

И в сумрачном ужасе от лунного взгляда,
От цепких лунных сетей,
Мне хочется броситься из этого сада
С высоты семисот локтей.

159. В БИБЛИОТЕКЕ

М.Кузмину

О, пожелтевшие листы
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль пьянее, чем наркотик!

Мне нынче труден мой урок.
Куда от странной грезы деться?
Я отыскал сейчас цветок
В процессе древнем Жиль де Реца.

Изрезан сетью бледных жил,
Сухой, но тайно благовонный...
Его, наверно, положил
Сюда какой-нибудь влюбленный.

Еще от алых женских губ
Его пылали жарко щеки,
Но взор очей уже был туп
И мысли холодно-жестоки.

И, верно, дьявольская страсть
В душе вставала, словно пенье,
Что дар любви, цветок, увясть
Был брошен в книге преступленья.

И после, там, в тени аркад,
В великолепьи ночи дивной

Кого заметил тусклый взгляд,
Чей крик послышался призывный?

Так много тайн хранит любовь,
Так мучат старые гробницы!
Мне ясно кажется, что кровь
Пятнает многие страницы.

И терн сопутствует венцу,
И бремя жизни — злое бремя...
Но что до этого чтецу,
Неутомимому, как время!

Мои мечты... они чисты,
А ты, убийца дальний, кто ты?!
О, пожелтевшие листы,
Шагреневые переплеты!

160. ПОТОМКИ КАИНА

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышней мзды,
Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев — все запретные труды,
Для девушек — янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

161. СОН АДАМА

От плясок и песен усталый Адам
Заснул, неразумный, у Древа Познанья.
Над ним ослепительных звезд трепетанья,
Лиловые тени скользят по лугам,
И дух его сонный летит над лугами,
Внезапно настигнут зловещими снами.

Он видит пылающий ангельский меч,
Что жалит нещадно его и подругу
И гонит из рая в суровую вьюгу,
Где нечем прикрыть им ни бедер, ни плеч...
Как звери, должны они строить жилище,
Пращой и дубиной искать себе пищи.

Обитель труда и болезней... Но здесь
Впервые постиг он с подругой единство.
Подруге — блаженство и боль материнства,
И заступ ему, чтобы вскапывать весь.
Служеньем Иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вот новые люди... Очерчен их рот,
Их взоры не блещут, и смех их случаен.
За вепрями сильный охотится Каин,
И Авель сбирает маслины и мед,
Но воле не служат они патриаршей:
Пал младший и в ужасе кроется старший.

И многое видит смущенный Адам:
От тонет душою в распутстве и неге,
Он ищет спасенья в надежном ковчеге
И строится снова, суров и упрям,
Медлительный пахарь, и воин, и всадник...
Но Бог охраняет его виноградник.

На бурый поток наложил он узду,
Бессонною мыслью постиг равновесье,
Как ястреб, врезается он в поднебесье,
У косной земли отнимает руду.
Покорны и тихи, хранят ему книги
Напевы поэтов и тайны религий.

И в ночь волхвований на пышные мхи
К нему для объятий нисходят сильфиды,
К услугам его, отомщать за обиды, —
И звездные духи, и духи стихий,
И к солнечным скалам из грозной пучины
Влекут его челн голубые дельфины.

Он любит забавы опасной игры —
Искать в океанах безвестные страны,
Ступать безрассудно на волчьи поляны
И видеть равнину с высокой горы,
Где с узких тропинок срываются козы
И душные, красные клонятся розы.

Он любит и скрежет стального резца,
Дробящего глыбистый мрамор для статуй,
И девственный холод зари розоватой,
И нежный овал молодого лица, —
Когда на холсте под ударами кисти
Ложатся они и светлей, и лучистей.

Устанет — и к небу возводит свой взор,
Слепой и кощунственный взор человека:
Там, Богом раскинут от века до века,
Мерцает над ним многозвездный шатер.
Святыми ночами, спокойный и строгий,
Он клонит колена и грезит о Боге.

Он новые мысли, как светлых гостей,
Всегда ожидает из розовой дали,
А с ними, как новые звезды, печали
Еще неизведанных дум и страстей,
Провалы в мечтаньях и ужас в искусстве,
Чтоб сердце болело от тяжких предчувствий.

И кроткая Ева, игрушка богов,
Когда-то ребенок, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
В зловещем мерцаньи ее жемчугов,
Предвестница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобных, и хмурых несчастий.

Так золото манит и радует взгляд,
Но в золоте темные силы таятся,
Они управляют рукой святотатца
И в братские кубки вливают свой яд,
Не в силах насытить, смеются и мучат,
И стонам и крикам неистовым учат.

Он борется с нею. Коварный, как змей,
Ее он опутал сетями соблазна.
Вот Ева — блудница, лепечет бессвязно,
Вот Ева — святая, с печалью очей.
То лунная дева, то дева земная,
Но вечно и всюду чужая, чужая.

И он наконец беспредельно устал,
Устал и смеяться и плакать без цели;
Как лебеди, стаи веков пролетели,
Играли и пели, он их не слыхал;
Спокойный и строгий, на мраморных скалах,
Он молится Смерти, богине усталых:

«Узнай, Благодатная, волю мою:
На степи земные, на море земное,
На скорбное сердце мое заревое
Пролей смертоносную влагу свою.
Довольно бороться с безумьем и страхом.
Рожденный из праха, да буду я прахом!»

И, медленно рея багровым хвостом,
Помчалась к земле голубая комета.
И страшно Адаму, и больно от света,
И рвет ему мозг нескончаемый гром.
Вот огненный смерч перед ним закрутился,
Он дрогнул и крикнул... и вдруг пробудился.

Направо — сверкает и пенится Тигр,
Налево — зеленые воды Евфрата,
Долина серебряным блеском объята,
Тенистые отмели манят для игр,
И Ева кричит из весеннего сада:
«Ты спал и проснулся... Я рада, я рада!»

162

Она говорила: «Любимый, любимый,
Ты болен мечтою, ты хочешь и ждешь,
Но память о прошлом, как ратник незримый,
Взнесла над тобой угрожающий нож.

О чем же ты грезишь с такою любовью,
Какую ты ищешь себе Госпожу?
Смотри, я прильну к твоему изголовью
И вечные сказки тебе расскажу.

Ты знаешь, что женское тело могуче,
В нем радости всех неизведанных стран,
Ты знаешь, что женское сердце певуче,
Умеет целить от тоски и от ран.

Ты знаешь, что, робко себя сберегая,
Невинное тело от ласки тая,
Тебя никогда не полюбит другая
Такой беспредельной любовью, как я».

Она говорила, но, полный печали,
Он думал о тонких руках, но иных;
Они никогда никого не ласкали,
И крестные язвы застыли на них.

163. АКРОСТИХ

Мощь и нега —
Изначально!
Холод снега,
Ад тоски.
И красива, и могуча,
Лира Ваша так печальна,
Уводящая в пески.
Каждый путник
Утомленный
Знает лютни
Многих стран,
И серебряная туча
На груди его влюбленно
Усмиряет горечь ран.

1910

164

Гляжу на Ваше платье синее,
Как небо в дальней Абиссинии,
И украшаю Ваш альбом
Повествованием о том.

165. МАРКИЗ ДЕ КАРАБАС

С. Ауслендеру

Весенний лес певуч и светел,
Черны и радостны поля.
Сегодня я впервые встретил
За старой ригой журавля.

Смотрю на тающую глыбу,
На отблеск розовых зарниц,
А умный кот мой ловит рыбу
И в сеть заманивает птиц.

Он знает след хорька и зайца,
Лазейки сквозь камыш к реке,
И так вкусны сорочьи яйца,
Им испеченные в песке.

Когда же роща тьму приkличет,
Туман уронит капли рос
И задремлю я, он мурлычет,
Уткнув мне в руку влажный нос:

«Мне сладко вам служить. За вас
Я смело миру брошу вызов.
Ведь вы маркиз де Карабас,
Потомок самых древних рас,
Средь всех отличенный маркизов.

И дичь в лесу, и сосны гор,
Богатых золотом и медью,
И нив желтеющих простор,
И рыба в глубине озер
Принадлежат вам по наследью.

Зачем же спите вы в норе,
Всегда причудливый ребенок,
Зачем не жить вам при дворе,
Не есть и пить на серебре
Средь попугаев и болонок?!»

Мой добрый кот, мой кот ученый
Печальный подавляет вздох
И лапкой белой и точеной,
Сердясь, вычесывает блох.

Наутро снова я под ивой
(В ее корнях такой уют)
Рукой рассеянно-ленивой
Бросаю камни в дымный пруд.

Как тяжелы они, как метки,
Как по воде они скользят!
...И в каждой травке, в каждой ветке
Я мой встречаю маркизат.

1905 г. 17 октября [illegible]

[illegible]

×

× ×

Захотелось жабе черной
Заползти на царский тронъ,
Ядъ несносный, ядъ упорный
Въ жабе черной затаенъ.

Дворъ смущенно умолкаетъ,
Любопытно смотритъ голь,
Место жабе уступаетъ
Обезумевший король.

Чтобъ спасти свои седины
И оставшуюся власть,
Своего родного сына
Онъ бросаетъ жабе въ пасть.

Жаба властвуетъ сердито,
Жаба любитъ трескъ и громъ
Тиной черной, ядовитой
Все обрызгала кругомъ.

После может быть прибудетъ
Победитель нежныхъ чаръ,
Но предание не забудетъ
Отвратительный кошмаръ.

Расстрелян в 1921 году в Петрограде.

Когда он написал мне в [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

166

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая,
Ночью был зарезан в драке
И пришел к преддверьям рая.

«Ты ль в Моем не клялся храме, —
Прозвучала речь Мадонны, —
Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?

Отойди, не эти жатвы
Собирает Царь Небесный.
Кто нарушил слово клятвы,
Гибнет, Богу неизвестный».

Но, печальный и упрямый,
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

167. ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ

Картина в Лувре работы неизвестного

Его глаза — подземные озера,
Покинутые царские чертоги.
Отмечен знаком высшего позора,
Он никогда не говорит о Боге.

Его уста — пурпуровая рана
От лезвия, пропитанного ядом;
Печальные, сомкнувшиеся рано,
Они зовут к непознанным усладам.

И руки — бледный мрамор полнолуний,
В них ужасы неснятого проклятья.
Они ласкали девушек-колдуний
И ведали кровавые распятья.

Ему в веках достался странный жребий —
Служить мечтой убийцы и поэта.
Быть может, как родился он, — на небе
Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,
В его душе печали без названья.
На все сады Мадонны и Киприды
Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,
И нежен цвет его атласной кожи.
Он может улыбаться и смеяться,
Но плакать... плакать больше он не может.

168. ЧИТАТЕЛЬ КНИГ

Читатель книг, и я хотел найти
Мой тихий рай в покорности сознанья,
Я их любил, те странные пути,
Где нет надежд и нет воспоминанья.

Неутомимо плыть ручьями строк,
В проливы глав вступать нетерпеливо,
И наблюдать, как пенится поток,
И слушать гул идущего прилива!

Но вечером... О, как она страшна,
Ночная тень за шкафом, за киотом,
И маятник, недвижный, как луна,
Что светит над мерцающим болотом!

169. АДАМ

Адам, униженный Адам,
Твой бледен лик и взор твой бешен,
Скорбишь ли ты по тем плодам,
Что ты срывал, еще безгрешен?

Скорбишь ли ты о той поре,
Когда, еще ребенок-дева,
В душистый полдень на горе
Перед тобой плясала Ева?

Теперь ты знаешь тяжкий труд
И дуновенье смерти грозной,
Ты знаешь бешенство минут,
Припоминая слово «поздно».

И боль жестокую, и стыд
Неутолимый и бесстрастный,
Который медленно томит,
Который мучит сладострастно.

Ты был в раю, но ты был царь,
И честь была тебе порукой,
За счастье, вспыхнувшее встарь,
Надменный втрое платит мукой.

За то, что не был ты как труп,
Горел, искал и был обманут,
В высоком небе хоры труб
Тебе греметь не перестанут.

В суровой доле будь упрям,
Будь хмурым, бледным и согбенным,
Но не скорби по тем плодам,
Неискупленным и презренным.

170. ТЕАТР

Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы — смешные актеры
В театре Господа Бога.

Бог восседает на троне,
Смотрит, смеясь, на подмостки,
Звезды на пышном хитоне —
Позолоченные блестки.

Так хорошо и привольно
В ложе предвечного света.
Дева Мария довольна,
Смотрит, склоняясь, в либретто:

«Гамлет? Он должен быть бледным.
Каин? Тот должен быть грубым...»
Зрители внемлют победным
Солнечным, ангельским трубам.

Бог, наклонясь, наблюдает.
К пьесе он полон участья.
Жаль, если Каин рыдает,
Гамлет изведает счастье!

Так не должно быть по плану!
Чтобы блюсти упущенья,
Боли, глухому титану,
Вверил он ход представленья.

Боль вознеслася горою,
Хитрой раскинулась сетью,
Всех, утомленных игрою,
Хлещет кровавою плетью.

Множатся пытки и казни...
И возрастает тревога:
Что, коль не кончится праздник
В театре Господа Бога?!

171. ДОН ЖУАН

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста;

А в старости принять завет Христа,
Потупить взор, посыпать пеплом темя
И взять на грудь спасающее бремя
Тяжелого железного креста!

И лишь когда средь оргии победной
Я вдруг опомнюсь, как лунатик бледный,
Испуганный в тиши своих путей,

Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

172

У меня не живут цветы,
Красотой их на миг я обманут,
Постоят день-другой и завянут,
У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А наутро — комочек из пуха...
Даже птицы здесь не живут.

Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы,
Сторожат вековые истомы,
Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
Помню, был и горбатым, и нищим...
...Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

173. ЭТО БЫЛО НЕ РАЗ

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной.

Но зато не дивись, мой враждующий друг,
Враг мой, схваченный темной любовью,
Если стоны любви будут стонами мук,
Поцелуи — окрашены кровью.

174. КЕНГУРУ

Утро девушки

Сон меня сегодня не разнежил,
Я проснулась рано поутру
И пошла, вдыхая воздух свежий,
Посмотреть ручного кенгуру.

Он срывал пучки смолистых игол,
Глупый, для чего-то их жевал
И смешно, смешно ко мне запрыгал
И еще смешнее закричал.

У него так неуклюжи ласки,
Но и я люблю ласкать его,
Чтоб его коричневые глазки
Мигом осветило торжество.

А потом, охвачена истомой,
Я мечтать уселась на скамью:
Что ж нейдет он, дальний, незнакомый,
Тот один, которого люблю!

Мысли так отчетливо ложаться,
Словно тени листьев поутру.
Я хочу к кому-нибудь ласкаться,
Как ко мне ласкался кенгуру.

175

Ты помнишь дворец великанов,
В бассейне серебряных рыб,
Аллеи высоких платанов
И башни из каменных глыб?

Как конь золотистый у башен,
Играя, вставал на дыбы
И белый чепрак был украшен
Узорами тонкой резьбы?

Ты помнишь, у облачных впадин
С тобою нашли мы карниз,
Где звезды, как горсть виноградин,
Стремительно падали вниз?

Теперь, о, скажи, не бледнея,
Теперь мы с тобою не те,
Быть может, сильней и смелее,
Но только чужие мечте.

У нас как точеные руки,
Красивы у нас имена,
Но мертвой, томительной скуке
Душа навсегда отдана.

И мы до сих не забыли,
Хоть нам и дано забывать,
То время, когда мы любили,
Когда мы умели летать.

176. ХРИСТОС

Он идет путем жемчужным
По садам береговым.
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши.

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды, —
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

177. В НЕБЕСАХ

Ярче золота вспыхнули дни,
И бежала Медведица-ночь.
Догони ее, князь, догони,
Заарканъ и к седлу приторочь!

Заарканъ и к седлу приторочь,
А потом в голубом терему
Укажи на Медведицу-ночь
Богатырскому Псу своему.

Мертвой хваткой вцепляется Пес,
Он отважен, силен и хитер,
Он звериную злобу донес
К медведям с незапамятных пор.

Никуда ей тогда не спастись,
И издохнет она наконец,
Чтобы в небе спокойно паслись
Козерог, и Овен, и Телец.

178. ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ

С.Судейкину

Воздух над нами чист и звонок,
В житницу вол отвез зерно,
Отданный повару, пал ягненок,
В медных ковшах играет вино.

Что же тоска нам сердце гложет,
Что мы пытаем бытие?
Лучшая девушка дать не может
Больше того, что есть у нее.

Все мы знавали злое горе,
Бросили все заветный рай,
Все мы, товарищи, верим в море,
Можем отплыть в далекий Китай.

Только не думать! Будет счастье
В самом крикливом какаду,
Душу исполнит нам жгучей страстью
Смуглый ребенок в чайном саду.

В розовой пене встретим даль мы,
Нас испугает медный лев.
Что нам пригрезится в ночь у пальмы,
Как опьянят нас соки дерев?

Праздником будут те недели,
Что проведем на корабле...

Ты ли не опытен в пьяном деле,
Вечно румяный, мэтр Рабле?

Грузный, как бочки вин токайских,
Мудрость свою прикрой плащом,
Ты будешь пугалом дев китайских,
Бедра обвив зеленым плющом.

Будь капитаном! Просим! Просим!
Вместо весла вручаем жердь...
Только в Китае мы якорь бросим,
Хоть на пути и встретим смерть!

Стихотворения, приписываемые Гумилеву

179

Живала Ниагара
Близ озера Дели,
Любовью к Ниагаре
Вожди все летели.

180

Солнце бросило для нас
И для нашего мученья
В яркий час, закатный час
Драгоценные каменья.

Да, мы дети бытия,
Да, мы солнце не обманем.
Огнезарная змея
Проползла по нашим граням.

Научивши нас любить,
Позабыть, что все мы пленны,
Нам она соткала нить,
Нас связавшую с вселенной.

Льется ль песня тишины,
Или бурно бьются струи,
Жизнь и смерть — ведь это сны,
Это только поцелуи.

181

...И взор наклоняя к равнинам,
Он лгать не хотел предо мной.
— Сеньоры, с одним дворянином
Имели мы спор небольшой...

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

В данном разделе помещаются все варианты стихотворных произведений Гумилева, зафиксированные по его прижизненным публикациям и сохранившимся автографам.

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте произведения. Под номерами строк (или строф) в левой колонке указывается источник варианта, оговоренный в комментариях. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта.

Если текст ранней редакции коренным образом отличается от окончательного, он воспроизводится целиком. Авторская орфография не исправляется.

1

9
автограф — Я страшный грешник, я злодей

17 — Я страшный грешник, я злодей

24 — Их манит, их влечет борьба.

25—28 — Меня ж, Господь, прости, прости
Прошу я милости одной
Больную душу отпусти
На незаслуженный покой.

17

загл.
ПК — ГРЕЗА НОЧНАЯ И ТЕМНАЯ

1 — На небе сходились тяжелые, грозные тучи,

5—6 — И волны шептали сибиллы седой заклинанья,
Шатались деревья от песен могучего вала,

9—16 — Друг друга сжимая в объятьях, сверкая доспехом,
Они начинают безумную, дикую пляску,
И ветер приветствует битву рыдающим смехом,
И море грохочет свою вековечную сказку.

Когда я устану от ласковых, нежных объятий,
Когда я устану от мыслей и слов повседневных —

Я слышу, как воздух трепещет от гнева проклятий
Я вижу на холме героев, могучих и гневных.

20

посвящ. автограф — *Посвящается Анне Андреевне Горенко*

16—17 Порхали Голуби Надежды.
Летя в безмирной высоте,
19 И созидали красоте
30 О царстве вечного молчанья
40—41 О тайнах Бога и Вселенной.
Но миг и шепот замолкал,
52 К устам душистым и румяным;
66 Горел улыбкою кристалла,
68 В безмолвьи храма умирала.
74 Одна желавшая напева,
77—79 Кто знает мрак души людской
Ее восторги и печали
Они лазурью голубой
90 Зачем загадочно и зыбко,
95—96 Она для нас больной кошмар,
Иль правда горестней кошмара.
101—102 Не знаем, мрак ночной глубок;
Мечта — пожар, мгновенья — стоны!
111 В ее душе горят слова
113 Они твердят, они поют
116 В чертогах Радостного Бога!
123 И ей живет твоя сестра
125 И ты пока так любишь смех
129 Но если ты желаешь дня
138 Слеза не явится бесплодной,
143—144 И алый мир и мир земли
Предстал, как мир воздушно-белый.

загл. Песнь дриады

157 Так давно я люблю тебя

180 Стыдливо-юная невеста»

190 Безумный крик всемирных оргий

201—202 И в солнца ткань облечена,
Как первозданная святыня

205 В эфире радостном, блестя,

214 Но вечно радостно мгновенье...

32

14 Озаренную ночью глухой
автографы

36

ПК *без загл.*

1—14
Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.

Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растет туман... но я молчу и жду
И верю, я любовь свою найду...
Я конквистадор в панцире железном.

И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту свою создам,
И песней битв любовно зачарую.

Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я вплету в воинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую.

38

загл. *«Северная речь», РЦ 1908*	СМЕРТИ
4	В трубном вое, в бешенстве мечей.
10 *«Северная речь»*	Твои речи были глубоки...
10 *РЦ 1908*	Твои очи были глубоки,

39

вм. загл. *«Весы»* *автограф 1*	1 *без заглавия*
1—16 *«Весы»* *автограф 1*	Я зажег на горах красный факел войны, Разгораяся лижут лазурность огни. Неужели опять для меня суждены Эти звонкие, ясно-кристальные дни? На натянутом луке дрожит тетива, И на поясе бьется сверкающий меч, Он, безумный, еще не забыл острова, Голубые моря несмолкаемых сеч. Для кого же теперь вы готовите смерть, Сильный меч и далеко стреляющий лук? Иль не знаете вы, что разрушена твердь, Что земля к нам склонилась, союзник и друг? Все моря целовали мои корабли, Мы украсили битвою все берега... Неужели за гранью роскошной земли И за гранью небес вы узнали врага!

40

«Весы», автограф 1	*без. загл.*
5	Вокруг вставали волны-стены,

45

«Весы», РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	*без загл.*
2—3 «Весы», РЦ 1908, Ж 1910	Где пробита в мраморе пещера, Мы услышим тайный, робкий шаг,
2—3 автограф 1	В полумраке мраморной пещеры Мы услышим тайный робкий шаг,
5	Подожди, погаснет бледный день,
10	Не нарушим нежное молчанье,
строфа 4 «Весы», автограф 1	*отсутствует*
17	Но когда небесный лунный знак
строфа 6 «Весы», автограф 1	*отсутствует*
24 РЦ 1908, Ж 1910	Вечный Жид пойдет в свою дорогу.

47

11 автограф	Беспечально с ночью споря
14	Император стал у моря
20 «Перевал»	Изукрашенные пальцы.
23	Крокодил горел у судна
вм. строф 4—5 автограф	И утонченного слуги, В мире странного скитальцы Становились друг за друга

Поднимая в знак испуга
Изукрашенные пальцы

И какой-то сказкой чудной
Чуждый людям и природе
Крокодил блистал у судна
Чешуею изумрудной
На серебряной подводе.

48

1—4
«Понедельники газеты "Слово"»

Я долго проигрывал карту за картой,
В горящих глазах собиралася тень...
Луна выплывала безмолвной Астартой,
Но вот побледнела, предчувствуя день.

9—15

Я вышел на воздух... Холодные тени
Дарили забвенье и звали во храм,
Манили на грани нездешних мгновений,
И крест золотой прижимал я к устам.

Стать чище, светлей многозвездного неба,
Твой посох принять, о сестра-нищета,
Бродя по дорогам выпрашивать хлеба,

между 16 и 17

И, может быть, в тихой березовой роще
С горячей молитвой упасть на песок,
Чтоб снова подняться исполненным мощи...
Мой крест золотой — это счастья залог!

17—18

...Мгновенье! И в зале восторженно-шумной
Все смолкли и дико приподнялись с мест,

20

И молча на карту поставил свой крест.

50

1
автограф 1

Недавно у берега нашего бросил

24

Веселым безумьям богов и людей

28

И угольям черных, пылающих глаз.

51

загл. *Италии, автограф 2*	ЗАГАДКА
общ. загл. *«Современные русские лирики»*	ЖЕМЧУГ СЕРЫЙ. БЕАТРИЧЕ.
2 *автографы 1, 2*	Грусть свою в песнях излейте
4 *Италии*	Спойте, играя на флейте.
5 *автограф 1*	Прочь, беспокойные фавны,
5 *автограф 2*	Прочь козлоногие фавны
8 *«Современные русские лирики»*	Бросила рай Беатриче?
10	В тихой вечерней прохладе,
14	В мире лукавых обличий,
18—20 *автографы 1, 2*	В сердце его беспокойном Сделались вихрями света Полднем горящим и знойным.
20 *Италии*	Солнечным буйным приливом.
21 *автографы 1, 2*	Музы, в красивом пеанте

52

загл. *«Весы»*	ИМПЕРАТОРУ КАРАКАЛЛЕ
загл. и подзаг. *автограф 1*	КАРАКАЛЛЕ Посвящение
5	Горе мне! Я не купец, не сенатор,
между 12 и 13	Руки мои безнадежно повисли,

«Весы», автограф 1	Тайные думы мои смущены... Мне ли воспеть твои тонкие мысли? Мне ли воспеть твои знойные сны?

53

загл. *«Весы», автограф 1*	ИМПЕРАТОР
РЦ 1908, Ж 1910	*без загл.*
3 *«Весы», РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1*	О, каким бы был ты властелином,
10 *«Весы», РЦ 1908, Ж 1910*	Цезарь, Юлий-Август и Помпей,
10 *автограф 1*	Цезарь Юлий, Август и Помпей,
13—16	Черное безумье Калигулы Конь его, позорящий сенат, Дикие, тревожащие гулы Ничего тебе не говорят.
22—23	Когда тени упадают ниц, И когда как золото на черни,
23 *«Весы», РЦ 1908, Ж 1910*	Если, точно золото на черни,
26 *«Весы»*	Нежная, как лебедь синих вод,
29	Там, в садах, — торжественное небо,
29 *РЦ 1908, Ж 1910*	Там, в твоих садах, безгрешность неба,
вм. 41—44 *автограф 1*	Меж ветвей раскидистых платана Притаился безобразный пар Стон земли несется из тумана Стон земли, больной от диких чар.
45 *«Весы», РЦ 1908, Ж 1919, автограф 1*	И, великой мукою вселенной

46 *«Весы»*	На мгновенье грудь свою омыв,
46 *РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1*	На минуту грудь свою омыв,
47—48 *«Весы», РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1*	Ты стоишь божественно-надменный, Император, ты тогда счастлив.
49—52	*отсутствуют*
53 *«Весы»*	А потом, в своем зеленом храме,
55—56 *«Весы», РЦ 1908, Ж 1910*	Ты красиво-мерными стихами Вызываешь новую зарю.
55—56 *автограф 1*	Ты красиво-звонкими стихами Пробуждаешь юную зарю.
строфы 12—14 *автограф 2*	И под этим замолчавшим небом Ты с великой тайною — одно, Угрожаешь Фебу, споришь с Фебом, Но о чем — поведать не дано. Он, как ты, изящен и утончен, Но твой взор сверкает горячей, Миг бежит, и дивный спор окончен: Феб отрекся от своих лучей. И тогда в твоем зеленом храме, Медленно, как следует царю, Ты красиво-мерными стихами Вызываешь новую зарю.

54

Ж 1910	*без загл.*
1 *«Весна», Ж 1910*	В мой мозг, в мой гордый мозг собрались думы,
4 *«Весы»*	Толпилися и требовали мести.
4 *Ж 1910*	Они, столпившись, требовали мести.

5—6
«Весна», Ж 1910

Я был один. Мечты мои бежали.
Мои глаза раскрылись от волненья,

1—7
автограф 1

Мне было грустно, думы обступили
Меня, как воры, в тишине предместий,
Унылые, как взмахи черных крылий,
Толпилися и требовали мести.

Я был один, мои мечты бежали,
Моя душа сжималась от волненья,
И я читал на каменной скрижали
Мои слова, дела и преступленья.

8
«Весна», Ж 1910, автограф 1

Мои слова, дела и преступленья.

9—12
«Весна»

За то, что я холодными глазами
Смотрел на игры смелых и победных,
За то, что я горячими губами
Касался губ трепещущих и бледных,

11—12
Ж 1910, автограф 1

За то, что я кровавыми устами
Касался уст трепещущих и бледных.

14
«Весна», Ж 1910, автограф 1

Не знали плуга, были слишком стройны,

16

Обманывали, были беспокойны, —

18

Мой лживый, нежный храм слепцы разрушат,

20

Как нищего, во мгле, меня задушат.

56

2—4
«Сириус», Ж 1910, автограф 1

Поднимались стены замка,
И река вилась змеею,
Как причудливая рамка.

вм. 5—8

Ночью солнце там дремало,
Петь в том замке был обычай,
И он звался замком Лалло,
Лебедей и Горных Кличей.

В замке были властелины —
Принц, на днях еще из детской,

Золотистые павлины
И напыщенный дворецкий.

Принц был облачка прелестней,
Принц был ласточки проворней,
Он был прозван принцем песни
Посреди веселой дворни.

«Сириус», Ж 1910
И павлины, словно феи

автограф 1
И павлины, точно феи

«Сириус», Ж 1910, автограф 1
Краской спорили с цветами,
Выгибая с негой шеи,
Похваляяся хвостами.

Без цветистых прибауток
Говорить не мог дворецкий,
И служил предметом шуток
Всем парик его немецкий.

между 12 и 13
Были выписаны своры
Псов высоких и красивых
И рожки, что звали в горы
В серебристых переливах.

16
Отогнав свою дремоту.

между 16 и 17
Он кричит в смешном испуге
— Кудри смялись, развилися —
«Гей, вы там, постойте, слуги,
Принц, не езди, воротися!

18
автограф 1
Есть запретные дороги

24
«Сириус», Ж 1910, автограф 1
Потрясает ревом горы.

между 24 и 25
Не ходи за те границы,
Помни старые законы,
Видишь, траурные птицы,
В небе плавают вороны...»

между 28 и 29	И, скача из рощей в рощи, Он вошел в страну страданья, Где, как папоротник тощий, Вырастают заклинанья.
29—30	Там жилище людоеда — Скал поднялися уступы
32 *автограф 1*	Тлеют брошенные трупы
33 *«Сириус», Ж 1910,* *автограф 1*	Там, как сны необычайны,
34 *«Сириус», Ж 1910*	Извиваются удавы...
34 *автограф 1*	Поднимаются удавы
39	Не старается он вынуть
40 *«Сириус», Ж 1910,* *автограф 1*	Меч сверкающий из ножен
44	Чтобы вызвать носорога.
46	Друг его в пещерном мраке
50 *«Сириус», Ж 1910,* *автограф 1*	В замок зла и заклинаний
52	Был потащен на аркане.
между 52 и 53	...В час красивый и вечерний, В замок Лалло, Горных Кличей, На потеху праздной черни Принц является с добычей.
вместо 53—60 *автограф 1*	Все дивясь его победам, Принца сравнивают с богом, Пред бессильным людоедом, Пред убитым носорогом. Принц, смеясь и похваляясь, Выступает пред зверинцем И дворецкий ухмыляясь Поспешает вслед за принцем.

58

1—2 *РЦ 1908, Ж 1910,* *Сатанизм, автограф 1*	Кто был бледный и красивый рыцарь, Что проехал на черном коне,
18—19 *автограф 1*	С заклинательной башни в наш дом, И зачем был так суров и долог
21	Я не знаю, многого не знаю,

62

Посвящ. *«Весы»*	*Баронессе де Орвиц-Занетти*
3—4	В увитых ночными цветами гостиных Открылись их странные, дикие ласки.
строфы 2—4	Над ними повисли тяжелые чары, Высокие свечи горели, краснея, И в темные сны погружалися пары, Монах, арлекин или светлая фея. Гремела веселая музыка вальса И я танцевал с куртизанкой Содома, О чем-то вздыхал я, чему-то смеялся И что-то мне было так близко знакомо. Молил я подругу: сними свою маску! Меня так волнуют и дразнят напевы, Какую роскошную, дивную сказку Сплетем мы с тобою, о, смуглая дева!
17	Для всех ты останешься странно-чужою
19—20	И я от людей и от масок сокрою, Что знаю тебя, о царица Содома!
строфы 6—7	Ты вся так прекрасна и так непонятна, Мне душу измучила вечная тайна... «Пойдем же», она мне шепнула чуть-внятно, Как будто невольно, как будто случайно.

И там, где поднялись в конце коридора
Колонны, похожие больше на сказку,
Она улыбнулась мерцанием взора
И быстрым движеньем сняла свою маску.

29 Я вспомнил, я вспомнил... Такие же тени,

32 Умри и воскресни для неги и счастья».

63

РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1 — *без загл.*

строфа 2 автограф 1 — *отсутствует*

11—14 И смущались гордые трибуны
И дрожали черные рабы.

А царица, наклоняясь с ложа,
Радостно играла крутизной,

17 Задыхаясь в несказанном блуде,
РЦ 1908, автограф 1

25 И когда на изумрудах Нила
РЦ 1908, автограф 1

64

загл. ИЗМЕНА
РЦ 1908, автограф 1

2—3 Снилось мне, что я горел на небе
автограф 1 И что жизнь — чудовищная сводня,

7 В сердце — пламя жгучего пожара

13 И нежданно в темном перелеске

24 Разъяренно-лающим собакам

26 Тихими, неслышными шагами,

66

загл. *автограф*	ДИАЛОГ (между Одиссеем и Ахиллом)
8	Черных волос твоих длинные пряди.
9	Ты отдыхаешь под синими кущами,

68

Избранные стихи, «Русь», РЦ 1908, автограф 1	*без загл.*
1	С корабля замечал я не раз,
2—3 *«Русь», автограф 1*	Над пучиной, где солнце лучится, Как рыдает молчанием глаз
13 *«Русь», РЦ 1908, автограф 1*	И когда заглянул я в твой взор,
15 *«Русь», автограф 1*	Я увидел в нем тот же позор,
15 *РЦ 1908*	Я заметил в нем тот же позор,

71

РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	*без загл.*
1 *РЦ 1908, Ж 1910*	Что ты видишь во взоре моем,
1 *автограф 1*	...Что ты видишь во взоре моем,
3 *РЦ 1908, Ж 1910*	— Я в нем вижу глубокое море
3 *автограф 1*	...Я в нем вижу глубокое море
7 *РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1*	Колебались высокие реи

18 О безумной предсмертной борьбе

28 В отуманенном взоре твоем.

73

«Раннее утро», РЦ 1908, Ж 1910, автографы 1, 2 — *без загл.*

21 Ее глаза светилися изменой,

24 Она, как я, любила запах крови...»

автограф 1

25 По деревням собаки выли в страхе,

автограф 2

26—28 В домах рыдали маленькие дети,

«Раннее утро», автограф 2

И хмурые готовили феллаки
Свистящие, безжалостные плети.

75

автограф 1 — *без загл.*

Дня и ночи перемены
Мы не в силах превозмочь.
Слышишь дальний рев гиены,
Это значит — скоро ночь.

Я несу в мои пустыни
Слезы девичей тоски,
Вижу звезды, сумрак синий
И сыпучие пески.

Лев свирепый, лев голодный
Ты сродни опасной мгле,
Бродишь Богу неугодный
По встревоженной земле.

Я не скроюсь, я не скроюсь
От грозящего врага,
Я надела алый пояс
Дорогие жемчуга.

Я украсила брильянтом
Мой венчальный, белый ток
И кроваво-красным бантом
Оттенила бледность щек.

Подойди как смерть красивый,
Точно утро молодой,
Потряси густою гривой
Гривой светло-золотой.

Дай мне вздрогнуть в тяжких лапах,
Ласку смерти приготовь,
Дай услышать страшный запах
Темный, пьяный, как любовь.

Это тело непорочно
И нетронуто людьми,
И его во тьме полночной
Первый ты теперь возьми.

Как куренья дышут травы,
Как невеста, я тиха,
Надо мною взор кровавый
Золотого жениха.

76

«Раннее утро», РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	*без загл.*
4	На цветы и на обои
автограф 1	
7	И капризно омочила
18	Точно белая голубка,
«Раннее утро», автограф 1	

78

РЦ 1908, автографы 1, 2	*без загл.*
6	Но придет и властно взглянет в очи

13	И когда, упав в свою гробницу,
автографы 1, 2	
15	Ты увидишь над собой блудницу
РЦ 1908, автографы 1, 2	
19	Ты не сможешь двинуться, иль крикнуть.
автографы 1, 2	

80

РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	*без. загл.*
1	Царица, иль может быть только печальный ребенс
РЦ 1908	
3—4	И стан перехваченный шалью, казался так тонок
автограф 1	Он тайно стремился навстречу сверкающим зоря
7	Чтоб ехать к серебряным замкам влюбленного принц
8	Они предлагали свои изумрудные спины.
РЦ 1908, автограф 1	
9	Но голос хрустальный казался особенно тонок
автограф 1	
11—12	Царица, иль может быть просто капризный ребено Усталый ребенок с тяжелою мукою взгляда!

81

РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	*без загл.*
1	Я вижу, сегодня, особенно грустен твой взгляд
автограф 1	
6	И шкуру его испещряет волшебный узор
10	И бег его строен, как радостный птичий полет.
15	Но ты слишком много вдыхала тяжелый туман,

82

«Образование», автограф	*без загл. и без посвящ.*
4	Звуки мерные оркестра.
автограф	
7	И металися по зале
9	К золотым спускались рыбкам,

83

6	Они спорят храбрясь и бледнея
автограф 2	

84

РЦ 1908, Ж 1910, Избранные стихи, автографы 1, 2	*без загл.*
2	С красными знаменами пророка
автограф 2	
7	На снастях видны смуглые лица,
РЦ 1908, Ж 1910, Избранные стихи, автографы 1, 2, 4	
9	На площади толпятся дети
автограф 4	
10	Забавны их смуглые тельца
автограф 2	
18	Им многое ясно и понятно,
РЦ 1908, Ж 1910, Избранные стихи, автографы 1, 2, 4	
20	На щеках зловещие пятна
автограф 1	

85

РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	*без загл.*
7 автограф 1	И — кто поймет намек священной тайны?
16 РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	Сплетаяся в молитвенном экстазе.
18	С отливами змеиными на шкуре,
19 автограф 1	Над скалами, где кроются пещеры
23	Пускай сирокко носится в пустыне,

86

загл. РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	ЛЮБОВНИКАМ
1	Печаль их душ родилась возле моря,
6—7 автограф 1	Едва ль была мужская красота Спокойный взор, сомкнутые уста
13	Из всех одной, пленительней, чем сказка,

88

«В мире искусств», РЦ 1908, Ж 1910	*без загл.*
12 «В мире искусств»	В тени дорических колонн
20	«Ты сам пришел ко мне, ты мой!»
22	И набегала полумгла,
24	Стеклянным взглядом зеркала.

89

«Весы», Ж 1910, автографы 1, 2	*без посвящ.*
2 *автограф 1*	Не проси о недоступном, есть различные миры,
6	Тот навек погиб для счастья, для ласкающих лучей
6 *автограф 2*	Тот навек погиб для счастья, для улыбчивых речей
14—16 *автограф 1*	Тотчас бешеные волки устремятся на тебя И запрыгают, завоют в кровожадном исступленьи Белоснежными зубами кости крепкие дробя
21 *«Весы»*	Мальчик, дальше, здесь не встретишь ни веселий, ни сокровищ,
21 *автограф 1*	Мальчик, дальше... Здесь не встретишь ни веселий, ни сокровищ...
24 *«Весы», автограф 1*	И погибни страшной смертью, черной смертью скрипача!

91

«Раннее утро», РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	*без загл.*
2 *автограф 1*	В дальних странах я сбирал червонцы
6 *Ж 1910*	И в душе лелеял песни те же.
16 *автограф 1*	К девушке, закутанной шелками.

92

РЦ 1908, автограф 1	*без загл.*
6 *автограф 1*	Накормил лепешкой с горьким салом

11	Красноватым пламенем лампадка
13	Что там? Или это только тряпки
23	И не раз потом в глухие ночи

93

РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	*с подзаг. «Барабанный бой племени Бурну» без загл.*
между 14 и 15 РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	Встреть спокойно носорога, Как чудовищного бога, Посреди лесного храма Не склони к земле лица, Если страсть твоя упряма, Не закрадется тревога В душу смелого жреца.

95

РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1	*без загл.*
2—4	Повисают как змеи лианы, Разъяренные звери рычат И блуждают седые туманы.
7	Поклоняются странным богам
9 *автограф 1*	Я была женой великого вождя
10 *РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1*	Дочь любимая властительного Чада,
12 *РЦ 1908, Ж 1910*	Совершала тайны древнего обряда.
12 *автограф 1*	Совершала тайну древнего обряда.
13—16 *РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1*	Взор мой был бесстрашен, как стрела, Груди трепетные звали к наслажденью, Я была нежна и не могла Не отдаться заревому искушенью.

23—28 Он сказал, что я красива,
И красу мою стыдливо
Я дала его губам,
И безумной, знойной ночью
Мы увидели воочью
Счастье данное богам.

39
РЦ 1908, Ж 1910 Шкур звериных и тканей восточных,

39
автограф 1 Шкур пантерных и тканей восточных

40—43
РЦ 1908, Ж 1910, автограф 1 Я, как птица, неслася на север,
Я играя ломала мой веер,
Ожидая восторгов полночных.
Я раздвинула гибкие складки

51 Точно вещь я брошена в Марселе.

53
автограф 1 Чтобы спать, вечернею порою

57 Взор мой с каждым часом потухает...

98

4
автограф И клокочущей черною медью кипели вулканы.

12 Вышла тонкая девушка, в голубоватом сияньи

100

загл.
РЦ 1908, Ж 1910 ЯПОНСКОЙ АРТИСТКЕ САДА-ЯККО,
КОТОРУЮ Я ВИДЕЛ В ПАРИЖЕ

перед 1 Мы не ведаем распрей народов, повелительных ссор
государей,
Я родился слагателем сказок, Вы — плясуньей,
певицей, актрисой.
И в блистательном громе оркестра, в электрическом
светлом пожаре
Я любил Ваш задумчивый остров, как он явлен был
темной кулисой.

И пока Вы плясали и пели, поднимая кокетливо веер,
С каждым мигом во мне укреплялась золотая веселая вера,
Что созвучна мечта моя с Вашей, что Вам также пленителен север,
Что Вам нравятся яркие взоры в напряженных глубинах партера.

10 На изящной этажерке.

101

2 автограф 1 Холм перед ними был глух и нем.

2 автограф 2 Лес перед ними был дик и нем.

4 «Здесь будут стены», ответил Рем

6 Мы обрели наш прежний почет»

8 автограф 2 Надо забыть, взглянем вперед»

102

1 автограф 1 Манлий сброшен. Право Рима,

3—4 И как прежде недвижима
Нерушимая скала.

Вм. строфы 3

Чтоб простить его пришлось бы
Слушать просьбы многих губ...
И народ в ответ на просьбы
Получил холодный труп.

Манлий сброшен! Почему же
Шум на улицах растет?
Как жена, утратив мужа,
Мести требует народ.

Семь холмов как звери хмуры
И смущенные стоим

Мы, сенаторы, авгуры,
Чьи отцы воздвигли Рим.

Неужель не лгали басни
И гробы грозят бедой?
Манлий мертв, но он опасней,
Он страшнее, чем живой.

104

подзаг. *«Весна»*	*Бретонская легенда*
«Весна», автограф	*без посвящ.*
3 *«Весна»*	Под мхом едва мерцает пламень,
19 *автограф*	...И берегись его обидеть,
30 *«Весна»*	Увидя блеск его огней,
30 *автограф*	Увидя блеск его щелей
31—32 *«Весна», автограф*	Услыша шум его паденья И жалкий хруст твоих костей.
34 *автограф*	Лишь утром он покинет дом,

106

автограф 1	*без загл.*
3	Но, руками сжимая виски,
строфа 2	И пойду в голубые сада Между ласково-серых равнин И отныне везде и всегда Буду я так отрадно один.
19—20	И я буду бояться всегда Возвращенья к жесткому дню.

107

общ. загл. *Альманах 17*	ИЗ ЦИКЛА «ЖИЗНЬ ВЕКОВ»
6—8 *автограф*	Ты в жертву приносишь себя самою Ты тело даешь для великого бога, А я ему душу мою отдаю.
18	То видит отчизну свою пилигрим...

111

3 *«Весы»*	А сердце бьется и стучит,
8	Мое мучительное горе.
10	Хватаю трепетно поводья
17	Мне сразу хлынет в очи мгла...
20	И покачусь в сырые топи.

114

9 автограф 1	А ушедший в глухие пещеры
10 *ЖТЛХО, автограф 1*	Иль к безлюдью пустынной реки
13	Не избегнешь ты доли кровавой,
14 *автограф 1*	Насмеется беззвучная твердь

115

1—3 *автограф*	Тяжкий колокол на башне Медным ревом заревел, Чтоб огонь пылал бесстрашный
9—11	Звери корчились от боли И испуганные птицы Как багряные зарницы

22	Приближаясь к сладкой цели
24	Потревожил тростники».

116

4 *автограф*	К усыпительной черной земле.
10	На него мой недвижимый труп
12	По иному печален и туп
20	Огневеюще-траурный плот
21 *«Речь»*	Точно демон в лесу волхвований,

117

3—4 *«Весна»*	В бледном небе плавали кондоры, Повисали хмурые громады.
7	Он нашел удобное жилище,
9	Там он жил в тени густых смоковниц,
11	Вспоминал победы и любовниц,

119

общ. загл. *Альманах 17*	ИЗ ЦИКЛА «ЖИЗНЬ ВЕКОВ»
загл. *автограф*	ЦАРИЦА
5 *Альманах 17, автограф*	Трубили герольды. По ветру рвалися знамена,
9—10 *автограф*	Нагая царица томилась в неслыханном блуде Глаза ее были как пропасти темного счастья
12 *Альманах 17*	На гибких руках и ногах трепетали запястья.
12 *автограф*	На стройных руках и ногах трепетали запястья

13	И зов ее мчался, как звоны ласкательной лютни:
18 *Альманах 17*	Пусть в бледные руки вонзятся свирепые гвозди,
18 *автограф*	Пусть в гибкое тело вонзятся свирепые гвозди,
20	И будут пьяней виноградных пурпуровых гроздий.
строфа 6	Давно я ждала вас, могучие грубые люди Мое исступленное сердце не знает боязни, Идите, терзайте для муки расцветшие груди Герольд протрубит, приступайте к восторженной казни.
25	Серебряный рог, изукрашенный костью слоновой,
30 *Альманах 17, автограф*	В зеленых трущобах веселые рокоты птичьи,
34—35 *автограф*	И щеки пылали и ждали сердца преступленья Но хмурый начальник сдержал опененную лошадь
36 *Альманах 17*	С надменной улыбкой полки повернул он на север.
36 *автограф*	С надменной улыбкой он крикнул слова отступленья.

120

между строфами 2 и 3 *Ж 1910*	Тревожный сон... Но сон о небе ли? Нет! На высоком чердаке, Как ряд скелетов, груды мебели В пыли почиют и тоске.

122

«Русская мысль»	*без загл.*
15	Красивая девушка, белая птица
17	И новое солнце запляшет в тумане,

123

«Речь»	*без загл.*
3	Иди, ласкающая тень,
8	О, повелительница-ночь,
«Современные русские лирики»	
9	Ничто не в силах превозмочь
«Речь»	

124

общ. загл.	ИЗ ЦИКЛА «ЖИЗНЬ ВЕКОВ»
Альманах 17	
6	Горы с обеих сторон
20	Чем прожитое вчера

125

загл.	МЕСТЬ
«Весы»	
загл.	*без загл.*
автограф	
1	Она колдует летней ночью
«Весы»	
10	Там кто-то молится и ждет,
13—14	На мертвой площади у сквера,
«Весы», автограф	Где сонно падает роса,
21	Ночные тени будут реже,
автограф	
24	Дыханье моря принесет.
«Весы»	
24	Дыханье моря донесет.
автограф	

126

1	Рощи пальм и дикого алоэ
автограф	
11	Разве ты не можешь жить, как травы

127

автограф	*без загл.*
6	Всё в ней рождает тоску и тревогу
16	Темные грезы оковывать метром.

128

автограс	*без загл.*
4	Сперва предам себя костру.
12	Стучим мы в запертую дверь.
15	Я также выпью светлый нектар

129

15	Но вечер ал и царь устал
автограф 2	
18	Огонь в очах его, огонь.
автографы 1, 2	
19	И волк равнин, крадется финн

132

посвящ. *ЖТЛХО*	*Графине С.И.Толстой*
между строфами 1 и 2 *ЖТЛХО, Ж 1910*	Идем... и каждый взгляд упорен, И ухо ловит каждый звук, И серебром жемчужных зерен Блистают перевязи рук.

6	Под звоны бубнов и литавр
8	Как волк в саду, — угрюмый мавр.
вм. 13—16	Страшна борьба меж днем и ночью, Но Богом нам она дана, Чтоб люди видели воочью, Кому победа суждена. Клинки столкнулись, отскочили... И войско в трепете глядит, Как мы схватились и застыли, Ты — гибкость стали, я — гранит. Меня слепит твой взор упорный, Твои сомкнутые уста, Я задыхаюсь в муке черной, И побеждает красота.
17	Я пал... и молнии победней
вм. строфы 8	«Люблю! О, помни это слово, Я сохраню его всегда, Тебя убила я живого, Но не забуду никогда!» Лучи, сокройтеся назад вы! Но заалела пена рек, Уходишь ты, с тобою клятвы, Ненарушимые навек.
вм. строфы 9 *ЖТЛХО*	И злые злаки мандрагора Старинной теснотою уз, Печатью вечного позора Запечатлели наш союз.

133

10 *«Весы»*	Когда смотрел он в узкое оконце,
13	Не всё ль равно?! Играя и дразня,
19	Бездонная внизу чернела пасть,

134

9—10	Там травы с дивными узорами
«Весы»	И реки точно зеркала,
18—20	Но не решился ни один
	Остановить движенье паруса
	У этих гибельных стремнин.
между строфами 6 и 7	Во сне я вижу тени близкие
	И страны солнца и весны,
	Но тяжко давят тучи низкие
	В лучах опаловой луны.

135

3—4	Вслед за ней неуловима
«Остров»	Вьется линия огня.
14	Вой, мычанье, стон и рев.
29—32	*отсутствуют*
«Утренняя звезда»	

138

11	Багряный ток из винограден сердца
автограф 2	

140

10	Сказка — в изгибе колен,
«Остров», Ж 1910	
14	Камень, упавший в траву?
«Остров»	
19	Нет, я не вынесу этот позор —

141

общ. загл. «Современные русские лирики»	ЖЕМЧУГ СЕРЫЙ. БЕАТРИЧЕ
2 Италии	Приди ж ко мне, красивою печалью
2 «Современные русские лирики»	Приди ко мне, красивою печалью
6 Италии	Приди ко мне, в сады моих томлений,
11	И чтоб не хор менад, но хор девичий

142

6 Италии	Волны — звери, подняв свой сверкающий горб,
9—10	Но теперь, точно белые кони от битвы, Убегают клочки грозовых облаков.

144

7 «Весы»	И домчусь к родному острову

145

10 «Весы»	Каждый хватался за щит и за меч.
20	С кипрских полей золотое вино.
25—28 «Весы», Ж 1910	*отсутствуют*
29	Что? Вы хотите платить за обиды?
34 «Весы»	Грозно блестит угрожающий меч,
41	Вот Амфином... разъяренные взгляды...

146

12 *«Весы»*	Как сладок запах дикой мяты!
29	Но верь, как Зевсовой рукой

147

загл. «Утренняя звезда»	КАПИТАНЫ
7 *«Аполлон»*	Для кого не страшны океаны
13—20 *«Утренняя звезда»*	*отсутствуют*
21 *«Аполлон»*	Пусть безумствует море и плещет,
26	Этот острый, стремительный взгляд,

150

10 *«Аполлон»*	Как знак печали и несчастий,
14—15 *«Аполлон», Ж 1910*	За шляпу держится рукою, Окровавленной, но железной
29 *«Аполлон»*	О том, что в мире есть окраина —

151

подзаг. *Ж 1910*	*Сонет*
6—7 *«Остров»*	И в блеске глаз, стремительных, как шпага, Ерошат перья ужас и отвага

153

вм. 22—32
ЖТЛХО, Ж 1910

Смотреть и изнемочь,
Храня торжественно печать,
Твою печать, о Ночь!

И будет много светлых лун
Во мне и вкруг меня,
И бледный берег древних дюн
Откроется, маня.

И донесет из темноты
Зеленый океан
Кораллы, жемчуг и цветы,
Дары далеких стран.

И вздохи тысячи существ,
Исчезнувших давно,
И темный сон немых веществ,
И звездное вино.

ЖТЛХО

И вдруг, простершейся в пыли,
Душе откроет твердь
Раздумья вещие земли,
Рожденье и смерть.

ЖТЛХО, Ж 1910

...Уйдешь, и буду я внимать
Последней песне лун,
Смотреть, как день встает опять
Над гладью бледных дюн.

26
автограф

Но миг бежит, ты не со мной,

158

загл.
«Аполлон», ПВ

САДЫ СЕМИРАМИДЫ
без посвящ.

10

Всё таит восторг вышины,

159

«Аполлон», ПВ, машинопись	*без посвящ.*
4 машинопись	А пыль пьянее, чем наркотик.
6	Куда от страшной грезы деться,
6 автограф	Куда от странной грезы деться,
8 машинопись	Средь мемуаров Жиль де Реца.
11 машинопись	— Его наверно положил
15 машинопись, ПВ, «Аполлон»	Но взгляд очей уже был туп
17—20 машинопись	И верно дьявольскую страсть В тот миг душа его питала, Что, дар любви, цветок — увясть Был брошен в книге кардинала.
18 «Аполлон», ПВ	Была полна ожесточенья
22 машинопись	В великолепной ночи дивной
24	Чей крик послышался призывный.
26	Так мучат старые гробницы,
32 машинопись, автограф	Неутомимому, как время.
34 машинопись	А ты, убийца дальний, кто ты.

161

2 «Аполлон»	Заснул, неразумный, под древом познанья.
6	Внезапно застигнут зловещими снами.
14	Впервые обрел он с подругой единство.

31 На горный поток наложил он узду,
55 Устанет, и к небу возводит он взор,
60 Он клонит колени, он грезит о Боге.
66 А сердце томится от тяжких предчувствий.
71 Предвестница крови, и бури, и страсти,
88 Восторженно пели, он их не слыхал,
90 Он молится смерти, богине усталых:
101 Вот огненный вихрь перед ним закружился,

165

«Утренняя звезда» *без посвящ.*

17 «Мне сладко вам служить; за вас
36—43 *отсутствуют*

166

5 И, забыв о тайном браке,
«Сатирикон»
14 Собирает Царь Всевышний.
«Сатирикон», Ж 1910
16 В Царстве Божием тот лишний»

177

загл. СКАЗОЧНОЕ
Ж 1910

2 И бежала медведица-ночь.
между строфами 1 и 2
Через лес, через ров, через гать
Устремилась она к колдуну,
Чтоб с недобрым гадать, волховать
И губить молодую весну.

Догони ее, князь, догони,
Не жалей дорогого коня,
Посмотри, усмехаются пни,
В темных дуплах мерцанье огня.

8 Богатырскому псу своему.

9 Мертвой хваткой вцепляется пес,

вместо строфы 4 И Великая Радость, смеясь,
На узорное ступит крыльцо,
Тихо молвит: «люблю тебя, князь,
Для тебя я открыла лицо».

КОММЕНТАРИИ

Первые поэтические опыты Гумилева, по свидетельству матери, относятся к шестилетнему возрасту: еще не научившись писать, будущий поэт сочинял «басни» (Соч III. С. 345). Известно также, что в двенадцать лет Гумилев написал в гимназический рукописный журнал рассказ о морских приключениях, а осенью 1899 г. — большое стихотворение «О превращениях Будды» (Соч III. С. 346—347). В автобиографическом письме к В.Я.Брюсову от 15 мая 1906 г. Гумилев сообщал, что пишет «с двенадцати лет» (Неизд 1986. С. 95), однако никаких более подробных сведений о произведениях, созданных поэтом до 1902 г., сейчас нет.

К сознательному поэтическому творчеству Гумилев обратился в 1900—1901 гг., после его переезда из Петербурга в Тифлис, когда, по словам поэта, стихи «обрушились» на него «с невероятной силой» (Одоевцева И.В. На берегах Невы. М., 1988. С. 61). Тексты тринадцати оригинальных ст-ний «тифлисского периода» (1900—1903) дошли до нас в альбоме, подаренном Гумилевым М.М.Маркс в марте 1903 г. перед отъездом из Тифлиса (см. об этом коммент. к № 1,13). Помимо того, в альбом включен и перевод «Альпийского стрелка» Шиллера.

Состав альбома М.М.Маркс[1]:

«Я в лес бежал из городов...» (1)
Альпийский стрелок[2]
«Я вечернею порою над заснувшею рекою...» (2)
Посвящение к сборнику «Горы и ущелья» (3)[3]
«У скалистого ущелья...» (4)
Молодой францисканец (5)
«Вам, кавказские ущелья...» (6)
«На сердце песни, на сердце слезы...» (7)
«В шумном вихре юности цветущей...» (8)
«Злобный гений, царь сомнений...» (9)
«Много в жизни моей я трудов испытал...» (10)
«Я всю жизнь отдаю для великой борьбы...» (11)
«Во мраке безрадостном ночи...» (12)
«Я песни слагаю во славу твою...» (13)

---

[1] Здесь и далее в скобках указываются номера ст-ний в наст. изд. Названия приводятся по оглавлениям книг Гумилева (в оглавлениях ранних сборников названия не всегда совпадают с заглавиями внутри книги).

[2] Вошло в том «Переводы» данного Собрания сочинений.

[3] Упомянутый сборник Гумилева неизвестен.

Ст-ние № 1 (в другой редакции) было опубликовано в газете «Тифлисский листок» 8 сентября 1902 г. (№ 211). Это — дебют Гумилева в печати. Больше ни одно из стихотворений альбома М.М.Маркс при жизни поэта не печаталось. Публикация альбома М.М.Маркс состоялась в журнале «Литературная Грузия» (1988. № 1).

«Стихи, записанные в Альбоме, крайне подражательны, переполнены ходячими романтическими штампами и представляют сейчас интерес лишь чисто биографический, — пишет А.И.Павловский. — Однако все же симптоматично, что ни романтический настрой, правда, тогда абстрактный и книжный, ни характерный для эпигонской романтической поэзии колорит не ушли из творчества Гумилева вместе с юностью: он так навсегда и остался романтиком» (БП. С. 7). Л.Хихадзе конкретизировала понятие «романтизм» по отношению к произведениям Гумилева «тифлисского периода», утверждая, что «ранняя предпосылка гумилевского творчества — русская романтическая традиция, конкретнее — лермонтовская», в альбоме М.М.Маркс собраны стихотворения «со всеми чертами традиционной кавказской символики, сложившейся в эстетике романтизма, с устоявшимся метафизическим смыслом, от которого шел мощный импульс свободолюбия» (Лит. Грузия. 1988. № 12. С. 122).

С «романтическими» мотивами в произведениях Гумилева «тифлисского периода» переплетаются «покаянные» мотивы, имеющие истоки в гражданской лирике Н.А.Некрасова (на это указывал сам Гумилев в анкете об отношении к поэзии Н.А.Некрасова — Соч III. С. 231) и в творчестве С.Я.Надсона. Наконец, в некоторых ст-ниях альбома М.М.Маркс можно заметить влияние поэзии К.Д.Бальмонта (см.: БП. С. 6—7), прежде всего — в поэтике, преодолевающей ритмические шаблоны лирики 70—80-х гг. XIX в.

С переездом Гумилева летом 1903 г. в Царское Село совпал переворот в мировоззрении поэта, окончательно утвердивший его на позициях сторонника символизма («новой школы») в русской поэзии. Ст-ния 1903—1905 гг. большей частью вошли в книгу стихов «Путь конквистадоров», вышедшую в октябре 1905 г. (цензурное разрешение датировано 3 октября 1905 г.) в Санкт-Петербурге в типографии Р.С. Вольпина. Книга была издана на средства автора тиражом в 1000 экз.

Архитектоника книги, поделенной на отделы, достаточно сложна. Система архитектонических «знаков», созданная Гумилевым, — эпиграфы и названия отделов — призвана стимулировать ассоциативный поиск читателем «общего», символического смысла, лежащего вне содержательной конкретики каждого отдельного ст-ния. Весьма вероятно, что источником подобного замысла послужило «Предисловие» В.Я.Брюсова к вышедшей в 1903 г. его книге «Urbi et orbi». «Книга стихов, — писал Брюсов, — должна быть не случайным *сборником* разнородных стихотворений, а именно *книгой*, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхвачен-

ное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя противопоставлять произвольно» (Среди стихов. С. 77. Курсив автора. — *Ред.*).

Эпиграфом к ПК явилась цитата из книги А.Жида «Яства земные»: «Я стал кочевником, чтобы сладострастно прикасаться ко всему, что кочует!»; цитата эта взята дословно из статьи Л.Д.Зиновьевой-Аннибал «В раю отчаянья: Андре Жид» (Весы. 1904. № 10. С. 29).

Состав ПК:

Я конквистадор (36)

МЕЧИ И ПОЦЕЛУИ

Я знаю, что ночи любви нам даны
И яркие, жаркие дни для войны.
Н.Гумилев[1]

С тобой я буду до зари (14)
Песнь Заратустры (15)
Credo (16)
Греза ночная и темная (17)
Песня о певце и короле (18)
Рассказ девушки (35)

ПОЭМЫ

Правду мы возьмем у Бога
Силой огненных мечей.
Н.Гумилев[2]

Дева Солнца (19)
Осенняя песня (20)
Сказка о королях (21)

ВЫСОТЫ И БЕЗДНЫ

Кто знает мрак души людской,
Ее восторги и печали?!
Они эмалью голубой
От нас сокрытые скрижали.
Н.Гумилев[3]

Когда из темной бездны жизни (22)
Людям Настоящего (23)

---

[1] Из неустановленного ст-ния.
[2] Из поэмы «Сказка о королях» (21).
[3] Из поэмы «Осенняя песня» (20).

Людям Будущего (24)
Пророки (25)-
Русалка (32)
На мотивы Грига (26)
Осень (27)
Иногда я бываю печален (28)
По стенам опустевшего дома (29)

Ю.Верховский так трактовал архитектоническую символику ПК: «..."Красивые" слова Андре Жида <...> определяют общий тон едва ли не основной чисто гумилевской поэтической струны, окрашивая романтическим эстетизмом само заглавие книги... "Конквистадор в панцире железном" и "звезда долин лилея голубая" — характерная антитеза вступительного стихотворения. Эпиграфы отделов — стихи самого автора книги — опорные, так сказать, моменты <...> Та же внешне романтическая окрашенность, декоративность — и возвращение к той же антитезе<...> Но <...> эпиграф центрального, эпического по заданию отдела... неожиданно как бы приоткрывает отступившее в тень — внутреннее, идеологическое, в плане какого-то богоборчества...» (Верховский. С. 94, 100).

На выход ПК откликнулся В.Я.Брюсов. «По выбору тем, по приемам творчества автор явно примыкает к "новой школе" в поэзии, — писал он в № 11 "Весов". — Но пока его стихи только перепевы и подражания, далеко не всегда удачные. В книге опять повторены все обычные заповеди декадентства... Отдельные строфы до мучительности напоминают свои образцы, то Бальмонта, то Андр.Белого, то А.Блока <...> Но в книге есть и несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов. Предположим, что она только "путь" нового конквистадора и что его победы и завоевания — впереди» (Среди стихов. С. 165). Не ограничиваясь рецензией в «Весах», Брюсов послал Гумилеву письмо с предложением сотрудничества в журнале. Это послужило началом длительной переписки двух поэтов.

Другая рецензия на ПК принадлежит С. В. фон Штейну, который доброжелательно откликнулся на дебют молодого поэта-царскосела, хотя и заметил, что «сборник стихотворений выпущен юным автором слишком рано: он пестрит детскими страницами, в которых сказалось отсутствие твердой и возмужалой мысли» (Слово. 1906. 21 января).

«"Путь конквистадоров" — наивная и вполне ученическая книжка, которую впоследствии автор старался забыть: так, четвертую по счету книгу "Чужое небо" (1912) он назвал третьей, тем самым решительно вычеркнув из собственной литературной биографии свой формальный дебют, — писал А.И.Павловский. — ...Но все же отдельные стихи из своей юношеской книжки он ценил и три из них, правда в значительно переработанном виде ("Я конквистадор в панцире железном..." под заглавием "Сонет", "Греза ночная и темная" под заглавием "Оссиан", "Сказка о королях" [отрывок. — *Ред.*] — под заглавием "Баллада"), впоследствии перепечатывал» (БП. С. 9). По мнению А.И.Павловского, глав-

ной находкой книги была «маска конквистадора», явившаяся символом стремления «утвердить себя, и не только утвердить, но сделать себя вопреки собственным невыигрышным данным» (Там же). По-иному трактовала символику «конквистадорства» у раннего Гумилева Л.А.Смирнова. «Мужественная интонация, волевое начало становятся доминирующими, — писала она о ПК. — Вот оно — отличие Н.Гумилева от его старших современников: К.Бальмонта, А.Белого, А.Блока... Название "Путь конквистадоров" оттеняло новизну избранной позиции. Идеалы утверждались в "битве", огневой, даже кровавой... Невозможно не вспомнить опыт... Брюсова... Но у младшего (Гумилева. — *Ред.*) сложились другие представления о деянии. Гумилев не столько чувствовал себя первооткрывателем Прекрасного, сколько стремился приблизить возможную гармонию» (Изб (М). С. 11). Необходимо учитывать, что на 1903—1904 гг. приходится период бурного увлечения поэта творчеством Ф.Ницше (Соч. III. С. 349) и в тесном соприкосновении с ницшевским учением в творчестве поэта формируются тематические «гнезда», связанные, во-первых, с идеей «жизнетворчества» (характерной для раннего Ницше), и, во-вторых, с ницшевской утопией «сверхчеловека» (см.: Кузнецова О.А. Все преходящее есть только символ... // Русские поэты «серебряного века»: Сб. стихотворений: В 2 т. Л., 1991. Т.1. С. 18—22; Комольцев А.В. Русское ницшеанство и особености композиции сборника Н.С. Гумилева «Путь конквистадоров» // Гумилевские чтения. С. 170—177).

Другим источником идей и образов стихотворений ПК является оккультная философия, которой начинает в это время интересоваться Гумилев. «...Гумилев довольно рано создает себе определенный идейный запас, — резюмировал Н.А. Богомолов, — основанный прежде всего на поразившей его воображение книге Фридриха Ницше "Так говорил Заратустра" и на представлениях самых различных (преимущественно французских) деятелей "оккультного возрождения"» (Соч I. С. 9).

Несколько ст-ний 1905 г., не вошедших в ПК, было помещено Гумилевым в периодических изданиях и альманахах 1906 г.

Следующим этапом творческой биографии поэта являются годы жизни в Париже (с июля 1906 по май 1908, с небольшими перерывами). Огромную роль в формировании поэтического облика Гумилева в это время играет общение (преимущественно эпистолярное) с В.Я.Брюсовым (см.: Толмачев М.В. Всему, что у меня есть лучшего, я научился у Вас... // Лит. учеба. 1987. № 2) и освоение творческого опыта поэтов-символистов, входивших в круг сотрудников журнала «Весы». С другой стороны, в 1907 г. резко возрастает интерес Гумилева к герметическим учениям, так что увлечения «занятиями по оккультизму и размышлениями о нем» отвлекали даже «от поэзии» (см.: письмо к Брюсову от 24 марта (н.ст.) 1907 // Неизд 1980. С. 13). Не угасает и желание Гумилева с помощью искусства «изменить мир», подобно Будде и Христу (см.: письмо З.Н.Гиппиус к Брюсову от 8/21 января 1907 г. // Валерий Брюсов. М., 1976. С. 691. — Лит. наследство. Т.85), идущее от эстетики раннего Ницше. На

рубеже 1907—1908 гг. поэт переживает острый духовный кризис, порожденный как причинами интимно-личного характера, так и разочарованием в «декадентских» мировоззренческих постулатах.

Ст-ния этого периода частью вошли в книгу «Романтические цветы», а позже — в «Жемчуга», частью — остались при жизни поэта неопубликованными. В это время Гумилев активно публикуется и в периодической печати, прежде всего — в «Весах».

Книга стихов «Романтические цветы» вышла в начале января 1908 г. в Париже, в типографии Danzig. Как и ПК, эта книга издавалась на средства автора.

В отличие от ПК композиционный принцип РЦ 1908 не предполагал деление на отделы. Таким образом архитектоническая организующая функция была целиком эмблематизирована заглавием, а вся книга оказалась единой по тематике. Несомненной кажется реминисцентная перекличка заглавия с названием книги стихов Ш.Бодлера «Цветы зла». «“Романтические цветы” — это имя мне нравится, хотя я и не знаю, что собственно оно значит, — писал в рецензии на РЦ 1908 И.Ф.Анненский. — Но несколько тусклое как символ, оно красиво как звучность, с меня довольно...» (Речь. 1908. 15 дек.). Далее Анненский все же пояснял, что «Романтические цветы» — «искусственные», лучшим комментарием к книжке «служит слово «Париж» на ее этикетке», и отражает она «не только искание красоты, но и красоту исканий» (Там же.) Критик выделил, таким образом, «жизнетворческую» идейную «заданность» книги. «Из всех людей, которых я знаю, — отвечал Анненскому Гумилев, — только Вы увидели в ней (книге. — *Ред.*) самую суть, ту иронию, которая составляет сущность романтизма и в значительной степени обусловила название всей книги» (Неизд 1986. С. 119; см. также: Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский и Николай Гумилев // Вопросы лит-ры. 1987. № 2).

Книга «Посвящается Анне Андреевне Горенко».

Состав РЦ 1908:

Юный маг (63)
Над тростником (73)
Что ты видишь (71)
Там, где похоронен (45)
Мой старый друг (40)
За покинутым жилищем (69)
Император Каракалла (52, 53, 47)
Ахилл и Одиссей (66)
Любовникам (86)
Помпей у пиратов (83)
Улыбнулась и вздохнула (76)
Влюбленная в Дьявола (58)
Смерти (38)
Измена (64)

Под землей есть (78)
Я долго шел (88)
Царица или ребенок (80)
В темных покрывалах (92)
Приближается к Каиру (84)
Сады моей души (85)
Озеро Чад (81, 93, 95)
Следом за Синдбадом (91)
Над пучиной (68)
Мне снилось (70)
На руке моей (72)
Нас было пять (90)
Сада-Якко (100)
Одиноко-незрячее солнце (98)

В статье «Дебютанты» Брюсов дал в целом положительную оценку этому сборнику. «Сравнивая "Романтические цветы" с "Путем конквистадоров", — писал он, — видишь, что автор много и упорно работал над своим стихом. Не осталось и следов прежней небрежности размеров, неряшливости рифм, неточности образов. Стихи Н.Гумилева теперь красивы, изящны и большей частью интересны по форме; теперь он резко и определенно вычерчивает свои образы и с большой обдуманностью и изысканностью выбирает эпитеты. Часто рука ему еще изменяет, но он — серьезный работник, который понимает, чего хочет, и умеет достигать, чего добивается». Лучшими стихами Брюсов счел те, «где сам поэт исчезает за нарисованными им образами, где больше дано глазу, чем слуху (...). Он немного парнасец в своей поэзии, поэт типа Леконта де Лиль». (Среди стихов. С. 261—262).

Конкретнее Брюсов высказался о «Романтических цветах» ранее, в письме к Гумилеву от 2 февраля 1908 г. Отметив внешний вид издания («очень мило, особенно на лучшей бумаге») и излишнюю строгость автора в отборе стихов (исключение «Маскарада», «Неоромантической сказки», «Сегодня у берега нашего бросил...»), Брюсов писал: «Общее впечатление, какое произвела на меня Ваша книга, — положительное. После "Пути" Вы сделали успехи громадные. Может быть, конквистадоры Вашей души еще не завоевали стран и городов, но теперь они вооружены для завоевания (...) Лучшими пьесами в "Цветах" кажутся мне: "Юный маг", "Над тростником", "Что ты видишь", "Там, где похоронен" (добавления очень удачны), "Мой старый друг", "Каракалла", "Помпей", "Улыбнулась и вздохнула", "Царица иль может быть", "Сады моей души", "Озеро Чад" (кое-что в I, все II, наконец III), "Сада-Якко" (конец); кроме того, нравятся мне отдельные места в стихотв<орениях> "Измена", "Под землей", "Я долго шел", "Приближается к Каиру", "На руке моей перчатка"» (Неизд 1980. С. 80). В ответном письме, преисполненном самой горячей благодарности, Гумилев пояснил, что «Неоромантическая сказка» не вошла из-за «экономии места», а «Маскарад» — из-за посвящения.

В критических отзывах на выход РЦ 1908 доминировали две темы: во-первых, своеобразие поэтического мира Гумилева, выстроившего некую «фантастическую», не повинующуюся логике реального хода вещей вселенную, и, во-вторых, своеобразие поэтических приемов, которыми пользовался поэт при создании этого, альтернативного реальному, мира. «Книжка эта обнаруживает в авторе некоторые ценные для поэта качества; главные из них: хорошо развитое художественное воображение и известная оригинальность и литературная самостоятельность, позволившие молодому поэту создать целый мир творческих фантазий, где он живет и властвует довольно умело», — писал В.Гофман, отмечавший, что Гумилев «скорее эпик, чем лирик» (Русская мысль. 1908. № 7. С. 144—145). А.Левинсон отмечал в качестве отличительной черты РЦ 1908 «экзотизм настроений и приемов» и объяснял это тем, что «его (Гумилева. — *Ред.*) впечатлительность не развивалась в узком кругу романтических традиций.., что его настоящая духовная родина это выросшее из романтизма парнасство и — в не меньшей степени — поэтическое движение наших дней с его ретроспективным характером... Такое происхождение г. Гумилева выражается преимущественно в двух чертах: в попытках воссоздания *античного* мира и... в тяготении к *экзотическому*» (Современный мир. 1909. № 7. С. 188—189). «Все стихи г. Гумилева фантастичны, — отмечал рецензент "Образования", — и его образы наделены случайными чертами. Как поэт Н.Гумилев очень неровен и часто умеет хорошее целое ловко испортить двумя-тремя мелочами» (Образование. 1908. № 7, отд. III С. 78; подп.: Л.Ф.[1]).

Так или иначе, но тема «мира мечты» и тесно связанная с ней тема «экзотики» в образной и поэтической системе РЦ 1908 неизменно возникает в критических работах, вышедших уже после смерти поэта — вплоть до нынешнего времени. «...Мир цветущий и, сказали бы мы, цветистый, как бы заполнил поэта в ярких "Романтических цветах", — писал Ю.Верховский. — ...Тяготение к мотивам красочно-пластическим и декоративность в их трактовке; отсюда — объективация, проецирование личного момента во вне, отсюда предпочтение лиро-эпических форм, условно балладного склада...» (Верховский. С. 95). «Экзотика в этой книге (в РЦ 1908. — *Ред.*) утрачивает прежнюю туманность и неопределенность, — замечает Г.П.Струве, — облекается исторической и особенно географической плотью...» (СС II. С. VIII). «Экзотические» стихи считал «главной находкой» Гумилева и А.И.Павловский, объясняя это тем, что «в них как бы слились воедино две разнонаправленные силы, требовавшие от Гумилева-поэта своей художественной дани. Ведь, с одной стороны, <...> он <...> настойчиво стремился к реальности, к земному, вещному миру, а, с другой стороны, он жаждал мира в такой необычной степени яркости, какую обыденная действительность дать ему не могла. И вот он нашел эту яркую действительность в самой... действительности: в экзотических для европейца странах Африки и Ближнего Востока... Таким образом, Гумилев свою мечту, вычитанную из книг, стремился превратить в реальность. Это его коренное свойство — превращать в реальность

[1] П.Пильский. Псевдоним раскрыт Н.А.Богомоловым: Соч I. С. 485.

(или, чаще, полуреальность) то, что доселе кажется как бы вообще несуществующим, недостижимым...» (БП. С. 15—16).

Против подобного понимания гумилевской «экзотики» в ранних ст-ниях выступали Л.А.Смирнова и А.Б.Давидсон. «В неповторимом облике "оживляет" поэт легендарные мотивы, творит фантастические превращения. Обычно принято ссылаться на экзотику (географическую, историческую) как определяющую феномен Гумилева. Конечно, многое подчерпнуто, скажем, из впечатлений об Африке. Тем не менее, обращенье к ней все-таки вторично. Оно только способствует воссозданию экстатических духовных состояний, как бы требующих небывалых зримых соответствий» (Изб(М). С. 14). «Африка в этих стихах — изящная сказка... И если писали потом, что его жирафы и леопарды стилизованы, салонны, что они порождены не подлинным морским и тропическим миром, не Африкой, а Монпарнасом, что они целиком навеяны чужими произведениями: Леконтом де Лилем, Бодлером, Кольриджем, Стивенсоном, Киплингом, — то имелись в виду именно те первые стихи» (Давидсон А. Муза Странствий Николая Гумилева. М., 1992. С. 32, 40—41).

Природу «мира мечты» в стихотворениях Гумилева М.Баскер и Н.А.Богомолов объясняют следованием поэта в своем «жизнетворчестве» оккультным доктринам. Для М.Баскера РЦ 1908 были «стихами из снов», обладающими герметической символикой (см.: Basker. P. 27). Н.А.Богомолов видит «"оккультные ключи" к некоторым важным особенностям жизни и творчества Гумилева. Прежде всего это относится к мотивам его стремления в Африку» (Н.Гумилев и русский Парнас. С. 47).

Ст-ния, не включенные Гумилевым в РЦ 1908 (и в последующие издания), были опубликованы Г.П.Струве в Неизд 1980, но внимания исследователей не привлекали. Однако они ценны не только поэтическими достоинствами, но и тем, что в них весьма отчетливо зафиксированы моменты духовного кризиса, неблагополучия в поэтическом мире Гумилева, усомнившегося в правоте своих «декадентских» взглядов на роль поэта и поэзии — таких, какие предлагала традиция «новой школы». В отличие от «балладного» характера стихотворений РЦ 1908, эти стихи очень лиричны.

Еще до выхода в свет РЦ 1908, продолжая знакомить Брюсова со своими новыми ст-ниями, Гумилев начал готовить новую книгу. 9 января (н.ст.) 1908 г. он писал Брюсову из Парижа: «Я очень рад, что Вам понравилась "Волшебная скрипка". И хотя она и должна была войти в мою книгу, но я беру ее оттуда и с большим удовольствием отдаю для "Весов"». 30 ноября 1908 г. Гумилев писал Брюсову из Царского Села: «Я думаю отложить издание моих "Жемчугов" с назначенного Вами февраля на сентябрь». 15 декабря того же года Гумилев просил Брюсова «поместить в каталоге "Скорпиона" заметку, что готовится к печати» его «книга стихов под названием "Золотая магия". Это вместо "Жемчугов"». В следующем письме, 19 декабря Гумилев сообщал: «Я много работаю, и все больше над стихами. Стараюсь по вашему совету отыскивать новые размеры, пользоваться аллитерацией и внутренними рифмами. Хочу, чтобы "Золотая магия" уже не была "ученической книгой", как "Ром<антические> цветы"».

Наконец, в письме Гумилева к Брюсову от 11 мая 1909 г. (из Царского Села) снова появилось название «Жемчуга», и в письме от 25 марта 1910 г. читаем: «...скоро должна выйти моя книга стихов, посвященная Вам как моему учителю». «Жемчуга» вышли 16 апреля 1910 г. в Москве, в издательстве «Скорпион», тиражом 1100 экз. Обложка книги — работы Н. Кардовского[1]. На обороте обложки приведен перечень «Книги того же автора: Путь конквистадоров. Стихи. 1905 г. (Разошлось). Романтические цветы. Стихи. 1908 г. (Разошлось). Тень от пальмы. Рассказы (Готов. к печати)».

Ж 1910 — самая большая стихотворная книга Гумилева, изданная при его жизни. Архитектоника ее весьма сложна (деление на отделы, система эпиграфов, посвящения). В качестве самостоятельного отдела в Ж 1910 входили отредактированные РЦ 1908 (переиздавая РЦ в 1918 г., Гумилев определял это издание как третье, учитывая публикацию РЦ в составе Ж 1910). Название книги устанавливает скрытую реминисцентную связь с первой самостоятельной книгой стихов Брюсова «Chefs d'oeuvre» (1895). «Основанием для того, чтобы высказать эту мысль, послужило словоупотребление во французском языке, где "perle" — "жемчуг" и "chefs d'oeuvre" — "образцовое произведение" могут употребляться в одном значении — "верх искусства"» (Слободнюк. С. 33). Помимо того, «шедевром» значился образец, поставляемый средневековым подмастерьем, претендующим на получение звания мастера.

Подобная игра смыслов в названии придавала книге общий ретроспективный, итоговый характер. Посылая 21 апреля 1910 г. книгу Брюсову, Гумилев писал в сопроводительном письме: «...Мне было бы очень важно услышать от Вас несколько напутственных слов, так как "Жемчугами" заканчивается большой цикл моих переживаний и теперь я весь устремлен к иному, новому» (Неизд 1980. С. 66).

Книгу Гумилев посвятил Брюсову («Посвящается моему учителю Валерию Яковлевичу Брюсову»).

СОСТАВ Ж 1910:

ЖЕМЧУГ ЧЕРНЫЙ

Qu'ils seront beaux les pieds de celui qui viendra
Pour m'annoncer la mort!..

Alfred de Vigny[2]

Волшебная скрипка (89)
Одиночество (134)

---

[1] Опечатка. Правильно — Дмитрий Николаевич Кардовский (см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 225).

[2] Пусть будут прекрасными ноги того, кто придет,
Чтобы объявить мне о смерти!..

Альфред де Виньи (франц.)

Из поэмы «Гнев Самсона». В Ж 1910 — в эпиграфе — опечатка.

Камень (104)
Одержимый (111)
Поединок (132)
В пустыне (128)
Портрет мужчины (167)
Основатели (101)
Выбор (114)
Лесной пожар (135)
Царица (136)
Товарищ (157)
В библиотеке (159)
В пути (124)
Семирамида (158)
Читатель книг (168)
Адам (169)
Воин Агамемнона (140)
Варвары (119)
В мой мозг, в мой гордый мозг (54)
Театр (170)
Потомки Каина (160)
Дон-Жуан (171)
Попугай (151)
Сон Адама (161)

ЖЕМЧУГ СЕРЫЙ

...Что ж! Пойду в пещеру к верным молотам,
Их взносить над горном жгуче-пламенным,
Опускать их на пылающий металл.

Валерий Брюсов[1]

Возвращение Одиссея (144, 145, 146)
Завещание (116)
Озера (122)
Старый конквистадор (117)
Правый путь (127)
Орел (133)
Ворота Рая (121)
Колдунья (125)
Вечер (123)
Рощи пальм и заросли алоэ (126)
У меня не живут цветы (172)
Это было не раз (173)
Старина (120)
Он поклялся в строгом храме (166)
Беатриче (51, 141, 142, 143)

---

[1] Из ст-ния «Прощание».

Молитва (87)
Капитаны (147, 148, 149, 150)

ЖЕМЧУГ РОЗОВЫЙ

— Что твой знак? — «Прозренье глаза,
Дальность слуха, окрыленье ног»;
Вяч. Иванов [1]

Рыцарь с цепью (113)
Заводи (118)
Андрогин (107)
Кенгуру (174)
Ты помнишь дворец великанов (175)
Маэстро (82)
Христос (176)
Сказочное (177)
Охота (129)
Мне снилось, мы умерли оба (70)
Покорность (61)
Уходящей (154)
Свидание (153)
Маркиз де Карабас (165)
Путешествие в Китай (178)
Северный Раджа (130)

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЦВЕТЫ
Стихи 1906—1908 гг.

И было мукою для них
Что людям музыкой казалось.
И.Ф.Анненский [2]

Посвящается
Анне Андреевне
Горенко

Юный маг в пурпуровом хитоне (63)
Над тростником медлительного Нила (73)
Что ты видишь во взоре моем (71)
Там, где похоронен старый маг (45)
Император Каракалла (47, 52, 53)
Любовникам (86)
Помпей у пиратов (83)
Улыбнулась и вздохнула (76)
Влюбленная в дьявола (58)

---

[1] Из ст-ния «Пришелец».
[2] Из ст-ния «Смычок и струны».

Я долго шел по коридорам (88)
Царица, иль, может быть, только печальный ребенок (80)
На руке моей перчатка (72)
Приближается к Каиру судно (84)
Сады моей души всегда узорны (85)
Озеро Чад (81, 93, 95)
Следом за Синдбадом-Мореходом (91)
Японской артистке Сада-Якко (100)
Неоромантическая сказка (56)

Ю.Верховский, анализируя архитектонику Ж 1910, обращал особое внимание на редакционные изменения в отделе РЦ, в частности, на эпиграф из И.Ф.Анненского: «Не вскрывается ли эпиграфом <...> признание одного и того же внутреннего пути? И как переутонченный эстетизм Анненского глубоко связан с "возвышенной стыдливостью страданья", так более бодрый, менее болезненный и нервно-напряженный эстетизм Гумилева покупает свою сочную красочно-пластическую гармонию ценой той же муки, но сейчас не "человеческое слишком человеческое" в фокусе его творческой идеализации» (Верховский. С. 104). В этой же работе мы находим трактовку эпиграфа к разделу «Жемчуг розовый» (из Вяч.Иванова) как эмблемы пути от «парнассизма» («прозренье глаза») к символическому устремлению в ноуменальное («окрыленье ног») (Там же. С. 113). Если вспомнить «креативную» функцию, отводимую Гумилевым художнику-символисту («жизнетворцу»), то можно трактовать подобные реминисценции как герметическую символику, свойственную магу, который, в свою очередь, оказывался связанным с Демиургом гностических учений (христианская традиция отождествляет его с дьяволом) (см.: Холл. С.361).

Брюсов посвятил «Жемчугам» обстоятельную рецензию (см.: Среди стихов. С. 318—319), где констатировал возникновение на поэтической карте некоей «страны Н.Гумилева», его «острова» с неповторимой природой и обитателями. Отмечая, что Гумилев является одновременно учеником Анненского, Вяч.Иванова и «того поэта, которому посвящены "Жемчуга"», Брюсов подчеркнул «медленное, но уверенное» продвижение Гумилева «к полному мастерству в области формы», констатировал, что молодому поэту удалось «усовершенствовать, развить, углубить» технические приемы своих предшественников. Это, заключал Брюсов, «надо признать даже большей заслугой, чем искание новых форм, слишком часто ведущее к плачевным неудачам». В рецензии Вяч. Иванова (Аполлон. 1910, № 7. С. 38—41) была подчеркнута зависимость Гумилева от Брюсова, содержалось указание на то, что «весь экзотический романтизм молодого учителя расцветает в видениях юного ученика, порой преувеличенный до бутафории и еще подчеркнутый шумихой экзотических имен». «Когда действительный, страданьем и любовью купленный опыт души разорвет завесы, еще обволакивающие перед взором поэта сущную реальность мира..., — заключал свой отзыв Вяч. Иванов, — тогда его лирический эпос станет объективным эпосом и чистой лирикой — его скрытый лиризм, тогда впервые будет он

принадлежать жизни». Положительные отзывы о книге содержались также в рецензиях С.А.Ауслендера (Речь. 1910. 5 июля; подп.: С.А.), Г.И.Чулкова (Новый журнал для всех. 1910. № 20; подп.: Борис Кремнев), И.И.Ясинского (Новое слово. 1911. № 3; подп.: М.Чуносов). Более критичным был отзыв В.Л.Львова-Рогачевского, уделившего основное внимание заимствованиям и реминисценциям у Гумилева и охарактеризовавшего книгу как «крикливую, нарумяненную и надушенную» (Современный мир. 1911, № 5. С. 341—342). Наконец, совершенно фельетонно отозвался о сборнике Л.Н.Войтоловский в статье «Парнасские трофеи» (Киевская мысль. 1910, 11 июля, подп.: Л.В.) Называя Гумилева «версификатором» и «Жемчуга» — «фальшивыми камнями», Войтоловский противопоставил Гумилева Брюсову, перечислил ряд заимствований и реминисценций и, как на исключение, указал на «небольшую серию "Капитаны" и два-три стихотворения из других отделов ("Маркиз де Карабас", "Воин Агамемнона", "Театр")».

Вообще критическое освещение Ж 1910 по существу повторяло те же положения, какие были выдвинуты критикой в адрес РЦ 1908 (и это лишний раз подчеркивает ретроспективный характер Ж 1910). «"Жемчуга" не открыли собой нового периода в творчестве Гумилева, — пишет А.И.Павловский, — их значение состоит в том, что они завершили первый период» (БП. С.20).

Многие из ст-ний, вошедших в Ж 1910, были апробированы публикациями в периодике, прежде всего — в журналах «Весы» и (с 1909 г.) «Аполлон».

В 1918 г. Гумилев переиздает РЦ и Ж, по-новому организуя корпус текстов. Характер этих редакций наводит на мысль, что Гумилев полагал создать некое подобие «собрания сочинений». Об этом говорят подзаголовки, определяющие время написания ст-ний, включенных в книги; введение в корпус текстов РЦ 1918 двух ст-ний из ПК и переработка отрывка из «Сказки о королях» в ст-ние «Баллада». На это указывают и введение в РЦ 1918 ранних неизданных ст-ний, упразднение в Ж 1918 деления на отделы, снятие посвящений к книгам (см. о переиздании РЦ и Ж: Зобнин Ю.В. Воля к балладе (лиро-эпос в акмеистической эстетике Гимилева) // Гумилевские чтения. С. 111—119).

В архиве М.Л.Лозинского имеется авторская рукопись РЦ 1918, помеченная датой «28 июнь 1918», и экземпляр с правкой Гумилева и пометой М.Л.Лозинского: «Оригинал для второго издания (1918)».

РЦ 1918 и Ж 1918 вышли в изд-ве «Прометей» в 1918 г.

Состав РЦ 1918:

Сонет (36)
Баллада [1]
Оссиан (17)
Крыса (30)

---

[1] Ст-ние вошло в четвертый том данного Собрания сочинений.

Рассвет (31)
Смерть (38)
В небесах (177)
Думы (54)
Крест (48)
Маскарад (62)
После победы (39)
Выбор (114)
Умный Дьявол (40)
Отказ (80)
Воспоминание (68)
Мечты (69)
Перчатка (72)
Мне снилось (70)
Сада-Якко (100)
Самоубийство (76)
Принцесса (92)
Пещера сна (45)
Влюбленная в дьявола (58)
Любовники (86)
Заклинание (63)
Гиена (73)
Корабль (71)
Ягуар (64)
Ужас (88)
За гробом (78)
Невеста льва (75)
Сады души (85)
Зараза (84)
Орел Синдбада (91)
Жираф (81)
Носорог (93)
Озеро Чад (95)
Помпей у пиратов (83)
Основатели (101)
Манлий (102)
Игры (97)
Императору (52)
Каракалла (53)
Поединок <«Мореплаватель Павзаний...»> (47)
Неоромантическая сказка (56)

Состав Ж 1918:

Волшебная скрипка (89)
Потомки Каина (160)
Камень (104)

Одержимый (111)
Поединок (132)
Портрет мужчины (167)
Лесной пожар (135)
Царица (136)
Товарищ (157)
В библиотеке (159)
В пути (124)
Семирамида (158)
Старый конквистадор (117)
Варвары (119)
Воин Агамемнона (140)
Андрогин (107)
Орел (133)
Покорность (61)
Рыцарь с цепью (113)
Христос (176)
Маркиз де Карабас (165)
Путешествие в Китай (178)
Завещание (116)
Озера (122)
Свидание (153)
Ты помнишь дворец великанов (175)
Старина (120)
Он поклялся в строгом храме (166)
Ворота рая (121)
Заводи (118)
Кенгуру (174)
Маэстро (82)
Дон-Жуан (171)
Попугай (151)
Читатель книг (168)
У меня не живут цветы (172)
Это было не раз (173)
Молитва (87)
Рощи пальм и заросли алоэ (126)
Вечер (123)
Беатриче (51, 141, 142, 143)
Возвращение Одиссея (144, 145, 146)
Капитаны (147, 148, 149, 150)
Сон Адама (161)

При жизни поэта критических откликов на РЦ 1918 и Ж 1918 не было, если не считать статьи Р.В.Иванова-Разумника «Изысканный жираф» (посвященной поэме Гумилева «Мик»), где, в частности, говорилось: «Пусть мировые катастрофы потрясают человечество, пусть земля рушится от подземных ударов — по

садам российской словесности разгуливают павианы, рогатые кошки и, вытянув длинную шею, размеренным шагом "изысканный бродит жираф"» (Знамя. 1920. № 3/4. С.51).

В данном разделе комментарии к каждому произведению, обозначенные соответствующим номером, начинаются с библиографической справки, в которой перечислены в хронологическом порядке прижизненные публикации с указанием на наличие вариантов и других редакций. Шрифтовое выделение обозначает источник, по которому текст печатается в настоящем издании. Как правило, это последняя авторская публикация (отступления от этого принципа оговариваются в каждом отдельном случае). Затем дается свод важнейших посмертных публикаций в следующем порядке: отдельные издания; альманахи и сборники; журналы; газеты. Вслед за печатными источниками указывается наличие автографов, обосновывается датировка и сообщаются сведения о переводах на иностранные языки. Далее освещается творческая история произведения, дается историко-литературный комментарий, а также пояснение (применительно к контексту) малоизвестных реалий.

1902—1903

1. «Тифлисский листок». 1902, 8 сентября, подп.: К. (так! — *Ред.*) Гумилев.

СС1 - - СП(Тб), ред. 1903 - - СП(Тб)2, ред. 1903 - - БП - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК), ред. 1903 - - ШЧ, ред. 1903, подз. «Первая публикация Гумилева», неверно указ. источник - - СС(Р - - т) II - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1903 - - Круг чтения - - Изб. (XX век); Душа любви - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, ред. 1903, публ. стих. (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф — в альбоме М.М.Маркс (ПД. Р1. Оп.5. № 518. Л.4 — 6; альбом в темно-красном коленкоровом переплете с цветным тиснением. На обложке, в нижнем правом углу надпись: «Гумилев»). В тексте с дополнительной строфой отсутствует ст. 25.

Дат.: 8 сентября 1902 — по времени публ.

Ст-ние принято считать «поэтическим дебютом» Гумилева. А.А.Гумилева-Фрейганг (невестка Н.Гумилева) сообщает подробности его публикации: «Однажды, когда Коля поздно пришел к обеду, отец, увидя его торжествующее лицо, не сделав обычного замечания, спросил, что с ним? Коля весело подал отцу "Тифлисский листок", где было напечатано его стихотворение — "Я в лес бежал из городов". Коля был горд, что попал в печать. Тогда ему было шестнадцать лет» (Жизнь Николая Гумилева. С.65). И.В.Одоевцева приводит рассказ Гумилева о тифлисском «дебюте»: «Там же, в Тифлисе, я впервые напечатал в "Тифлисском листке" свои стихи. Такой уж был я решительный и напористый. Читать их вам не хочу. Верьте на слово, что дрянь. Да еще и демоническая»

(Одоевцева И.В. На берегах Невы. — М., 1988. С.61). Г.П.Струве охарактеризовал ст-ние следующим образом: «Это стихотворение... непохожее на того Гумилева, который знаком читателю... и столь не "модернистское", с его глагольными или просто бедными рифмами и скудным словарем...» (СС II. С.301). «Стихотворение это интересно, пожалуй, лишь тем, что по нему в какой-то мере можно судить о возможном круге чтения гимназиста Гумилева, а главное, о первоначальных поэтических воздействиях, испытанных им в ранней юности. То, что в такой (предположительный, конечно) круг входили стихи С.Надсона, может быть, Н.Минского, А.Апухтина, К.Фофанова, представляется вполне вероятным», — писал А.И.Павловский (БП. С.6). Подробный анализ ст-ния дан Л.Хихадзе: герой отягощен «приметами традиционного рефлексирующего скитальца или изгнанника» русской романтической поэзии; «четко... расставлены нравственные акценты: "есть люди с пламенной душой...", их "манит и влечет борьба", и есть отступник, для которого и покой — незаслуженная милость» (Лит. Грузия. 1988. № 12. С.113). В критике отмечено, что ст-ние «обнаруживает некоторые черты сходства с мятежными героями Л<ермонтова>» (Лермонтовская энциклопедия. — М., 1981. С.123).

Ст. 1 — ср.: «Из городов бежал я нищий» (М.Ю.Лермонтов. «Пророк» — 1841); «О, если вы из городов бежали...» (Д.С.Мережковский. «Вера». Гл. 2. VII).

2. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

СП(Тб) - - СП(Тб)2, СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Соч I - - СП(Ир) - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, публ. стих. (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф — в альбоме М.М.Маркс (л. 9—10).

Дат.: до мая 1903 — по времени создания «Альбома» (см.: Лит. Грузия. 1988. С.94).

Интонационно это ст-ние восходит к поэтическим новациям К.Д.Бальмонта, в частности — к ст-нию «Фантазия» (1893) и к его переводу «Ворона» Э.По (1894). 15 мая 1906 г. Гумилев писал Брюсову: «Из поэтов больше всего люблю Эдгара По, которого знаю по переводам Бальмонта...» (Неизд 1986. С.95). Ст. 3 — ср.: «Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи» (К.Д.Бальмонт. «Фантазия»).

3. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

СП(Тб), без загл. - - СП(Тб) 2, без загл. - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Соч I - - СП(Ир) - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, публ. стих. (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф в альбоме М.М.Маркс (л.11).

Дат.: до мая 1903 (см. коммент. к № 2.)

О сборнике «Горы и ущелья» фактических достоверных сведений нет; ср. название раздела ПК — «Высоты и бездны». Ст. I — ср. ст-ние М.Ю.Лермонтова: «Люблю я цепи синих гор...» (см.: Basker M. Lermontov and Gumilev: Some Biographical Parallels // Mikhail Lermontov: Commemorative Essays (1991). Birmingham, 1992. Pp. 10—11).

4. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Соч I - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, публ. стих. (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф в альбоме М.М.Маркс (л.12—15).

Дат.: до мая 1903 (см. коммент. к № 2).

Л.Хихадзе подчеркивает, что «во всех стихотворениях "кавказского цикла" в духе романтической традиции <...> особое значение отводится природе... Соприкосновение с величавой природой создает ситуацию крайностей, мужественного напряжения всех сил "бездны на краю"...» (Лит. Грузия. 1988. № 12. С.116).

Ст. 5—6 — реминисценция из ст-ния Лермонтова «Люблю я цепи синих гор...»; в то же время, образ «кроваво-красной луны» — устойчивый «знак» «Песен Оссиана» Дж.Макферсона (см. коммент. к № 17). Ст. 23—24 — мотив «покаяния» героя, бессильного перед «духом века», генетически восходит к поэзии С.Я.Надсона (ср., напр.: «Не вини меня, друг мой, — я сын наших дней...»).

5. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Соч I - - СП(Ир) - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, публ. стих (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф в альбоме М.М.Маркс (л.15—22).

Дат.: до мая 1903 (см. коммент. к № 2.).

Подробный анализ поэмы дан Л.Хихадзе: «В рассказе <...> присутствует космическая знаковость, <...> подсказывающая сопоставление с "бессменной тоской..." Демона <...> Другой мотив, мотив мцыриевского безотчетно доверчивого и безудержного порыва к свободе» (Лит. Грузия. 1988. № 12. С.119). «...Он конструирует образ, каким-то причудливым образом соединяющий два типа мироощущения, черты двух человеческих характеров (Демон и Мцыри), сосуществующих в нравственно-художественном мире Лермонтова, но трагически разъединенных <...> Это — сокровенный Гумилев, в поэзии которого активное неприятие жизни как поверхностное <...> сопряжено с острым ощущением ее прекрасной изначальности» (Там же. С.121—122).

Сюжет поэмы перекликается с поэмой С.Я.Надсона «Христианка».

Францисканец — монах католического ордена, созданного в Италии Франциском Азисским в 1207—1209 гг. Отвечая уставному требованию, францисканцы жили не в монастырях, а в миру, проповедуя бедность и аскетизм, и

занимались благотворительностью. В то же время, борясь против ереси, они активно участвовали в инквизиции.

Ст. 11—12. — Первое проникновение в творчество Гумилева мотивов герметической философии. Ст. 33—34 — ср.: «И в ложе, убранной богато, / В пурпурной мантии своей, / Залитый в серебро и злато, / Сидит Нерон в кругу друзей...» (С.Я.Надсон. «Христианка»). Ст. 57—64. — Возможно, подразумевается Мартин Лютер (1483—1546), который, испытав монашество, отринул католическую церковь и стал одним из вождей Реформации.

6. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Соч I - - СП(Ир) - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, публ. стих. (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф в альбоме М.М.Маркс (л.23—24).

Дат.: до мая 1903 (см. коммент. к № 2).

Это ст-ние восходит к ст-нию С.Я.Надсона «В горах» («К тебе, Кавказ, к твоим сединам...»).

7. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

Соч I - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, публ. стих. (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф в альбоме М.М.Маркс (л.25). В ст. 6 вместо «наболевшая» ранее было: «усталая».

Дат.: до мая 1903 (см. коммент. к № 2).

8. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, публ. стих (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф в альбоме М.М.Маркс (л.26). Дат.: до мая 1903 (см. коммент. к № 2).

9. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Соч I - - СП(Ир) - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, публ. стих. (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф в альбоме М.М.Маркс (л. 27—28). В ст. 5 вместо «мучений» ранее было: «сомнений».

Дат.: до мая 1903 (см. коммент. к № 2).

Л.Хихадзе видела в этом ст-нии проявление романтического «демонизма»: «Богоборчество в романтической литературе причастно высокому, так оно и воспринимается Гумилевым-юношей <цит. ст. 5—8>» (Лит. Грузия. 1988. № 12. С. 118).

Интонационно ст-ние родственно произведениям К.Д.Бальмонта.

10. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, публ. стих. (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф в альбоме М.М.Маркс (л. 29—30). В ст. 5 вместо «великой» ранее было: «тяжелой».

Дат.: до мая 1903 (см. коммент. к № 2).

Ст. 13—16. — О генезисе «покаянных» мотивов см. коммент. к № 4.

11. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I - - ВБП - - МП; Лит. Грузия. 1988, публ. стих. (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Дат.: до мая 1903 — см. коммент. к № 2. Автограф в альбоме М.М.Маркс (л. 31—32), частично написаны другой рукой; по-видимому, рукой М.М.Маркс. Этим же почерком в конце альбома (л. 36) воспроизведен список ст-ния «Сны» (принадлежность его Гумилеву не установлена):

СНЫ

Не верь мой друг проклятым снам
Они обманывать умеют
Сулить блаженство, счастье нам
И хохотать над нами смеют.
Бывают сны... Такие сны,
Что пробудиться не желаешь
Продлить их хочешь ночи, дни,
Всю жизнь проспать. Ты отгадаешь
Все эти грезы и мечты,
Что наяву меня терзают,
А полны дивной красоты
Вдруг в сказку сон преображают.
Ах друг мой пробуждаюсь я
В душе веселие играет...
Но жизнь не балует меня
И сон обманчив мой бывает.

12. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.

СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Соч I - - СП(Ир) - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, публ. стих. (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф в альбоме М.М.Маркс (л. 32—34). В ст. 10 вместо «смело» ранее было: «с радостью».

Дат.: до мая 1903 (см. коммент. к № 2).

13. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I - - ВБП - - МП; Лит. Грузия 1988, публ. стих. (В.П.Петрановский и М.Д.Эльзон).

Автограф в альбоме М.М.Маркс (л. 35). В тексте нет выделения строф.

Дат.: до мая 1903 (см. коммент. к № 2).

М.М.М. — Маркс (в замужестве Синягина) Мария Михайловна (р. 1889), дочь актера Драматического театра в Тифлисе, владелица «тифлисского альбома».

Ст. 7—12 — ср. ст-ние А.С.Пушкина «Соловей и роза».

14. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М), под загл. раздела ПК «Мечи и поцелуи» - - ШЧ, под загл. раздела ПК «Мечи и поцелуи» - - СС(Р-т)I - - Ст(М) - - Изб(Х), под загл. раздела ПК «Мечи и поцелуи» - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП.

Дат.: 1903 — до октября 1905 — по подзаголовку ПК: «Стихи 1903—1905 гг.» Цензурное разрешение на выход ПК датировано 3 октября 1905 г.

Для ст-ний и поэм, вошедших в ПК, характерна символика, генетически восходящая к германскому героическому эпосу раннего средневековья — к «Младшей Эдде», «Старшей Эдде», «Песне о Нибелунгах» и «артуровскому циклу»; в контексте «начала века» подобная тематика неизбежно порождала вагнеровский подтекст. Образы и сюжеты древнегерманской мифологии переосмысливались Гумилевым, налагаясь на лирические коллизии, присутствующие в произведениях ПК.

Ст. 5—20. — Интерпретация Гумилевым одного из подвигов Зигфрида (Сигурда) — победы над братьями-королями Шильбунгом и Нибелунгом, после чего он овладел их сокровищами («кладом нибелунгов»). В «Песне о Нибелунгах» об этом подвиге Зигфрида подробно рассказывает Хаген (Авентюра III, строфы 87—98). Ст. 9—13 — ср.: «Я достану тебе пурпур мантий моим железным мечом» (Андрей Белый. «Северная симфония»). Ст. 15—16. Гномы в герметической философии считались элементами земли и хранителями спрятанных в ней сокровищ; в германском эпосе сокровища нибелунгов охранял гном Альберих (в более ранних сказаниях «Эдды» этот же сюжет связывался с золотым кладом карлика Андвари). Ст. 17—18. — Зигфрид побеждает братьев-королей и их слуг-нибелунгов с помощью волшебного меча Бальмунга, который ранее был подарен нибелунгами Зигфриду. Ст. 19—20 — ср.: «Я вихрь. Я смерть. Я страх» (К.Д.Бальмонт. «Неверному»).

15. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр), без загл. - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - ШЧ - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; Душа любви.

Дат.: 1903 — до октября 1905 — см. коммент. к № 14.

Роман Ф.Ницше «Так говорил Заратустра» был прочитан Гумилевым в 1903—1904 гг. В справочнике «Писатели современной эпохи» отмечалось, что «под влиянием учения Ницше и символистов увлечение (Гумилева. — *Ред.*) социальными идеями сменилось стойким отвращением к политике» (М., 1929. С. 109). «Гумилев прославлял ницшеанскую "мораль сильных", воинствующих, аристократических индивидуалистов, агрессивных людей» (Михайловский Б.В. История литературы XX в. М., 1939. С. 341). «Ницше — знакомство с ним помогло мне многое понять в самом Гумилеве, — свидетельствовала И.Одоевцева. — Я поняла, что Ницше имел на него огромное влияние, что его напускная жестокость, его презрение к слабым и героический трагизм его мироощущения были им усвоены от Ницше» (Одоевцева И.В. На берегах Невы. М., 1988. С. 52—53). Данное ст-ние традиционно приводится в биографических статьях о поэте в качестве иллюстрации его раннего «ницшеанства» (см., напр.: Гумилев Н.С. В огненном столпе. М., 1991. С. 15). См. об этом также коммент. к № 28.

Ст. 1—4 — ср. с первым ст-нием Андрея Белого из цикла «Бальмонту», а также со ст. Бальмонта (из ст-ния «Тише, тише...»): «Дети Солнца не забудьте голос меркнущего брата, / Я люблю в вас ваше утро, вашу смелость и мечты...» Известно, что в период создания ПК, Гумилев находился под сильным влиянием не только поэзии Бальмонта, но и под обаянием его личности — «бунтаря» и «пророка нового», так что образ ницшевского Заратустры в сознании Гумилева мог контаминироваться с образом Бальмонта. Ст. 4 — ср.: «Я на землю смотрю с высоты голубой...» (К.Д.Бальмонт, «Эдельвейс»). Помимо того ст. «Сын бездонной глубины...» встречаем у А.А.Блока («Ночью сумрачной и дикой...»). Ст. 5—12 — ср.: «Если гнев мой некогда разрушал могилы, сдвигал пограничные столбы и скатывал старые, разбитые скрижали в отвесную пропасть <...> и я приходил, как метла для пауков-крестовиков и как очистительный ветер для самых удушливых склепов <...>, как не стремиться мне страстно к Вечности и к брачному кольцу колец — к кольцу возвращения?» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Гл. «Семь печатей, или Песня о «Да» и «Аминь»).

16. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - ОС

1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП.

Дат.: 1903 — до октября 1905 — (см. коммент. к № 14).

Ю.Верховский указывал на связь этого ст-ния со ст-нием Ф.И.Тютчева «День и ночь»: «...Над неведеньем души о своем запредельном прошлом и будущем торжествует утверждение "наброшенного" на мир ее творческого сновидения» (Верховский. С. 99—100). И.Делич считает, что устойчивая образность ранней лирики Гумилева полностью развернута в ст-нии «Credo»: «Воспоминания о былом существовании» в мире, где «звезда целуется со звездой»; понимание, что земля — это «царство пустоты»; сознание, что земные радости приносят одно лишь пресыщение. В «Кредо» ощущается влияние «Ангела» М.Лермонтова: поэт обречен постигать, сколь «скучны земные песни в сравнении с песнями небесными». (Делич И. Николай Гумилев // История... С. 492—493.; То же: Irène Delič. Nikolai Goumiliov // Histoire de la Litterature Russe. Le XX-e Siècle: L'Age d'Argent, ed. E.Etkind, G.Nivat, I.Serman, V.Strada. [Paris], 1987. P. 524—525). По мнению Домбр-Потоцки, ст-ние является примером «пренебрежительного отношения ко всякого рода интеллектуальным догадкам в области метафизики, исходящим у Гумилева из очень четкого различия между сферами разума и веры». (N, Dombre-Potocki «L'Exotique et le merveilleux dans la poésie de Goumilev», Paris — Nanterre. 1971. P. 181). О.Ронен рассматривает 20-ую строку ст-ния в контексте многочисленных поэтических сочетаний «звезды со звездой» — у Бальмонта, Кузмина, Сологуба — в связи с лермонтовским подтекстом мандельштамовской строки «Звезда с звездой — могучий стык» («Грифельная ода») (Ronen O. An Approach to Mandel'štam. Ierusalem. 1983. P. 62. Note 3.) Образ сада, возникающий в 4-ой строке ст-ния, по мнению О.Клинг, является синонимом «внутреннего мира лирического героя, души» (Клинг О. Стилевое становление акмеизма: Н.Гумилев и символизм // Вопросы лит-ры. 1995. № 5. С. 114).

Ст. 23—24. — Цветки лотоса или лилии и гирлянды роз использовались в мистических символических системах для означения вихрей духовной энергии.

Ст. 31—32. — В.Я.Брюсов в рецензии на ПК привел эти стихи в качестве примера «обычных заповедей декадентства» (Среди стихов. С. 165).

17. ПК, др. ред. - - **РЦ 1918.**

СС I, ред. 1905 и 1916 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс), ред. 1905 - - Изб(Кр), ред. 1905 и 1918 - - СтПРП(ЗК), ред. 1905 - - СтПРП, ред. 1905 - - ОС 1989 - - Изб(М), ред. 1905 - - СС(Р-т)I, ред. 1905 и 1918 - - Изб(Х), ред. 1905 - - ОС 1991, ред. 1905 - - Соч I, ред. 1905 и 1918 - - СПП, ред. 1905 и 1918 - - СП(Ир), ред. 1905 - - ЧК - - Ст(Яр), ред. 1905 - - Круг чтения, ред. 1905 - - Изб(XX век) - - ОЧ ред. 1905 - - Изб 1997 - - ВБП (ред 1905 и 1918 гг.); Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. Л., 1983 (Лит. памятники).

Автограф — архив Лозинского.
Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

В рецензии С.Штейна на ПК была выделена «Греза ночная и темная» как одна из творческих удач поэта (см.: С. Ш-нъ. Путь конквистадоров: Стихи // Слово. 1906. 21 января. № 360. С. 7). Затем это ст-ние трактовалось в сугубо политическом плане: «Гумилев устает от "ласковых слов и объятий", "от мыслей и дней повседневных" и стремится к "грозным проклятьям", к "героям суровым и гневным". Он остро сознает свою принадлежность к обреченному миру и предвидит близость расплаты...» (Лелевич Г. Гумилев Николай Степанович // Большая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 19. Стлб. 807). «Агрессивно-империалистическая сущность буржуазной идеологии этих лет нашла яркое выражение в творчестве Н.Гумилева<...> Романтизм Гумилева вырастает на почве расхождения "конквистадорских", воинственных устремлений с реальным социальным окружением, в котором не дано "расковать последнее звено"... И он предпочитает второй путь, который открывается перед ним по ту сторону "мыслей и дел повседневных"...

Когда я устану от мыслей и дел повседневных,
Я слышу, как воздух трепещет от грозных проклятий,
Я вижу на холме героев суровых и гневных, —

провозглашает поэт. И он идет по этому пути на всем протяжении "Романтических цветов" и последующей книги — "Жемчуга"» (Волков А.А. Русская литература XX века: дооктябрьский период / Издание пятое, исправленное, дополненное. М., 1970. С. 413). Ю.Д.Левин отметил, что ст-ние Гумилева является, возможно, своеобразным «откликом» на перевод «Поэм Оссиана» Е.В.Балобановой (Поэмы Оссиана Джеймса Макферсона: Исследование, перевод и примечания Е.В.Балобановой. СПб., 1890; переизд. в «школьной серии "Русская классная библиотека"», 1897). По отношению к этому ст-нию Ш.Греем отмечает: «В "Фингале" Оссиана-Макферсона, Кухулин побежден, но не убит Свараном; согласно легенде, он был убит после того, как он одержал победу над бунтарем Торлат (см.: «The Deathof Cuthullin» в кн.: The Poems of Ossian, translated by James Macpherson, Esq., London, 1822, vol. 1). Некоторые обороты Макферсона находят свое отражение в ст. Гумилева: шотландский поэт называет войско Кухулина «зеленого Эрина воинами», а Фингала «Фингалом, королем пустынь» (N.S.Gumilyov and Irish Legend: An Unpublished Fragment from The Beauty of Morni // Irish Slavonic Studies, 5, 1984, P. 179, note 5).

От имени кельтского барда и воина Оссиана, по преданию, жившего в III в., шотландский поэт Джеймс Макферсон (1736—1796) написал «Поэмы Оссиана». Метрическая и строфическая основа ст-ния Гумилева (5 Амф, АБАБ) восходит к ст-нию Андрея Белого «Битва».

В ст-нии используются сюжетные мотивы из поэмы «Фингал», однако ход событий решительно изменен — пример «модернизации» Гумилевым мифологического (а в данном случае — quasi-мифологического) источника. Ст. 2 — устойчивый «оссиановский» культурологический «знак» эпохи «начала века» (см. ст-ние О.Мандельштама «Я не слыхал рассказов Оссиана...»). Ст. 3—4. — Этот эпизод в «Фингале» отсутствует: по Макферсону, Кухулин и Фингал — герои Ирландии («зеленого Эрина») одерживают победу над войском владыки морей Сварана.

Ст. 9—10. — Сваран был побежден в единоборстве с Фингалом и связан (см.: Макферсон Джеймс. Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 16—65). Ст. 13—14 — ср.: «Я устал от нежных снов...» (К.Д.Бальмонт. «Кинжальные слова»).

18. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Престол - - ОЧ - - ВБП.

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

Об этом ст-нии в рецензии на ПК Брюсов отозвался следующим образом: «Отдельные строфы до мучительности напоминают свои образцы, то Бальмонта, то Андр. Белого, то А.Блока <...> Есть совпадения целых стихов: так, стих "С проклятьем на бледных устах..." уже сказан раньше К.Бальмонтом ("Мертвые корабли")» (Среди стихов. С. 165). С.Л.Слободнюк рассматривает указанное Брюсовым заимствование как пример творческой полемики Гумилева с Бальмонтом: «...У Бальмонта "проклятье" неразрывно связано со смертью, а, следовательно, выступает в качестве одного из атрибутов разрыва с миром. У Гумилева же картина совершенно иная. "Проклятье" — спутник созидательного акта, необходимый... элемент у с т а н о в л е н и я связи с бытием» (Слободнюк. С. 19.) Н.А.Богомолов рассматривал ст-ние в качестве «вполне убедительного» примера «бессознательных заимствований» Гумилевым образов и ситуаций из романа Ницше (Соч I. С. 9). С.Л.Слободнюк, напротив, подчеркивал, что «ницшевские образы травестированы и направлены против самой идеи о сверхчеловеке» (Слободнюк. С. 127). Вероятнее всего, основным источником «Песни...» Гумилева послужил, все-таки, не роман Ницше, а баллада Л.Уланда «Проклятие певца». С этой балладой связан биографический эпизод из «царскосельской эпохи» взаимоотношений Гумилева и Ахматовой. В.С.Срезневская вспоминала: «Мы его часто принимались изводить: зная, что Коля терпеть не может немецкого языка, мы начинали вслух вдвоем читать длиннейшие немецкие стихи, вроде "Des Söngers Fluch"[1] (Уланда или Ландау — уже не помню...), и этого риторически цветистого стихотворения

[1] «Проклятие певца» (нем.).

(которое мы запомнили на всю жизнь) нам хватало на всю дорогу. А бедный Коля терпеливо, стоически слушал его...» (Неизд 1986. С. 167).

В ст-нии присутствует и мифологический, «нибелунговский» подтекст.

Ст. 1—6 — ср.: «Когда-то гордый замок стоял в одном краю, / От моря и до моря простер он власть свою... / И в замке том воздвигнул один король свой трон. / Он был угрюм и бледен, хоть славен и силен» (Л.Уланд. «Проклятие певца». Пер. В.Левика). Далее Гумилев использует все важнейшие «узлы» сюжета уландовой баллады (пение и игра на арфе, гнев короля, убийство певца, гибель арфы), однако произвольно переиначивает их. Ст. 8—12. — Тролли — в германо-скандинавской мифологии обитатели подземного царства и хранители сокровищ (иногда их отождествляли с гномами). Возможно, речь идет об Альберихе (см. коммент. к № 14). Ст. 25—48. — В песне «безумного певца», возможно, присутствует мотив сказаний о Сигурде. После победы над драконом Фафниром Сигурд поднимается на вершину горы Хиндарфьялль, где спит мертвым сном заколдованная Одином валькирия Сигрдрива, окруженная огненными щитами.

Ст. 25—28 — ср.:

> Я помню боль, я помню ужас страсти,
> И страшный вид окровавленных губ,
> И смутный звон разорванных запястий!..
> Но там, в горах, с уступа на уступ
> Идет заря, и нет у ночи власти.
> Кругом светло, в моих объятьях труп...
>
> (В.Я.Брюсов. «И снова»).

Сходство данных ст-ний подкрепляет и свойственная той эпохе натуралистическая романтизация смерти.

Ст. 32—41 — ср. образ «пьяного красного карлика», пляшущего над телом спящей девушки в «Обмане» А.А.Блока (1904). Ст. 37—39. — По свидетельству А.Биска, в 1906—1908 гг. в Париже «одна высокопоставленная дама читала "стихи поэта Гумилева", где ...рифмовались "кольца" и "колокольца"» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 37).

19. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб (Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - ОС 1991, под загл. раздела ПК «Мечи и поцелуи» - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП.

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

«В "Деве Солнца" преобладает юношеская риторика и в положительном смысле характерна не повествовательная или описательная сторона, а несвязы-

ваемая с нею афористически-заостренная манера выражения, уже кое-где схваченная» (Верховский. С. 109). Л.А.Смирнова утверждала, что «образы богов, королей, царей и пророков (в ПК. — *Ред.*) — символы отнюдь не власти над людьми, а противоположения их слабости <цит. ст. 69—72>» (Изб(М). С. 11). Л.К.Василевская писала о преодолении Гумилевым избыточного лиризма поэмы с помощью перифрастических сочетаний («божий бич», «божий глас», «тихий гимн луны» и т.д.) и делала вывод о сознательном отчуждении автора от героя поэмы (см.: Василевская Л.И. О приемах коммуникативной организации ранней лирики Н.Гумилева // Изв. РАН. Серия лит-ры и языка. 1993. № 1. С. 51—52).

Луи Аллен указал на строфы этой поэмы, где явно слышатся интонации поэтов — современников Гумилева.

В.Брюсова:

Я стал властителем вселенной,
<...>
Но лишь для вас, о лишь для вас;

А.Блока:

И гордый царь опять остался
<...>
Бездонной радостью глубин;

К.Бальмонта:

Он как гроза, он гордо губит
<...>
Безумно-белые цветы.

(Allain Louis. La recherche de la forme longue dans la poésie de N.S.Gumilev / / Nikolaj Gumilev: 1886—1986 / Papers from the Gumilev centenary Symposium. Berkeley slavic specialitens, 1987. P. 8. То же см.: Eugène Ternovsky. Essai sur l'histoire du poїme russe de la fin du XIXe et du debut du XXe siècle: Великолепная неудача, Lille, 1987. P. 288). «Власть и насилие терпят неудачу в стремлении снова обрести невинность молодости, и в досаде от этого усугубляется насилие, — подытоживает смысл поэмы Е.Сампсон. — Но поэма заканчивается псевдо-философической попыткой примирить противоборствующие элементы на более возвышенном уровне <цитируется последняя строфа>» (Sampson E.D. Nikolai Gumilev. Boston: Twayne Publishers, 1979. P. 53).

Полякова Марианна Дмитриевна — царскосельская знакомая Гумилева, сестра известной балерины, участницы второго дягилевского «русского сезона» Е.Д. Поляковой.

Ст. 41. — Дева Солнца — «жена, облеченная в солнце» (Откр. XII. 1), в христианской традиции — Дева Мария или Истинная церковь; в соловьевской традиции в русской культуре начала XX века трактовалась как София, апокалипсический знак божественного воплощения. В этом качестве Дева Солнца у Гумилева может быть связана с символикой древних мистерий, прежде всего — с Исидой, богиней Луны: «Точно так же, как луна блестит отраженным светом солнца, так и Исида, подобно Непорочной Откровения, облечена в славу солнечной светоносности» (Холл. С. 149). Ст. 55 — реминисценция из «Тройки» Н.А.Некрасова. Ст. 65 — реминисценция из «Демона» М.Ю.Лермонтова (ср.: «Он слышит райские напевы» — ч. I. XV). Ст. 96—97 — созвучие с символикой А.Белого («Золото в лазури», 1904).

20. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр), оформлена при публ. как цикл стих. - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989, опубл. первая часть, без поясн. - - Изб(М) - - Изб(Слов), опубл. «Песнь Дриады», без поясн. - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; Душа любви, отрывок.

Автограф в собрании М.С.Лесмана; загл.: «Осенняя песня. Поэма Н.Гумилева. Посвящается Анне Андреевне Горенко».

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

Первоначально поэма была истолкована в условно-аллегорическом ключе: «"Осенняя песня" довольно стройно задуманное, хотя сбивающееся на аллегорию, изображение олицетворенной осени — Дриады, ее брака с Принцем Огня и т.д. Все это — уже попытка сказочно-эпического построения; в "Песне дриады" достижения уже относительно-изысканного ритмического звучания» (Верховский. С. 109). А.Волков обратил внимание на поэтические особенности «Осенней песни»: «Стихи Гумилева первого периода (творчества) отмечены еще основным преимуществом символической поэтики. Характерно стремление к тропам, не конкретизирующим содержание, а, наоборот, романтически преображающим действительность <цит. ст. 16>» (Волков А. Поэзия русского империализма. М., 1930. С. 124). Как аллегорическое изображение смены времен года трактовал вслед за Ю.Верховским «Осеннюю песню» Л.К.Долгополов в монографии «Поэмы А.Блока и русская поэзия конца XIX — начала XX веков» (М., 1964). Л.А.Смирнова отмечает, что поэма «населена» «трудно совместимыми образами»: «Юная дриада»<...> и «печальная жена». Но все, по-разному контрастные и фантасмагорические картины овеяны одной мечтой: «узнать сон вселенной», увидеть «лучи жизни обновленной», выйти «за пределы наших знаний» (Изб(М). С. 11—12). «В поэме "Осенняя песня" Гумилев осваивает лирическую поэму Бальмонта как цикл стихотворений. Так же как и в "Деве Солнца", в этой поэме нет отчетливого сюжета: "юные дриады" резвятся

в царстве "Вечного молчанья", одна из них мечтает о "принце огня", о "женихе", прекрасном, как "радостный костер", с которым она совершает "...великий брак, Безумный крик всемирных оргий". Все эти поэмы, так же как и "Сказка о королях", в которой образы молодых королей, бледных цариц, мрачных всадников и Неведомых невест — не более, чем освоение наиболее распространенных символистских образов». (Eugène Ternovsky, Essai sur l'histoire du poème russe de la fin du XIXe et du debut du XXe siècle: Великолепная неудача. Lille. 1987. P. 289.)

По поводу «Песни Дриады»: «Эти стихи... отражают основную тенденцию трехстопного дольника Гумилева, на которую указали Гаспаров и Тарановский, а именно, "изолирующую" тенденцию, тенденцию избежать те ритмические варианты, которые часто встречаются в силлабо-тонических размерах» (Sampson E.D. «Studies in the Poetic Technique of Nikolaj Gumilev». Harvard, Mass., 1968. P. 61. Неопублик. докторская дисс.). О том, что впоследствии, начиная с 1911 г., Гумилев стал культивировать именно этот тип «анапестического» дольника: — (Sampson E.D. Dol'niks in Gumilev's Poetry // Russian Language Journal, Supplementrary Issue, «Towards a Definition of Acmeism», Spring 1975. P. 34).

По воспоминаниям В.Виленкина, А.Ахматова утверждала, что в поэме — ст. 81—100 — создан ее «первый портрет», см.: Виленкин В. В сто первом зеркале. М., 1987. С. 193. На экземпляре ПК, подаренном Ахматовой П.Н.Лукницкому, есть помета рукой А.Ахматовой: «мне» (Жизнь поэта. С. 25).

Ст. 5—8 — возможно, реминисценция из поэмы И.А.Бунина «Листопад», ср.: «Лес, точно терем расписной, / Лиловый, золотой, багряный». Ст. 19—20 — см. коммент. к № 16. Ст. 23—24. — Ева, жена библейского Адама, считается родоначальницей человеческого рода (ее имя означает «жизнь»). Детьми Евы были Каин, Авель, Сиф, кроме того, не названные по имени сыновья и дочери (Быт. V. 4). Ст. 26. — Дриады — в греческой мифологии нимфы, покровительницы деревьев; в творчестве философов-герметиков дриады (наряду с сатирами, панами, сильвестрами, гамадриадами, дурдалисами, эльфами, смугляшами) являлись лесными и древесными духами, разновидностями гномов (см.: Холл. С. 386). Ст. 27—28. — Лесные храмы свойственны мистериям друидов, которые верили в природных духов (фей, гномов, ундин) и делали им приношения. «В их храмах хранился священный огонь, а храмы эти размещались в дубовых рощах». — писал Ч.Гекертон в книге «Секретные общества всех времен и народов» (цит. по: Холл. С. 56). Ст. 54. Символика красной розы (у розенкрейцеров): «Красный цвет розы говорит о крови Христа, а золотое сердце, скрываемое в середине цветка, соответствует духовному золоту, скрытому в человеческой природе» (Холл. С. 506). Роза ассоциировалась также с порождением, плодородием и чистотой. Ст. 59—60. — Друидизм проповедовал культ чистоты, многие друиды объединялись в группы аскетов; одежды друидов всегда были белого цвета — цвета чистоты, который они использовали для символизации солнца (см.: Холл. С. 53). Ст. 69—72 — вероятно, невольная интонационная реми-

нисценция из оды А.С.Пушкина «Вольность», ср.: «Когда на мрачную Неву / Звезда полуночи сверкает / И беззаботную главу / Спокойный сон отягощает» — и далее. Ст. 77—80, 117 — реминисценция из ст-ния Ф.И.Тютчева «День и ночь», ср.: «На мир таинственных духов, / Над этой бездной безымянной, / Покров наброшен златотканный / Высокой волею богов». Ст. 143—144. — О символике белого цвета в религии друидов см. выше. Бог солнца Ху, умирающий и воскресающий, был верховным божеством друидов. Ст. 159. — «Золотая звезда» здесь, возможно, — Денница, в библейской символике парадоксально относимая как к Христу, так и к Люциферу. В славянской мифологии Денница оказывалась знаком «небесной свадьбы» (Мифологический словарь. С. 183). Ст. 180. — Символика «белой невесты» в контексте культурной эпохи «начала века» устойчиво адресовала к эсхатологическим построениям В.С.Соловьева и поэтов-«соловьевцев» (Андрея Белого, Блока и др.). Ст. 201—204. — «И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на голове ее венец из двенадцати звезд» (Откр. XII. 1); если учесть, что прототипом героини поэмы являлась Ахматова, то подобные библейские реминисценции полностью укладываются в традицию соловьевского «софианства» (аналог — «Стихи о Прекрасной Даме» Блока, адресованные Л.Д.Менделеевой). Ст. 207—208. — «Пифагорейцы и другие школы философии полагали, что единая божественная природа Бога проявляет себя в троичности Отца, Матери и Дитя<...> Бог Отец есть дух, Бог Мать есть материя, и Бог Дитя есть продукт этих двух и представляет собой сумму всех живых вещей...» (Холл. С. 333). В библейском контексте эти стихи могут означать Второе пришествие Христа (Бога-Сына). Ст. 209—213. — «И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, который праведно судит и воинствует» (Откр. XIX. 11) «Имя ему: Слово Божие» (Откр. XIX. 13). В Откровении явление Всадника означает начало Армагеддона — последней великой войны между светом и тьмой. В мистерии Апокалипсиса Армагеддон трактовался и как последняя битва между плотью и духом.

21. ПК.

СС I - - СП(Феникс) - - Изб(Кр), оформлена при публ. как цикл стих. - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб 1997 - - ВБП.

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

Строки из этой «Сказки...» стали эпиграфом ко второму разделу ПК, который Ю.Верховский назвал «центральным, эпическим по заданию». Он же отметил присутствующее в «сказке-балладе» «метрическое разнообразие» (Верховский. С. 109, 110). По мнению О.Цехновицера, в поэме мы «найдем утверждение, что лишь силой и мужеством можно завоевать “Деву Мира” — счастье» (Цехновицер О. Литература и мировая война 1914—1918. М., 1938. С. 44).

Анна Ахматова узнавала свой портрет в ст. 76—78 (см.: Виленкин В. В сто первом зеркале. М., 1987. С. 193). В 1918 г. Гумилев по мотивам ст. 61—84 написал стихотворение «Баллада», о котором Г.Горбачев писал как об одном из лучших в РЦ 1918, но «типично символическом». По его мнению, Гумилев «никогда не отделался от символизма». «Главные же темы Гумилева, это — обычные романтико-героические темы, взятые из прошлого или далеких экзотических стран, своеобразно преображенные грубоватым, примитивистским, но немного мистическим мироощущением автора, отразившим в наклонности к некой джеклондонской авантюрности американский дух, проникший в капиталистическую Россию» (Горбачев Г. Очерки современной русской литературы. Л., 1924. С. 18—19). С.Л.Слободнюк, трактуя эпизод из поэмы, связанный с песней о золотом кольце, утверждает, что «первый дьявол» Гумилева «рождается под знаком озерной школы», возводя «демонизм» Гумилева к «демонизму» английских романтиков XIX в. (Слободнюк. С. 52). «В "Сказке о королях", — резюмирует Е.Сампсон, — изображается конфликт между двумя различными подходами к идеалу: между уходом от мира в себя, трансцендентализмом — и путем действия ("Правду мы возьмем у Бога"). В отличие от двух других поэм, этот конфликт не развивается драматически, но просто излагается в речах двух королей, и если неудача их похода должна обозначить превосходство пассивного пути, то это все-таки далеко не однозначно» (Sampson E.D. Nikolai Gumilev. Boston: Twayne Publishers, 1979. P. 49).

Ст. 1—4 — ср.: «Ты — вечный, свободный, могучий, / О смейся и плачь: в голубом / Как бисер рассыпаны тучи...» (Андрей Белый. «Бальмонту»). Ст. 5—7 — ср.: «Говори о безумьи миров, / завертевшихся в танцах, / О смеющейся грусти веков, / О пьянящих багрянцах...» (Андрей Белый. «Бальмонту»); «Мы воздвигнем наш храм. / Я грядущей весне / Свое жаркое сердце отдам...» (Андрей Белый. «Не тот»). Ст. 8—9 — ср.: «Солнце — к вечному стремительность. / Солнце — вечное окно / В золотую ослепительность...» (Андрей Белый. «Солнце»). Ст. 10. — «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца» (Откр. XXII. 1). Ст. 13 — ср.: «Это я в заревое стекло / К вам стучусь в час вечерний. / Снеговое чело / Разрывают, вонзясь, иглы терний...» (Андрей Белый. «Безумец»). Ст. 13—14 — ср. «...Усталость, желающая одним скачком достигнуть всего, бедная усталость неведенья, не желающая больше хотеть: ею созданы все прежние боги» (Ф.Ницше. «Так говорил Заратустра»). Ст. 37—38. — Соотнесение Индии и Мексики в высшей степени характерно для герметической философии, полагающей эти страны хранилищами древней мудрости (мудрости Атлантиды). В русской поэзии «начала века» подобное соотнесение мы наблюдаем в ст-нии К.Д.Бальмонта «Пронунсиамиэнто»: «В лабиринтах ли индийских или в бешеной Валгалле, / На уступах пирамидных мексиканских теокалли...» Кроме того, подобная же тематика содержится в ст-нии Бальмонта «Гимн солнцу». Ст. 41—44. — О символике лотоса (лотуса) см. коммент. к № 16. Ст. 45. — Теокалли — жертвоприноше-

ние богу Солнца у индейцев (толтеков и ацтеков). Ст. 55. — Возможно, метафора имеет реминисцентную природу, ср.: «Я хочу горящих зданий» (К.Д.Бальмонт. «Кинжальные слова»). Ст. 61. — Люцифер (несущий свет) — в библейской традиции одно из имен сатаны; в «тайных доктринах» герметической философии, прежде всего — у гностиков — важнейшее космическое идеальное начало, знак «тайны» мироздания, открывающейся лишь посвященным высокой степени. Генезис символики пяти коней, к которым прибавляется еще один, до конца не выяснен. Возможно, здесь присутствует мотив «Старшей Эдды». Ст. 62. Эпизод с дарением кольца, обладающего чудесными (прежде всего — гностическими) свойствами, но приносящего, в конце концов, погибель владельцу, широко распространен в различных мифологических системах. Наиболее актуальной в контексте ПК является германо-скандинавская мифология (послужившая материалом для сюжета «Кольца Нибелунгов» Р.Вагнера). Речь идет о кольце, которое бог Локи (связываемый в христианской интерпретации с Люцифером) отобрал у карлика Андвари и которое тот проклял. Кольцо это впоследствии досталось Сигурду. Возможно, помимо того, что этот мотив контаминируется с атрибутикой бога Одина — кольцом Драупнир, порождающим себе подобных. Рубин считался камнем солнца. Об автобиографической подоплеке этого эпизода см.: Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Париж: ИМКА-Пресс, 1991. «Когда он хотел умирать, — вспоминала Ахматова, — он подарил мне кольцо с рубином» (С. 198). По всей видимости, откликом на эти ст. Гумилева является и первая публикация Ахматовой в гумилевском «Сириусе» (1907) — «На руке его много блестящих колец...». Ст. 69—70. Мировой жрец — творец мира, Демиург гностиков, в некоторых учениях мыслился как Люцифер, Князь мира. Ст. 76—80. — Дева Луны — Исида (см. коммент. к № 19). Р.Д.Тименчик связывал «лунную тему» в лирике Гумилева с лунатизмом Ахматовой (см.: Родник. 1986. № 10). Ст. 81—82 — переосмысленный сюжет «Старшей Эдды»: «...Один мыслится и как бог поэзии, покровитель скальдов. В "Прорицании вельвы" есть намек на то, что Один отдал свой глаз великану Мимиру за мудрость, содержащуюся в его медовом источнике» (Мифологический словарь. С. 411). Ст. 102—105. — Эстетика раннего Ницше («Рождение трагедии») трактовала искусство как «аполлонический сон», раскрывающий истинный (дионисийский) характер бытия. Ст. 141—144 — реминисценция из «Русалки» М.Ю.Лермонтова, ср.: «Спит витязь, добыча ревнивой волны, / Спит витязь чужой стороны... / Расчесывать кольцы шелковых кудрей / Мы любим во мраке ночей...». Ст. 159—160 — ср.: «Земля стала маленькой, и по ней скачет последний человек, который все делает малым» (Ф.Ницше. «Так говорил Заратустра». «Предисловие Заратустры»).

22. ПК.

СС I - - Изб(Огонек) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М), под загл. раздела ПК «Высоты и бездны» и с эпиграфом к разделу - - Ст(М-В) - - СС(Р-т) I -

- Изб(Х), под загл. раздела ПК «Высоты и бездны» с эпиграфом к разделу - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; Собеседник, 1987 - - Русская поэзия XIX-начала XX в. М., 1987 - - Ст(Куйбышев) - - Потапчук; Огонек 1986.

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

Данное ст-ние основывается на представлении о смерти как о духовном рождении, освобождении от плоти, свойственном древним Мистериям. См. также ст-ние М.Ю.Лермонтова «Когда последнее мгновенье...».

23. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СТ(Пол) - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - ОЧ - - ВБП; Душа любви.

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

О.Роннен, анализируя «Грифельную оду» О.Э.Мандельштама, указывал, что «тема общины камней развивается в русской поэзии от "Отрывка" Лермонтова... до "Людям Настоящего" Гумилева... Интересно отметить, что у Хлебникова — архитектура будущего вертикальна, состоит из одного только слоя, и полностью отвергает камни: "Здесь площади из горниц, в один слой, / Стеклянною страницею повисли, / Здесь камню сказано долой" ("Город будущего", Харчевня зорь, 1920)» (Ronen O. An Approach to Mandel'štam. Jerusalem, 1983. P. 116). Здесь же, в примечании к первой строфе «Людям настоящего», О.Ронен указывал на наличие сходного подтекста в «Последнем поэте» Баратынского: «И зачем не предадимся / Снам улыбчивым своим? / Жарким сердцем покоримся / Думам хладным, а не им!» (Там же. С. 116). Н.Домбр-Потоцкий отмечает по поводу этого ст-ния, что критическое станет потом более отчетливым и никогда не изменится. (Dombre-Potocki N. «L'Exotique et le merveilleux dans la poésie de Goumilev». Paris-Nanterre, 1971. P. 61. Неопублик. докторская дисс.). Ср.: «О братья, разве я жесток? Но я говорю: что падает, то нужно еще толкнуть! Все сегодняшнее падает, разваливается; кто хотел бы удержать его! Но я — я хочу еще подтолкнуть его! Знаете ли вы наслаждение, когда камень катится в отвесную глубину? — Это люди сегодняшнего дня; смотрите же, как они скатываются в мою глубину!» (Ф.Ницше. «Так говорил Заратустра». Гл. «О старых и новых скрижалях»).

24. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век), ошиб. отнесено к разд. ПК «Мечи и поцелуи» - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - ОЧ

- - ВБП; Ст(Куйбышев) - - Гимн любви, под рубрикой «Высоты и бездны» - - Душа любви, Дружба народов 1986.

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

В рецензии на ПК Брюсов приводил ст. 14, 15 в качестве «основных заповедей декаденства», «повторенных» Гумилевым. В письме П.Н.Лукницкого к А.А.Ахматовой от 19 августа 1925 г. читаем: «Я прочел "Так говорил Заратустра". Сейчас читаю "По ту сторону добра и зла". Все ваши положения подтверждаются. Конечно, и "высоты", и "бездны", и "глубины", и многое множество других слов навеяны чтением Ницше» (Жизнь поэта. С. 9). В архиве Лукницкого хранятся книги Ницше из библиотеки Гумилева с многочисленными его пометами (Там же. С. 37). Ю.Верховский писал: «Люди настоящего только тяжелые камни для грядущих поколений, людям будущего "бегущие годины / Несли иной, нездешний звук". Под этими несколько о б щ и м и местами... душевное шевелится» (Верховский. С. 100). Н.Н.Скатов, отмечая, что «мечта героев Гумилева... не только отлет от настоящего, но и полет в будущее», приводил ст. 5—6 как подтверждение необходимости «мощного волевого усилия» для героев ранней поэзии Гумилева (СП(Феникс). С. 8). «В ст-нии, посвященном людям будущего, утверждается, что за счет приятия метафизических ценностей, сам художник и его творчество могут достичь бессмертия и универсальности. Эта позиция поэта, подкрепленная жизнеутверждающей силой молодости, преобразуется в ощущение неограниченной власти, приводящее Гумилева к вызову людям, смерти и Богу. Тщательный анализ его творчества показывает, что, хотя он, в сущности, является, конквистадором метафизического, некоторые из его ст-ний содержат в себе сомнения в беспрекословности этой веры, перед лицом угрожающей и жестокой жизни». (Demjanjuk E. The Literary Development of Nikolaj Gumilev // Proceedings of the 9th Congress of the Australasian Universities' Languages and Literature Asociation, Melbourne, 1964. P. 161).

Ст-ние иллюстрирует идеи Ницше, изложенные в гл. «О старых и новых скрижалях» философского романа «Так говорил Заратустра». Ст. 1—6 — ср.: «Дело в том, что требуется много благородных и разнородных; благородных для того, чтобы была аристократия. Или, как я сказал однажды в притче: "В том именно и божественность, что есть боги". Ст. 9—12 — ср.: "Уничтожьте изречения клевещущих на мир!" Ст. 14 — ср.: "...Лучше же, о, выздоравливающий, изготовь себе лиру, новую лиру! Ибо подумай, о, Заратустра! Твои новые песни нуждаются в новой лире". Ст. 17—24 — ср. «Вот какими хочу я видеть мужчину и женщину: одного способным к войне, другую — способной к деторождению, обоих — способными к танцам, с головой и ногами».

25. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - СС(Р-

т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; Душа любви.

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

Ст. 4 — с зарею сравнивается также радостное событие истинного обращения к Богу: «Тогда откроется, как заря, свет Твой» (Ис. I. VIII. 8). «Заре, рассвету дня, утренней звезде уподобляется слово пророческое в сердцах верующих по отношению к свету Евангельскому (II Петр. I. 19)» (Библейская энциклопедия. С. 268).

26. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП.

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

Это ст-ние дало повод обвинить Гумилева в подражательстве: «Большинство входящих в нее (в ПК. — *Ред.*) ст-ний — вариации на Бальмонта или перепевы из него (вроде: "Кричит победно морская птица / Над вольной зыбью волны фиорда")» (Бескин О. Гумилев Николай Степанович // Лит. энциклопедия. М. 1930. Т. 3. Ст. 82). Имеется в виду ст-ние К.Д.Бальмонта «Чайка». Н.Домбр-Потоцкий писал, что птица в этом ст-нии идентифицируется с мечтой, а «само ст-ние, чисто символическое по своей ориентации, является попыткой передать всю тщетность преследования мечты» (Dombre-Potocki N., L'Exotique et le merveilleux dans la poésie de Goumilev. Paris-Nanterre, 1971. P. 130. Неопублик. докторская дисс.).

27. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век), ошиб. отнесено к разд. ПК «Мечи и поцелуи» - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП (дефектн.печать).

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

Е.Демьянюк утверждает: «Анализ эстетического переживания осеннего настроения приводит Гумилева к выводу, что мир природы, частью которой является физический облик человека, не может служить источником творческого вдохновения, так как усилия в этом направлении непременно кончаются парадоксом творчества через смерть» (Demjanjuk E. The Literary Development of Nikolaj Gumilëv // Proceedings of the 9th Congress of the Australasian Universities' Languages and Literature Asociation. Melbourne, 1964. P. 161).

Тематически это ст-ние близко поэме «Осенняя песня» (№ 20). Ст. 3—4. — «Каждый куст и цветок имеет свойственный его природе дух, который часто использует физическое тело растения как обиталище. Древние философы, осознавая принцип разумности, проявляющий себя в каждом явлении Природы, верили, что качество естественного отбора, демонстрируемое созданиями, не обладающими организованными умственными способностями, является результатом деятельности самих природных духов» (Холл. С. 386). Ст. 13 — см. коммент. к № 20.

28. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(ХХ век), ошиб. отнесено к разд. ПК «Мечи и поцелуи» - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП (дефектн.печать).

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. к № 14).

«Даже когда сомнения теснят мужественную душу, — пишет Л.А.Смирнова, — раздается призыв к полному самоотречению <цит. ст. 21—24>» (Изб(М). С. 12). Идеи и взгляды Ницше «оказали постоянное и, отчасти, пагубное влияние на Гумилева» (см.: Sampson E.D., Nikolai Gumilev, Boston, Twayne Publishers, 1979. P.50). Э.Русинко цитирует три последние строфы ст-ния в своем английском стихотворном переводе и проводит параллель со следующим местом из Пролога к «Так говорил Заратустра»: «Я люблю тех, кто изначально не ищет за звездами причины спуститься и сделаться жертвой: но кто приносит себя в жертву земле, так чтобы земля когда-нибудь принадлежала сверхчеловеку» (см.: Rusinko E. Nietzsche and Acmeism Apollonianism and Life-Affirming Christianity // Nietzsche and Soviet Culture, ed. Bernice Rosenthal).

Ст. 2 — см. ст-ние В.С.Соловьева «Бескрылый дух, землею полоненный...».

Ст. 23—24 — ср.: «Я Исус послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя» (Откр. XII. 16). О Деннице см. коммент. к № 20. В еретических учениях (Ориген) Денница служила символом Иоанна Крестителя.

29. ПК.

ССI - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - Ст ПРП - - Изб(М) - - СС (Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СП (ХХ век), ошиб. отнесено к разд. ПК «Мечи и поцелуи» - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП (дефектн.печать).

Дат.: 1903 — до октября 1905 (см. коммент. К № 14).

Это ст-ние тематически близко к ст-ниям К.Д. Бальмонта «Старый Дом. Прерывистые строки» и В.Я. Брюсова «Чудовища». Ст.15—16. — «Маги всегда предупреждали, что никогда нельзя обманывать доверия стихийных духов, в противном случае невидимые создания, работая через субъективную природу человека, могут причинить ему бесконечную печаль и привести даже к смерти. Пока мистик служит другим, гномы будут помогать ему, но, если он ищет их помощи эгоистично, для получения временной власти, они набросятся на него с неослабевающей яростью. То же самое случится, если он попытается обмануть их» (Холл. С. 387).

30. РЦ 1918.

Изб 1943 - - ССI - - СП (Волг) - - СП(Тб) - - СП (Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - СС(Р-т)I - - СочI - - СПП - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Ст1995 - - Изб 1997 - - ВБП.

Автограф — архив Лозинского

Дат.: 1903—1907 (По подзагол. РЦ 1918).

В славянских народных поверьях домовой (дух дома) нередко сближался с нечистой силой, мог превращаться в кошку, собаку, корову, иногда в змею, крысу или лягушку. Ср. мотив «домашней жути» в ст-нии К.Д.Бальмонта «Дождь».

Перевод на англ. («The Rat») — SW. P. 29.

31. РЦ 1918.

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - ОС 1989 - - СС(Р-т) I - - Соч I - - СПП - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - ВБП.

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: 1903—1907 (по подзагол. РЦ 1918.).

Ст. 1—5. — Змей (змея) — объект универсального поклонения у древних народов, часто соотносимый с огнем и солнцем. Е.Блаватская писала, что по образу змеи, кусающей хвост, организована вселенная. Семиглавый Змей в некоторых тайных учениях представлял Верховное Божество. В символической философии змея — истинный принцип мудрости, поскольку влечет человека к самопознанию. В церковных писаниях змея является эмблемой злобы и коварства. В поэзии русского символизма мифологему «змей-Солнце» активно разрабатывал Ф.Сологуб. Ст-ние Гумилева может быть навеяно сологубовским ст-нием «Два солнца горят в небесах...», где также присутствует двойственный образ Солнца: «Дракон, сожигающий, дикий, / И Гелиос, светом великий...». Ст. 6. — Павлин, наряду с ибисом, был объектом поклонения, «потому что они уничтожали ядовитых рептилий, которые считались посланцами низших богов. Павлин считался символом мудрости из-за множества глаз на хвосте... Павлин символизи-

рует бессмертие, потому что духовная природа человека, подобно плоти этой птицы, не поддается распаду» (Холл. С. 318).

1904

32. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(ХХ век), ошиб. отнесено к разд. ПК «Мечи и поцелуи» — СПП - - СП(Ир) - - ЛиВ - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - ОЧ - - ВБП; Родник 1988.

Автограф 1 с посвящ. («Посв. А.А.Горенко») — РГАЛИ (Ф. 2567, Ю.Г. Оксмана. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 1). Автограф 2 с посвящ. («Посвящается Анне Андреевне Горенко») — РНБ (Ф. 1073, А.А.Ахматовой. № 530. Л. 1—1 об.). На листе пометы Ахматовой: «Царское Село, 1904».

Дат.: 1904 — по датировке Н.А.Богомолова (Соч I. С. 484).

История создания ст-ния связана с картиной, которую на стене комнаты Гумилева в царскосельском доме написал его гимназический приятель В.Дешевов. На этой картине было изображено подводное царство и в виде русалки — гимназистка Анна Горенко (Ахматова). Посвящение ей осталось только в автографах, в ПК оно снято, так как «автор и адресат в это время находились в ссоре» (Тименчик Р.Д. Николай Гумилев // Родник. 1988. № 10. С. 20). Именно этим ст-нием А.Ахматова открывала впоследствии хронологический ряд посвящений (см.: Богомолов Н.А. Таким я вижу облик Ваш и взгляд // Лит. обозрение. 1989. № 5. С. 38). См. об этом также: Haigt A. Anna Akmatova: A Poetic Pilgrimage. Oxford, 1976. P. 8.

В ст-нии можно выделить целый ряд заимствований из современных Гумилеву поэтов-модернистов. Близкое формальное соответствие прослеживается со ст-нием Брюсова «Мы бродили вдвоем и печальны...» — 3 Ан. со сходным применением «кольцевой» композиции строфы. Трактовка распространенной у символистов темы русалки восходит к ряду ст-ний К.Д.Бальмонта, прежде всего — «Она как русалка», «Дух волны», «Драгоценные камни», «Чайка».

Ст. 7—12 — ср. с К.Бальмонтом: «В моих глазах мерцает свет / Морских подводных трав... / <...> / Огнем зелено-серых глаз / Мне чаровать дано, / И много душ в заветный час / Я увлеку на дно» («Дух волны»); «У нее глаза морского цвета, / У нее неверная душа.» («Морская душа»). В последнем отрывке следует обратить внимание на анафору, присутствующую и в гумилевской строфе. Ст. 13. — Ундина (от лат. unda — волна) — в мифологии европейских народов духи воды, русалки; в романтической поэзии XIX-XX веков этот образ широко распространен. Ст. 17—18 — ср. с К.Бальмонтом: «Я брат холодной пучины морской...» («Драгоценные камни»); «Над холодной пучиной морской...» («Чайка»).

33. Соч I - - ВБП - - МП. **Печ. по автографу.**

Автограф РГАЛИ Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 2. Загл. заключено в скобки.

Дат.: 1904 — по датировке Н.А.Богомолова (Соч I. С. 551).

Ст-ние тематически связано с ст-нием «Рассказ девушки» (№ 35). Ст. 13. — Голубь считается эмблемой мудрости и олицетворяет силу и порядок, которыми утвердились низшие миры, посланником божественной воли и означает активность Бога. Голубями называли оракулов и пророков. Ст. 23—25 — см. коммент. к № 20.

34. Соч I - - ВБП - - МП. **Печ. по автографу.**

Автограф — РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 37.

Дат.: 1904 — по датировке Н.А.Богомолова (Соч I, с. 551).

Ст. 9 — ср.: «Но в мире новом друг друга они не узнали» (М.Ю.Лермонтов. «Они любили друг друга так долго и нежно...»).

1905

35. ПК.

СС I - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП.

Дат.: 1905 — по помете Ахматовой «Мне. 1905. Ц<арское> С<ело>» (Соч I. С. 484).

Ст-ние тематически связано с ст-нием «Разговор» (№ 33).

В ст-нии присутствуют «ницшеанские» мотивы (см. коммент. к № 24). Ст. 13—16. — «Некоторые авторы... полагали, что Заратустра... был сыном Весты... и величайшего из саламандр (духов огня. — *Ред.*) Оромазиса. С тех пор неумирающий огонь утвердился на персидских алтарях в честь огненного отца Зороастра» (Холл. С. 390). «Античный автор I-нач. II вв. Дион Христостом передал легенду о том, что З<аратустра> в поисках истины удалился на уединенную гору, куда обрушилось с небес великое пламя, но З<аратустра> вышел из него невредимым и наделенным искомой мудростью» (Мифологический словарь. С. 218). В библейской традиции Дух Святой «глаголал через пророков» (II Петр. I. 21), через апостолов (I Петр I. 12), т.е. «открылся человекам особенным образом через сошествие на апостолов в виде огненных языков в 50-й день по Воскресении Христовом» (Деян. II. 34). Ст. 22—25 — ср. ст. из монолога

Демона Лермонтова: «Тебя я, вольный сын эфира, / Возьму в надзвездные края, / И будешь ты царицей мира, / Подруга первая моя...» («Демон»).

•

36. ПК, как вступительное ст-ние к книге, др ред. - - **РЦ 1918.**

Изб 1943 - - Изб 1959 - - СС I, ред. 1905 и 1918 - - Изб 1986 - - Изб(Огонек), ред. 1905 - - СП(Волг) - - СП(Тб), ред. 1905 и 1918 - - СП(Тб)2, ред. 1905 и 1918 - - Ст(Пол), ред. 1905 - - БП - - СП(Феникс), ред. 1905 - - Изб(Кр), ред. 1905 и 1918 - - СтПРП(ЗК), ред. 1905 - - СтПРП, ред. 1905 - - ОС 1989 - - Изб(М), ред. 1905 и 1918 - - Ст(М-В) - - ШЧ, ред. 1905 и 1918 - - Изб(Слов), ред. 1905 и 1918 - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I, ред. 1905 и 1918 - - Ст(М), Ред. 1905 - - Изб(Х), ред. 1905 и 1918 - - ОС 1991, ред. 1905 - - Соч I, ред. 1905 и 1918 - - Сп(ХХ век), ред. 1905 и 1918 - - СПП, ред. 1905 и 1918 - - СП(Ир), ред. 1905 - - Ст(Яр), ред. 1905 - - Круг чтения, ред. 1905 - - Изб(ХХ век) - - Русский путь, ред. 1905 - - ОЧ, ред. 1905 - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 (ред. 1915 и 1918 гг.) - - ВБП (ред. 1905 и 1918 гг.) - - МП (ред. 1905 и 1918 гг.); Ежов-Шамурин 1925 - - Русский сонет: Сонеты рус. поэтов нач. ХХ в. и сов. поэтов. М., 1987. - - Сонет серебряного века. М., 1990 - - Ежов-Шамурин 1991 - - Душа любви - - Акаткин - - Лазаренко (ошибки в публ.). Лен. ун-т 15 апреля 1988, ред. 1905 и 1918, послед. с ошиб. загл. «Приложение».

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: 1905 — по помете Ахматовой «1905. Ц<арское> С<ело>» (СП(Тб). С. 474).

В рецензии на ПК Брюсов приводил ст. 12 как «обычную заповедь декадентства» (Среди стихов. С. 165). «Конквистадор в панцире железном» и «звезда долин, лилея голубая» — характерная антитеза вступительного стихотворения, — писал Ю.Верховский, подчеркивавший программный характер «Сонета». — Красочный образ, но скорее скрывающий, чем обнаруживающий то душевно-человеческое, что ищет сказаться точнее и глубже — едва ли не отрицание самой возможности проникнуть в это д у ш е в н о е человека» (Верховский. С. 94—95. Разрядка автора. — *Ред.*). «Общий смысл его поэзии ясен и отчетлив, — писал Ю.Айхенвальд. — Романтик, борющийся за «голубую лилию», Гумилев не привержен к дому «с голубыми ставнями» <...> Его не изнежила, не усыпила Капуя милой домашности; зоркие взоры его устремлены поверх обыденных мелочей <...> Свои дальние путешествия он совершает не поверхностно, он не скользит по землям как дилетант и турист. Нет, Гумилев оправдывает себя особой философией движения<...>, которое одно преображает косные твари мироздания и всему сообщает живую жизнь < ...> Вообще, Гумилев — поэт подвига, художник храбрости, певец бесстрашия» (Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 30, 37). В конце 1920-х годов трактовка «Сонета» обрела вульгарно-социологическую направ-

ленность. Один из руководителей ЛАППа В.Саянов писал: «Кто-то из критиков выдумал вздорное утверждение о том, что экзотика Гумилева — уход от реальной жизни. Наоборот, именно экзотика Гумилева подтверждает мое мнение о том, что Гумилев был подлинным поэтом подымающейся буржуазии, если организационно с буржуазной общественностью не связанным, то психологически отражающим ее тенденции. Еще более экзотики, чем у Гумилева, было у Бальмонта, но "путь конквистадоров" пройден был только Гумилевым <цит. ст. 1—8>» (Саянов В. Очерки истории русской поэзии XX века. Л., 1929. С. 76). Образ конквистадора сливался в этой критике с личностью поэта: «Как подлинному конквистадору, ему было безразлично, под каким знаменем бороться. Его увлекал сам процесс борьбы, романтика войны, — более того, романтика проливающейся крови влекла к себе Гумилева<...> "Конквистадор" наших дней — это выхолощенный, жутко-пустой и ничтожный юнец с фамилией Конради — убийца Воровского — или Каверда — убийца Войкова» (Ермилов В. Поэзия войны (К вопросу о месте Гумилева в современности) // Ермилов В. За живого человека в литературе. М., 1928. С. 171, 177). В статье Г.Лелевича подобная точка зрения обретала статус официальной формулировки: «В своей первой книге<...> Г<умилев> выступал как ученик символистов. Но уже в раннем творчестве Г<умилева> имелись черты, отличающие его от символистов и намечающие его будущий самостоятельный путь. В этом характерна книга "Романтические цветы" (1908). Книга открывается "Сонетом", сливающим символическую мечту добыть "лилию голубую" (хотя бы рукой мертвеца) с заявлением: "Как конквистадор в панцире железном, я вышел в путь и весело иду". Здесь сквозь символические узоры проступает облик подлинного Г<умилева>» (Большая советская энциклопедия. Т. 19. М., 1930. Стб. 806—807.). Как это видно из текста, Г. Лелевич не различал РЦ 1908 и РЦ 1918. «Романтизм Гумилева вырастает на почве расхождения конквистадорских, воинственных устремлений с реальным будничным окружением, в котором "не дано расковать последнее звено". В российской действительности 1906—1910 гг. поэт не находит реальных персонажей, реальных ситуаций и сюжетов, в которых могут быть воплощены его воинственные идеи» (Волков А. Акмеизм и империалистическая война // Знамя. 1933. № 7. С. 166). А.Волков утверждал, что «вряд ли можно найти другого русского поэта, который с откровенным цинизмом отразил бы идеи империалистической экспансии накануне... первой мировой войны» (Волков А. Русская литература XX века. Дооктябрьский период. М., 1966. С. 413). Подобная точка зрения на творчество поэта (но с обратным знаком) сохранялась и в «русском зарубежьи»: «Николай Гумилев вошел в историю русской литературы как знаменосец героической поэзии <цит. ст. 1—4>», — писал В.Завалишин (СС 1947 I. С. 5). В своих воспоминаниях о Гумилеве С.К.Маковский отстаивал другую точку зрения: «Гумилев — вовсе не конквистадор, дерзкий завоеватель Божьего мира, певец земной красоты... Этим героическим

образом и до “Октября” заслонялся Гумилев — лирик, мечтатель, по сущности своей романтически-скорбный» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 49). Этот спор продолжался и в 1980—1990-х гг., после «легализации» творчества поэта в СССР. «В известном роде программным Гумилев считал, по-видимому, ст-ние “Я конквистадор в панцире железном...”. В нем действительно было найдено нечто существенное и индивидуальное, что в гумилевской лирике навсегда затем осталось: находкой была, как ни странно м а с к а, в данном случае маска конквистадора — надменного, неуязвимого и бесстрашного покорителя далеких пространств», — пишет А.И.Павловский (БП. С. 9. Разрядка автора. — *Ред.*). С.И.Чупринин уточняет это положение, говоря о «карнавальной смене» в раннем гумилевском творчестве «то ли масок, то ли жребиев» (ОС 1989. С. 14). «Конквистадор — это как раз человек, открывающий такой новый, необычный романтический мир <цит. ст. 1—14>», — утверждает Н.Н.Скатов, полагая, что речь идет о «мире поэзии» (СП (Феникс). С. 7). «“Сонет” <...> с помощью ирреального образа выразил желание преодолеть ограниченность возможностей <цит. ст. 11—14>» (Изб(М). С. 15). Н.А. Богомолов резко выступает вообще против «рассуждений об экзотизме и рыцарственности, о преодолении оторванности от России, о том, как Гумилев из подражателя становится самостоятельным поэтом», напоминая, что «то, что лежит на поверхности, слишком часто оказывается обманчивым, нуждающимся в особом истолковании» (Соч I. С. 6). Л.И.Василевская считает главной в «масочной лирике» Гумилева маску конквистадора. «Близкими конквистадорской оказываются маски паладина, средневекового рыцаря (“Одержимый”, “Поединок”), борца с драконом (“В пути”). Встречаются маски игрока (“Крест”), жреца (“Царица”), охотника (“Товарищ”), укротителя (“Укротитель зверей”), оборванца (“Оборванец”) и некоторые другие» (Василевская Л.И. О приемах коммуникативной организации ранней лирики Н.Гумилева / / Известия РАН, серия литературы и языка. 1993. № 1. С. 57). По мнению Ю.В.Зобнина, «на символическое прочтение гумилевского сонета наталкивает <...> обозначение цели странствий “конквистадора” — “звезда долин, лилея голубая” (в отличие от земных сокровищ) является достоянием сугубо духовным, к какому бы источнику генетически ни восходил этот образ — к библейской ли “Песни песней“ или к “голубому цветку” иенских романтиков. В этом контексте осмысляется и “железный панцирь”, и непременно присущий “пути конквистадора” “туман”» (Зобнин Ю.В. Странник духа. Русский путь. С. 13). Как отметил О.Клинг, «образ “сада” <...> появился в контексте других устойчивых знаков символистской поэзии (“звезда”, “пропасти” и бездна) и сопровожден эпитетом “радостный”. Уместно, однако, назвать сад не образом, а символом, потому что слово “сад” утрачивает свое конкретное значение и приобретает значение иное, не совпадающее, отдалившееся от библейского сада Адама и Евы как символа гармонии, земного рая, но, тем не менее, несущее особую смысловую нагрузку» (Клинг О. Стилевое становление акмеизма:

Н.Гумилев и символизм // Вопросы лит-ры. 1995. № 5. С. 112—113). «Сад Гумилева, как и Сад Брюсова — это не часть внешнего, объектированного мира, а часть "я" поэта, метафора, отражающая состояние души» (Там же. С. 113). «Точно так же, как в начале стиха меняется "я" на "как", "сад" приобретает черты внешнего мира» (Там же. С. 114). По мнению Д.Сампсона образ сада часто повторяется в стихах Гумилева в качестве эмблемы физической красоты и духовной гармонии, жизнерадостного и самоуверенного оптимизма и романтических поисков идеала. «Отметим также, — пишет Сампсон, — выдержанную в духе Новалиса образность последнего стиха, в котором совмещаются две излюбленные гумилевские метафоры идеальной любви — звезда и цветок, хотя последний бывает обычно не белым, а голубым» (Sampson E.D. Nikolai Gumilev. Boston: Twayne Publishers, 1979. P. 52; здесь же — перевод ст-ния на англ.). В общем контексте обсуждения ницшеанства Гумилева, Ш.Греем пишет: «Во многих ранних стихотворениях лирическое "я" молодого поэта доведено чуть ли не до пародии на общепринятые восприятия мужских и женских ролей. "Я" Гумилева — деятельное, неспокойное (или неусидчивое — restless), агрессивное, всецело "мужское" <...> Если он подвластен какой-либо женщине, то это — Муза Дальних Странствий. Любовь между мужчиной и женщиной изображается как борьба, поражение или завоевание — хотя мужчина не всегда бывает завоевателем» (Graham S. Amor Fati: Akhmatova and Gumilev, in The Speech of Unknown Eyes: Akhmatova's Readers on her Poetry, ed. W.Rosslyn. Nottingham, 1990. P. 250—251). Н.А.Оцупу принадлежат рассуждения о значении слова «конквистадор» у Гумилева: «...не полюбилось ли ему это слово или, скорее, образ, в ту минуту, когда он увидел портрет Ж.М. де Эредиа, одного из самых близких ему поэтов юношества, в одежде конквистадора?» (Otzoupe N.A. N.S.Goumilev. Paris: Sorbonne, 1952. P. 25. Докторская диссертация. Опубл. в переводе Л.Аллена. С. 29).

Ст. I. — Конквистадоры — испанские завоеватели, покорившие в XV—XVII вв. страны Южной и Центральной Америки. Воспринимались, помимо того, как миссионеры, несущие свет Христовой веры непросвещенным народам, ср. послание Колумба королю Испании: «Я явился к Вашему Величеству как посланник Святой Троицы к могущественнейшему христианскому государю, для содействия в распространении святой христианской веры; ибо воистину Бог говорит ясно об этих заморских странах устами пророка Исайи, когда он заявляет, что из Испании должно распространиться Его святое Имя» (Анучин Д.Н. О судьбе Колумба, как исторической личности, и о спорных и темных пунктах его биографии // Землеведение. Т. 1. Кн. 1. 1894. С. 210). Доспехи (панцирь или броня) в христианской традиции аллегорически означали праведность, неуязвимость в борьбе с князем тьмы: «Всеоружие в брани с врагами нашего спасения ап. Павел указывает в следующих словах: верующие должны препоясать свои чресла истиною и облечься в броню праведности; обуть ноги в готовности благовествовать мир; взять щит веры, которым можно угасить все

раскаленные стрелы лукавого; взять шлем спасения и меч духовный, которые есть слово Божие, и, наконец, молиться всякою молитвою и прошением во всякое время духом (Еф. VI. 13, 18)» (Библейская энциклопедия. С. 98). В письме З.Н.Гиппиус к Брюсову от 8/21 января 1907 г. о Гумилеве сказано следующее: «Говорит, что он один может изменить мир. "До меня были попытки... Будда, Христос... Но неудачные"» (Валерий Брюсов. М., 1976. С. 691 (Лит. наследство. Т. 85). Ст. 6. Туман как символический образ встречается у многих поэтов. О частом употреблении Блоком лексем «туман», «ждать» см., например: Чуковский К. Книга об Александре Блоке. Пг., 1922. С. 13, 28. Многочисленные параллели — у Бальмонта, Сологуба, Гиппиус и др. «Мистес» означало в элевзинских мистериях способность «видеть сквозь туман». Отсюда пошло современное слово «мистик». Ст. 14. — Как символ идеальных устремлений «голубой цветок» возник в романе Новалиса (псевд. Фридриха фон Харденберга, 1772—1801) «Генрих фон Офтердинген», популярном в среде российских символистов. О символе лилии см.: Мф. VI, 28—29. В «Песни Песней» с красотой лилий сравнивается красота таинственного жениха и невесты (II, 1—2).

37. Северная речь. **СПб., 1906.**

Неизд 1986 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I - - ВБП - - МП.

Дат.: осень 1905 — по письму к Брюсову от 11 февраля 1906 г.: «Мои осенние стихи<...>печатаются в сборнике "Северная речь<...>"» (Неизд 1986. С. 93).

У философов Древнего мира, в мистериях и тайных учениях огонь считался одним из четырех «первоэлементов». Гераклит Эфесский говорил о вселенной как о вечном космическом огне, мерами возгорающемся и мерами затухающем. Наконец, в Библии огонь является одним из важнейших символов. Во всех религиозных доктринах полагают наличие огня духовного и огня физического. Ст. 9. — Огонь в символических учениях часто выступает как посредник между Богом и людьми. Ст. 15. — Согласно учению апостола Павла Христос явится на Страшный суд «в пламенеющем огне» (II Сол. I. 8).

38. Северная речь. СПб., 1906, под загл. «Смерти», с вар. - - РЦ 1908, под загл. «Смерти», с вар. - - **РЦ 1918.**

Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - ОС 1989 - - ШЧ - - СС(Р-т) I - - Ст(М), ред. 1908 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Круг чтения, ред. 1908 - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП.

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: Осень 1905 (см. коммент. к № 35).

В одной из первых рецензий на РЦ говорится о «делающей честь вкусу поэта "Смерти" с сдержанно восторженной строкой ("Ты казалась золотисто-пьяной, обнажив сверкающую грудь")» (Образование. 1908. № 7. С. 79. Подп.: Л.Ф.) Свою интерпретацию этого ст-ния дал Ю.Верховский: «Может быть, в своей основе это — не более, как отдаленный отсвет гармоничной оды Баратынского. Но разрешенье глубоко иное:

Ты меня манила песней рая,
И с тобой мы встретимся в раю»
(Верховский. С. 102).

Ст. 9. — Астрея — в греческой мифологии богиня справедливости. Возмущенная испорченностью людских нравов, она покинула землю и ныне почитается под именем созвездья Девы.

39. «Весы». 1906. № 6, без загл., как первое ст-ние цикла (второе — «Там, где похоронен старый маг...», третье — «Мой старый друг, мой верный дьявол...»), др. ред. - - **РЦ 1918.**

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - ШЧ - - СС(Р-т) I - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - Ст.(Яр). - - Изб.(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф 1, первонач. вар., без загл., приложен к письму Брюсову (РГБ. Ф. 386, В.Я. Брюсова. К. 84. Ед. хр. 20. Л 37). Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: Зима 1905—1906 — по письму к Брюсову от 11 февраля 1906 г.: «...зимой я пишу меньше» и далее по смыслу (Неизд 1986. С. 93).

40. «Весы». 1906, № 6, без загл., как третье ст-ние цикла (см. коммент. к № 39), с вар. РЦ 1908, без загл. — **РЦ 1918**.

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - ОС 1989 - - ШЧ - - СС(Р-т) I - - Ст(М), ред. 1908 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред. 1908 - - Изб(XX век) - - Русский путь, ред. 1908 - - Изб 1997 - - ВБП; ЛН.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову (РГБ. Ф. 386, В.Я.Брюсова. К. 84. Ед. хр. 20. Л. 38. Слово «дьявол» в ст. 1 и 11 начинается со строчной буквы.

Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: Зима 1905—1906 — см. коммент. к № 39.

С иронической снисходительностью отозвался на это ст-ние И.Ф.Анненский: «Не ушли стихи Н.Гумилева и от дьявола, конечно. Только у Н.Гумилева это, к счастью, не Карамазовский дьявол, а совсем другой. Но что же из всего этого? Мы слишком серьезны. Нам нужно во что бы то ни стало, чтобы д ь я-

в о л вышел в стихах именно такой, каким он снился аскетам после голода и самобичеваний. Но Париж ведь не со вчерашнего дня знает и другого дьявола, этот дьявол — создание городской фантазии, мечты Мансарды и Буль-Миша; это он был ce bohe me ricanant М.Ролина и не о нем ли плакала еще недавно и верленовская шарманка? Что же? Разве этот дьявол не может быть красив? Вам смешна в е л и к а я любовь дьявола, и что он д ь я в о л, и что он п л а - в а л (здесь — за магнитом Ф.Сологуба, кажется) — напрасно. В бульварном дьяволе, может быть, есть абрис будущего...» (Речь. 1908. 15 декабря; подп.: И.А.). Связь данного ст-ния с творчеством Ф.Сологуба конкретизировал А.Левинсон, указав на ст-ние «Когда я в бурном море плавал...» как на источник гумилевского произведения. Помимо того, другим источником (для последних его стихов) А.Левинсон полагал ст-ние Э.Верхарна «Passeur d'eau» (см.: Современный мир. 1909. № 7. С. 190). В мемуарах И.В.Одоевцевой приводятся следующие слова Гумилева: «И все же много стихов "Романтических цветов"... были написаны еще в гимназии. Как, например:

Мой старый друг, мой верный Дьявол,
Пропел мне песенку одну...

Этот "старый друг" явился результатом двойки, полученной мной на уроке алгебры. И утешил меня. Но это было уже в Царском, в последних классах» (Одоевцева И.В. На берегах Невы. М., 1988. С. 61). С точки зрения С.Л.Слободнюка, за внешним совпадением рифм у Гумилева и Ф.Сологуба стоит различное понимание фигуры дьявола: «Для Гумилева дьявол олицетворяет знание, истину, противопоставленную мнимости "великой любви"...» (Слободнюк. С. 28). Соответственно, и отношения между человеком и дьяволом у Гумилева и Сологуба разные: «у Сологуба — подчинение, у Гумилева — равноправие, дружба» (Там же. С. 27). О.Ронен видел в этом ст-нии «...функциональные реминисценции, активизирующие подтекст и приводящие к семантическим сдвигам, а также полемическое обыгрывание чужого текста» (Ронен О. К истории акмеистических текстов // Slavica Hierosolymitana. Vol. III. Jerusole m, 1978. P. 69).

Ст. 1—4 — ср.: «Когда я в бурном море плавал / И мой корабль пошел ко дну, / Я так воззвал: "Отец мой, Дьявол, / Спаси, помилуй, — я тону"» (Ф.Сологуб «Когда я в бурном море плавал...»). Помимо того ср.: «Мой лучший брат, мой светлый гений» (К.Д.Бальмонт. «К Шелли»).

1906

41. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу**.
(СП) (Т6) - - СП(Т6)2 - - Соч I - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф в письме Брюсову (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 20. Л. 37 об.). После текста и подписи: «Относительно перемены знаков прошу не стесняться. Н.Г.» Текст перечеркнут, по-видимому Брюсовым.

Дат.: Не позднее, чем к началу 1906 — датировка В.К.Лукницкой по материалам П.Н.Лукницкого (Жизнь поэта. С. 40).

Ст. 8 — см. коммент. к № 37. «Огнем поядающим» в Библии именуется Господь (Втор. IV, 24; Евр. XII. 29).

42.

СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I - - МП; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. № 1, 1987, публ. стих. (Р.Д.Тименчик).

Автограф находился в альбоме Н.В.Анненской. Местонахождение альбома неизвестно.

Дат.: 21 января 1906 — дата в альбоме Н.В.Анненской. Печ. по публикации Р.Д.Тименчика.

«Иллюминанты использовали жемчужину, скрытую в скорлупе моллюска на дне моря, для обозначения духовных сил. Таким образом, искатель истины становится охотником за жемчугом: он опускается в море материальной иллюзии в поисках понимания, называемого посвященными *драгоценнейшей жемчужиной*» (Холл. С. 166.). Название ст-ния повторяет название оперы Ж.Бизе.

43. При жизни не публиковалось. **Печ. по публ. Р.Д.Тименчика.**

СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. № 1, 1987, публ. стих. (Р.Д.Тименчик).

Автограф находился в альбоме Н.В.Анненской. Местонахождение альбома неизвестно.

Дат.: 21 января 1906 — дата в альбоме Н.В.Анненской. Печ. по публикации Р.Д.Тименчика.

Анненская Наталья Владимировна (урожд. фон Штейн; 1885—1975), в 1905—1915 гг. — жена В.И.Анненского-Кривича, царскосельская знакомая Гумилева, сестра С.В. фон Штейна, зятя А.Ахматовой. Ст. 5—6. — Противопоставляются злые и добрые духи символической философии — инкубы (суккубы) и стихийные духи — сильфы. Первые являлись паразитическими созданиями, существующими через злые мысли и эмоции астрального тела, вторые — духи воздуха, могущие на непродолжительное время принимать призрачный человеческий облик. Сильфы уподоблены музам греческой мифологии и вдохновляют артистов и поэтов, посвящая их в тайны природы.

44. Лит. приложение к газете «Слово». 6 февраля 1906 г. (№ 376).
Русский путь; ЛН (отрывок с вар.)

Автограф (без 1—8 ст.) — в письме к Брюсову от 11 февраля 1906 г. (РГБ.Ф.386. К.84.Ед.хр.20.Л 37). Ст-ние зачеркнуто Брюсовым. Ст. 9 исправлен Брюсовым: «Но таить мы не будем рыданья». В ст. 16 знак вопроса поставлен Брюсовым.

Дат.: 6 февраля 1906 — по дате публ.

До нынешнего времени это ст-ние полностью было неизвестно, хотя многие стихи, вырванные из контекста, кочевали в литературе в качестве некоего «апокрифа». В.К.Лукницкая приводит ст. 9 как заглавную строку ст-ния (Жизнь поэта. С. 40). По мнению Ю.Зобнина, «герой ст-ния, несомненно близкий "конквистадору в панцире железном", уподоблен рыцарям Парцифаля, совершающим духовный, мистический подвиг». В ст-нии «выстраивается своеобразный синонимический ряд, соответствующий тройственной модификации смысловой доминанты "движения" — бродить — уходить — приближаясь» (Зобнин Ю.В. Странник духа // Русский путь. С. 8, 13).

Ст. 1—4 — ср.: «Откинув докучную маску, / Не чувствуя уз бытия, / В какую волшебную сказку / Вольется свободное "я".» (И.Анненский. «Который?»). Ст. 4. — Чаша Грааль — предмет религиозного поклонения в эпоху раннего средневековья. О значении этой святыни и даже о ее внешнем облике имеются разные версии. По некоторым данным Чаша Грааль — чаша, служившая потиром во время Тайной Вечери, в которую впоследствии Иосиф Арифмафейский собрал кровь распятого Христа. Главный источник информации о Граале — романы так называемого «артуровского» цикла, прежде всего — «Парсифаль» В. фон Эшенбаха. См. о Чаше Грааль: Мифологический словарь. С. 161; Байжент М., Лей Р., Линкольн Г. Священная загадка. СПб., 1993. С. 196—221. Ст. 5—8. — Поиск Святого Грааля — важный сюжетообразующий элемент романов «артуровского» цикла. Ст. 9—12. — «...никто не может найти Грааль, не будучи так любим Небесами, что они сверху указывают на него, чтобы принять в свое окружение» (Священная загадка... С. 206). Возможно присутствие здесь вагнеровского подтекста, связанного с сюжетом о Лоэнгрине.

45. «Весы». 1906, № 6, без загл., как второе ст-ние цикла (см. коммент. к № 39), с вар. - - РЦ 1908, без загл., с вар. - - Ж 1910, так же - - **РЦ 1918**.
СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(Зк), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - СС(Р-т) I - - Ст(М), ред. 1908 - - ОС 1991, ред. 1908 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Круг чтения, ред. 1908 - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП; ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 8 мая 1906 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 4—4 об.). В тексте отсутствуют строфа 4 и строфа 6. Автограф — архив Лозинского.

Дат.: Февраль 1906 — по письму к Брюсову от 8 мая 1906 г.: «...оно уже месяца два дожидалось...» и далее по смыслу (Неизд. 1986. С. 94).

Ю.Верховский писал о «нынешней фантастике» «в проходящих образах Люцифера, феи Маб, Вечного Жида... — с отдельными моментами не только стройности, но и движения внутреннего. Все же вообще трактовано внешне-живописно и эффектно-риторически, со вкусом не всегда разборчивым (в частности, относительно языка), с интенсивностью очень неравномерной, без определенно индивидуальных достижений, без полной убедительности» (Верховский. С. 95). М.Баскер увидел в этом стихотворении психологически точное воспроизведение сомнамбулического процесса. Ссылаясь на книгу Э.Леви «Трансцендентальная магия» (Лондон, 1896), М.Баскер показал, что Гумилев был знаком с этим учением и достоверно отразил весь комплекс чувств и ощущений, сопутствующих мистическому общению (см.: Basker. P. 37—38). Н.А.Богомолов увидел в стихотворении «очевидный подтекст» — книгу Ф.Ницше «Так говорил Заратустра» (см.: Соч I. С. 489). С этой точкой зрения солидаризовался С.Л.Слободнюк, подчеркивая, однако, что гумилевская интерпретация мага — Зороастра иная, нежели у Ницше (см.: Слободнюк. С. 128—129). Ю.В.Зобнин усмотрел в ст-нии проявление «сатанистских мотивов», заимствованных юным Гумилевым у «учителей-символистов», прежде всего — у Брюсова (Зобнин Ю.В. Странник духа // Русский путь. С. 22).

Возможно, генезис образа «старого мага» иной, нежели тот, который предлагают указанные критики, так как по отношению к ницшевскому Заратустре эпитет «старый» не вполне приложим. В этом смысле уместно указать на фигуру легендарного Мерлина из романов «артуровского цикла», который по одной версии превратился в тень, по другим — удалился в громадный каменный склеп, где затворился изнутри (Холл. С. 103).

Ст. 4 — см. коммент. к № 21. Ст. 14. — Фея Маб — персонаж английских легенд, добрая волшебница (см., напр., поэму П.Шелли «Королева Маб»). Ст. 15. — Вечный Жид или Агасфер, — персонаж поздних средневековых мифов, иерусалимский башмачник, проклятый Богом за то, что грубо отказал Христу в отдыхе во время крестного пути; за это он оказался обреченным на бессмертие и должен скитаться до второго пришествия Христа в надежде на прощение (см. напр. роман Э.Сю «Вечный Жид»). Ст. 17—20. — Люцифер в магии соотнесен с луной и является демоном понедельника (дня луны).

46. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Русская мысль (Париж). 1991. 30 авг. (№ 3893), публ. стих. (Р.Д.Тименчик); Russian philology and history. Jerusalem, 1992, публ. стих. (Р.Д.Тименчик).

Автограф в альбоме Л.И.Веселитской (ИРЛИ. Ф. 44. № 22. Л. 73), без загл. Дата «1905. 17 октября» в левом верхнем углу страницы. Возможно, Гумилев указал

дату написания ст-ния. После текста и подписи запись Л.И.Веселитской: «Расстрелян в 1921 году. Когда он написал мне в альбом это стихотворение, я почувствовала, что его можно истолковать двояко и спросила самого поэта: — Как это понять, Николай Степанович? Он помолчал и сказал: — А как хотите, так и понимайте».

Дат.: 17 октября 1905 — 10 апреля 1906 — по данным Р.Д.Тименчика (Русская мысль (Париж). 1991. 30 авг. С. 17).

Ст-ние посвящено событиям 17 октября 1905 г. — выходу манифеста Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка». Согласно этому манифесту, Государственная Дума получала полноту законодательной власти, существенно ограничивая власть монарха. «Оценку "побед демократии" Гумилев дал в рифмах еще на заре литературной деятельности», — писал об этом ст-нии Р.Д.Тименчик (Русская мысль (Париж) 1991. 30 авг.). Веселитская Лидия Ивановна (1857—1936) — писательница, автор известной в конце XIX в. трилогии «Мимочка-невеста», «Мимочка на водах», «Мимочка отравилась». Писала под псевдонимом В.Микулич.

47. Перевал. 1907. № 11, с вар. - - РЦ 1908, как третье ст-ние цикла «Император Каракалла» - - **РЦ-1918**, в оглавлении ошибочно названо «Поединок».

СС I - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - СС(Р-т) I - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред. 1908- — Изб(XX век) - - Русский путь, ред. 1908 - - ВБП; ЛН.

Автограф без загл. первонач. варианта в письме Брюсову от 30 октября (н. ст.) 1906 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 10 об.).

Дат.: До июля 1906 — датировка Н.А.Богомолова (Соч I. С. 494).

П.М.Пильский сурово критиковал это ст-ние: «Большой и иногда серьезно утомляющий недостаток стихов г. Гумилева в их напрасной отягощенности красками, эпитетами, словами. Г.Гумилев напрасно так щедрится, ибо его расточительность разоряет его стихи и не приносит никакой радости нам. Эта расточительность, кроме того, приводит к банальности, самому злому и самому страшному врагу красоты. В самом деле, разве поэзия эти строки <цит. ст. 21—25>» (Образование. 1908. № 7. С. 79). В то же время критик отметил: «В плохой третий отрывок "Каракаллы" залетели две ценные и звучные строки:

В золотом невинном горе
Солнце в море уходило, —

и их жаль здесь, как просыпанный жемчуг» (там же). Имела место и попытка выявить генеалогию гумилевского цикла: «Почти всем в области формы обязан

он мастерам русского стихотворчества. Как отчетливо звучит, например, не говоря уже о громадном влиянии В.Брюсова, привычный четырехстопный хореический стих Аполлона Майкова в стихах "Каракаллы", любопытно разукрашиваясь изысканным колоризмом молодого поэта, и уживаясь с типично французским и романтическим enjambement <цит. ст. 6—15>» (Левинсон А.Н. Гумилев. Романтические цветы // Современный мир. 1909. № 7. С. 189). А.Волков трактовал это ст-ние следующим образом: «Стоит сопоставить с этим стихотворением Эредиа ("Завоеватели золота") многочисленные похвалы Гумилева "сильному императору", чтобы убедиться в идейной общности раннего провозвестника французского империализма и русского певца империалистического конквистадорства» (Волков А. Поэзия русского империализма. М., 1930. С. 129). Смысл подношения крокодила Каракалле и его освящения М.Баскер истолковал так: для римского императора, посвященного в тайны магии, животное с берегов Нила было не просто забавой, но одним из ритуальных символов («потенциальным магнетическим инструментом») для ночных общений с потусторонним миром (см.: Basker. P. 40).

Ст. 1. — Павзаний (Павсаний) — греческий путешественник и писатель II в., создатель 10-томного «Описания Эллады». Уделял большое внимание местным обычаям и обрядам, жившим в народе преданиям и поверьям. Ст. 5. — Египтяне рассматривали крокодила как эмблему Верховного Божества, так как крокодил, по их убеждениям, обладал даром предвиденья. Ст. 7. — Каракалла — римский император с 211 по 217 гг. Первоначальное имя — Бассиан. Прозвище объясняется введением им в обиход галльской одежды — длинного халата, ниспадающего до щиколоток. Распутный и своевольный правитель, жестоко подавлявший любое возмущение провинций. По преданию, был знаком с магией. Убит в результате дворцового переворота. Ст. 18—20. — Образ «венценосной гетеры» встречается в ст-нии Брюсова «Гребцы триремы». Ст. 21—25. — «Их (крокодилов. — *Ред.*) кормили ежедневно и время от времени поили вином, вливая его в их пасти. Их уши украшались золотыми кольцами и драгоценными камнями, а передние ноги — браслетами» (Холл. С. 314).

48. Понедельники газеты «Слово». 1906. 26 июня. № 18, др. ред. — **РЦ 1918**.

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - ОС 1989 - - Ст(М-В) - - ШЧ - - СС(Р-т) I - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - Ст(Яр) - - Престол - - Изб(XX век) - - Русский путь (ред. 1906) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1995 - - ВБП - - МП.

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: 26 июня 1906 — по дате публикации.

Специфику восприятия творчества Гумилева «русским зарубежьем» передает В.К.Завалишин: «Годы жизни в Петербурге периода гражданской войны и

событий за ней последовавших, придали поэзии Гумилева новую окраску. Опьяненный гневом мастеровой поднял топор, чтобы разнести в щепы ту культуру, одним из создателей которой был Гумилев. От сознания этого поэтические образы мастера стали приобретать мрачный колорит, творчество становится каким-то нервным, но вместе с тем психологически углубленным. Правда, и несколько раньше поэта интересуют провалы чувств и дум у людей, изведавших катастрофы судьбы. Такова, например, маленькая поэма "Крест". Герой проигрывает в карты все, что имел. Возбужденный и мрачный, выбегает он на крыльцо, глотает холодный мартовский воздух. Он подавлен поражением. Воображение рисует ему мрачные картины будущего ... Герой входит в комнату, где играют его партнеры, и молча ставит на карту свой крест. Человек, которого судьба сбрасывает на дно жизни, если не потеряет присутствия духа, в самый тяжелый момент найдет путь и выход из тупика. Но так бывает не всегда. Поэзия Гумилева омрачается предчувствием гибели» (СС 1947 I. С. 9, 10). «На обычный выигрыш он уже не надеется, — писала о лирическом герое ст-ния Е.Томпсон, — но он надеется теперь превозмочь свое невезение путем неслыханного, абсолютного подвига. Победа его заключается теперь не в обычном денежном выигрыше, в самой способности на огромное усилие во имя победы, которое восстанавливает его самоуважение» (Thompson E.M. Some Structural Patterns in the Poetry of Nikolaj Gumilev // Die Welt der Slaven, 19—20 (1974). P. 343.

49. Понедельники газеты «Слово». 1906, 3 июля, № 19.

СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I - - ВБП - - МП.

Дат.: 3 июля 1906 — по дате публикации.

Ст. 7 — возможно, травестирование тютчевского образа «золототканного покрова», см. коммент. к № 20. Ст. 11 — см. коммент. к № 14.

50. При жизни не публиковалось. Печ. по автографу 2.

Неизд 1986 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Кап 1991 - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф 1 при письме В.И.Анненскому-Кривичу от 2 октября (н. ст.) 1906 г. (ЦГАЛИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 1). В ст. 14 вместо «смеялись» ранее было: «дивились», в ст. 16 «Противник Небес» с заглавной буквы, в ст. 18 «Конец» с заглавной буквы, в ст. 31 вместо «переулке» ранее было «закоулке». Автограф 2 при письме Брюсову от 15 ноября (н. ст.) 1906 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 15—15 об.). В тексте имеются карандашные пометы Брюсова. Подчеркнуто: ст. 4 — «сабль», ст. 8 — «Люцифер», ст. 12 — «пестрил камзол», ст. 20 — «И с гневом прогнали седого глупца», ст. 27 — «движеньям».

Дат.: 2 октября (н. ст.) 1906 — по дате письма к В.И.Кривичу.

Отмечая связь баллады с гумилевской новеллой «Черный Дик», Ю.В.Зобнин отметил, что «и в балладе, и в рассказе главными героями являются антипо-

ды, причастные, соответственно, к "добру" и ко "злу" — что обуславливается многократно варьирующимся на всех стилистических уровнях приемом контраста — а "толпа" мечется от одного "вождя" к другому и, в конечном счете, не может пристать ни к одному. В этом споре за "малых сих" главнейшим аргументом является красота... Трагедия гумилевских оппонентов "зла" в том, что их эстетическая несостоятельность связана с недостаточностью духовной, с неубедительностью "добра", не нашедшего опоры в "динамике духа", косного, догматического добра. Это характерное для художественного менталитета начала XX века противоположение Красоты — Истине, влекущее за собой неизбежные проблемы в области теодицеи, было для Гумилева — художника и православного христианина — непереносимо...» (Зобнин Ю.В. Странник духа // Русский путь. С. 27).

Ст. 6. — В некоторых египетских церемониях шкура пантеры считалась священной. Ст. 8 — см. коммент. к № 21.

51. Италии: Лит. сб. СПб., 1909, под загл. «Загадка», как первое ст-ние цикла «Беатриче», с вар. - - Ж 1910 - - Современные русские лирики (1907—1912). СПб., 1913, с вар. - - **Ж 1918**.

Ж 1921 - - Изб 1946, загл. «Беатриче» - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) — Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; В мире отеч. классики - - Люблю я вас, богини пенья... Антология. М., 1989 - - Ст(Куйбышев) - - Гимн любви - - Душа любви - - ЛН; Новый мир 1986 - - Лит-ра в школе 1990, № 5.

Автограф 1 в письме В.И.Анненскому-Кривичу от 2 октября (н.ст.) 1906 г. (РГАЛИ. Ф.5. Оп.2. Ед. хр. 2. Л. 1 а об.). Автограф 2 с загл. «Загадка» в письме Брюсову от 30 октября (н. ст.) 1906 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 12.).

Дат.: 2 октября (н. ст.) 1906 — по дате письма к В.И.Кривичу.

А. Ахматова утверждала, что это ст-ние (как и весь цикл «Беатриче») посвящено ей (см.: Новый мир. 1986. № 9. С. 198, 210—211). Это подтверждается тематической близостью ст-ния к циклу новелл «Радости земной любви», очевидно автобиографических и полемичных по отношению к «Новой жизни» Данте.

Ст. 5. — Фавны в греческой мифологии боги полей, пастбищ, животных. В их честь устраивались празднества оргийного характера. Ст. 8. — Беатриче Портинари (в замужестве — деи Барди, 1265?—1290) — благородная флорентинка, возлюбленная Данте, героиня «Новой жизни» и «Божественной коме-

дии». Данный стих, вероятно, имеет основание в эпизоде «Божественной комедии», повествующем о нисхождении Беатриче в ад для свидания с Виргилием (Ад. Песнь II. Ст. 43—126). Ст. 24. — Россетти Данте Габриел (1828—1882) — английский поэт и художник, переводчик Данте и автор картин, изображающих Данте и Беатриче.

52. Весы. 1907, № 7, под загл. «Императору Каракалле», как первое ст-ние цикла (второе — «Император», третье — «Маскарад»), с вар. - - РЦ 1908, без загл., как первое ст-ние цикла «Император Каракалла» - - Ж 1910, так же - - **РЦ 1918**.

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - ШЧ - - СС(Р-т) I - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред. - - Изб(XX век) - - Русский путь (ред. 1908) - - Изб 1997 - - ВБП; ЛН.

Автограф 1 в письме Брюсову от 30 октября (н. ст.) 1906 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 9), под загл.: «Каракалле. Посвящение». После этого ранее было: «В древнем мире». Между строфами 3 и 4 имелась дополнительная строфа. Справа от строфы 1 карандашная помета Брюсова, по-видимому, означавшая одобрение. Слово «судьбе» вписано, видимо, им тем же карандашом. Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 30 октября (н. ст.) 1906 — по дате письма к Брюсову.

После появления цикла о Каракалле в РЦ было отмечено, что «уже в первой части маленькой поэмы-посвящения... сказывалась та живописность и та гибкость ритма, которая, быть может, обещает со временем поставить молодого "французского поэта на русском языке" в ряды мастеров русского стиха» (Левинсон А.Н. Гумилев. Романтические цветы // Современный мир. 1909. № 7. С. 189). Ю.Айхенвальд видел в этом ст-нии проявление духовного аристократизма Гумилева: «Именно потому, что он — аристократ и гордый носитель самоуважения, он умеет и уважать... У него — чувство воина к своему вождю, — и этот мотив настойчиво звучит в его поэзии» (Айхенвальд Ю.И. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 42). В 1947 г. А.Волков оценивал ст-ние иначе: «Какая фельдфебельская ограниченность чувствуется в его (Гумилева. — *Ред.*) прославлении вождя — императора» (Звезда. 1947. № 1. С. 176). О «монархическом» подтексте ст-ния см. также: Malin M. Nicolas Goumilev. Poète et critique acmeist. Bruxelle, 1964. P. 158.

53. Весы. 1907. № 7, под загл. «Император», как второе ст-ние цикла (см. коммент. к № 51), с вар. - - РЦ 1908, без загл., как второе ст-ние цикла «Император Каракалла», с вар. - - Ж 1910, так же - - **РЦ 1918**.

Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр), без послед. строфы - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 -

- СтПРП, ред. 1908 - - ОС 1989 - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред. 1908 - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь (ред. 1908) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф 1, первоначального варианта под загл. «Император» в письме Брюсову от 30 октября (н. ст.) 1906 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 9 об.—10). Автограф 2 — дополнение к письму Брюсова на отд. листе (ГБЛ. Ф. 386, 84, 20. Л. 36). Автограф 3 — архив Лозинского.

Дат.: 30 октября (н. ст.) 1906 — по дате письма к Брюсову.

В.Гофман писал: «Если признавать основным принципом искусства нераздельность формы и содержания, то стихи г. Гумилева пока большей частью не подойдут под понятие искусства. Впрочем, к некоторым из них это не относится (напр. "Император с профилем орлиным", "Любовникам" и др.)» (Русская мысль. 1908. № 7. С. 144). Более придирчивым оказался П.М.Пильский: «Как поэт, Н.Гумилев очень неровен и часто умеет хорошее целое испортить двумя-тремя мелочами. Второй отрывок "Императора Каракаллы", очень сильный и живописный, совершенно испорчен восьмой строфой ("Там в твоих садах безгрешность неба"), следующей тотчас же за двуми ярко-красивыми...» (Образование. 1908. № 7. С. 78). А.Левинсон отметил, что «Рим времен упадка горячо дышит в красивой лирической трилогии "Император Каракалла", удачно отражено в средней части стихотворения преломление героической воли кесарей в призме эстетического мироощущения...» (Современный мир. 1909. № 7. С. 188—189). М.Баскер трактует цикл о Каракалле с точки зрения, присущей философам-герметикам, для которых римский император был интересен, прежде всего, своим знанием оккультизма: скорее всего, подобная трактовка биографии Каракаллы была усвоена Гумилевым из «Римской истории» Дио Кассиуса (см. Basker. P. 38—42). «Стихи эти — ответ на потребность человека в необычайном, нездешнем, уводящем от серой скуки повседневности» (Бавин С., Семибратова И. Судьбы поэтов серебряного века. М., 1993. С. 142). «Продолжая античные темы поэзии Брюсова, Гумилев выбирает, однако, из истории Древнего Рима не только героев и императоров поры его расцвета, а иные персонажи, более созвучные эпохе модернизма <...> Это женственно-порочный император Каракалла, окруживший себя экзотической роскошью <...> Стихи на античные сюжеты отличает ирония, а может быть и самоирония, ибо в стихах этих угадываются некоторые личные черты поэта — его подчеркнутое презрение к опасности, бравое щегольство» (Комолова Н.П. «Италия» Ахматовой и Гумилева / / Россия и Италия. М., 1993. С. 251). «Репутацию "парнасца", русского Теофиля Готье снискал Гумилев — и не только переводами <...>, но прежде всего благодаря тому, что "предания Парнаса" были перенесены на русскую почву. В духе заветов парнасской эстетики Гумилев осознанно стремился к усилению описательно-изобразительных элементов поэтики, совершенствуя средства пере-

дачи словом жестов и поз, создавая портретные полотна, фоном для которых служат экзотические декорации ("Манлий", "Каракалла", "Помпей у пиратов")» (Грякалова Н.Ю. Н.С.Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Исследования и материалы. С. 110). По свидетельству П.Лукницкого, Ахматова в частности так охарактеризовала позднюю (1918 г.) редакцию этого стихотворения: «Посмотреть, что он сделал, он камня на камне не оставил. Это так варварски. У Коли было такое хорошее варварство к себе» (Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Париж: ИМКА-Пресс, 1991. Т. I. С. 83). Предположение о возможности «теневого присутствия» царскосельского пейзажа в строках, имеющих автобиографическое значение для Гумилева, см.: Basker Michael. Gumilev, Annenskii and Tsarskoe Selo and its Poets, edited by Lev Loseff and Barry Sherr. Columbus, Ohio. Slavica, 1993. P. 217—218.

Каракалла — см. коммент. к № 47. Ст. 19—20. — За время своего правления Каракалла совершал грабительские походы на Иерусалим и опустошил Антиохию за отказ царя Парфия выдать за него дочь. Ст. 25—28. — Это четверостишие откомментировал сам Гумилев в письме к Брюсову от 30 октября (н. ст.) 1906 г.: «Здесь в первой строке долгие гласные<...> должны произноситься гортанно и вызывать впечатление силы, а во второй строке два "е" и два "о", произнесенные в нос, должны показать томление, являются нижним тоном и относятся к первой строке так же, как сине-голубые пятна на картинах фра Анджелико Фьезоле относятся к горячим красным. В третьей и четвертой строке ударение на третьем слоге от начала, чтобы сделать логичной паузу и ослабление тона...» (Неизд 1986. С. 97). Ср.:

Укрощенной тигрицею, глаз не сводя,
Принимала мечтательно разные позы,
И невинность, и похоть в движеньях блюдя,
Чаровали по-новому метаморфозы.

Словно лебедь, волнистым водила бедром,
Маслянисто у ней поясница лоснилась...
(Ш.Бодлер. «Украшения». Пер. С.Петрова)

Ст. 31. — Феб — одно из имен Аполлона (блистающий), употребляемое в случае отождествления Аполлона с солнцем. Возможно, здесь зашифровано явление так называемого «полночного солнца», бывшее составной частью различных древних мистерий. Ст. 35—36 — см. коммент. к № 47.

54. «Весна». 1908, № 2, др. ред. - - Ж 1910, без загл., с вар. - - **РЦ 1918**. *Ж 1921, ред. 1910 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1988, ред. 1910 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр), ред. 1910 и 1918 - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - Ст(М),*

ред. 1910 - - Изб(X) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1910 - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Ст 1995; Силард 1979, ред. 1910 - - Силард 1983, ред. 1910 - - ЛН.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 11 ноября (н. ст.) 1906 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 12 об.). Слева от строфы 1 синим карандашом Брюсова помета «В» (очевидно, в «Весы»). Над словом «нежный» (ст. 18) сверху тонким пером, видимо, Брюсова написано: «Тесный». Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 11 ноября (н. ст.) 1906 — по дате письма к Брюсову.

Ю.Верховский писал об этом ст-нии как об итоге духовного развития поэта и делал вывод: «Мы можем теперь об этих думах сказать по-тютчевски:

О, бурь уснувших не буди:
Под ними хаос шевелится».

(Верховский. С. 107). Уделил внимание ст-нию «Думы» и Г.Лелевич: «Он (Гумилев. — *Ред.*) остро сознает свою принадлежность к обреченному миру и предвидит близость расплаты за то, что "эти руки, эти пальцы не знали плуга, были слишком тонки". Но к этой обреченности он относится без боязни. Свидетель вырождения своего класса Г<умилев>, полный сил и энергии, тоскует о временах его расцвета и дееспособности» (Большая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 19. Стб. 807). В том же духе, хотя и с совершенно других позиций, оценивала это ст-ние Б.М.Погорелова (свояченица В.Я.Брюсова): «У Гумилева есть одно стихотворение. В нем такие жутко-пророческие строки <цит. ст. 13—17>. Быть может, в этих стихах самое верное объяснение причин, вызвавших гибель Гумилева» (Погорелова Б.М. Валерий Брюсов и его окружение // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 39). О.Ронен, отмечая постоянную символическую связь образа коршуна в поэзии Гумилева с гнетущими «ночными» мыслями, указывает в качестве источника подобного символического соотнесения на ст. из ст-ния А.Григорьева «Venezia la Bella»: «Проклятый коршун памяти глубоко / Мне в сердце когти острые вонзил...» (Ronen O. An Approach to Mandel'štam. Jeirusalem, 1983. P. 142).

Анафора в ст-нии Гумилева напоминает лермонтовскую анафору в ст-нии «Благодарность». Помимо того, тематически ст-ние близко «L'Ennui de vivre» Брюсова.

Ст. 1—2 — ср.:

Мои мечты, как мертвые в Бретани,
Неумолимо бродят вкруг меня...
(К.Д.Бальмонт. «Утопленники»)

Зачем так памятно, немою пеленою,
Виденья юности, вы встали предо мною?
<...>
Но мрак уж двинулся, и шел ко мне, как вор...
(К.Д.Бальмонт. «Лесной пожар»)

55. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1986 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 11 ноября (н. ст.) 1906 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18, Л. 13—15).

Дат.: 11 ноября (н. ст.) 1906 — по дате письма к Брюсову.

Судя по описаниям обряда, данным Гумилевым в этом ст-нии, речь идет о ритуале, посвященном богу огня Агни («Ригведа»). Ст. 3—4. — «В поздних гимнах "Ригведы" обсуждаются вопросы о соотношении небесного огня с бесчисленными земными огнями. Но для большинства гимнов характерно, что Агни горит, сияет, освещает, обладает всеми силами, заполняет воздушное пространство, открывает двери тьмы, укрепляет небо и землю...» «Основная функция Агни — посредничество между людьми и богами...: жертвенный огонь возносит жертву языками пламени на небо» (Мифологический словарь. С. 15). Характерно, что Агни поощрял певцов и поэтов. Ст. 5—8. — Облик Агни всегда неопределен, состоит из множества противоречивых деталей, находящихся в движении. Ст. 17—20. — Возможно, здесь появляется мотив, связанный с концепцией четырех мировых циклов, повествующей о вырождении человечества и упадке ведической религии.

56. Сириус. 1907. № 3, др. ред., подп. К-о--Ж 1910, та же ред. - - **РЦ 1918**.

СС I, ред. 1910 и 1918 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - Изб (XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; ЛН Трамвай. 1991. № 8.

Автограф 1 в письме Брюсову от 7 декабря (н.ст.) 1906 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л.20 об, 21, 21 об.) с загл. но без конца и без подписи. Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 7 декабря (н. ст.) 1906 — по дате письма к Брюсову.

Л.А.Смирнова пишет, что Гумилев «доносит общее трагическое состояние мира. Ироничная "Неоромантическая сказка" опосредованно и остроумно передала угрожающие масштабы застоя: его с радостью принимает даже сказочное чудовище — людоед» (Изб(М). С.15). В.Бронгулеев обращает внимание на сюжет ст-ния: «изображенная картина очень напоминает картину детства самого автора "Сказки". Правда там не было замка, и "принц" был отнюдь не прелестным, но оба персонажа очень сходны друг с другом в смелости, безрассудстве

и в понятии чести. У обоих была и страсть к оружию». Источником ст-ния Бронгулеев считает знаменитые легенды Томаса Мелори. (Бронгулеев В.В Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы 1886—1913. М., 1995. С.45). Авторская ирония «обращена к современности, далекой от прекрасных видений, и поэт не обольщается относительно нее. У него мало надежды быть услышанным и понятым именно так, как он бы того хотел» (Размахнина В. Серебряный век. Очерки Красноярск. 1993. С.78).

Ст. 57—60. — Возможно, намек на «Фейные сказки» К.Д.Бальмонта (1905). В 1906 г. Гумилев переживает разочарование в поэзии Бальмонта — см. письмо к Брюсову от 30 октября 1906 (Неизд 1986. С.98).

1907

57. Сириус. 1907. № 1, подп. К-о.

ПС 1923, с опеч. - - ССП - - БП - - СС(Р-т)II - - Соч I - - Круг чтения - - ВБП - - МП.

Дат.: Январь 1907 — по времени выхода № 1 «Сириуса» (Соч III. С.352)

О.Цехновицер писал, что «Гумилев поэтизирует реакционный союз царизма с французским империализмом», ибо в 1907 г., когда ст-ние было опубликовано, «к Антанте примкнула Россия» (Цехновицер О. Литература и мировая война 1914—1918 гг. М., 1938. С.47).

Ст. 9—12. — Имеется в виду франко-прусская война 1870—1871, в ходе которой Франция потерпела поражение. Ст. 13—20. — Речь идет о падении Наполеона после битвы при Ватерлоо 18 июня 1815 г. и о смерти его на о.Святой Елены в 1821 г. Ст. 21—22 — возможно, речь идет о роге Олифан, принадлежавшем Роланду (см. «Песнь о Роланде»).

58. РЦ 1908, с вар. - - Ж 1910, с вар. - - Сатанизм: Сб. М., 1913, с вар. - - **РЦ 1918.**

СС I — СП(Волг) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(КР) - - СтПРП(ЗК) ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - Изб(М) - - ШЧ - - СС(Р-т) I - - Ст(М), ред. 1908 - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908; Круг чтения, ред. 1908 - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП; ЛН; Лен. ун-т. 1988. 15 апр.

Автограф 1 в письме Брюсову от 1 мая 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед хр. 18. Л. 29, об.—30). Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 1 мая 1907 — по дате письма к Брюсову.

6 сентября 1907 г. Гумилев писал об этом ст-нии Брюсову: «Вот стихотворение, которое многие находят лучшим из моих и которое мне не говорит ничего» (ЛН. С. 438). И.Ф.Анненский отозвался об этом ст-нии с явной иронией: «Н.Гумилев умеет смотреть, если захочет, и говорить о том, что видит, если видение красиво <цит.ст. 1—16>. Тема ясна и хорошо развивается: это приглушенное семейное несчастье — истеричка-дочь, "влюбленная в дьявола". Каданс выдержан: в нем чувствуются большие, но стертые ступени спиральной башенной лестницы, идут к теме и глухие ассонансы в чередовании с рифмами» (Речь. 1908. 15 дек.). В черновиках статьи Анненского есть указание на тематическую близость ст-ния к роману Брюсова «Огненный ангел», однако положительно трактуется «ирония» и легкость гумилевской версии сюжета: «Не роман, для которого надо рыться в процессах колдуний и сочинениях алхимиков» (Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский и Николай Гумилев // Вопросы лит-ры. 1987. № 2. С.276). Гораздо строже оценил это ст-ние Ю.Верховский, относя его в разряд «картинной, холодной эротики» в брюсовском стиле. Однако, все-таки, «от "влюбленной в дьявола" мы слышим уже более прямые звуки души <цит. ст. 21—24>» (Верховский, с.100). С.Л.Слободнюк трактует это ст-ние как существенно новое в гумилевской «демонологии»: «Перед нами предстает фигура *оборотня*... Черный конь, название стихотворения... все, казалось бы, указывает на демоническую природу рыцаря. Но — "бледный и красивый" в русской традиции больше соответствует образу Христа или ангела» (Слободнюк. С.53.). Е.Сампсон отмечает, что в ст-нии реализован один из шести тактовиков в метрическом репертуаре Гумилева. (см.: Sampson E.D. Dolnik's in Gumilev's Poetry, Russian Language Journal, Supplementary Issue «Towards a Definition of Acmeism», Spring. 1975, p.37).

59. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Соч I - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 1 мая 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед. хр. 18. Л. 30—30 об.). В ст. 16 вместо «порвать» ранее было: «прервать».

Дат.: 1 мая 1907 — по дате письма к Брюсову.

Ст. 1. — Викинг — скандинавский воин-мореплаватель конца VIII — середины XI вв. Ст. 5—6. — О символике павлина см.коммент. к № 31. Орел был символом солнца, кроме того он служил эмблемой теургического акта и секретных процессов, посредством которых проявлялся духовный свет — огонь богов. Ст. 7 — см.коммент. к № 32.

60. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Соч I - - Круг чтения - - ВБП - - МП; Душа любви - - ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 1 мая 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед. хр.18. Л.30 об.). В ст. 10 «восток»со строчной буквы.

Дат.: 1 мая 1907 — по дате письма к Брюсову.

Ст. 7—8. — Речь идет о церковных запретах на сбор растений в строго определенное время (см.: Папюс. Черная и белая магия. М., 1992. С.227—228). Ст. 11 — см. коммент. к № 49. Ст. 13—14. — Христиане приняли вино как эмблему крови Христа; в древних мистериях виноград рассматривается как символ Солнечного Духа.

61. Ж 1910 - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(ХХ век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Гольдштейн.

Дат.: Май 1907 — по данным В.К.Лукницкой: «На экземпляре книги (Ж 1910. — *Ред.*) написано "Березки, 1907 г."» (СП(Тб). С.476); в мае 1907 г. Гумилев был в имении Березки (Соч III. С.353). Усадьба Березки принадлежала С.Я.Гумилеву в 1900—1907 гг.

«В "Жемчугах" <...> были стихи, содержавшие в себе разрозненные элементы быстро складывающейся, но еще не сформировавшейся манеры, — пишет А.И.Павловский. — В книге есть строчки, словно бы залетевшие из более поздних стихов, им предстояло прорасти лишь через два или три жизненных круга:

Вон порыжевшие кочки и мокрый овраг,
Я для него отрекаюсь от призрачных благ».

(БП. С.19—20). С.Л.Слободнюк увидел в этом стихотворении полемику с идеями Ф.Ницше: «Эта строка (усталый "достоин"!) (подразумевается ст. 1. — *Ред.*) явно направлена против критического замечания Заратустры о том, что "усталость, желающая одним скачком достигнуть всего, бедная усталость неведения, не желающая больше хотеть: ею созданы все прежние боги..." А слова "Покорности": "Так хорошо, что мой взор, наконец, отблистал!.." — вообще идут вразрез с идеей Ницше о воли к власти, будучи более к лицу его противникам — "проповедникам великой усталости"» (Слободнюк. С.132). А.И.Михайлов отметил, что ст-ние Гумилева близко «по своему настроению» стихам Н.А.Клюева: «Вон серые избы родного села, луга, перелески, кладбище...» (Михайлов А.И. Николай Гумилев и Николай Клюев // Исследования и материалы. С.66).

62. Весы. 1907. № 7; как третье ст-ние цикла (см. коммент. к № 51), с посв. баронессе де Орвиц-Занетти, др. ред. - - **РЦ 1918.**

СС I - - СП(Волг) - - Сп(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - Изб(М) - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - ВБП - - МП.

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: Июль 1907 — по дате публикации.

6 сентября 1907 г. Гумилев в письме к Брюсову заметил: «...Меня... удивило, что Вы взяли для "Весов" мою "Царицу Содома" — стихотворение, которое я очень люблю, и которое может показаться неловким подражанием Вашему "Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида..."» (Неизд 1980. С.20). Однако именно «Маскарад» получил восторженную оценку на страницах журнала «Образование»: «...Это стихотворение поражает нас, как всегда поразит падучая звезда... Ни скрывать, ни рассказывать здесь нечего... Закон возникновения красоты один и тот же, как в природе, так и в искусстве» (Дмитриев П. Журнальное обозрение // Образование. 1907. № 11. С. 115—116). М.Баскер выделял «сомнамбулический» характер переживаний героя, связывая это с мистическим подтекстом ст-ния; это, в частности, объясняет объединение ст-ния с циклом о Каракалле (см.: Basker. P.48—49).

И.Г.Кравцова, основываясь на материалах архива А.Ахматовой, указывала на реминисценции из новеллы Э.По «Маска Красной Смерти»: «Но если в рассказе По кульминационным моментом становится появление Маски Красной Смерти, под саваном которой "не было никакой осязаемой формы", у Гумилева образ царицы Содома, скрывавшейся под маской куртизанки, более чем осязателен. А желание гибели в любовном экстазе контрастирует с ужасом смерти, лишающим жизнь радости наслаждения у По» (Н.Гумилев и русский Парнас. С.54).

И.Делич обратила внимание на связь символической природы ст-ния с «платоновской» темой «воспоминания» (анемнезиса): «Образный мир Гумилева содержит также усложнение идеи и наиболее интересный тип усложнения создается через механизм перевоплощения. В основном этот механизм срабатывает благодаря "преднамеренному припоминанию" былой жизни. Оно рано проявилось в поэзии Гумилева, например, в "Маскараде" <...> где поэт встречает женщину в маске королевы Содома. Сняв маску, она оказывается королевой Содома, а поэт вспоминает, что встречался с ней столетиями раньше» (История... С.496).

Как на источник возможного влияния помимо упомянутой «Встречи» Брюсова можно указать на ст-ние О.Уайльда «Дом блудницы».

Ст. 10. — Содом (горящий) — древний город в долине Сиддим, уничтоженный Богом за распутство его жителей. В Библии царица Содома не упоминается, упоминается лишь царь Бера.

63. РЦ 1908, без загл., с вар. - - Ж 1910, без загл. - - Антология совр. поэзии. Киев, 1912, так же - - **РЦ 1918.**

Изб 1943 - - СС I - - Ст 1986 - - Изб (Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - Ст ПРП(ЗК) ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - ОС 1989 - - ШЧ - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) - - Круг чтения, ред. 1908 - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь (ред. 1908)- — Ст(М), ред. 1908 - - ОС 1991, ред. 1908 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Серебряный век - - ЛН - - Акаткин.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 3 августа (н.ст.) 1907 г. (РГБ. Ф.186. К.84. Ед .хр. 18. Л.32—32 об.). Строфа 2 в тексте отсутствует. Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 3 августа (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

П.М.Пильский подверг ст-ние критике за «вульгарность», вызывающую «не краску стыда, а холод удивления, и это — самое опасное» (Образование. 1908. № 7. С.76. Подп.: Л.Ф.). И.Ф.Анненский выделял это ст-ние как наиболее характерное среди произведений, собранных в РЦ 1908: «В этих стихах не один искусный подбор звукоцветностей, в них есть и своеобразная красота, только она боится солнечных лучей... Днем черты экзотической царицы кажутся у спящей точно смятыми, да и у мага по лицу бродят синеватые тени. Но вчера в Cafe concert они оба были положительно красивы, размалеванные. Никакого тут нет ни древнего востока, ни тысячелетнего тумана: бульвар... — вот и вся декорация «ассирийского романа» (Речь. 15 декабря 1908 (№ 308). Подп.: И.А.). По мнению М.Баскера, в ст-нии изображен «магнетический» обряд по законам современного Гумилеву оккультизма, с которым он познакомился в 1906—1907 гг. в Париже (см.: Basker. P.36—37). Схожую интерпретацию давал ст-нию С.И.Чупринин, полагавший, что Гумилев «единственный в своем виде “сновидец” и “снотворец” в русской поэзии XX века» (ОС 1989. С.13). «Сборник “Романтические цветы”, — отметил Н.Богомолов, — представлял собою развернутый текст магического заклинания, предназначенного для подчинения своей воле той, которая так долго отказывалась от любви поэта. Это заклинание еще достаточно наивно, произнесено с уверенностью неофита и вряд ли было способно пробудить потусторонние силы, но по замыслу дело скорее всего обстояло именно так. Не случайно открывалась книга стихотворением, здесь (в РЦ. — *Ред.*) оставленном без заглавия, а в позднейшем варианте так и названном “Заклинание” <...> Заклинание завершается в стихотворении победою мага. Но на деле, если Гумилев на это претендовал, ничего подобного не получилось: ни жизнетворческие усилия не увенчались успехом, ни как реальный стихотворный опыт “Романтические цветы” не стали победой над косною природой» (Богомолов Н. Читая Гумилева // Изб(XX век). С.9). По мнению О.Клинг, автохарактеристика «“юный маг” дана через два литературных фильтра: “маг”

проецируется на устойчивый образ Брюсова, созданный Андреем Белым в существующем в двух редакциях стихотворении "Маг" (1903 и 1904), серьезно воспринятый самим Брюсовым и воспроизведенный в брюсовской иконографии. "Маг" — это мифологема, использованная Гумилевым» (Клинг О. Стилевое становление акмеизма: Н.Гумилев и символизм // Вопросы лит-ры. 1995. № 5. С.116—117). Ср. облик юноши-мага в стихотворении Брюсова «Путник».

Ст. 9. — Речь идет о так называемой «музыке сфер», важном элементе в космогонии Пифагора и пифагорейцев. Ст. 10 — ср.: «...Такие огненные столбы должны предшествовать великому полдню» (Ницше Ф. «Так говорил Заратустра». Гл. «О прохождении мимо»). Ст. 25. — Упоминание о Ниле позволяет предположить, что речь идет о Клеопатре.

64. РЦ 1908, под загл. «Измена» - - **РЦ 1918.**
Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред.1908 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - Ст(М), ред. 1908 - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СПР(Ир), ред.1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф 1 под загл. «Измена» в письме Брюсову от 15 августа (н.ст.) 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед. хр. 18. Л.35—35 об.). В ст.17 нет выделения слов с заглавной буквы. Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 15 августа (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

«Во второй своей книге (РЦ 1908. — *Ред.*) он по-прежнему говорит из-под маски, — обратил внимание А.И.Павловский, — но одновременно разнообразит и саму маску. Мир поворачивается перед ним — неузнанным — откровенно и полно, подобно существу, за которым почти не наблюдают: ведь обычно маска Гумилева-наблюдателя соответствует тому миру, где она появляется, т.е. в Абиссинии это маска абиссинца (или же человека, сроднившегося с этой страной), в Египте — египтянина, а в Турции — шейха... Больше того — он может превратиться и в... ягуара:

И к людскому крался я жилищу
По пустому сумрачному полю...»

(БП. С.15). Об автобиографическом подтексте ст-ния см.: Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Париж: ИМКА-Пресс, 1991. Т.1. С.164—165.

Ягуар является непременным персонажем мифологии индейцев Центральной Америки. В данном ст-нии Гумилев, вероятно, использовал мифологический цикл, связанный с одним из трех главных божеств центральноамериканского пантеона

— Тескатлипокой («дымящееся зеркало»). Ст. 2—5. — «По представлениям ацтеков, Т<ескатлипока> олицетворял зиму, север, ночное звездное небо, поэтому он изображался с черным лицом, покрытым желтыми поперечными полосами, или в виде своего духа-двойника ягуара (уподобление пятнистого меха звездному небу). По некоторым мифам Т<ескатлипока> превращается в Полярную звезду, чтобы добыть огонь; он становится созвездием Большой Медведицы» (Мифологический словарь, с.358). Ст. 9—12. — Согласно Брэму, ягуар «живет в лесах... выходя на добычу в утренние часы <...> но никогда днем или темной ночью» (Брэм А.Э. Жизнь животных: в 3 т. Т.I М., 1992. С.210). Ст. 13—24 — ср.:

Мне сделав знак с насмешкой иль приветом,
Безветная сказала мне: «ты мой!»,
Но взор ее так ласков был при этом,
Что я за ней пошел тропой лесной,
Покорный странному ее влиянью,
На ветви гуще падал мрак ночной...
<...>
Всё было смутно шаткому сознанью,
Стволы и шелест, тени и она,
Вся белая, подобная сиянью...
(В.Я.Брюсов. «Лесная Дева»)

Ст. 21—24. — Возможно, такой финал ст-ния обусловлен спецификой культа Тескатлипоки у ацтеков. Ежегодно ими выбирался имперсонатор Тескатлипоки — самый красивый юноша, с которым в течение года обходились как с божеством, удовлетворяя все его желания. По истечении года юноша приносился в жертву. Этот сюжет обыгран в романе «Дочь Монтесумы» Г.Р.Хаггарда — одного из любимых писателей Гумилева.

65. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 15 августа (н.ст.) 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед.хр. 18. Л.34 об., 35 об.).

Дат.: 15 августа (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

Источник сюжета этого ст-ния не выяснен. Н.А.Богомолов обращает внимание на ст.13, считая его реминисценцией из «Песни песней» («Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему; он пасет между лилиями» (Песнь Песней, 2; 16) — Соч I. С.552). Возможно, своеобразным «ключом» к прояснению источника сюжета может служить упоминание о «красном коралле» (ст.2), так как в библейские времена кораллы служили эквивалентом денег в торговле между армянами и тирянами, о чем упоминает пророк Иезекииль. Ст. 10. — Смирна — древнегреческий портовый и торговый город, неоднократно разрушавшийся от нашествия завоевателей и землетрясений и восстававший из пепла. Смирну зах-

ватывали, в частности, в 1092 г. турецкий разбойник Цахас, в 1402 г. — Тамерлан. Согласно мифу, Смирной звали амазонку, захватившую Эфес и давшую городу имя, а также — дочку ассирийского царя Тианта, влюбившуюся в отца и тайно делившую с ним ложе двенадцать ночей. Помимо того, Смирна — место для конвенции одной из высших степеней розенкрейцерства (см.: Н.Гумилев и русский Парнас. С. 47).

66. РЦ 1908.

СС I - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ДП - - СС(Р-т)I - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(Ир) - - Круг чтения; ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 15 августа 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед. хр.18. Л.34—35 об.). Под загл.: «Диалог (между Одиссеем и Ахиллом)». В ст.12 «Ахеян» с заглавной буквы.

Дат.: 15 августа (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

Левинсон считал, что Гумилев идет от новейшей западной поэзии, оттого «у него мелькают образы гомеровских вождей (диалог "Ахилл и Одиссей")» (Современный мир. 1909. № 7. С.189); по мнению В.Гофмана, в книге РЦ «"Ахилл и Одиссей" и "Сада-Якко" слабы» (Русская мысль. 1908. Июль. С.144). М.Д.Эльзон рассмотрел это ст-ние как фрагмент «незавершенного произведения» (монологические звенья того же цикла — «три стихотворения под общим заголовком "Возвращение Одиссея"»), источником которого является «постгомеровская версия» сюжета, связанного с историей троянской войны. Другим возможным источником ст-ния можно считать IX-ю песню «Илиады». Эту версию поддерживает Н.А.Богомолов. По словам Ахматовой, стихотворение посвящено ей (см.: Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Париж: ИМКА-Пресс, 1991. Т.1. С.139).

Ст.4. — Нард — ароматическое вещество, ценимое в Древнем мире. Ст.9—10 — ср.: «...В дружелюбных нам пиршествах нет недостатка, / Сколько под царскою сенью владыки народов Атрида, / Сколько и здесь; изобильно всего к услаждению сердца/ В пире твоем; но теперь не о пиршествах радостных дело» (Илиада, песнь IX, ст.225—228, пер. Н.Гнедича). Ст.11, 12 — ср.: «Хвалится (Гектор. — *Ред.*) завтра срубить с кораблей кормовые их гребни, / Пламенем бурным пожечь корабли и самих нас, ахеян, / Всех перед ними избить, удушаемых дымом пожарным» (Илиада. Песнь IX, ст. 241—243). Ст.17, 18 — ср.: «Тот ненавистен мне, как врата ненавистного ада, /Кто на душе сокрывает одно, говорит же другое» (Илиада. Песнь IX. Ст. 212, 213).

67. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - ВБП - - МП; Душа любви - - ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 15 августа (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед. хр. 18. Л.34).

Дат.: 15 августа (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

В ст-нии присутствуют пифагорейские мотивы. Ст.2. — Флюид — по представлениям оккультистов, некий психический «ток», излучаемый из человеческого или другого тела; в контексте ст-ния — движение в астральной области. Ст.4. — «Печатями» или «архетипами» Пифагор и его ученики называли объекты Высшего Мира, которые отбрасывают свою тень в Низший Мир (обиталище смертных богов, Демиургов, ангелов и людей). Ст.5. — Пифагорейская математика мыслилась как совершенная форма знания о мироздании; числа здесь обладали секретным значением.

68. Русь. Иллюстрированное приложение. 1907. 21 августа, № 32, без загл., с вар. - - РЦ 1908, без загл., с вар. - - Избранные стихи русских поэтов. Период 3. Вып. 2. Спб., 1914, с вар. - - **РЦ 1918.**

Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред.1908 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - СС(Р-т)I - - Ст(М), ред. 1908 - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1908 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред.1908 - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ВБП; Душа любви - - ЛН.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 6 сентября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. 33 об.), описка в ст. 2. Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 21 августа 1907 — по дате публикации.

Перевод на англ. («Recollection») — SW. P.30.

Ю.Верховский полагал, что из-за особого лиризма («высказывании душевно-человеческого») это ст-ние «не в тоне книги, не в тоне, может быть, этой поэзии» (Верховский. С.103). К литературоведческим курьезам относится попытка А.Адамовича трактовать данное ст-ние в антисоветском духе (см.: Adamovich A. Opposition to Sovictjzation in Belorussian Literature. Munich Institute for the Study of the USSR. New York, 1958. P.95).

Образ чайки, возможно, навеян произведениями К.Д.Бальмонта («Под северным небом»).

69. «Русь. Иллюстрированное приложение». 1907. 27 августа, № 33, без загл. - - РЦ 1908, так же - - Избранные стихи русских поэтов. Период 3. Вып.2. Спб., 1914, так же - - **РЦ 1918.**

Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП, ред. 1908 - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - СС(Р-т)I

- - Ст(М), ред.1908 - - Изб (Х) - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения 1908 - - Изб(ХХ век) - - Русский путь (вар.1908) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; Ежов-Шамурин 1925 - - Ст(Куйбышев) - - Ежов-Шамурин 1991 - - Круг 1991.

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: 27 августа 1907 — по дате публикации.

Ст.5—12. — «В мистериях <...> символом хаоса и хаотической тьмы, предшествующим свету творения, считалась ворона из-за своей черноты. Грация и чистота лебедя были эмблемами духовной грации и чистоты инициируемых» (Холл. С.319). Помимо того, существовало греческое предание, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей. В сочетании с упоминанием о древних развалинах, рассказ ворона можно трактовать, выявляя «артуровский» мотив: после смертельной раны, полученной в битве при Камлани (в которой погибли почти все рыцари «Круглого Стола»), король Артур превратился в ворона, а его резиденция — Карлион — пришла в полный упадок.

70. РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910, так же - - **РЦ 1918.**

Ж 1921, ред. 1910, с опечат. - - СС 1947, ред. 1910, с опечат. - - СС I - - Ст 1988, ред. 1910, с опечат. - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СС(Р-т)I - - Ст(М), ред. 1908 - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред.1908 - - Изб(ХХ век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; СТ(Куйбышев); Дружба народов, 1986.

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: До начала сентября 1907 — датировка В.К.Лукницкой (Жизнь поэта. С.57).

Ю.Верховский сопоставлял это ст-ние со ст-ниями «Смерть» (№ 38) и «За гробом» (№ 77), обнаруживая в них «глубокую антиномию», которая должна быть «или разрешена, или установлена и принята» (Верховский. С.102—103). Е.Сампсон обращает внимание на «уникальный в русской поэзии» характер строфы в этом ст-нии (Ам3322 АБАБ), (см.: Sampson E.D. Studies in the Poetic Technique of Nikolaj Gumilev, неопублик. докторская дисс. Harvard, 1968. P.257). Ст.1 — ср.: «Недвижно лежали мы оба» (К.Д.Бальмонт «Неразлучные») и «Мне снилось, я в городе дальнем...» (В.Я.Брюсов).

71. РЦ 1908, без загл. - - Избранные стихи русских поэтов. Период 3. Вып. 2. СПб, 1914 - - Ж 1910, так же - - **РЦ 1918.**

Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП- — СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред.1908

- - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - Ст(М), ред. 1908 - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1908 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред.1908 - - Carmina - - Изб(ХХ век) - - Русский путь (ред.1908) - - ЧН 1995 - - ВБП - - МП; СТ(Куйбышев) - - ЛН.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 6 сентября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед. хр. 18. Л.37—37 об.). Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 6 сентября (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

Ср. мотив «кораблей», отраженных во взгляде возлюбленной в «Антонии и Клеопатре» Эредиа.

Ст.25—28 — ср.: «Когда одна черта делила / В веках величье и позор, — / Ты повернул свое кормило, / Чтоб раз взглянуть в желанный взор» (В.Я. Брюсов. «Антоний»). В ст-нии Брюсова речь идет о морской битве у мыса Акций (31 г. до н.э.), о том моменте сражения, когда Марк Антоний, бросив флот на произвол судьбы, последовал за отступающими кораблями Клеопатры. См. коммент. к № 73.

72. РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910, также - - **РЦ 1918.**

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред.1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - Изб (М) - - ШЧ - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1908 - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред.1908 - - Изб(ХХ век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; СТ(Куйбышев) - - Гимн любви - - Езда в остров любви: Русская куртуазная муза. Поэтический сб. XVIII-XX век. М., 1993.

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: До 28 сентября (н. ст.) 1907 — по упоминанию в письме к Брюсову от 28 сентября (н. ст.) 1907 г. (Неизд 1980. С.22).

Сопоставляя два издания РЦ (1908 и 1918), Ю.Верховский обратил внимание на композиционную значимость этого ст-ния: «Еще можно хотя бы только наметить мысль, касающуюся хронологии "Романтических Цветов". Между ними и "Путем Конквистадоров", к которому они примыкают, огромное расстояние в отношении чисто литературном. И думается нам, что самая фактура "Романтических Цветов" указывает на группировку стихотворений в известной мере хронологическую. В частности, одна пьеса, стоящая в конце первого издания, прямо по-новому поразила нас, поставленная во втором близко к началу книги. Это — "На руке моей перчатка". Вспомним, что здесь четвертый женский образ (три других в №№ 71, 80, 85. — *Ред.*), в ряду намеченных выше, и в той же общей постановке. Опять-таки, стоя в конце этого ряда, пьеса гармонически замыкает его в области чисто-личной лирики» (Верховский. С.103—104).

73. «Раннее утро». 1907, 29 ноября, без загл., с вар. - - РЦ 1908, без загл., с вар. - - Ж 1910, так же - - **РЦ 1918**.

Изб. 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - Изб(М) - - Ст(М-В) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - Ст(М), ред. 1908 - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред.1908 - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь, ред.1908 - - ОЧ - - ЧН 1995 - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 28 сентября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф.386. Ед. хр.18. Л.39), автограф 2 без загл. в письме Брюсову от 2—16 октября 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед. хр.20. Л.40). На листе имеются пометы Брюсова: «недурно» (карандашом) и «Отдано в Р<аннее> Утро» (чернилами). Автограф 3 — архив Лозинского.

Дат.: 28 сентября (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

16 декабря (н. ст.) 1907 г. Гумилев писал Брюсову: «Сейчас получил № "Раннего утра" с моей "Гиеной" и очень благодарю Вас за напечатание ее» (ЛН. С. 456). В.С.Баевский выделил «цикл», объединенный образом «преступной царицы» — Клеопатры (наряду с данным ст-нием упомянуты ст-ния №№ 63 и 71): «царица, страсть к которой приносит смерть. Традиция ведет к "Тамаре" Лермонтова и "Египетским ночам" Пушкина, образ Клеопатры всю жизнь привлекал Брюсова. Каждое из стихотворений Гумилева содержит по 28 строк, но написано другим размером, словно бы поэт, как бы при "методе отличия" индуктивной логики, ставит опыт: тематика, образы, объем текстов общие и только стихотворные размеры разные; следовательно, разница впечатлений зависит от разницы стихотворных размеров.

"Юный маг в пурпуровом хитоне..." — пятистопный хорей. По теории Гумилева, область хорея — пение, хорей окрылен и взволнован. В тексте мы действительно видим черты песенного стиля. Здесь распространен синтаксический параллелизм... "Над тростником медлительного Нила..." — пятистопный ямб. Согласно представлениям Гумилева, он воссоздает человеческую речь в рамках эпического или драматического рассказа, напряженность воли, ему присущи ясность, твердость. Авторское присутствие почти устранено, оно проявляется только в оценочных эпитетах в начале стихотворения. Половина текста представляет собой драматический монолог. Если в предыдущем стихотворении были намеренно затемненные по смыслу фразы, почерпнутые из стилистики символизма, то здесь перед нами последовательно осуществленная установка на слово, равное самому себе, — акмеизм до акмеизма...

Третье стихотворение — "Что ты видишь во взоре моем..." — написанное трехстопным анапестом, область которого, по Гумилеву, — стремительность, порывистость, напряжение нечеловеческой страсти. Все это с предельной полнотой представлено в тексте. Смертоносный эрос овеществлен в корабле, со

всею командой пошедшем ко дну». (Н.Гумилев и русский Парнас. С.69—70). «В творчестве Гумилева возникает чрезвычайно опасный, "имморальный" уклон, ярко сказавшийся, например, в цикле стихов о Клеопатре, с их откровенно-эротическим и, одновременно, — демоническим подтекстом» (Зобнин Ю.В. Странник духа // Русский путь. С.24). Н.А.Богомолов указывал на реминисценцию из брюсовского ст-ния «Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида, в царстве пламенного Ра...» (Соч I. С.490). О.Клинг подчеркивает генетическую связь «Гиены» Гумилева с брюсовской «Встречей» («Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида, в царстве пламенного Ра...», 1906/07): «Сходство подчеркивается помимо лексического совпадения ("медлительный Нил") еще и синтаксической конструкцией с придаточным союзом "где"... Но, в отличие от брюсовских баллад, — добавляет О.Клинг, — они (гумилевские баллады. — *Ред.*) окрашены романтической иронией» (Клинг О. Стилевое становление акмеизма: Н.Гумилев и символизм // Вопросы лит-ры. 1995. № 5. С.117).

Ст. 6—8. — Луна посвящена нескольким богиням египетского и античного пантеонов, чтимых в символической философии и магии — Исиде, Гекате, Артемиде и Селене. О символике «тумана» см. коммент. к № 36. Гиена в египетском пантеоне связана с дьяволом Тифоном — его символом была гиена. Ст. 9—12. — «Египтяне сравнивали вой ветра в пустыне со стонущими криками гиены, которые звучат как последний, отчаянный вой души, попавшей в когти Тифона». Ст. 25—28. — «Некоторые считают <...> этих животных за оборотней или злых духов, разгуливающих днем в образе человека, а ночью превращающихся в зверей. О пятнистой же гиене известно, что она иногда нападает на детей и беззащитных, слабых взрослых. Но и без того этих животных человек так ненавидит, что старается истребить всеми способами, начиная с капканов и кончая отравой» (Брэм А.Э. Жизнь животных: В 3 т. Т. I. М., 1992. С.264—265).

Феллахи — египетские крестьяне.

74. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 23 сентября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед.хр.18. Л.39 об.).

Дат.: 23 сентября (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

Гумилев называл это ст-ние «очень неудачным» (ЛН. С. 440).

Ст. 3. — Речь идет о «черной мессе» — пародии на Божественную литургию. Ст. 9—12. — Перечисляются традиционные персонажи дьявольского радения — шабаша. Ст. 19. — Святой Георгий — воин-мученик, небесный покровитель «христолюбивого воинства» — рыцарей. Наиболее известна история умерщвления им змея (дракона), олицетворявшего мировое зло.

75. РЦ 1918.

Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб), ред. 1907 и 1918 - - СП(Тб)2, ред.1907 и 1918 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - СС(Р-т)I - - Изб (Х) - - Соч I - - СПП - - Ст(Яр) - - Изб(ХХ век) - - Изб 1997 - - ВБП; ЛН.

Автограф 1 первоначальной редакции в письме Брюсову от 2 октября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед.хр.18. Л.40—40 об.). Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 2 октября (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

Ст. 3—8. — Лев во многих мифологических системах был связан с солнцем; алый пояс и янтарь несут на себе символику солнца; жемчуг, посвященный луне, тоже косвенно связан с солнцем (луна светит отраженным солнечным светом).

76. Раннее утро, 1907, 22 декабря, без загл., с пометой «Париж», с вар. - - РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910, так же - - **РЦ 1918.**

Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СС(Р-т)I - - Ст(М), ред.1908 - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред.1908 - - Изб(ХХ век) - - Изб 1997 - - ВБП; ЛН.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 2 октября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед.хр.18. Л.41). В ст. 11 вместо «странной» ранее было: «страстной». В ст. 14 вместо «набегают» ранее было: «наплывают». Автограф 2 без загл. в письме Брюсову 2—16 октября 1907 г. (Там же. Ед.хр.20. Л.40 об.). Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 2 октября (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

И.Г.Кравцова указывала на сюжетную перекличку этого ст-ния с повестью Э. По «Лигейя» (Н.Гумилев и русский Парнас. С.54). Ср. также со ст-нием В.Я. Брюсова «Последний пир». Ст.1 — ср.: «Наконец она стряхнула / Обветшалый свой убор, / Улыбнулась и вздохнула / И открыла ясный взор...» (В.С.Соловьев).

77. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 2 октября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед.хр.18. Л.41—41 об.). Перед текстом пояснение: «Это стихотворение может служить продолжением предыдущего». Имеется в виду ст-ние «Самоубийство» («Улыбнулась и вздохнула...»), № 76. В ст. 8 вместо «как пса», ранее было: «как та», в ст. 9 вместо «странной» ранее было: «страстной», в ст. 11 вместо «Но не», ранее было: «И не», вместо «жалко» ранее было: «тяжко».

Дат.: 2 октября (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

И.Г.Кравцова, следуя записям А.Ахматовой, выявляла в этом ст-нии, как и в ст-нии № 76, реминисцентную связь с рассказом Э.По «Лигейя» (Н.Гумилев и русский Парнас. С.345). Ст. 19—20. — С лошадиной головой иногда изображалась Гера (Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1957. С.30) и Деметра (Мифологический словарь. С.182). Обе богини являются хтоническими божествами, обе владеют способностью насылать безумие.

78. РЦ 1908, без загл., с вар. - - **РЦ 1918.**

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - СС(Р-т)I - - Ст(М), ред. 1908 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Круг чтения, ред.1908 - - Престол - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 2 октября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К.84. Ед.хр.18. Л.41 об.). Автограф 2 без загл. в письме Брюсову от 7 января (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед.хр.19. Л.2). Автограф 3 — архив Лозинского.

Дат.: 2 октября (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

Ю.Верховский видел в этом ст-нии «антитезу образу смерти» из ст-ния № 38 (Верховский. С.102). А.Осипович указывал, что в ст-нии «претворилась в образ <...> мысль немецких мистиков о сладострастьи ада» (Осипович А. По ту сторону стиха. // Русская мысль. 27 октября 1983. С. 3).

Ст. 3. — См. коммент. к № 21. Ст. 7. — Образ смерти соотносится с Хароном — перевозчиком в царстве мертвых в греческой мифологии; Харон традиционно изображался мрачным старцем в рубище. Ст. 15—20. — Речь может идти о ламиях — ночных привидениях, высасывающих кровь у юношей (в греческой мифологии Ламия — спутница подземной богини Гекаты — страшное чудовище, пожиравшее чужих детей; в низшей мифологии народов Европы этот образ претерпел трансформацию, превратившись в суккуба, участницу шабаша). Ср. со ст-нием Брюсова «Ламия»: «Всех красивей я из ламий! / Грудь — бела, а губы — кровь. / Я вопьюсь в тебя губами, / Перелью в тебя любовь... Я гублю, как дух могильный, / Убиваю я, любя».

Перевод на англ. («Beyond the Grave») — SW. P.35.

79. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1986 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф в письме Брюсову (между 2 и 9 октября (н. ст.) 1907 — дат. М.Баскера и Ш.Греем) (РГБ. Ф.386. К.84. Ед.хр.18. Л.19—19 об.).

Дат.: Между 2 и 9 октября (н. ст.) 1907 — по реконструированной дате письма к Брюсову.

Ст. 3—4 — см. коммент. к № 42. Ст. 7—8 — см. коммент. к № 36.

80. РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910, также - - **РЦ 1918.**

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол), ред. 1908 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - Изб(М) - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; Душа любви - - ЛН; Родник 1988.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 9 октября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф.386. К.84. Ед.хр.18. Л.48). В ст. 6 вместо «на влаге» ранее было: «на волнах». В ст. 10 перед словом «роковое» ранее было: «свое». Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 9 октября (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

Р.Д.Тименчик указал на автобиографический подтекст ст-ния: летом 1907 г. в Севастополе Гумилев получил отказ А.А.Горенко (Ахматовой) на предложение о женитьбе (Родник. 1988. № 10. С.20—21). Рассказ Ахматовой приводит А.Хайт: Гумилев, приехав в Севастополь летом 1907 г., предложил ей с ним уехать, но она только что окончила гимназию и мысль о замужестве ее не привлекала. Они стояли в молчании и смотрели на берег, на котором лежали мертвые дельфины (Haight A. Anna Akhmatova: A Poetic Pilgrimage. Oxford, 1976. P.193). Там же приводится английский перевод ст-ния, выполненный А.Хайт.

Ст. 6—8. — Дельфины являлись символами божественной охранительной силы; в ранней христианской символике дельфин был эмблемой Христа. Существовало поверье, что на спинах дельфинов потерпевшие крушение мореплаватели попадают на небо. Ср.:

Волшебный король показался на горной вершине
обнявшись
с красавицей дочкой своей.
Сказал ей: «На нашем воздушном дельфине
сорвавшись
с вершины, помчимся,
купаясь в эфирах
скорей!
<...>
...К дельфину
На золотистую спину
садись...

(Андрей Белый «Вечерняя прогулка»).

81. РЦ 1908, без загл., как первое ст-ние цикла «Озеро Чад» - - Ж 1910, также - - **РЦ 1918.**

Изб 1946, загл. «Озеро Чад» - - Изб 1949 - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - Ст ПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред.1908 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - СП(К) - - ЛиВ - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред.1908 - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Ст1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Ежов-Шамурин 1925 - - Трифонов 1962, ред. 1908 - - Декадентская лит-ра, ред. 1908 - - Трифонов 1971, ред. 1908 - - Barański, ред. 1908, загл. «Озеро Чад» - - Антология петербургской поэзии эпохи акмеизма. München, 1973 - - Силард 1979 - - Трифонов 1980, ред. 1908 - - Силард 1983 - - Rosyjskie kierunki literackie, ред. 1908, загл. «Озеро Чад» - - День поэзии 1986, ред. 1908 - - Трифонов 1987, ред. 1908 - - Собеседник 1987 - - Русская поэзия XIX-начала XX в., М., 1987 - - Соколов, ред. 1908, загл. «Озеро Чад» - - Ст(Куйбышев) - - Гимн любви - - Ежов-Шамурин 1991 - - Серебряный век - - Крук 1991 - - Русская поэзия серебряного века - - Серебряный век русской поэзии - - Душа любви - - ЛН - - Русская лит-ра XX века: Учебная книга для уча-ся старших классов. Ч.1. М.-Смоленск, 1995. 2-е изд. - - Акаткин - - Потапчук - - Лазаренко - - Огонек 1986; Смена. 9 апреля 1987 (№ 83).

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 9 октября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К.84. Ед.хр.18. Л.43 об.). В ст. 5 вместо «нега» ранее было: «сила». В ст. 10 вместо «птичий» ранее было: «птицы». Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 9 октября (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

В письме к И.Ф.Анненскому (1909) Гумилев называет «Озеро Чад» (цикл, первым ст-нием которого первоначально был «Жираф»), своим «любимым» произведением (Неизд 1986. С.119). Примечательно, что критиками это ст-ние при появлении было воспринято скептически. Даже Анненский не удержался от некоторой иронии: «Тут целый ряд тропических эффектов, и все, конечно, бутафорские: и змеи-лианы, и разъяренные звери, и "изысканный жираф", жираф-то особенно...» (Речь, 1908. 15 дек. Подп.: И.А.). А.Левинсон констатировал: «И, спору нет, необычными красками блещут вызванные им сказочные образы этой маловероятной страны. Однако: <цит. ст. 15—20> и нас, подобно своей героине, поэт не в силах действительно увлечь ни своеобразием контраста, ни истинно находчивыми рифмами» (Современный мир. 1909. № 7. С.190). Читатели оказались прозорливее критиков и ст-ние стало пользоваться успехом. «Помню, как юношей я купил в книжном магазине Вольфа на Невском проспекте в Петербурге книжку мне тогда неизвестного поэта, озаглавленную "Романтические цветы", — вспоминал Л.Страховский. Вернувшись домой, я начал ее читать... И вдруг две строчки пронзили меня, просто дух захватило:

Далёко, далёко на озере Чад
Изысканый бродит жираф»

(Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С.200). «Это стихотворение, где поэт сокрушается о своем литературном бессилии — одно из самых сильных во всей его ранней лирике», — писал К.И.Чуковский (Жизнь Николая Гумилева. С.125). По воспоминаниям Ю.Либединского, С.Есенин назвал Гумилева «мастером» и восхищался грамматической вольностью во второй строфе стихотворения: «..."Обнявшие колени" — ничего не видно, а "колени обняв" — сразу видно позу...» (Либединский Ю. Современники. М., 1961. С.125). А в хрестоматии, подготовленной Н.А.Трифоновым, в которой, впервые после длительного перерыва, были представлены стихи Гумилева, «Жираф» открывал подборку его произведений (см. Трифонов: 1962. С.434—435). Популярность ст-ния обусловила то, что образ «изысканного жирафа» стал предметом шуток среди знакомых поэта: «Смеялись над ним: "Ну что еще нового придумал наш изысканный жираф?"» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С.18).

В.Хлебников именовал Гумилева «Жирафопевцем» (см.: Неизвестные письма Н.С.Гумилева (Публ. Р.Д.Тименчика) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.46. 1987. № 1. С.64.). Ю.Верховский писал об этом ст-нии: «Наиболее глубокой, истинно романтической музыкой проникнуто вступительное ст-ние небольшого цикла "Озеро Чад", полное световых и музыкальных красок и оттенков, движения и какого-то двумя-тремя чертами переданного экзотизма в самом живописании жирафа. Отметим мягкий переход и гармоническое возвращение-заключение: <цит. ст.13—20>» (Верховский. С.97). С другой стороны, «экзотика» этого ст-ния вызывала в 20—30-е годы негативные критические оценки. «Этот "изысканный жираф", — писал Р.В.Иванов-Разумник, — поистине символичен, он просовывает шею из-за каждой страницы стихов Н.Гумилева. Мы можем быть спокойны: искусство стоит на высоте. Пусть мировые катастрофы потрясают человечество, пусть земля рушится от подземных ударов: по садам российской словесности разгуливают павианы, рогатые кошки и, вытянув длинную шею, размеренным шагом "изысканный бродит жираф"» (Иванов-Разумник Р.В. Творчество и критика. Пб., 1922. С.215). «Вслед за Брюсовым он упивается экзотикой диких стран», — писал Г.Лелевич, отмечая, что «эта экзотика у него, наряду с романтическими фантазиями, приобретает более реалистический характер» (Большая советская энциклопедия. М. 1930. Т.19. С.807). «Гумилев намечает экзотическую струю, в которой мастерство поэта в дальнейшем достигает своей высшей точки» (Бескин О. Гумилев Николай Степанович // Лит. энциклопедия. М., 1930. Т.3. Стб.83). За последние два десятилетия трактовка этого ст-ния значительно углубилась. Оригинальную трактовку «Жирафа» дал Н.Н.Скатов. «Может быть, не случайно, в великой чеховской пьесе о русской провинции врачу Астрову вдруг пригрезилась Африка. Почему Африка? Потому что это что-то уже совершенно необычное, чуждое, далекое, совсем "не отсюда". Постоянно живущая мечта, способность отле-

теть, вырваться вдруг в форме случайной, даже не попутной фразы. Недаром же, как над пророчеством, так бьется над ней, над никчемной вроде бы фразой, театр, так усиленно размышляют критики. Так неожиданно, по-астровски, но уже, конечно, романтично (впрочем, ведь разве Астров не тайный романтик, не мечтатель?) возникает у Гумилева Африка: <цит. ст. 1—4, 13—20>. Гумилев не только в стихах был поэтом действенного волевого усилия. Африка была мечтой достижимой. И он за ней отправился» (СП(Феникс). С.9). А.Давидсон, предостерегая от излишнего доверия к подлинности ранней гумилевской экзотики («"точными описаниями" природы и быта Африки эти и другие подобные строчки, конечно, не назовешь») констатирует, что именно эти стихи «запоминали и декламировали, может быть, даже чаще других, вышедших из-под гумилевского пера позднее» (Давидсон А. Муза Дальних Странствий Николай Гумилева. М., 1992. С.41). Однако, несмотря на налет экзотизма и погружение в африканскую тематику, в ст-нии по мнению О.Клинг, обнаруживается второй план — петербургский, «с его обязательными приметами, восходящими и к реальной топографии, и литературной топографии города». Поэтому ст-ние можно назвать африканским «с достаточной степенью условности: скорее оно неомифологическое, с привычными в символистской поэзии литературными реминисценциями, конкретно — из «Тысячи и одной ночи» (сюжет о походе арабов в Африку). По своему строю «Жираф» является «ст-нием в ст-нии» <...> но без композиционного обозначения внутреннего ст-ния. Этот прием <...> тоже восходит к «Тысяче и одной ночи». В последней строфе ст-ния «появляется образ «тропического сада», который и в этом произведении, и в лирике Гумилева — особенно до «Чужого неба» (1912) — занимает особое место. Образ «сада» позволяет проследить стилевую эволюцию Гумилева от «Пути конквистадоров» (1905) до «Жемчугов» (1910), то есть до необходимости перелома, возникшего после сближения с «башней». (Клинг О. Стилевое становление акмеизма: Н.Гумилев и символизм // Вопросы лит-ры. 1995. № 5. С.110—112). Образный строй ст-ния, своеобразная инструментовка — «анафоры, повторы, мастерское использование аллитерации (особенно часто повторяется плавный звук *л* при описании жирафа)» — создает настроение яркости, праздничности. И вместе с тем, «несмотря на экзотику деталей, ст-ние удивительно русское из-за пронизывающего его чувства грусти» (Карсалова Е.В., Леденев А.В., Шаповалова Ю.М. «Серебряный век» русской поэзии. Пособие для учителей. М., 1994. С.114—115).

Р.Мэтлоу, уподобив «Жирафа» другим «анималистским стихам» раннего Гумилева, сделал акцент на психологизме его содержания, хотя и назвал ст-ние «наиболее парнасским» (см.: Matlaw R.E. Gumilev, Rimbaud and Africa: Acmeism and Exotic // Actes du VI Congress de l'Association International de litterature Compares. Stutgart, 1975. P.654). Полемизируя с этим положением, М.Баскер выдвинул свою концепцию «Жирафа» как произведения в основе своей магического. С точки зрения М.Баскера, через ощущение сказочности и таинственности экзотической земли поэт приходит к ощущению непостижимого, через ярко-

красочную реальность изображаемого — к реальности мечты. И форма этого ст-ния («магнетические» эпитеты, плавный бег пятистопного амфибрахия, переходящий в заклинательный речитатив) такова, что произведение выглядит как драматическое представление с гипнотической заданностью (Basker. P.31—32). А.Юнгрен обращает внимание на «экзотическое иноязычие» в ст-нии Гумилева, связанное, по ее мнению, с традицией И.Анненского «вводить устарелое слово или галлицизм» в поэтический текст. Использование этого приема обнаруживается и в «Жирафе», и в поэме В.Хлебникова «Зангези» (Юнгрен А. «Загадочное будничное слово» И.Анненского: архаизмы и галлицизмы // Text and Context: Essays to Honor. 1987. P.83). В.Вс.Иванов, анализируя образ Африки в «Жирафе», приходит к выводу, что Гумилев близок в осмыслении экзотической природы к опыту французских парнассцев, используя «тривиальные клише», «общие формулы романтической поэзии, лишенные какого-либо существенного содержания» (Ivanov V.Vs. Two Images of Africa in Russian Literature of the Beginning of the Twentieth Century: «Ka» by Chlebnikov and Gumilev's African Poems // Russian Literature. 29(1991). P. 415—416). Американец С.Монас видит в образе жирафа не только странную женственную сущность, но и «таинственную и двусмысленную красоту» жены поэта — Ахматовой (см.: Nikolai Gumilev, Selected Works, selected and translated by Burton Raffel and Alla Burago. Albany: State University of New York Press, 1972. P.20).

82. Образование. 1908, № 7, без загл. и посвящ. - - Ж 1910 - - **Ж 1918.**
Ж 1910 - - СС 1947 I - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Музыка в зеркале поэзии. Вып. 3. Л., 1987 - - ЛН.

Автограф без загл., без посвящ., в письме Брюсову (середина-конец октября 1907) (РГБ. Ф.386. К. 84. Ед. хр. 20. Л. 39 об.).

Дат.: Середина-конец октября 1907 — по датировке письма к Брюсову (см. о датировке коммент. М.Баскера и Ш.Грем в Неизд 1986. С. 235).

«Музыка композиторов-романтиков (Шумана?) немало подсказывает в "Маэстро"» — пишет Л.А.Смирнова (Изб(М). С. 18).

Сверчков Николай Леонидович (1894—1919) — сын А.С.Сверчковой, племянник Гумилева, его спутник в африканском путешествии 1913 г. В 1921 г. Гумилев посвятил памяти Н.Л.Сверчкова книгу «Шатер».

83. РЦ 1908 - - Ж 1910 - - **РЦ 1918.**
Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Ст(М-В) - -

СС(Р-т)I - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП; Трифонов 1962, ред. 1908 - - Декадентская лит-ра - - Трифонов 1971, ред. 1908 - - Трифонов 1980, ред. 1908 - - Трифонов 1987, ред. 1908 - - Лазаренко.

Автограф 1 в письме Брюсову от 7 января 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 2 об.) Автограф 2 в письме Брюсову от второй половины октября 1907 г. (Там же. Ед. хр. 20. Л. 41). В ст. 16 «высыхает» со строчной буквы. Автограф 3 — архив Лозинского.

Дат.: Середина — конец октября 1907 — по автографу 2: (см. коммент. к № 82.).

«Красочное "Помпей у пиратов" — писал один из критиков — одно из лучших в книжке, подарило нас прелестной строфой, сделавшей Помпея живым: <цит. ст. 17—20>» (Образование. 1908. № 7. С. 79. Подп.: Л. Ф.). Эту же строфу выделил и И.Ф.Анненский: «Почему "Мореплаватель Павзаний" и "Император Каракалла" должны быть непременно историческими картинами? Для меня довольно, если в красивых ритмах, в нарядных словах, в культурно-прихотливой чуткости восприятий они будут лишь парижски, пусть даже только буквально — декоративны... Это положительно красиво... А красивое, право, не так-то уж далеко от Прекрасного» (Речь. 1908. 15 дек.). Ю.Верховский писал о «блестящем налете историзма» в произведениях раннего Гумилева и в качестве подтверждения приводил всю ту же 5 строфу «Помпея...» (Верховский. С. 103).

В названии ст-ния возможна реминисцентная перекличка со ст-нием Брюсова «Гребцы триремы», ср.: «Эх, что мечтать! все равно — / Цезаря влечь иль пирата!». Помпей Секст (75—36 до н. э.) — младший сын Помпея Великого. После того, как триумвиры объявили его врагом отечества, стал пользоваться услугами дезертиров и беглых рабов в войне против Рима. Занимался пиратскими набегами на корабли, везущие хлеб в Италию. Погиб от руки одного из легатов Антония.

84. РЦ 1908, без загл., с вар. - - Ж 1910, так же —Избранные стихи русских поэтов. Период 3. Вып. 2 СПб., 1914 - - **РЦ 1918**.

Изб 1943, под загл. «Проказа» - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - ОС 1989 - - Кап 1991 - - СС 1991 - - СС(Р-т) I - - ОС 1991, ред. 1908 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Круг чтения, ред. 1908 - - Carmina - - ВБП; Серебряный век русской поэзии - - ЛН - - Изб(XX век) - - Русский путь (ред. 1908); Лен. ун-т 15 апреля 1988.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от второй половины октября 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 20. Л. 41 об.). Автограф 2 без загл. в письме Брюсову от 16 декабря (н. ст.) 1907 г. (Там же. Ед. хр. 18. Л. 49). Автограф

3 — архив Лозинского. Автограф 4 в альбоме Э.Ф.Голлербаха (РНБ. Ф. 207, № 105. Л. 20). Внизу слева дата записи: 29 сент. 1920 г.

Дат.: Середина-конец октября 1907 (см. коммент. к № 81).

А.Л.Левинсон считал, что это ст-ние — «колоритная, но выдержанная в нудно исходящих ритмах г. Блока вещица» (Современный мир. 1909. № 7. С. 109). В более широком плане истолковал ст-ние Ю.Верховский: «Мотивы "экзотические", сказочные странствия только предчувствуются и чуть намечаются в "Пути конквистадоров"; излюбленные поэтом с молодой поры "Романтических цветов", уже и здесь они разработаны гораздо убедительнее других мотивов той же, по преимуществу красочно-пластической поэзии<...> Здесь полнотою красочного виденья и жизненной, музыкальной одушевленностью особенно выделяется стихотворение "Приближается к Каиру судно...", с такими пленительными чертами изображения, как в этих простых строках <цит. ст. 13—16>» (Верховский. С. 97). Анализируя мотивы ст-ния «Зараза», Ю.Зобнин замечает, что «мир ранней лирики Гумилева — мир мрачный, при всем своем "экзотическом" цветовом и "морфологическом" многообразии. Тема гибели тайно присутствует всюду за роскошными образами гумилевской романтической утопии» (Зобнин Ю.В. Странник духа // Русский путь. С. 24) Е.Д.Сампсон усматривает в акцентном стихе «Заразы» влияние поэзии М.Кузмина, перекличку в использовании мотивов смерти, болезни, разложения и т.п. (Sampson E.D. Nikolai Gumilev. Boston: Twayne Publishers. 1979. P.178). По мнению исследователя, в ст-нии реализован один из шести тактовиков в метрическом репертуаре Гумилева. (см.: Sampson E.D. Dol'nik's in Gumilev's Poetry // Russian Language Journal. 1975. P.37). Влияние Кузмина также отмечено Ахматовой (мимоходом) (см.: Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. Париж: ИМКА-Пресс, 1991. С.90). В ст-нии заметны тематические переклички с первым ст-нием из раздела «Мудрость» «Александрийских песен» М.Кузмина: «Я спрашивал мудрецов вселенной: "зачем солнце греет..."» Ст. 2. — Пророк — иносказательное обозначение Магомета; знамя Пророка — зеленое знамя с изображением полумесяца — мусульманская святыня. Ст. 8. — Фески — круглые шапочки с кисточкой, элемент турецкого национального костюма. Ст. 23—24 — возможна тематическая перекличка со ст. 50.

85. РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910, так же - - **РЦ 1918.**

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб) 2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т)I - - Ст(М), ред. 1908 - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1908 - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - СТ(Яр) - - Круг чтения, ред. 1908 - - Carmina - - Изб(ХХ век) - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Русские поэты серебряного века, ред. 1908 - - ЛН - - Лазаренко.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 30 ноября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 17). Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 30 ноября (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

1 июля 1908 г. Гумилев писал в письме к В.Е.Аренс: «Мне очень интересно, какое стихотворение Вы предположили написанным для Вас. Это — "Сады моей души"» (Неизд 1986. С. 117). Ю.Верховский относил это ст-ние к тем, в которых «музыка истинно романтического устремления» «непосредственно и подлинно реальна» (Верховский. С. 101). «О своей способности заглянуть за черту обыденного говорит поэт, — пишет Л.А.Смирнова, цитируя ст. 1—4, 21—24. — Нет, Гумилев не был равнодушен к "миру бегущих линий". Но конкретное преображал своей мечтой или болью угадывал "дальним зрением"» (Изб (М). С.13). В.Размахнина отметила, что в ст-нии присутствует постоянная у раннего Гумилева тема отчуждения от «злободневности» и связывала данное ст-ние с более поздним, программным ст-нием «Я вежлив с жизнью современною...» (1913), (Размахнина В. Серебряный век. Очерки. Красноярск, 1993. С. 77—78).

В ст-нии присутствуют тематические и метрические реминисценции ст-ния К.Д.Бальмонта «В моем саду мерцают белые...».

Ст. 1—8. — Речь идет об атрибутике жриц древних мистерий — Кибелы и Диониса. Ст. 17—18. — Черная пантера и лев — животные, посвященные Кибеле и Дионису. Ст. 23. — Сирокко — знойный южный или юго-восточный ветер, дующий в Средиземноморье.

86. РЦ 1908, под загл. «Любовникам», с вар. - - Ж 1910, так же - - **РЦ 1918.**

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), вар. 1908 - - СтПРП, вар. 1908 - - Изб(Слов) - - СС (Р-т) I - - Ст(М), ред. 1908 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред. 1908 - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; Гимн любви - - ЛН.

Автограф 1 под загл. «Любовникам» в письме Брюсову от 30 ноября (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 17 об.). Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 30 ноября (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

Н.А.Богомолов полагал, что «сюжет, по-видимому, проецируется на сюжет ст-ния Брюсова "Предание"» (1904—1906), не опубликованного при жизни, но известного в литературных кругах (Соч I, с. 489).

Ст. 9—12. — О символике тумана см. коммент. к № 36. Наяды — в греческой мифологии нимфы источников, ручьев и родников. Ст. 19—20 — ср. со ст-нием К.Д.Бальмонта «Она отдалась без упрека...»: «Она не твердила "не надо", / Обетов она не дала».

87. Ж 1910 - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - Ст(М-В) - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения (неправ. строфика) - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Душа любви; Простор 1986.

Дат.: Ноябрь 1907 — по помете П.Н.Лукницкого со слов А.Ахматовой: «А<н-на> А<ндреевна>, ноябрь 1907, приблиз<ительно>» (Жизнь поэта. С. 54).

Перевод на англ. («Prayer») — SW. P. 44.

На экземпляре (Ж 1910), хранящемся в семейном архиве Лукницких, есть пометы, сделанные П.Н.Лукницким со слов А.Ахматовой. В этом ст-нии ст. 2 подчеркнут. (Жизнь поэта. С. 54). Ст-ние в разгул вульгарного социологизма дало повод О.Бескину разразиться гневной филиппикой: «Агрессивный дворянин, презирающий даже буржуазную демократию, тактически разыгравшую с "серыми людьми", — он (Гумилев. — *Ред.*) устремляется к империализму, как к некоему новому рыцарству, ордену "сильных личностей", завоевателей. Эпигон дворянства, он мнит найти новое утверждение своего класса, перекидывая мост непосредственно от прошлого к "будущему". Еще в 1910—1912 гг., в "Молитве" он выражает свое credo: <цит. ст. 1—6>» (Лит. энциклопедия. Т. 3. М., 1930. Стб. 84—85). «...Уже и в 1910 году автор <...> чеканной, истинно классической по любым канонам "Молитвы" мог считать период ученичества завершенным, а уроки мастерства навсегда усвоенными», — писал в 1989 г. С.И.Чупринин (ОС 1989. С.9). «Поэт творил не просто собственную интерпретацию действительности, а новую реальность, опирающуюся на прошлое и получающую воплощение в будущем. Настоящее — этап собственно созидания будущего. Как гласит один из текстов "Жемчугов":

Солнце, сожги настоящее
Во имя грядущего,
Но помилуй прошедшее!»

(Слободнюк. С. 60). Н.А.Богомолов отмечает в ст-нии реминисценции из Ф.Ницше: «Я люблю того, кто оправдывает грядущее и спасает прошедшее, ибо он хочет погибнуть от настоящего (Ф.Ницше, «Так говорил Заратустра», ч. I, отмечено О.Ронненом в кн.: An approach to Mandelštam. Jerusalem,1983. P. 182)» (Соч. 1. С. 503). «"Возвращение" — вот ключевое слово в поэзии Гумилева, — отмечает И.Делич. — Земля может вернуться в сверхмир, Адам обретает свой Эдем, блудный сын возвращается в отчий дом. Возвращение принадлежит будущему. Поэтому поэт благоговеет перед прошлым, презирает настоящее и надеется на будущее, которое сулит восстановление прошлого на высшем уровне бытия»

(Делич И. Николай Гумилев // История... С. 492). Милосердие к прошлому, о котором говорит Гумилев в этом ст-нии, по мнению А.Михайлова, сближает его с другим современником — Н.Клюевым, также «не принявшим новую историческую действительность» (Михайлов А.И. Николай Гумилев и Николай Клюев // Исследования и материалы. С. 74).

«Многие божества были ассоциированы с солнцем. Греки верили, что Аполлон, Вакх, Дионис, Сабазис, Геркулес, Ясон, Уллис, Зевс, Уран и Вулкан разделяют либо видимые, либо невидимые атрибуты солнца. Норвежцы считали Бальдера Прекрасного солнечным божеством, а Один часто ассоциировался с небесным шаром, особенно из-за своего одного глаза. У египтян Осирис, Ра, Аннубис, Гермес и даже таинственный Аммон имеют сходство с солнечным диском. Исида была матерью солнца, и даже Тифон, Разрушитель принимал форму солнечной энергии» (Холл. С. 158). Эти мифологические мотивы ассоциации верховного божества с солнцем сохранились и в христианстве (см.: Холл. С. 159—160).

88. «В мире искусств». Киев, 1907, № 20—21, нояб., без загл., с вар. - - РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910, так же - - **РЦ 1918.**

СС I - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - СТ(Яр) - - Круг чтения, ред. 1908 - - Изб(ХХвек) - - Русский путь - - ОЧ- - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП; Душа любви.

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: ноябрь 1907 — по дате публикации.

Об этом ст-нии говорилось как о «делающем честь вкусу автора», как о «зловеще-спокойном, в манере По (Э.По. — *Ред.*)» (Образование. 1908. № 7. С.79. Подп.: Л.Ф.). «Колоритные фигуры древности, Востока предстают в своем неожиданном облике. И это завораживает, — пишет Л.А.Смирнова. — ... «“Ужас” воплощен в страшном существе: “Я встретил голову гиены на стройных девичьих плечах”. С неменьшей зрелищностью и эмоциональностью запечатлены (в РЦ. — *Ред.*) светлые явления...» (Изб(М). С. 14). «Женщина с головой гиены, — отмечал Н.А.Богомолов, — один из персонажей неопубликованной части комедии Л.Д.Зиновьевой-Аннибал “Певучий осел”, которая вряд ли могла быть известна Гумилеву (в свою очередь, Зиновьева-Аннибал не могла знать стихотворения Гумилева)» (Соч I. С. 490). Ю.В.Зобнин обращает внимание на то, что в ст-нии присутствуют образы, связанные с обрядом инициации (посвящения) в древние дохристианские мистерии, к тайне темных, «хтонических» языческих божеств (см.: Русский путь. С. 23). Е.Русинко считала источником тематики данного ст-ния «Комедию смерти» Т.Готье, (см.: Rusinko E. Gumilev's Acmeism: Theory and Practic, Brown University, 1976. P. 9. Неопубл. докторская дисс.).

О символике гиены см. коммент. к № 72. Ст. 23—24 — ср.: «Но правду беглых отражений / Вдаль уводили зеркала» (В.Я.Брюсов. «Я помню свет неверно беглый...»).

89. «Весы». 1908, № 6, как первое ст-ние цикла (второе — «Одержимый», третье — «Рыцарь с цепью»), без посвящ. - - Ж 1910, без посвящ. - - **Ж 1918.**

Ж 1921, ред. 1910 - - Изб 1946 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1910 - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1910 - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(ХХ век) - - Русский путь (ред. 1919) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Собеседник - - Музыка в зеркале поэзии: Вып. 3. Л., 1987 - - Соколов, ред. 1910 - - Люблю я вас, богини пения... Антология. М., 1989 - - Ст(Куйбышев) - - Баранников - - Душа любви - - ЛН - - Лазаренко (ред. 1910); Огонек 1986 - - Простор 1986 - - «Лит-ра в школе» 1990, № 5.

Автограф 1 без посв. в письме Брюсову от 26 ноября (н. ст.) 1907 г.[1] (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 51). В ст. 18 вместо «испуг» ранее было: «недуг». Автограф 2 без посв. в архиве М.К. Азадовского (РГБ. Ф. 542. К. 86. Ед. хр. 45. Л. 1). Автограф 3 — архив Лозинского; авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918 (см. с. 289). Не учтена правка ст. 5—6: текст Ж 1910 перечеркнут рукой Гумилева и сбоку черными чернилами написано «Сколько боли лучезарной, сколько полуночной муки / Скрыто в музыке веселой, как полуденный ручей!».

Дат.: 2 декабря (н. ст.) 1907 — по дате, реконструированной М. Баскером и Ш.Греем (Неизд 1986. С. 236).

9 января (н. ст.) 1908 г. Гумилев писал В.Я.Брюсову, давая согласие на публикацию ст-ния в «Весах»: «Я очень рад, что Вам понравилась "Волшебная скрипка"» (ЛН. С. 463). В 1911 г. В. Львов-Рогачевский указывал на реминисцентный характер с-ния, причем в резко негативном плане: «У безглазой музы поэта хорошая память... Слова "Волшебной скрипки" "литься, виться" взяты у К.Бальмонта из его прекрасного перевода стихотворения Эдгара По "Колокольчики и колокола"» (Современный мир. 1911. № 5. С. 314). Возможно, учитывая это, в 1918 г. Гумилев указал на подлинный источник ст-ния, посвятив «Волшебную скрипку» Брюсову. О связи ст-ния с брюсовской традицией писал в дальнейшем Ю.Верховский: «За живописью и скульптурой в поэзии Т.Готье, за бесстрастием Леконт де Лиля и парнасизмом — Валерий Брюсов. Последней его книгой, вышедшей тогда, незадолго до "Жемчугов", была "Все напевы", открывающаяся одой "Поэту" <...> Готье, Леконт де Лиль как бы остаются по одну сторону раздельной черты. И пойди наш

[1] Дата, по всей вероятности, ошибочна.

поэт за ними, он, может быть, остался бы только учеником-подмастерьем этих мастеров. Спасет одно — талант. И "магизм" поэзии Брюсова уже захватил тогда Гумилева. "Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка, / Что такое темный ужас начинателя игры", — говорит он во вступительном стихотворении "Жемчугов"» (Верховский. С. 116). С.Маковский восхищался последними стихами этого ст-ния, «написанного уже в предвидении смерти, восьмистопного хорея (с женской цензурой после четвертой стопы)», замечая, что «так не только писалось ему смолоду, так он хотел жить! Но в жизни, на самом деле, мечтал не разрушать, а творить, совершенствовать свое искусство и учить, покорять, вызывать к себе поклонение» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 81). «...Здесь мы видим подлинно гумилевское, — пишет Л.А. Смирнова, — поиск страны счастья даже за чертой бытия... Творчество — тоже вид самосожжения: <цит. ст. 23—24>» (Изб(М). С. 17). Развернутую трактовку ст-ния дал В.Полушин: «Оно — ключевое в понимании всего его (Гумилева. — *Ред.*) творчества. Не случайно он им так дорожил, что согласился изъять из печатающегося сборника (РЦ. — *Ред.*), лишь бы оно прозвучало сначала со страниц такого авторитетного журнала, как "Весы". В стихотворении речь идет о глубинном значении искусства: <цит. ст. 1—4>. Эти слова обращены явно к самому себе. В образе скрипки выступает поэзия, которая является одновременно и высшим блаженством и смертельным заклятьем. Ведь для нее — вся его жизнь. В марте этого же года он напишет, что все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов, повторив для себя с восторгом эти слова Брюсова. Может быть, поэтому так трагически-возвышенно звучат следующие строки "Волшебной скрипки": <цит. ст. 5—8> ... В "Волшебной скрипке" поэт утверждает свое право творить: < цит. ст. 9—16, 21—24>. Гумилев именно так и прожил жизнь, и погиб смертью своего скрипача; даже в камере перед расстрелом он писал стихи. К волкам и волшебной лютне обратился Гумилев в драме "Гондла", на волшебной скрипке будет играть поэт Гафиз, обладающий чудодейственной силой — в пьесе "Дитя Аллаха". Этим стихотворением Гумилев раз и навсегда решает извечный вопрос: искусство для жизни, или жизнь для искусства» (ЗС, с. 11—12). Как отметил Ю.В.Зобнин, «Гумилев выявил антиномию: искусство гибельно, ибо ежесекундно обманывает художника, предлагая ему адские миражи вместо страстно желаемой истины; искусство благодатно, ибо ежесекундно побуждает художника, отказываясь от заблуждений, искать путь к истине» (Зобнин Ю.В. «Заблудившийся трамвай» Н.С.Гумилева: к проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста // Русская лит-ра. 1993. № 4. С. 181—182). В статье Ю.В.Зобнина отмечаются также авторские реминисценции, связанные с данным ст-нием, в «Заблудившемся трамвае». «...Чудо искусства не доставляет чистой радости в нашем падшем мире, — писала И.Делич. — Его "Волшебная скрипка"... может сдерживать "волков" Немезиды лишь в течение короткого времени. Земная реальность всегда несовершенна и, возможно, это наиболее очевидно в сфере любви, где высокие чувства смешаны с "низкой страстью"» (История... С. 496).

90. РЦ 1908.

СС I - - Ст(Пол) - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб 1997; Русский сонет. Сонеты рус. поэтов нач. XX в. и сов. поэтов. М., 1987 - - Сонет серебряного века. М., 1990 - - ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 26 ноября (н. ст.) 1907 г.[1] (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 51 об.).

Дат.: 2 декабря (н. ст.) 1907 — по дате, реконструированной М.Баскером и Ш.Греем (Неизд 1986. С. 236).

Процитировав первое четверостишие, А.Левинсон отмечал: «Первая же из приведенных строк — отрывистая и мрачно-героичная — радость читателя прелестью возникшего воспоминания, и внезапно всплывает в памяти незабвенный стих Гюго:

O, combien de marins, combien de capitaines...
(О, сколько моряков и сколько капитанов...)

Второй стих отрывка, отнюдь не заимствованный, — как не подражателен, строго говоря, и первый, — фатальным образом воскрешает исступленную красоту "Опьяненного корабля" Рембо...

Не будем ставить подобных импульсов от чужого гения (а может быть и совпадения с ним в аналогичной ритмической фигуре) в упрек нашему поэту: слишком характерно это явление для всей нашей современной поэзии» (Современный мир. 1909. № 7. С. 189—190).

91. Раннее утро, 16 декабря 1907, без загл. - - РЦ 1908, без загл. - - Ж 1910, без загл., с вар. — **РЦ 1918.**

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - ЧК - - Ст(Яр) - - Круг чтения (ред. 1908) - - Изб(XX век) - - ВБП; ЛН.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 7 декабря (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 47 об). В тексте имеются две пометы Брюсова: сверху — «Раннее утро», внизу «Н.Г-в». Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 7 декабря (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

«"Следом за Синдбадом-мореходом" — мало успешное покушение на завоевание царства Шахерезады», — писал А.Левинсон (Современный мир. 1909. № 7. С. 190). Домбр-Потоцкий отмечает противопоставление лирического ге-

---

[1] Дата, по всей вероятности, ошибочна.

роя Гумилева и путешественника из «Тысячи и одной ночи». Это противопоставление обнаруживает несостоятельность лирического героя, пытающегося подражать Синдбаду. (Dombre-Potocki. L'Exotique et le merveilleux dans la poésie de Gumilev. Paris-Nanterre, 1971. P. 132. Неопубл. доктор. дисс.).

Ст. 9—10. — Возможно, речь идет о Фениксе, который в персидской мифологии выступал как птица Рух. Тело Феникса покрыто глянцевыми багряными перьями, а хвост состоит из синих и красных перьев. В ст-нии речь идет об известном эпизоде с разрушением гнезда птицы Рух спутниками Синдбада («Тысяча и одна ночь»).

92. РЦ 1908, без загл. - - **РЦ 1918.**

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Круг чтения, (ред. 1908) - - Престол - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф 1 без загл. в письме Брюсову от 7 декабря (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 47). В 18 ст. вместо «знакомо» ранее было «знакомым». Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 7 декабря (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

В 1908 г. это ст-ние было выделено как произведение «об интересной принцессе у рабочего» (Образование. 1908. № 7. С. 79). Ю.Верховского оно привлекло «высказыванием душевно-человеческого» (Верховский. С. 103). Свою интерпретацию ст-нию дал Ю.Айхенвальд, для которого оно было подтверждением «аристократического» взгляда на мир, свойственного Гумилеву: «...Аристократизм предполагает дорогую простоту, своими глубокими корнями уходит как раз в нее, и это мы тоже видим у Гумилева, у того, кто рассказывает нам про заблудившуюся юную принцессу, которая почувствовала себя дома только в избушке рабочего. При этом необходимо отметить, что подняться на высоту простоты нашему писателю было нелегко, так как изысканную душу его не однажды задевала опасность снобизма» (Айхенвальд Ю. Гумилев // Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 40). «Особенность этого ст-ния в "смешении" <Гумилевым — ред.> прозаических подробностей с элементами возвышенной поэтической речи» (Dombre-Potocki N., L'Exotique et le merveilleux dans la poésie de Goumilev. Paris-Nanterre,1971. P. 111. Неопубл. докт. дисс.).

93. РЦ 1908, как второе ст-ние цикла «Озеро Чад», с подзаг. «Барабанный бой племени Бурну», с вар. - - Ж 1910, также - - **РЦ 1918.**

Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП,

ред. 1908 - - ОС 1989 - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - ОС 1991, ред. 1908 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения (ред. 1908) - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Ст 1995 - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф 1 без загл. с доп. строфой в письме Брюсову от 7 декабря (н. ст.) 1907 г. (РГБ, ф. 386, К. 84, ед. хр. 18, л. 46 об.). В ст. 9 «...нет сомненья» со строчной буквы. Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 7 декабря (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

Е.Сампсон обращает внимание на неканоническое чередование рифм в строфике этого ст-ния (ААБВАВ) (Sampson E.D. Studies in the Poetic Technique of Nilolaj Gumilev. Harvard. 1968. P. 309. Неопубл. докт. дисс.).

В мифологии хадзапи (Африка) верховное божество Ишоко в носорогов обратил колдунов. Ст. 9 — 15 — ср.: Душен воздух вольных прерий (...) / И в палящей атмосфере / Чуют птицы, чуют звери / Приближенье дальней бури / Чу! Как будто смутный топот! / Что нам бури! Что нам грозы! / (В.Я.Брюсов «Ожидание»).

94. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - Русский путь - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф в письме к Брюсову от 7 декабря (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 46). В ст. 5 вместо «проклинал» ранее было: «прошептал». В ст. 13 вместо «И он кричал» ранее было: «И все кричал». В ст. 16 «солнце» со строчной буквы. В ст. 17 вместо «плывет» ранее было: «бредет». В ст. 26 вместо «купы» ранее было: «кущи». В ст. 27 вместо «строго-внятно» ранее было: «строго-все ж». В ст. 34 вместо «Из ней» ранее было: «По ней».

Дат.: 7 декабря (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову.

95. РЦ 1908, без загл., как третье ст-ние цикла «Озеро Чад», друг. ред. - - Ж 1910, также - - **РЦ 1918**. Автограф первонач. ред. приложен к письму Брюсову, с указанием, что это третье из «серии» «на африканские мотивы» (предыдущие два: «Жираф» и «Носорог» были посланы в октябре 1907 г.).

Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 Изб(М) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) ОС 1991, ред. 1908 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред. 1908 - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП; Серебряный век русской поэзии - - ЛН - - Лазаренко.

Автограф 1 первонач. ред. в письме Брюсову до 16 декабря (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 55—55 об.). Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: Первая половина декабря 1907 — по датировке М.Баскера и Ш.Греем (Неизд 1986. С. 108, 237).

«Все чары африканки пропитаны трагедией, — писал об этом ст-нии И.Ф. Анненский. — Н.Гумилев не прочь бы сохранить за песнями об этой даме... всю силу экзотической иронии, но голос на этот раз немножко изменил Анархасису XX века, ему хочется плакать» (Речь. 15 декабря 1908 (№ 308). Подп.: И.А.).

Озеро Чад — большое озеро, находящееся ныне на территории трех африканских государств — Нигера, Нигерии и Чада. В эпоху Гумилева находилось на территории Судана. Среди биографов и исследователей творчества Гумилева, равно как и среди его читателей, «озеро Чад» превратилось в своеобразную «мифологему», что заставило А.Давидсона предостеречь от излишней доверчивости тех, кто пытается строить на материале этого ст-ния реальные биографические сводки: «Озеро Чад — две с половиной тысячи километров от Каира. Туда и сейчас-то без самолета попробуй доберись — по безводной Сахаре» (Давидсон А. Муза Дальних Странствий Николая Гумилева. М., 1992. С. 41). Ст. 3. — Фелука — испанское легкое судно, большая лодка. Ст. 8. — Эбеновый — т.е. подобный эбеновому (черному) дереву. Ст. 28. — Берберийский конь — одна из наиболее ценимых в Африке пород лошадей: (Берберия — область северо-западной Африки).

96. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - Русский путь - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 16 декабря (н. ст.) 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 49 об.).

Дат.: до 16 декабря (н. ст.) 1907 — по дате письма к Брюсову, где указывается, что стихотворение «старое», но «заново переписанное» (Неизд 1980. С. 29).

Ст. 7. — О символике вороны см. коммент. к № 69. Ст. 10. — О восприятии жизни и смерти философами-герметиками см. коммент. к № 22. Ст. 23—24 — полемичны по отношению к евангелию Марка: «И они (апостолы. — *Ред.*), отпустивши народ, взяли Его с собою, как Он был в лодке; с Ним были и другие лодки. И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнилась водою, а Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели тебе нужды нет, что мы погибаем? И встав Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина» (Марк IV, 36—39). О наядах см. коммент. № 85.

97. РЦ 1918.

Изб 1943 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - ШЧ - - СС(Р-т)I - - Соч I - - СПП - -

Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; «Студенческий меридиан» (Целиноград), 1967, № 25(42) опеч.

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: Конец декабря 1907 — начало января 1908 — по датировке В.К.Лукницкой (СП(Тб). С. 475).

«"Игры" открыли в конкретной сцене кровавых развлечений сущность порочной "цивилизации", а в противовес ей — тайну природной гармонии», — писала Л.А.Смирнова (Изб(М). С. 15).

Ст. 1. — Консул — в Древнем Риме титул выборного высшего должностного лица. Ст. 10. — Алеманны — германское племя, прорвавшее в 276 г. границу Римской империи между Рейном и Дунаем.

98. РЦ 1908.

СС I - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб 1997; Душа любви - - ЛН.

Автограф в письме Брюсову до 22 декабря 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 53).

Дат.: До 22 декабря 1907 — по штемпелю московской экспедиции городской почты на конверте письма к Брюсову.

«Чрезвычайно внутренне-существенным должно бы было быть и отдельно стоящее стихотворение "Одиноко-незрячее солнце смотрело на страны...", — писал Ю.Верховский. — Им многозначительно и веско заканчивалась книга в первом издании. Оно закрепляло три момента:

...Были сумерки мира.
...Был испуг ожиданья.
...Это было спасенье.

И спасенье в образе девушки, которой сочетания планет назначили имя: "Страданье"» (Верховский. С. 102). В том, что данное ст-ние исключено из РЦ в Ж 1910, Ю.Верховский видел «момент целого мироощущения художника в данном периоде выработки» и объяснял специфику этого мироощущения, обращаясь к ст-нию Ф.И.Тютчева «Silentium». На примере строк этого стихотворения:

Взошла тонкая девушка, нежная в сннем сиянье
И серебряным плугом упорно изрезала новь
Сочетанье планет ей назначило имя: Страданье

Л.И.Василевская демонстрирует «очень зыбкую грань между именованием и классификацией у раннего Гумилева, где в основу их совмещения полагается статуальная модель. То же усматривается и в "Балладе":

Люцифер подарил мне шестого коня —
И отчаянье было названье ему».

(Василевская Л.И. О приемах коммуникативной организации ранней лирики Н.Гумилева // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. № 1. С. 51.

99. При жизни не публиковалось. **Печ. по авторафу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф в письме Брюсову до 22 декабря 1907 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 18. Л. 53 об.). В ст. 24 «люблю» без восклицательного знака.

Дат.: До 22 декабря 1907 — см. коммент. к № 97.

Renvoi (франц.) — отсылка в книге, возвращение к чему-либо. Ст. 2. — Перья птиц считались в символической философии эмблемами божественности и смелости; багряный цвет оперения характерен для изображения феникса — символа бессмертия человеческой души (см.: коммент. к № 91). Ст. 5 — см. коммент. к №№ 36 и 65. Ст. 13—16. — В данном контексте «легионы чудовищ» соотносятся с «нибелунговскими» мотивами (см. коммент. к № 14).

1908

100. РЦ 1908, с загл. — посвящ.: «Японской артистке Сада-Якко, которую я видел в Париже», как вторая часть общего ст-ния, начинающегося строкой «Мы не ведаем распрей народов, повелительных ссор государей...», с незнач. вар. - - Ж 1910, также - - **РЦ 1918.**

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1908 - - СтПРП, ред. 1908 - - Изб(М) - - СС(Р-т)I - - Ст(М), опубл. втор. часть стих. ред. 1908, без поясн. - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1908 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1908 - - Ст(Яр) - - Круг чтения, ред. 1908, (непр. оформ. строфика) - - Престол - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ВБП - - МП.

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: До конца января 1908 — по времени выхода в свет РЦ 1908 (см. Соч III. С. 355—356).

Сада-Якко (1872—1946) — драматическая актриса. С труппой мужа, известного актера Отодзиро Каваками, гастролировала в европейских странах (в т. ч. и в России) и в США. Гумилев посещал ее спектакли вместе с М.Фармаковским в декабре 1907 г., был у нее с визитом. Как утверждает Е.Сампсон, Гумилев использовал в строфической композиции этого ст-ния достаточно редкую для русской поэзии форму рифмовки (ААБВВБВГГ) (Sampson E.D. Studies

in the Poetic Technique of Nokolaj Gumilev. Harvard, 1968. P. 303. Неопубл. докт. дисс.). Ст. 9. — Бомбоньерка — изящная коробочка для конфет. Ст. 15. — Жуки золотые — образное обозначение иероглифов.

101. Ж 1910 - - **РЦ 1918**.

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - Сп(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - Русский путь - - Изб 1997 - - ВБП; Русская поэзия серебряного века - - ЛН - - Гольдштейн; Голос Родины.

Автограф 1 в письме Брюсову от 22 января (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 8 об.). В ст. 3 «Здесь будет город!» с восклицательным знаком. Автограф 2 в альбоме В.И. Анненского-Кривича, запись от 24 мая 1908 (РГАЛИ. Ф. 5. Оп. I. № 111. Л. 51). Автограф 3 — архив Лозинского.

Дат.: 22 января (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

Н.А.Богомолов указывал на перекличку с «Медным всадником», содержащуюся в ст. 3: «ср. вступление к поэме А.С.Пушкина "Медный всадник"» (в таком случае Рим отождествляется с Петербургом; подробнее см.: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. М., 1982). Город как солнце — возможно, отголосок названия книги Т.Кампанеллы «Город Солнца» (Соч I. С. 492). Последняя строка первого катрена в контексте «римской темы» позволяет отечественным исследователям расширить хронологические рамки и довести ее до эпохи Возрождения, которое, нередко, в их интерпретации связывается в первую очередь с именем создателя коммунистической утопии Т.Кампанеллой и его книгой «Город Солнца» (русский пер. 1906 г.), построенной, кстати, в форме рассказа мореплавателя (что созвучно тематике творчества раннего Гумилева). В контексте событий первой русской революции рассматривает это ст-ние и Н.П.Комолова (см. ее статью «Италия» Ахматовой и Гумилева // Россия и Италия. М., 1993. С. 252). Против последней версии выступал Л.Н.Гумилев, который оставил пояснения к экземпляру БП, принадлежащему М.Д.Эльзону: «Не аллюзия. Не читал Кампанеллу».

Ст. 1. — Ромул и Рем — мифические основатели Рима, братья, рожденные весталкой Реей Сильвией от бога войны Марса. По одной из версий — сыновья или внуки Энея, троянского героя, спасшегося после разгрома Трои. Во время спора о неприступности будущего города Рем, издеваясь над братом, перепрыгнул через камни, намечавшие крепостные стены, и был убит Ромулом. Ромул 35 лет был правителем и законодателем основанного им государства. Ст. 11—12 — намек на будущую кровавую развязку закладки Рима; помимо того, почитание умерших предков было характерной чертой верований римлян.

102. РЦ 1918.

СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СС(Р-т) I - - Соч I - - СПП - - Изб(XX век) - - Русский путь (ред. 1908) - - ВБП; ЛН.

Автограф 1 первонач. ред. в письме Брюсову от 22 января (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 8 об.). Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 22 января (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

Марк Манлий Капитолийский — римский полководец, спасший, согласно преданию (разбуженный криками гусей), Капитолий во время нападения галлов на Рим в 387 г. до н. э. В 384 г. до н. э. был казнен патрициями за то, что выступил в защиту плебса, к которому первоначально принадлежал сам. Ст. 4. — Тарпейская скала — место казни в Древнем Риме. Ст. 11. — Гай Марий (ок. 157—88 гг. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель; в целях достижения власти присоединился к движению плебса (впоследствии изменил ему и возглавил его подавление). Возможно, введение этого ст-ния (в измененном виде) в РЦ 1918 было продиктовано политическими мотивами.

103. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд. 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СП(Феникс) - - Соч I - - Изб 1997 - -.ВБП - - МП; Душа любви.

Автограф в письме Брюсову от 22 января (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 9).

Дат.: 22 января (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

Ст. 3—4. — Имеется в виду жена Одиссея Пенелопа, которую, во время отсутствия Одиссея, принуждали к замужеству многочисленные знатные юноши Итаки. Ст. 5—8. — Для того, чтобы сохранить верность мужу, Пенелопа пошла на хитрость, объявив, что выйдет замуж лишь тогда, когда будет готов изготовляемый ею ковер. Днем она ткала, а ночью распускала сотканное полотно. Ст. 14. — Одиссей — персонаж «Илиады» и «Одиссеи» — был одним из тех героев, которые из чрева Троянского коня первыми ворвались в цитадель Трои Пергам. Вернувшись после длительных скитаний на Итаку, Одиссей поразил стрелами в пиршественном зале женихов Пенелопы.

104. «Весна». 1908. № 7, с подзаг. «Бретонская легенда», без посвящ., с вар. - - Ж 1910 - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I, без посвящ., ред. 1910 - - СС I - - Ст 1988 — СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) -

- Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Душа любви - - ЛН.

Автограф без посвящ. в письме Брюсову от 7 февраля (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 13—13 об.). Ст. 4 «Не думай, то не светляки» без восклицательного знака.

Дат.: 7 февраля (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

Гумилев считал это ст-ние своей творческой удачей — см.: ЛН. С. 467. В экземпляре Ж 1910 из собрания А.Н.Кирпичникова имеется помета Гумилева — «Из Жорж Занд». Н.А.Богомолов предположил, что источником ст-ния послужила сказка Ж.Санд «Великан Иеус» (Соч I. С. 498). Это оспорил С.Л.Слободнюк (см.: Слободнюк. С. 168).

Гумилева Анна Ивановна (урожденная Львова, 1854—1942) — мать Гумилева. Ст. 1—5. — Культ камня идет от архаических времен и встречается в древних верованиях многих народов. Камень символизирует природную творческую, порождающую мощь, связанную с культом огня, который добывается ударами камня о камень. Поклонение камням было распространено, в частности, в мистериях кельтских друидов: к этому же мифологическому гнезду примыкают бретонские сказания о корригантах, корниканедах, корилах, пульпиканах — сверхъестественных существах, превращающихся в различные материальные формы. В германо-скандинавской мифологии в камни превращались при первых лучах солнца злые ночные духи — карлики-цверги, жившие, подобно червям, в земле и камнях. Ст. 6. — Сибиллы (сивиллы) — в греческой мифологии прорицательницы, предсказательницы будущего, чаще всего, бедственного.

105. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - ВБП - - МП; Душа любви - - ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 7 февраля (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 15).

Дат.: 7 февраля (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

И.Г.Кравцова назвала балладу Э.По «Червь-победитель» как вероятный источник образа «больной земли» в ст-нии Гумилева (см.: Н.Гумилев и русский Парнас, с. 56).

Ст. 21—28 — ср. со ст-нием Ф.И.Тютчева «Последний катаклизм»: «Когда пробьет последний час природы, / Состав частей разрушится земных: / Все зримое опять покроют воды, / И Божий лик изобразится в них!»

106. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 2.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Соч I - - СПП - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП; ЛН.

Автограф 1 в письме Брюсову от 7 февраля (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 15 об.). Автограф 2 в архиве газеты «Речь» (РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2950. Л. 2).

Дат.: 7 февраля (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

107. Альманах 17. СПб., 1909, как второе из трех ст-ний под общим загл. «Из цикла "Жизнь веков"» - - Ж 1910 — **Ж 1918.**

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(ХХ век) - - ЧН 1995 - - ВБП; ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 23 февраля (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 17). В ст. 2—4, 7, 11 нет выделения слов заглавными буквами, в ст. 16 «Феникс» с заглавной буквы, «андрогин» со строчной.

Дат.: 23 февраля (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

С этим ст-нием связан эпизод из биографии Гумилева. В начале 1907 г. Гумилев сделал попытку знакомства с Д.С.Мережковским и З.Н.Гиппиус, но был жестоко высмеян ими (см. его письмо к Брюсову от 8 января (н. ст.) 1907 г. — ЛН. С. 426). Однако в начале марта 1908 г. он взял «реванш» за это унижение: «Не могу Вам не признаться в недавней мальчишеской шутке, — писал он Брюсову 6 апреля (н. ст.) 1908 г., — я познакомился с одной барышней, m-lle Богдановой, которая бывает у Бальмонтов и у Мережковских и однажды в Café d'Harcourt она придумала отнести мое стихотворение "Андрогин" для отзыва З.Н.Гиппиус, не говоря ни моего имени, ни моих литературных заслуг. Стихотворение понравилось, было возвращено с надписью "очень хорошо" и даже Мережковский отнесся к нему благосклонно. M-lle Богданову расспрашивали об авторе и просили его привести, но конечно ей не удастся это сделать» (Неизд 1980. С. 43—44). В другом письме Гумилев просит Брюсова непременно напечатать «Андрогина» в «Весах»: «...Я посылаю его Вам и был бы в восторге, если бы его можно было напечатать в "Весах": я его очень люблю» (Неизд 1980. С. 48). Л.Е.Аренс утверждала, что ст-ние посвящено ей (см.: Лит. обозрение. 1989. № 6. С. 89). С.Л.Козлов указывает, что «любовь к серафетическому андрогину — любовь Гумилева к Ахматовой <...> — это любовь поэта и любовь к поэту, то есть несчастная любовь par exellence» (Козлов С.Л. Любовь к андрогину: Блок — Ахматова — Гумилев // Тыняновский сборник: Пятые тыняновские чтения. Рига-Москва, 1994. С.168). Источником «андрогинного кода» в творчестве указанных поэтов С.Л.Козлов считал повесть О.Бальзака «Серафита» (1835). «Мотив трансцедентности имеет важное значение в поэзии Гумилева, — писала И.Делич. — Сперва он появляется в ницшеанской ауре, но оккультизм также играет свою роль, как

в “Андрогине” (1910). В этом ст-нии от мистического брака, лишенного низменных желаний, появляется на свет немыслимое дивное Бог-существо» (История... С.498).

В греческой космогонии (у орфиков) Андрогин являлся порождением Хаоса и Эфира и был неким муже-женским началом, являвшимся началом всех вещей. В тайных герметических учениях Андрогин был воплощением божественной полноты в человеческом существе, бого-человеком. Платон приводил свою трактовку мифа об Андрогине как о совершенном существе, поделенном на мужское и женское начала Зевсом, убоявшемся могущества Андрогина. В мифологиях других народов присутствуют схожие мотивы; в мистической традиции иудаизма андрогинной природой обладает Адам Кадмон (первочеловек); отголоски их имеются и в христианстве, в спорах о природе Иисуса (см. об этом: Мережковский Д.С. Атлантида-Европа. М., 1992. С. 256—273). Ст. 5—8. — В мистических доктринах бытовало учение, что «человеческая душа была разделена на две части (мужскую и женскую) и что человек остается несовершенным созданием, пока эти части не соединятся через эмоции, которые человек называет любовью. Из этой доктрины выросла чрезвычайно эксплуатируемая концепция о “родственных душах”, которые должны продолжать поиски целые века, пока не найдут дополняющую их часть разделенной души» (Холл. С. 461). Ст. 16. — В Мистериях было принято называть инициированных фениксами, или людьми, которые родились вновь. В данном случае символ феникса является для означения души, воссоединенной в своей (андрогинной) полноте.

108. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб), как первое ст-ние цикла «Поэту» - - СП(Тб)2, как первое ст-ние цикла «Поэту» - - БП - - СП(Феникс) - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Душа любви - - ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 23 февраля 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 17 об.).

Дат.: 23 февраля (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

В письме к Брюсову от 23 февраля (н. ст.) 1908 г. Гумилев писал, что это ст-ние — «обращение к себе самому: в нем я высказываю кое-что пришедшее мне в голову относительно конструкции стиха. Так что взгляните на него скорее как на рассуждение, чем как на стихотворение» (ЛН. С. 469). Г.М.Фридлендер дал следующее подробное толкование: «Форма приведенного стихотворения в значительной мере носит характер подражания поэтическим манифестам Брюсова. В то же время в нем уже достаточно отчетливо звучит один из основных мотивов, положенных Гумилевым в основу доктрины будущего акмеизма (которому предстояло родиться через пять лет) — отверждение зыбкости и “певучести” стиха символистов, противопоставление им “упругости” и “строгости” по-

этической речи, утверждение связи между красотой, свойственной поэзии, и красотой земной жизни, ощущение сопричастности поэта кругу ее явлений <...> Но еще важнее и характернее для Гумилева поэта и критика его убеждение уже в раннюю пору в том, что поэзия — "богиня, а не танцовщица"; служение ей требует от вышедшего на ее "священные тропы" чувства глубокого внутреннего достоинства, ощущения "уверенности" в своих силах, способности свободно ими распоряжаться в соответствии со "строгими" внутренними законами поэзии, которые вытекают из самого ее существа и неподвластны мелкому человеческому своеволию. Так уже в этом раннем стихотворении Гумилева соединяются идеи, пожалуй, наиболее характерные для всей его критической деятельности» (ПРП 1990. С. 17).

Ст. 13—16. — Возможно, помимо ориентации на стихотворные манифесты Брюсова, здесь имеется и связь со ст-нием А.С.Пушкина «Поэту», ср.: «Всех строже оценить умеешь ты свой труд. / Ты им доволен ли, взыскательный художник? / Доволен? Так пускай толпа его бранит / И плюет на алтарь, где твой огонь горит, / И в детской резвости колеблет твой треножник.»

109. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб), как второе ст-ние цикла «Поэту» - - СП(Тб)2, как второе ст-ние цикла «Поэту» - - БП - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - Престол - - ВБП - - МП; Душа любви - - ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 23 февраля (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 17 об.).

Дат.: 23 февраля (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

В письме к Брюсову от 23 февраля (н. ст.) 1908 г. Гумилев писал, что это ст-ние считает «пустяком», «но его захвалили, и, может быть, оно понравится и Вам» (ЛН. С. 469). По мнению Н.Богомолова, это ст-ние развивает тему баллады Брюсова «Раб». (Соч I. С .553).

110. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Соч I - - СП(Ир) - - ВБП - - МП; Душа любви - - ЛН.

Автограф в письме Брюсову от 7 марта (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 19). Между строфами 2 и 3 нет пробела.

Дат.: 7 марта (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

«Стихотворение я написал, но очень слабое, — писал Гумилев В.Я.Брюсову 7 марта (н. ст.) 1908 г., — и если бы не привычка и не новая для меня форма, ни за что бы не послал его Вам» (ЛН. С. 471).

Ст. 5—8. — «Посвящение в Друидические мистерии во время полночной церемонии достигалось через стеклянную лодку, называемую Cwiwg Cwydrin. Эта

лодка символизирует луну, которая, проплывая сквозь воды вечности, защищает семена живых созданий внутри лодкообразного полумесяца» (Холл. С. 51).

111. Весы. 1908. № 6, с вар. - - Ж 1910. - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Душа любви.

Автограф был приложен к письму Брюсову от 25 марта (н. ст.) 1908 г. Местонахождение автографа неизвестно.

Дат.: 25 марта (н. ст.) 1908 — по упоминанию в письме к Брюсову от 25 марта 1908: «...позволю себе обратить Ваше внимание на... сегодняшнее "Одержимый"» (ЛН. С. 473).

По данным П.Н.Лукницкого — ст-ние посвящено А.Ахматовой (СП(Тб). С. 476). Л.Н.Войтоловский отмечал: «...Надо отдать справедливость Гумилеву: он очень внимательный читатель всех поэтов и никогда не упустит случая позаимствовать. У одного он берет сравнение: "Луна плывет как круглый щит...", повторяя, таким образом, известную строфу из тургеневской "Песни торжествующей любви":

Месяц встал, как круглый щит...» (Киевская мысль. 1910. 11 июля.) «Ощутимы в "Жемчугах" и трагические мотивы, — пишет Л.А.Смирнова, — неведомых врагов, "чудовищного горя". Такова власть бесславного окружающего» (Изб(М). С. 17). С.Л.Слободнюк полагает, что в этом ст-нии задается общий для всей лирики Ж 1910 образ лирического героя: «...Выступает он в разных лицах, в разных временных пластах, меняя маски, подобно своему творцу: воин, путешественник, любовник <цит. ст. 29—32>» (Слободнюк. С. 41).

Ст. 1—2 — ср. с «лунными» образами у Бальмонта:

Еще, и вот — она, как рдяный щит,
Как полнота пылающего шара,
К болотам, к топям, вниз, спешит, спешит,
Горит за лесом заревом пожара.
(«Восхваление луны»)

Я шел безбрежными пустынями,
И видел бледную Луну,
Она плыла морями синими...
(«Влияние луны»)

Ср. также со ст-нием Блока «На перекрестке...»:

На западе, рдея от холода,
Солнце — как медный шлем воина,
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтам,
К иным временам.

Ст. 25—28 — ср.:

Но шла ты год за годом, мимо,
Недостижимой, неземной,
Ни разу ты, неумолимой,
Как Рок не стала предо мной!
(В.Я.Брюсов «La belle Dame sans Merci»).

Ст. 30. — Вероятно, речь идет о болотных нимфах (лимнадах), которые могут насылать на человека безумие, приобщая его к тайным силам природы.

112. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**
Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - ВБП - - МП; ЛН; Родник 1988.

Автограф был послан Брюсову в письме от 6 апреля (н. ст.) 1908 г., находится в архиве газеты «Речь» (РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2950. Л. 1).

Дат.: 6 апреля (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

В письме к Брюсову Гумилев снабдил это ст-ние автокомментарием: «Несколько слов об Анне Комнене... Историки любят выставлять ее идеальной, но многие факты заставляют меня подозревать противное. Вспомните крестоносца Боемонта, помилованного разбойниками. Думаю, я не исказил истины» (ЛН. С. 474). К этому письму прилагается примечание Г.П.Струве: «Анна Комнена, или Комнина (1083—1148) — дочь византийского императора Алексея I. После неудачи своего заговора против брата Иоанна II в пользу мужа, Никифора Вриенния, удалилась в монастырь, где написала “Алексиаду”, исторический эпос, воспевающий ее отца и рисующий события его царствования — произведение, которое считается одним из самых замечательных в средневековой греческой литературе. Боемонт — Боэмонд I (ок. 1056—1111), старший сын Робера Гискара, нормандского покорителя Южной Италии и Сицилии, видный участник Первого крестового похода, выступивший потом против императора Алексея и завоевавший Антиохию, правителем которой он стал. Одно время был в турецком плену. В “Алексиаде” Анны Комнены — один из главных злодеев» (Неизд 1980. С. 180).

Ст. 5—8. — Портрет героини обладает сходством с А.Ахматовой (см.. Тименчик Р.Д. Николай Гумилев // Родник. 1988. № 10).

113. Весы. 1908. № 6. - - Ж 1910 - - **Ж 1918**.

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(ХХ век) - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Гольштейн.

Дат.: До 22 апреля (н. ст.) 1908 — по упоминанию в письме к Брюсову от 22 апреля (н. ст.) 1908 г. (ЛН. С. 476).

С.Л.Слободнюк отмечает в этом ст-нии скрытую полемику с Брюсовым, выстроенную на реминисцентных перекличках со ст-нием Брюсова «Повольник»: «Это не перепев, где разбойник просто подменен рыцарем: Гумилев выдвигает экзотику иного мира <...> альтернативой экзотике Руси: вместо удаления от реальности привычного он предлагает приближение р е а л ь н о с т и н е з н а к о м о г о» (Слободнюк. С. 31).

Ст. 2. — О конквистадоре см. коммент. к № 36.

114. ЖТЛХО 1909/1910, август 1909, № 2, автограф-факсимиле, с вар. - - Ж 1910, с вар. - - **РЦ 1918.**

Ж 1921, ред. 1910 - - Изб 1946 - - СС 1947 I , ред. 1910 - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Ст 1988, ред. 1910 с опеч. - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол), ред. 1910 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(ХХ век) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1910 - - Соч I - - СП(ХХ век) - - Силард 1979 - - СПП — СП(Ир), ред. 1910 - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Изб(ХХ век) - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Силард 1983 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - ЛН; Дружба народов 1986 - - Простор 1986; Голос Родины.

Автограф 1 в письме Брюсову от 22 апреля (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 22 об.). Автограф 2 — архив Лозинского.

Дат.: 22 апреля (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

Перевод на англ. («The Choice») — SW. P. 34.

Ст-ние при жизни Гумилева прошло незамеченным критикой, зато после смерти, проецируясь на судьбу поэта, вызвало жаркие дискуссии. Е.Аничков видел в этом ст-нии первые попытки сформулировать принципы акмеизма: «...Что касается самого Гумилева, новая программа (акмеизма. — *Ред.*) была для него самосознанием. В ней отразилась его поэтическая личность. Ее основная черта — воля:

...несравненное право
Самому выбирать свою смерть»

(Аничков Е. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 109). В 20-е гг. к «Выбору» обращались рапповские критики, трактуя его тоже как программное стихотворение: «Жизнь, разрушение ее старых форм, строительство новых казалось ему (Гумилеву. — *Ред.*) бессмысленным, обреченным... Единственное, что есть в жизни — самому избрать способ своей смерти. Строитель сорвется и погибнет, проклиная свое безумие. Разрушитель будет раздавлен тем же зданием, которое он разрушает. А тот, кто не хочет ни строить, ни разрушать... не получит уединения и уюта, ибо, действительно, нельзя найти ни того, ни другого человеку, пытающемуся в капиталистическом обществе стать «по ту сторону борьбы»» (Ермилов В.В. О поэзии войны // На лит. посту. 1927. № 10. С. 2). Л.Ошанин, публикуя подборку стихов Гумилева в 1986 г. (одна из первых публикаций после «возвращения» поэта советским читателям), во вступительной статье уделил «Выбору» особое внимание: «Отбрасывая для себя слабые вещи и красивости, я нашел и в ранних сборниках пусть одинокие, но замечательные стихи. Таков "Выбор" в "Романтических цветах" (1918. — *Ред.*), где совсем юноша поднимается до беспощадных и глубоких формул <цит. ст. 15—16>» (Простор. 1986. № 12. С. 160). «...В трудах и днях Гумилева <...> высоки притязания и надежды <...> властно-мужествен выбор жребия, ясен удел, непоколебима вера — <цит. ст. 13—16>», — писал В.Смирнов (Ст (XX век). С. 5). Вяч. Вс. Иванов увидел в произведениях Гумилева параллельные творчеству А.А.Блока мотивы «мистического опыта»: «...В одном из самых известных ранних стихотворений Гумилева "Выбор" человек свободен, потому что у него остается

...Несравненное право —
Самому выбнрать свою смерть».

«Своя смерть» — сочетание <...> уходящее корнями в доисторическое прошлое... В современном городе — массовая фабрика смертей, в прошлом умирали индивидуально, сохраняя свое личное достоинство. Это близко и Гумилеву» (СтПРП. С. 11). «Выбор» дан «как общая идея противостояния человека и внешнего мира, таящего в себе угрозу. Смысл в том, что человек знает о ней, знает о возможной гибели, поражении, опасности, но выбирает это противостояние, а не смирение <...> Погибает борющийся — в этом дерзость, высота и самоосуществление духа» (Размахнина В. Серебряный век: Очерки. Красноярск, 1993. С. 79). В интерпретации И.Винокуровой «Выбор» представлен в качестве пророческого «романтического гротеска», который «реализуется в дальнейшем с такой поразительной точностью. Это произойдет уже в самом начале 20-х, когда погибнет "созидающий башню" Блок <...>, когда будет расстрелян по обвинению в контрреволюционном заговоре "разрушающий башню" Гумилев; когда станет очевидно, что нечто подобное ожидает и "ушедшего в ночные пещеры" (Мандельштама)». Автор сравнивает «Выбор» со ст-нием Мандельштама «Век»: «если Гумилев ведет

речь о пассивной и робкой жертве <...>, то у Мандельштама <...> говорится о решительном действии. И если Гумилев сурово предупреждает: "Не спасешься от доли кровавой", то Мандельштам высказывает демонстративное нежелание "спасаться". Напротив, он твердо констатирует неизбежность именно этой, кровавой доли» (Винокурова И. Гумилев и Мандельштам // Вопросы лит-ры. 1994. № 5. С. 298—299). «Бог в поэзии Гумилева как предмет действующий, активный практически отсутствует. Он вынесен за пределы движущейся, постоянно меняющейся вселенной поэта и присутствует в тексте, скорее, как нравственный императив, существующий сам по себе, не исключая художественную реальность <цит. строки: 1—8>» (Слободнюк С.Л. Элементы восточной духовности в поэзии Н.С.Гумилева // Исследования и материалы. С. 181).

Ст. 1. — Одна из карт Тарот — символического кода оккультной философии, — называемая «Небесный огонь», изображает увенчанную короной башню, разрушаемую ударом молнии, исходящей от солнца. С башни срываются две человеческие фигуры, одна спереди, другая сзади. Эта карта символизирует падение человека в плотский мир, разрушение его духовной крепости. Ст. 3 — ср.: «Куда ушло время? Не погрузился ли я в глубокие колодцы? Мир спит... Вот я уже умер» (Ницше Ф. «Так говорил Заратустра». Гл. «Пьяная песнь»). Ст. 9 — ср.: «Укрываюсь в ночные пещеры / И не помню суровых чудес» (А.Блок. «Разгораются тайные знаки...»).

115. ЖТЛХО. 1908/1909. Январь 1909. № 5.

СС III - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СС(Р-т) III - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - Русский путь (ред. 1908, ЖТЛХО) - - ВБП - - МП; Душа любви - - ЛН.

Автограф первонач. варианта в письме Брюсову от 22 апреля (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 23).

Дат.: 22 апреля (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

Ст. 21—24. — Речь идет об истории трагической любви бога Пана к нимфе Сиринге: устрашась страшного вида козлоногого Пана, Сиринга превратилась в тростник, из которого, в память о ней, Пан сделал свирель. Пан выступал как «все объединяющее», «сглаживающее противоречия» хтоническое божество в античной философии; во время летнего полдня, когда леса и поля замирают, Пан может насылать беспричинный («панический») ужас и безумие на людей.

116. «Речь». 1908. 21 июня (№ 8), с вар. - - Ж 1910. - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - СП(Волг) - - Сп(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - -

Изб 1997 - - ВБП - - МП; Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - ЛН - - Акаткин; Дружба народов 1986.

Автограф в письме Брюсову от 22 апреля (н. ст.) 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 23 об.).

Дат.: 22 апреля (н. ст.) 1908 — по дате письма к Брюсову.

Указав, что одной из главных черт поэтической натуры Гумилева является «поиск счастья», Л.А.Смирнова выявляла связанные с этим антиномии: «Чем мрачнее впечатления, те упорнее тяготение к свету. Лирический герой стремится к предельно сильным испытаниям: "Я еще один раз отпылаю упоительной жизнью огня"» (Изб(М). С. 17). Считая это ст-ние полемичным по отношению к ницшевской проповеди жертвенности, С.Л.Слободнюк писал: «Герой "Завещания" вовсе не стремится "жертвовать себя земле" во имя сверхчеловека; он жаждет огненного погребения, чтобы перед окончательным уходом прожить еще одну жизнь: <цит. ст. 25—28>» (Слободнюк. С. 119).

117. Весна. 1908, май, № 5, с вар. - - Ж 1910. - - **Ж 1918.** *Ж 1921 - - Изб 1943 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(X) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - ВБП - - МП; Трифонов 1962 - - Декадентская лит-ра - - Трифонов 1971 - - Baranski - - Трифонов 1980 - - Rosyjskie kierunki literackie - - Трифонов 1987 - - Серебряный век - - Душа любви - - Глинин - - Гольдштейн - - Акаткин - - Лазаренко; Голос Родины.*

Дат.: Май 1908 — по времени публикации.

Ю.Верховский отмечал это ст-ние как «очень убедительное» среди тех произведений раннего Гумилева, в которых «под миром вещей вскрывается постепенно ощущение бытия во всей его иррациональности» (Верховский. С. 106). «Нам дорога мужественная поступь его зрелого стиха, — писал анонимный автор вступительной статьи к одесскому изданию "Избранных стихов", — смелое разрешение лирического сюжета, и, прежде всего, его постоянный страстный призыв к дерзновенному героизму... Постоянное общение со смертью закаляет воина, радует и манит его своей опасной игрой:

— Смерть пришла, — и предложил ей воин
Поиграть в изломанные кости!»

(Изб 1943. С. 3). По мнению И.Ивлевой, в ст-нии противопоставлены высокий идеал и однообразие современной Гумилеву повседневности. Здесь возникает

тема «прапамяти»: конквистадор, мужественный воин, встретив Смерть, предлагает сыграть ей в «изломанные кости», именно поэтому с точки зрения поэта современный человек перед лицом гибели несчастнее «старого конквистадора», за спиной которого подвиги. (см.: Ивлева И.Д. Мотив «прапамяти» в поэзии Н.Гумилева // Philologia. Рижский филолог. Сб. Вып. I. Рига, 1994. С. 113—114).

Ст. 3. — Кондор — крупная хищная птица, американский гриф. Ст. 9. — Смоковница — дерево семейства тутовых, более известное как инжир; в Америке не росло (распространено в Средиземноморье и в Азии) «...Тень смоковницы высоко ценилась на Востоке, и выражение "сидеть под смоковницей" иносказательно означало мир и благосостояние (III Цар. IV, 25, IV Цар. XVIII, 31, Иоанн. I, 48)» (Библейская энциклопедия. С. 662). Ст. 10. — Кастилья в XI-XV вв. была королевством в центральной части Пиренейского п-ова. Ст. 12. — Пищаль — тяжелое ружье, употреблявшееся в 1-й трети XV в. Мантилья — женская кружевная черная или белая накидка на голову и плечи, часть испанского национального костюма.

118. Ж 1910 - - **Ж 1918**

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(ХХ век) - - Русский путь - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; «Лен. ун-т», 15 апреля 1988.

Дат.: Весна 1908 — по датировке В.К.Лукницкой: «...написано после Парижа 1908 года...»; (СП(Тб). С. 476); Гумилев вернулся из Парижа в конце апреля (Соч III. С. 357).

«Мотивы личной лирики "Жемчугов" — прежде всего — глубоко элегические, — писал Ю.Верховский. — Мирные и тихие представления нашей природы, быта, дома, тех, у кого есть дом — или вызывают печаль одиночества, возле сонной заводи... или заставляют бездомное сердце мучиться...» (Верховский. С. 104—105). С.Л.Слободнюк связывает образ «озера» в творчестве Гумилева со знаком метафизической «глубины» мира (см.: Слободнюк. С. 45—46).

Перевод на английский яз. «A Quiet, Dull Place» // SW. P. 46.

О Н.В.Анненской см. коммент. к № 42.

119. Альманах 17. СПб., 1909, как первое вместе со ст-ниями «Андрогин» и «В пути» под общим загл. «Из цикла "Жизнь веков"», с вар. - - Ж 1910. - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - Изб(Слов)

- - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(ХХ век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Душа любви - - ЛН.

Автограф первонач. вар. под загл. «Царица» в письме Брюсову от 14 июля 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 31). В тексте имеются карандашные пометы Брюсова. Подчеркнуто: в ст. 6 «листья», в ст. 8 — «кисти», в ст. 9 — «в неслыханном блуде», в ст. 12 — «стройных», в ст. 24 — «к восторженной», в ст. 33 — «площадь», в ст. 34 — «преступленья», в ст. 35 — «лошадь», в ст. 36 — «отступленья». Впоследствии, при публикации эти строки были изменены Гумилевым. После текста запись Брюсова: «Слабо».

Дат.: 14 июля 1908 — по дате письма к Брюсову.

Об этом ст-нии Гумилев сообщал в письме к Брюсову: «Я написал его недавно, и кажется, оно уже указывает на некоторую перемену в моих приемах, именно на усиление леконт-де-лилевского элемента» (ЛН. С. 480). Брюсов, отмечая в рецензии на Ж 1910, что будущее Гумилева «явно принадлежит какому-то, еще не найденному, синтезу между "реализмом" и "идеализмом"», подчеркивал: «Этого синтеза Н.Гумилев еще не ищет... Его поэзия живет в мире воображаемом и почти призрачном. <...> И удивительные события совершаются в этом мире среди этих удивительных героев: рыцарь принимает вызов девушки-воина и своим последним стоном приветствует победу врага; царица, при взятии ее города, ставит на людной площади ложе и на нем обнаженной ожидает победителей...» (Среди стихов. С. 319—320). Подробно об истории создания ст-ния см.: Азадовский К.М., Тименчик Р.Д. К биографии Н.С.Гумилева // Русская литература. 1988. № 2. С. 175—177. «Стихотворение Гумилева, еще не свободное от дежурной бутафории и непервосортной риторики, пыталось рассказать<...> о встававшей перед ним теме различия "культурных языков", как мы бы теперь сказали, Запада и Востока (в гумилевском стихотворении — Севера и Юга), равноправия этих голосов и их "диалогического" взаимонепонимания», — пишет Р.Д.Тименчик (Тименчик Р.Д. Николай Гумилев и Восток // Памир. 1987. № 3. С. 124). С.Б.Ильинская увидела в этом ст-ни неожиданное совпадение тематики и проблематики со ст-нием К.-Кавафиса «Ожидание варваров»: «Эпоха, обстоятельства, декорации поражают сходством. Город, блещущий богатством, столь внутренне готов к падению, что приход варваров воспринимается как "какой-то выход". Аналогичными средствами (парнасски точным описанием бьющей в глаза роскоши) поэты стремятся подчеркнуть расхождение между видимостью явлений и их подлинной сущностью <...> У Гумилева развитие сюжета сворачивает в романтическое русло. Варвары, вошедшие в город, отвергли предложение царицы <...> "Огненному" соблазну юга противостояла и одержала верх память о северном пейзаже и северной женской красоте. Галерея мужественных завоевателей из первого сборника Гумилева пополнилась еще одним родственным образом. А у Кавафиса варвары так и "не

прибыли"» (Н.Гумилев и русский Парнас. С. 63). Н.А.Богомолов считал, что в этом ст-нии за «декоративностью просматривается стремление к поискам какого-то нового способа видения мира» (Богомолов Н.А. Читая Гумилева // Изб(XX век). С. 10). Г.Косиков, указывая на близость эстетических позиций Гумилева и Т.Готье, приводил «Варваров» как образчик «парнасского» экзотизма, воспринятого Гумилевым (см.: Косиков Г. Готье и Гумилев // Готье Т. Эмали и камеи: Сборник. М., 1989. С. 313).

Сюжет гумилевской баллады перекликается с сюжетом рассказа Ф.Сологуба «Царица поцелуев». Варварами древние римляне называли европейские народы, говорившие на непонятных им языках, прежде всего — германцев, неоднократно нападавших на римские земли. Ст. 5. — Герольд в средневековой Европе — глашатай, церемонимейстер; распорядитель на торжествах и рыцарских турнирах. Ст. 9. — О дионисийской символике пантеры см. коммент. к № 60.

120. Ж 1910, с вар. - - **Ж 1918**.

Ж 1921, ред. 1910 - - Изб 1946 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - Изб 1959, ред. 1910 - - СС I - - Изб 1986, ред. 1910 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1910 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1910 - - СП(К) — —Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь (ред. 1910) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Ежов-Шамурин 1925 - - Соколов, ред. 1910 - - Ежов-Шамурин 1991 - - Русские поэты серебряного века, ред. 1910 - - Душа любви.

Автограф — архив Лозинского: авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918.

Дат.: Лето 1908 — по датировке В.К.Лукницкой: «Летом, после первой поездки в Слепнево» (Сп(Тб). С. 476); впервые Гумилев побывал в имении Слепнево в июне-августе 1908 г. (Соч III. С. 357).

А.Ахматова полагала, что в ст-нии отразились картины Слепнева, усадьбы родственников Гумилева по материнской линии — Львовых, находившейся в Бежецком уезде Тверской губернии (см.: Ахматова А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 246) Е.Л.Янтарев видел в этом ст-нии неудачную попытку подражать «римфотворчеству» Брюсова (Столичная молва. 1910. 24 мая). «Очень важны и сами по себе, и потому что они опровергают легенду о "нерусскости" Гумилева, его стихи о России... — писал Н.А.Оцуп. — Перечитайте стихи "Старина" из "Жемчугов", где юный поэт с умной и беззлобной иронией отмечает французоманию русских бар, говоря как бы за них "пейзан" вместо "крестьян"» (Изб 1959. С. 26). В ст-нии О.Клинг отмечает влияние Андрея Белого («Заброшенный дом» — из кн. «Золото в лазури», 1904). «У Белого, — пишет О.Клинг, — "полотно с углем нарисованным зайцем" — та же примета забро-

шенного дома. Мотив тоски — и у Белого и у Гумилева <...> Однако наряду с этими и другими реминисценциями <...> Гумилев предстает поэтом, достигшим стилевой гармонии. Гармонии безусловно своеобразной, характерной для художественного видения именно данного поэта: мифологемами из жизни начала XX века, цитатным слоем, романтической иронией, "бутафорностью" <...> созданием собственных мифов и многим другим, что свойственно поэтическому миру Гумилева» (Клинг О. Стилевое становление акмеизма: Н.Гумилев и символизм // Вопр. лит-ры. 1995. № 5. С. 119—120).

Ст. 8. — Пейзане (франц. paysan) — крестьяне; в данном случае имеются в виду картины-пасторали, популярные в XVIII в. Ст. 10. — Дед Гумилева, — Иван Львович Львов (1806—1862), офицер флота, владелец Слепнева.

Ст. 11. — Тетки Гумилева — Варвара Ивановна Лампе (1839—1921) и Агата Ивановна Покровская (1840—1897). Ст. 12. — Контрданс — популярный в XIX в. в Европе бальный танец.

121. Ж 1910 - - **Ж 1918**.

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - Изб 1959, опеч. в загл. - - СС I - - Изб 1986, опеч. в загл. - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(М-В) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - Изб 1997 - - ВБП - - МП.

Дат.: Осень 1908 — по датировке В.К.Лукницкой: «Со слов Ахматовой, Гумилев читал ей в Киеве в 1908 г.» (СП(Тб). С. 476); в 1908 г. в Киеве Гумилев был в сентябре (Соч III. С. 358).

Перевод на англ. («The Gates of Paradise») — SW. P. 43.

Е.Аничков усматривал в этом ст-нии свидетельство «иррелигиозности» Гумилева: «По своей непреклонности, он, действительно, должен быть назван иррелигиозным или, как часто говорят, путаясь в словах, но именно это желая выразить, язычником. Христианство ему как будто было чуждо; вот как он представлял себе "Ворота рая":

Это дверь в стене заброшенной.

и рай:

Он не манит блеском и соблазнами.

Мимо него идут такие, каким и хотелось бы стать, — "рыцари и латники": <цит. ст. 17—20>. Решительно и по своему собственному пути направил Гумилев корабль и жизни, и искусства» (Аничков Е. Новая русская поэзия. Берлин,

1923. С. 110). «Поэт и научился, и осмелился небесное опустить до земного, осязаемого, а не только земное возносить до романтических заоблачных высот» (Панкеев И.А. Николай Гумилев: Биография поэта. М., 1995. С. 43); Ю.В. Зобнин полагает, что в стихотворении присутствуют тютчевские мотивы «убогого» и «смиренного» Бога (ст-ние «Эти бедные селенья...», см.: Зобнин Ю.В. Странник духа // Русский путь. С. 31). Ст. 1—4 цитировал президент США Р.Рейган во время визита в Москву в 1988 г., иллюстрируя свое понимание хода реформ в СССР (см.: Советско-американская встреча на высшем уровне. М., 1988. С. 97).

Ст. 1. — Вероятно, речь идет о семи этапах очищения души в чистилище. Идею чистилища отвергает православная церковь и протестанты; в первоначальном христианстве и у ранних средневековых богословов идея чистилища в концепции загробного существования души также отсутствовала и была введена в догматику католической церкви только в 1245 г. Источником полемики у Гумилева, очевидно, является дантовская картина чистилища. Ст. 8. — «Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного» (Мф. XVI, 18—19); иногда Петра изображали с двумя ключами — от рая и ада. Ст. 15. — Фавор — гора, на вершине которой произошло Преображение Господне: Иисус предстал перед Петром, Иаковом и Иоанном в сияющих белых одеждах, в сопровождении Моисея и Илии. «Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Мф, XVII, 5).

122. «Русская мысль». 1908. Ноябрь, без загл., с вар. - - Ж 1910 - - **Ж 1918**.

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Изб(ХХ век) - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; В мире отеч. классики - - Ст(Куйбышев); Новый мир 1986.

Дат.: Ноябрь 1908 — по времени публикации.

«...В “Озерах”, — отмечает О.Клинг, — соединение личного (лирического) и объективного (эпического). “Большие ночные озера” — это и часть пейзажа (мира объективного), и глаза героини. Здесь есть элемент символистского отношения к теме зеркала (в данном случае зеркала-озера), открывающего иную реальность...» В «Озерах» просматривается аналогия с поэтикой «Чайки» Чехова, где «озеро не только часть пейзажа и естественная декорация к вставной пьесе Треплева, но и один из символических центров пьесы. Здесь — излюбленный прием раннего Гумилева: через мифологемы из чужого текста — в данном

случае, — через предметный мир "Чайки", ввести собственные переживания» (Клинг О. Стилевое становление акмеизма: Н.Гумилев и символизм // Вопросы лит-ры. 1995. № 5. С.120—121). А.Ахматова считала, что ст-ние посвящено ей (см.: В мире отечественной классики. С. 446—447).

Ст. 5. — Ненюфары (от франц. nénuphar) — водяные лилии, часто фигурировавшие в мистических текстах. Ст. 19 — см. коммент. к № 69.

123. Речь. 1908. 10(23) ноября, без загл., с вар. — Ж 1910 - - Современные русские лирики (1907—1912). СПб, 1913, с вар. - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Ст(Куйбышев) - - Русские поэты серебряного века.

Дат.: 10 ноября 1908 — по времени публикации.

Для Ю.Верховского это ст-ние — образец «элегической» лирики: «В "Жемчугах" <...> мотивы, широко говоря, ж и з н и и с м е р т и, взятые непосредственно-лирически, то есть музыкально, вне того красочно-пластического окружения, которым так интенсивно живет поэт. Да и весь этот живой и полный мир поэта сам свидетельствует уже о его большой и живой любви. "Сей блистательный покров", столь любимый поэтом, что таит под собою? Или — сам не есть ли большее, чем только покров? То есть, что дает нам в плане, который мы называем м у з ы к а л ь н ы м? Два-три мотива могут быть очень показательны...

Еще один ненужный день,
Великолепный и ненужный —

и душа взывает к "ласкающей" тени, к "повелительнице ночи" с ее слетающей со звезд тишиной...» (Верховский. С. 104—105.).

«Повелительница Ночь», выведенная в ст-нии как антитеза «ненужному дню», наделена атрибутикой, присущей Исиде (см. коммент. к № 19), образ которой в символической философии оказывался одним из важнейших и соответствовал Непорочной Деве Мира. Возможна и «моцартианская» смысловая параллель, связанная с образом Царицы Ночи в «Волшебной флейте» (см. об этой теме: Н.Гумилев и русский Парнас. С. 40). Ст. 5. — Жемчуг традиционно посвящался Луне — символу Исиды. Ст. 8—10. — Ср. описание костюма Исиды, данного Апулеем: «Вдоль каймы и по всей поверхности плаща здесь и там вытканы были мерцающие звезды, а среди них полная луна излучала пламенное сияние<...> Благовонные стопы обуты в сандалии, сделанные из победных пальмовых листьев» (цит. по: Холл. С. 145). Ст. 11—12. — Часть правой

руки от основания большого пальца до запястья была посвящена Луне (в тайных учениях о символизме человеческого тела): это нашло отражение в символике костюма восточных народов, в том числе — зафиксировано в библейских источниках: «Запястье или браслет, носимый <...> на правой руке под названием венец луны» (Библейская энциклопедия. С. 267).

124. Альманах 17. СПб., 1909, как третье вместе со ст-ниями «Андрогин» и «Варвары» под общим загл. «Из цикла "Жизнь веков"», с вар. - - Ж 1910. - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) — —СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Трифонов 1962, ред. 1908 - - Декадентская литература, ред. 1908 - - Трифонов 1971, ред. 1908 - - Силард 1979 - - Трифонов 1980, ред. 1908 - - Силард 1983 - - Трифонов 1987, ред. 1908 - - Ст(Куйбышев). Русская лит-ра XX века: Учебная книга для уч-ся старших классов. Ч. 1. М.-Смоленск, 1995 - - Лазаренко.

Дат.: До 27 ноября 1908 — по упоминанию в письме к Брюсову: «Я... приглашен <...> в "Семнадцать"...» — и далее по смыслу (ЛН. С. 484).

«По-прежнему лирический герой поэта неиссякаемо мужествен. В пути: оголенный утес с драконом — "вздох его — огненный смерч". Но покоритель вершин не знает отступлений: "Лучше слепое Ничто, Чем золотое Вчера..."» — пишет Л.А.Смирнова, доказывая, что «от прославлений романтических идеалов поэт... пришел к теме исканий собственных и общечеловеческих» (Изб(М). С. 16). Н.А.Богомолов приводит это ст-ние как пример «цитирования на лексическом уровне» Гумилевым Ницше, «и возможно, даже без воспоминания о ницшеанских контекстах»: «...В "Жемчугах" есть стихотворение "В пути" со строками:

Лучше слепое Ничто,
Чем золотое Вчера!

Ключевые слова этого двустишия, выдвинутые на первый план, привлекающие внимание читателя и несколько загадочные, без труда отыскиваются в тексте Ницше "Так говорил Заратустра": "вчера" в уничижительном контексте упоминается там, где говорится о всякого рода "сволочи"; а "ничто" возникает в речах ненавистного Заратустре "проповедника великой усталости": "Все одинаково, в награду дается ничто, мир лишен смысла, знание удушает"» (Соч I. С. 10.). С.Л.Слободнюк предполагает, что эта параллель обусловлена полемикой Гумилева с Ницше: «...Конечные цели "путей" Ницше и Гумилева полностью

антагонистичны. Первый ведет своих героев к сверхчеловеку, второй — к обретению "неотцветающего сада" <...> Но сама цель делает невозможным дальнейшее "сотрудничество", отрицает его: "неотцветающий сад" не может быть уделом сверхчеловека. Добавим, к тому же, что "слепое Ничто" для героев Гумилева всего лишь д о п у с т и м а я, н о о т н ю д ь н е ж е л а т е л ь н а я возможность исхода их предприятия: борьбы с драконом-смертью» (Слободнюк. С. 131—132).

Возможно, в выборе «слепого Ничто» Гумилев руководствовался теорией «мэонизма» Н.М.Минского (стремление к «ничто») — одной из популярных в идеологии символизма. Помимо того, ст-ние чрезвычайно тематически близко к эпизоду с Улиссом в «Божественной комедии» Данте: «О братья, — так сказал я, — на закат / Пришедшие дорогой многотрудной! / Тот малый срок, пока еще все спят / Земные чувства, их остаток скудный / Отдайте постиженью новизны, / Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный! / Подумайте о том, чьи вы сыны: / Вы созданы не для животной доли, / Но к доблести и к знанью рождены» (Ад. Песнь XXVI. Ст. 112—120).

125. Весы. 1909. № 6, под загл. «Месть», с вар. - - **Ж 1910.**
Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст1988 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Ст(М) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - ЧН 1995; ЛН.

Автограф без загл. в письме Брюсову от 30 ноября 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 33—34 об.).

Дат.: 30 ноября 1908 — по дате письма к Брюсову.

126. Ж 1910 - - **Ж 1918.**
Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; В мире отеч. классики - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви.

Автограф в письме к Брюсову от 30 ноября 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 33—34 об.).

Дат.: 30 ноября 1908 — по дате письма к Брюсову.

Ю.Верховский, анализируя «лично-лирические мотивы» Ж, писал: «В их нарастании пока нет еще гармонического разрешения. Даже когда любимое поэтом "экзотическое" окружение является реальной обстановкой, сердце его не всегда оказывается спокойным: <цит. ст. 5—6, 11—12>» (Верховский. С. 107).

Ст. 1. — Пальма в оккультных науках была священным деревом, символизировавшим положительный полюс порождения. В Библии пальма неоднократ-

но упоминается, причем ее символика связана с тем, что она принадлежит к разряду вечнозеленых: пальма — символ праведника и победителя. Алоэ также упоминается в Библии, прежде всего потому, что это растение употреблялось для приготовления умащения и фимиама. В магии алоэ также играет значительную роль, оно посвящено огню и употребляется для изготовления волшебных снадобий.

127. Ж 1910.

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1988 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Ст(М-В) - - СС(Р-т) I - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб 1997; Душа любви - - ЛН.

Автограф без загл. в письме к Брюсову от 9 декабря 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 35). В ст. 5 нет восклицательного знака и выделений слов с заглавной буквы: «к природе природа враждебна», в ст. 13 есть восклицательный знак: «Что ж! Это путь».

Дат.: 9 декабря 1908 — по дате письма к Брюсову.

«Прямо о пути поэта говорит ст-ние "Правый путь"», — писал Ю.Верховский. Процитировав ст. 1—5 и 9—16, Ю.Верховский заключал: «Свое слово — в прямом смысле, — он еще не всегда находит. И образами и мотивами "Жемчугов", по преимуществу... владеет Брюсов — особенно в "балладном роде" — с трактовкой внешне-эффектной, словесно-пышной» (Верховский. С. 116). С.Л.Слободнюк отмечает, что в этом ст-нии брюсовские мотивы пародируются (см.: Слободнюк. С. 32).

128. Ж 1910.

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1988 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Изб 1997; ЛН; Голос Родины.

Автограф без загл. в письме Брюсову от 9 декабря 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 36).

Дат.: 9 декабря 1908 — по дате письма к Брюсову.

Ю.Верховский считал это ст-ние одним из «наименее самобытных» в Ж 1910, хотя и признавал его формально-словесную «изощренность» (см.: Верховский. С. 96).

Ст. 3. — Геракл — величайший герой Древней Греции. Погиб от отравленного плаща, подаренного ему его женой — Деянирой. Не желая умирать в мучениях, Геракл живым взошел на костер; боги даровали ему бессмертие и Геракл стал одним из олимпийцев. Ст. 6. — Эреб — пропасть в Аиде, царстве мертвых. Ст. 13. — Терсит и Гектор — персонажи «Илиады»: первый — трус,

призывавший ахеян прекратить осаду Трои, второй — величайший троянский герой, соперник Ахиллеса. Ст. 15. — Нектар (вместе с амврозией) — божественная пища, которую вкушали олимпийцы; в контексте ст-ния — намек на обожествление Геракла.

129. Ж 1910.

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т)I - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир); ЛН.

Автограф 1 в письме Брюсову от 19 декабря 1908 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 19. Л. 41 об.) Автограф 2 в альбоме М.Л.Сверчковой (ИМЛИ. Ф. 188. Оп. I, № 2. Л. 1).

Дат.: 19 декабря 1908 — по дате письма к Брюсову.

Т.М.Николаева считает источником этого ст-ния ст-ние Леконта де Лиля «Смерть Сигурда» (см.: Николаева Т.М. Смерть властелина на охоте («Охота» Н.Гумилева и «Сероглазый король» А.Ахматовой) // Russian Literature. 1991. XXX. P. 343—356).

130. Ж 1910.

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) I - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Русский путь.

Дат.: До 20 декабря 1908 — по датировке К.М.Азадовского и Р.Д.Тименчика (Русская литература. 1988. № 2. С. 174—175).

Брюсов обращал особое внимание на поэму об «изумительном радже», который «создает царство мечты» (Среди стихов. С. 319—320). Вяч. Иванов назвал поэму «пленительной по грезе и наивно проявившемуся тайному символизму» (Аполлон. 1910. № 7. С. 39). Ю.Верховский считал, что «виденье торжествующей творческой мечты» свойственно всем ст-ниям в разделе «Жемчуг розовый» в Ж 1910 и цитировал ст. 51—52 для подтверждения этого вывода (см.: Верховский. С. 110—111). Вяч. Вс. Иванов полагал, что тема поиска «Индии Духа» пришла в творчество Гумилева из произведений Гейне (СтПРП. С. 8). Н.А.Богомолов указывал на евангельские реминисценции в поэме (см.: Соч I. С. 550). Об истории создания — см.: Азадовский К.М., Тименчик Р.Д. К биографии Н.С.Гумилева // Русская литература. 1988. № 2. С. 174. О природе перифраза в поэме см.: Василевская Л.Н. О приемах коммуникативной организации ранней лирики Н.Гумилева // Изв. РАН. Серия лит-ры и языка. 1993. № 1. С. 53.

Сюжет поэмы перекликается с апокрифическими преданиями о путешествии молодого Иисуса Христа в Индию, которые были популярны в кругах теосо-

фов-герметиков. Валентин Кривич — псевдоним В.И.Анненского (1880—1936), поэта, критика, сына И.Ф.Анненского. Ст. 16. — О символике лотоса см. коммент. к № 19. Ст. 42. — Парс — леопард. Ст. 60. — О символике алоэ — см. коммент. к № 125. Мирра (мирро) — душистая смола экзотических растений, употребляется при приготовлении фимиама. Ст. 69. — Галлия — название Франции.

1909

131. ЖТЛХО. 1908/1909. Январь. № 5.

СС III - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - СС(Р-т) III - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - ВБП - - МП.

Автограф неизвестен.

Дат.: Январь 1909 — по времени публикации.

Ст. 11—12. — В виде облака «рыбарю», т. е. рыбаку (Петру) явился в миг Преображения Господня Бог-Отец (см. коммент. к № 121). Христос проповедовал народу из лодки Симона (Петра) на озере Геннисаретском (Лк. V. 1—3). Ст. 14. — Имеется в виду вино — символ крови Спасителя. Ст. 16. — О символике лилии см. коммент. к № 19.

132. ЖТЛХО. 1908/1909. Февраль, № 6, с посвящ. «Графине С.И.Толстой», друг. ред. - - Ж 1910, с вар., друг. ред. - - **Ж 1918.**

Ж 1921, ред. 1910 - - Изб 1946 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - СС I, ред. 1910 и 1918 - - Ст 1988, ред. 1910 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - Изб(М) - - Кап 1991 — СС(Р-т) I, ред. 1910 и 1918 - - Ст(М), ред. 1910 - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1910 - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Изб(ХХ век) - - ВБП; Голос Родины.

Автограф — архив Лозинского; авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918 (см. с. 289).

Дат.: Февраль 1909 — по времени публикации.

Тематическое и образное сходство данного ст-ния со ст-нием Брюсова «Бой», — ср.:

Та, кто придет, чтобы властвовать мной, —
Примет мой вызов на яростный бой.

Словно Брунгильда, приступит ко мне;
Лик ее будет — как призрак в огне.

Щит в ее легкой руке проблестит,
С треском расколется твердый мой щит.
. . . .
Шлем мой покатится, грустно звеня,
Вражья рука опрокинет меня. —

может объясняться единым источником для обоих ст-ний: эпизодом поединка Гунтера с Брюнхильдой, см. ниже. На драматическую историю отношений Гумилева и Е.Дмитриевой — «Черубины» как на биографический источник «Поединка» указывала Ахматова, см.: Лукницкий П.Н. Acamiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. Париж, ИМКА-Пресс, 1991. С. 139.

Сюжет ст-ния перекликается со ст-нием Леконта де Лиля «Смерть Сигурда» (см. коммент. к № 129). Ст. 9—12 — ср.: «Затем велела дева копье себе подать. / Она его умела без промаха кидать. / Огромно было древко тяжелого копья / И остры наконечника каленые края» («Песнь о Нибелунгах». Авентюра VII). Ст. 13—20. — Контаминация сюжетных мотивов «Песни о Нибелунгах»: поединка Зигфрида и Брюнхильды (Брунгильды) и смерти Зигфрида от руки подосланного Брюнхильдой убийцы. В «Смерти Сигурда» Леконт де Лиль делает Брюнхильду непосредственной виновницей смерти героя.

133. Весы. 1909. № 6, с вар. - - Ж 1910 - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - Изб 1943, без послед. строфы - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Кап 1991 — —СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - ЧН - - Изб 1997 - - ВБП; Собеседник 1987 - - Русская поэзия XIX — начала XX в. М., 1987 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Потапчук; Огонек 1986 - - Простор 1986; «Студенческий меридиан» (Целиноград), 1987. № 20 (42).

Дат.: Март 1909 — по упоминанию в письме Брюсову: «...я сужу по тому, что Вы мне сказали о моем “Орле” и “Одиночестве”...» (ЛН. С. 491); свидание Брюсова с Гумилевым состоялось в начале марта 1909 г. (Соч III. С. 360).

В.Полушин считает это ст-ние «поэтическим кодексом чести» Гумилева (ЗС. С. 17). С.Л.Слободнюк указывает на ст-ние Ф.И.Тютчева «Лебедь» как на источник гумилевского ст-ния: тютчевскому противопоставлению «лебедя» — «орлу» (в аналогичном космогоническом контексте) Гумилев полемически отвечает прославлением «орла» — символа «небесной чистоты» (Слободнюк. С. 25). Н.А.Богомолов выделяет в ст-нии апокалипсические мотивы (см.: Соч I. С. 500—501). Своеобразная интерпретация ст-ния принадлежит В.Размахниной: «Орел и его “царственный полет к Престолу Сил” — метафора устремленного

духа — необходимого преодоления очерченной границы. Фантастичность этого полета сопряжена с законами мирозданья (движение планет, силы притяжения). Какой безмерно малой пылинкой должна быть "его великолепная могила", но она как бы вошла в состав вселенной и что-то добавила к ее сути. Выбор — доброволен и в то же время неотвратим, потому что диктуется напряженной волей, побуждаемой изнутри». (Размахнина В. Серебряный век. Очерки... Красноярск, 1993. С. 80.) «Тема тут — смерть, — пишет О.Ильинский. — Строка "И умер, задохнувшись от блаженства" имеет здесь особое значение и особую смысловую нагрузку в связи с двумя другими строками, открывающими стихотворение. Религиозная направленность этого стихотворения совершенно ясна. К тому же, оно близко стихотворению "Слово" из "Огненного столпа" <...> Введением "орла" оба стихотворения связаны между собой дыханием христианского платонизма, о чем в стихотворении "Орел" косвенно свидетельствует выражение "К Престолу Сил" и, до известной степени, "умер, задохнувшись от блаженства". Платонизм Гумилева подчеркивает божественную и творческую суть мира и человека. Возможно, полет орла символизирует движение души к высшему блаженству» (Ильинский О. Основные принципы поэзии Гумилева. К столетию со дня рождения Гумилева // Записки русской академической группы в США. 1986. № 19. С. 382—383).

В символике герметической философии орел служил эмблемой теургического акта, превращения «низшего огня» в духовный свет у посвященных. Ст. 2 — ср.: «И тотчас я был в духе; и вот престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий» (Откр. П. 2). Ст. 18. — В алхимической терминологии семь круговращений планет назывались «летящими орлами».

134. Весы. 1909. № 6, с вар. - - **Ж 1910**.

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1988 - - БП - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - СС(Р-т)I - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - ЧН 1995 - - Изб 1997; Душа любви.

Дат.: Март 1909 — см. коммент. к № 132.

Перевод на англ. («Loneliness») — A Book of Russian Verse. London, 1943. P. 113.

Вяч. Ивановым в рецензии на Ж 1910 было отмечено, что развиваемая в ст-нии тема одиночества является также и одной из любимых тем Брюсова: «Н. Гумилев не напрасно называет Валерия Брюсова своим учителем: он ученик, какого мастер не признать не может, и он — еще ученик» (Аполлон. 1910. № 7. С. 39). О.Бескин, процитировав ст. 11, указывал на реминисцентную связь его с Бодлером и Бальмонтом (см.: Лит. энциклопедия. Т. 3. М., 1930. Стлб. 82). В.Полушин видит в этом ст-нии патриотические мотивы: «...Никакими соблазнами отчизну заменить невозможно. Даже погибая, герой Гумилева думает о ней, борясь со смертельной стихией: <цит. ст. 1—4>» (ЗС. С. 16). С.Л.Слободнюк полагает, что

под «древним оракулом» скрывается ницшевский Заратустра: «Однажды ты устанешь от одиночества, однажды согнется гордость твоя и поколеблется твое мужество. Тогда ты воскликнешь: "я одинок!"» (цит. по: Слободнюк. С. 129).

Ст. 6. — «Порфирий в своей "Пещере Нимф" утверждает, что Заратустра (Зороастр) был первым, кто сконцентрировал внимание на пещере как месте для поклонения Богу...» (Холл. С. 59). Ст. 11—12. — Мандрагора обладала значительным весом в оккультной символике из-за схожести своего корня с человеческим телом; бытовало поверье, что тот, кто вырвет мандрагору, умрет или будет поражен каким-либо несчастьем.

135. Остров. 1909. № 1, с вар. - - Ж 1910 - - Утренняя звезда. Сб. стихов для отрочества. СПб., 1912, с вар. - - **Ж 1918**.

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП.

Дат.: До 21 апреля 1909 — по упоминанию в письме Брюсову со штемпелем на конверте 21.04.1909 (ЛН. С. 491; со слов — «...на этих днях я посылаю вам первый номер "Острова"...» и далее по смыслу).

В письме к Брюсову Гумилев назвал это ст-ние «образчиком того, что я усвоил в области хорея...» (ЛН. С. 491). «Ритмы его изысканно-тревожны, — писал о Гумилеве И.Ф.Анненский. — Интересно написано им недавно стихотворение "Лесной пожар" <...> Что это — жизнь или мираж?.. Лиризм Н.Гумилева — экзотическая тоска по красочно-причудливым вырезам далекого юга Он любит все изысканное и странное, но верный вкус делает его строгим в подборе декораций» (Аполлон. 1909. № 2. С. 25). В том же духе отзывался о ст-нии Ю.Верховский: «Поэт тотчас во всю силу становится самим собой, коснувшись излюбленных мотивов "экзотики" <...> Таков полный красок, движения и звуков "Лесной пожар" со всей динамикой тревожных, стремительных хореев» (Верховский. С.97—98). Резко отрицательно отозвался о ст-нии В.Львов-Рогачевский: «Все это не живое, все это декорация и обстановочка, и от картонных львов и слонов пахнет типографской краской» (Современный мир 1911. № 5. С. 341). С.Л.Слободнюк сопоставлял ст-ние Гумилева со ст-нием Ф.И.Тютчева «Пожары» (см.: Слободнюк. С. 26—27).

Ст. 25—32 — ср.: «Сколько их! Куда их гонят? / Что так жалобно поют?» (А.С. Пушкин «Бесы»).

136. Остров. 1909. № 1 - - Ж 1910 - - **Ж 1918**.

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр)

- - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; В мире отеч. классики - - Ст(Куйбышев) - - Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания. Л., 1990 - - Гимн любви - - Душа любви; Новый мир 1986; Ленингр. правда. 1989. 23 июня. - - Ахматовский вестник. 1990. 21 июня. (№1).

Машинопись — РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. № 102. Л. 321—324. Стихи Гумилева, посвящ. Черубине де Габриак, там же, № 141.

Дат.: До 11 апреля 1909 — (см. коммент. к № 134.).

С.Соловьев, отмечая что «стих Гумилева заметно крепнет», предостерегал поэта от чрезмерного увлечения «изысканными рифмами» в духе Брюсова: «Так, в трех строфах подряд у него встречаются "бронзы" — "бонзы", "злобе" — "Гоби", "Агры" — "онагры". А через несколько строф далее идут: "согнут" — "дрогнут", "былое" — "алоэ". Эта изысканность рифм характеризует эпоху "Urbi et orbi" (книга стихов Брюсова, вышла в 1903 г. — *Ред.*)» (Весы. 1909. № 7. С. 101). Е.Янтарев прямо обвинял Гумилева в рабском подражании Брюсову: «То, что у Брюсова поистине прекрасно и величаво, под "резцом" Гумилева делается смешным, ничтожным и жалким. Есть прекрасная поэма у Брюсова "Раб" — г. Гумилев пишет "Царицу"...» (Столичная молва. 1910. 24 мая). Анонимный рецензент журнала «Золотое руно» судил иначе, отмечая, что «несмотря на обычное для учеников Брюсова изобилие географии и истории и манерность рифм» это ст-ние «идет дальше версификации» (Золотое руно. 1909. № 6. С. 78). А.Ахматова считала это ст-ние посвященным себе (см.: Новый мир. 1986. № 9. С. 198), а Е.И.Дмитриева — себе (см.: Новый мир. 1986. № 12. С. 158). Слободнюк обратил внимание на несоответствие деталей ст-ния Гумилева реальным фактам: «Для Тибета все же более привычна фигура ламы, а не бонзы, хотя и тот, и другой — восточные монахи. Походы великого хромца Тимура наводили ужас на мир, однако маршрут грозного завоевателя никогда не проходил через Гоби. А если говорить о "древней Лилит", которая, по определению Гумилева, "светла", то возникает вопрос: "Заслуживает ли мать исполинов и бесчисленных злых духов, ночное привидение, преследующее детей, такого эпитета?" (Добавим, что Лилит по-еврейски означает "ночная"). Реальные атрибуты земной действительности создают иллюзию достоверности мира, который творит поэт <...> "Светлая Лилит" не изощренный оксюморон, а фигура, воплощающая в себе одну из форм бытия добра и зла в мире поэта. Существа подобного рода встречаются на всех этапах творческого пути "отца акмеизма"» (Слободнюк С.Л. Элементы восточной духовности в поэзии Н.С.Гумилева // Исследования и матералы. С. 175—176). С.Баевский, исследуя строфику «Царицы», отметил, что «Гумилев, как и многие его современники, уделял большое внимание звучности рифмы, продвигал ее

влево от ударной гласной фонемы». Более тонкое и более сложное явление «проявляется в рифме бронзы: бонзы. Совпадают начало и конец рифмующих слов, различается середина. Подобные соотношения слов (независимо от их положения в рифме или вне ее) Ф. де Соссюр называл "манекенами" и видел в них проявление важных свойств поэтического мышления — сосредоточенности на особо важных с точки зрения семантики комплексах фонем. У Гумилева данный прием и обычен, и выразителен» (Баевский В.С. Николай Гумилев — мастер стиха // Исследования и материалы... С. 91—92). Г.Косиков указывал на ст-ние как на пример близости Гумилева к «парнасизму» Т.Готье (Косиков Г. Готье и Гумилев // Готье Т. Эмали и камеи: Сборник. М., 1989. С. 311). М.Баскер, поясняя слова Ахматовой о наличии в ст-нии образов Царского Села, пишет: «Эти строки были сочинены в пору <...>, когда Гумилев "перечитывал Пушкина" в сознательной попытке найти новое направление для своих стихов; и их очевидная перекличка со знаменитым местом из пушкинского "Евгения Онегина":

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал...
(Гл.VII)

вероятно подтверждает наличие в этом внешне экзотическом стихотворении интимно-русского биографического подтекста, и соответственную связь его героини с будущей невестой, за которой Гумилев до этого ухаживал в Царском» (Basker M. Gumilev, Annenskii and Tsarskoe Selo: Gumilev's Tsarskoselskii krug idei // A Sense of Place: Tsarskoe Selo and Its Poets, edited by Lev Loseff and Barry Scherr, Columbus, Ohio, Slavica, 1993. P. 217).

Ст. 3. — Бонза — буддийский монах. Ст. 5. — Тимур (Тамерлан, 1336—1405), великий полководец и политический деятель: с 1370 г. — эмир, основатель династии Тимуридов, властвовавшей в Средней Азии. Ст. 9. — Агра — священный город в Индии, святыня индусов. Ст. 10. — Лилит — согласно апокрифам — первая жена Адама, не уступившая ему первенство (сюжет, распространенный в каббалистических сочинениях). Ст. 11. — Онагр — осёл.

137. При жизни не публиковалось. **Печ. по списку.**

Неизд 1986 - - Соч I - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП.

Scottish Slowonic Review. 1983. № 1, публ. стих. (Ш.Греем), опечат.

Автограф — список рукой Е.И.Дмитриевой в письме к М.А.Волошину от 1 мая 1909 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3, № 318. Л. 10).

Дат.: 1 мая 1909 — по дате письма Е.И.Дмитриевой.

Ст-ние написано в процессе игры в «сонетное буримэ» (создание ст-ний на заданные рифмы), происходившей в кругу поэтов «Академии стиха» весной 1909 г.

Подробнее об этом эпизоде в жизни Гумилева см.: Жизнь поэта. С. 82—87. Ст-ние посвящено Е.И.Дмитриевой (в замужестве — Васильева, 1887—1928), поэтессе, впоследствии детской писательнице, близкой знакомой Гумилева в 1909 г. Е.И.Дмитриева более известна под именем Черубины де Габриак — главного действующего лица известнейшей литературной мистификации, приведшей осенью 1909 г. к дуэли между Гумилевым и М.Волошиным (более подробно об истории их отношений см.: Неизд 1986. С. 287—289; Васильева Е. «Две вещи в мире для меня были самыми святыми — любовь и поэзия...» // Новый мир. 1988. № 12; Жизнь Николая Гумилева. С. 59—61; Давыдов З., Купченко В. Черубина // Памир. 1989. № 8. С. 124—160).

138. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу 2.**

Неизд 1980 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП; Сонет серебряного века. М., 1990. - - Поэзия серебряного века (1880—1925) М., 1991 - - Душа любви - - ЛН.

Автограф 1 в письме Брюсову от 11 мая 1909 г. (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 20. Л. 3). Автограф 2 в архиве Иванова В.И. (РГБ. Ф. 109. К. 42. Ед. хр. 50. Л. 1). Посвящение подчеркнуто рукою Гумилева.

Дат.: 11 мая 1909 — по дате письма к Брюсову.

Ст-ние написано во время игры в «сонетное буримэ» — см. коммент. к № 136. Подробный метрический коммент. см.: Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х—1925 г. в комментариях. М., 1993. С. 209—210.

Ст. 5. — Имеется в виду бывший монах, вернувшийся в мирскую жизнь. Ст. 7. — Вериги — медная икона или крест с массивными цепями, носимый на груди. Ст. 9. — Смирна, бдолах — ароматические вещества, применяемые для изготовления фимиама.

139. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

Неизд 1986 - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП; Сонет серебряного века. М., 1990; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. № 1. 1987, публ. стих. (Р. Д. Тименчик).

Автограф в письме Волошину от 20 мая 1909 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3, № 74. Л. 3). В ст. 8 «Эрриний» с заглавной буквы с двумя «р».

Дат.: 20 мая 1909 — по дате письма к Волошину.

Ст-ние написано во время игры в «сонетное буримэ» — (см. коммент. к № 137). Ст. 8. — Эринии — богини мести. Ст. 12—14. — Асуры («обладающие жизненной силой») — в ведийской и индуистской мифологии демоны, противостоящие богам. Асуры некогда жили на небесах, но за гордыню были свергнуты богами на землю.

140. Остров. 1909. № 1, с вар. - - Ж 1910, с вар. - - **Ж 1918.**

Ж 1921, ред. 1910 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - СС I - - Ст 1988, ред. 1910 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - СтПРП(ЭК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1910 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1910 - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП.

Автограф — архив Лозинского: авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918 (см. с. 289).

Дат.: Май 1909 — по дате публикации (Соч III. С. 360).

С.Соловьев писал об этом ст-нии: «...Гумилев не строго античен. Рядом с прекрасным и вполне греческим "вождь золотоносных Микен" неприятно поражает совсем современное: "сказка в изгибе колен"» (Весы. 1909. № 7. С. 101). После трагической гибели поэта критика — и советская и зарубежная — трактовала это ст-ние чрезвычайно тенденциозно, выискивая в нем «монархический» подтекст. «Гумилев персонифицирует идею владычества и героизма в образах античных и феодальных вождей и императоров. Это дает ему возможность прославить... подвиги своих героев», — писал А.Волков (Волков А. Поэзия русского империализма. М., 1935. С. 129). «Замечательный Николай Степанович <...> в своей храброй идейной и рыцарской постоянности в монархизме и в страстной вере в Россию. Он-то не принял революцию, как большинство интеллигентов, чтобы позже отшатнуться и бежать. Ранее 1917 года он прекрасно выразил свои мысли в стихах: <цит. ст. 1—4, 13—20>. Это предчувствие и предвестие будущего» (Плетнев Р. Н.С.Гумилев (1886—1921): С открытым забралом // Записки русской академической группы в США. Т. VI. Нью-Йорк, 1972. С. 55—56). С.Б.Ильинская сделала попытку вернуть трактовку этого ст-ния в русло общефилософской проблематики: в «античных» ст-ниях поэта она видит, прежде всего, воплощение трагического противоречия между личными ценностями поэта и современностью, которая отвергает и профанирует их (см.: Н.Гумилев и русский Парнас. С. 62).

Ст. 3. — Имеется в виду Агамемнон — герой «троянского» мифологического цикла, предводитель похода греков на Трою. Его отец Атрей был царем Микен — отсюда прозвище Агамемнона — Атрид. Агамемнон был предательски убит неверной женой Клитемнестрой. Ст. 15. — Перифраз традиционной формулы: «пастырь народов Атрид», употребляемой в «Илиаде» (пер. Н.И.Гнедича).

141. Италии. Сб. СПб., 1909, входит вторым ст-нием в цикл «Беатриче», с вар. - - Ж 1910, входит вторым ст-нием в цикл «Беатриче» - - Современные русские лирики (1907—1912). Спб., 1913, с вар. - - **Ж 1918**, входит вторым ст-нием в цикл «Беатриче».

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - Сп(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; В мире отеч. классики - - Люблю я вас, богини пенья... Антология. М., 1989 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Новый мир 1986 - - «Лит-ра в школе». 1990. № 5.

Дат.: Начало 1909 — по времени публикации.

«В этих стихах Ахматова предстает в образе Беатриче, сам Гумилев — Данте», пишет А.Хейт (Haight A. Anna Akhmatova: A Poetic Pilgrimage. Oxford, 1976. Pp. 12—13). Там же — перевод ст-ния на английский яз. («In my gardens are flowers, in yours, sorrow...»).

Ст. 11. — Менады — спутницы Диониса, участницы вакхических процессий; то же, что и «вакханки».

142. Италии. Сб. СПб., 1909, входит третьим ст-нием в цикл «Беатриче», с вар. - - Ж 1910, входит третьим ст-нием в цикл «Беатриче». - - **Ж 1918**, входит третьим ст-нием в цикл «Беатриче».

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; В мире отеч. классики - - Люблю я вас, богини пенья... Антология. М., 1989 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Новый мир 1986 - - «Лит-ра в школе». 1990. № 5.

Дат.: Начало 1909 — по времени публикации.

143. Италии. Сб. СПб., 1909, входит четвертым ст-нием в цикл «Беатриче» - - Ж 1910, входит четвертым ст-нием в цикл «Беатриче» - - **Ж 1918**, входит четвертым ст-нием в цикл «Беатриче».

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ЧН 1995 (ошибка в публ.) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; В мире отеч. классики - - Люблю я вас, богини пенья... Антология. М., 1989 - - Ст(Куйбышев) - - Гимн любви - - Душа любви - - Новый мир 1986 - - «Лит-ра в школе». 1990. № 5; Голос Родины.

Машинопись в РГАЛИ в сборнике, посвящ. Черубине де Габриак (Ф 1458. Оп. 1. № 102. Л. 324). Там же № 134.

Дат.: Начало 1909 — по времени публикации.

144. Весы. 1909. № 6, с вар. - - Ж 1910 - - **Ж 1918**. В журнале ст-ния расположены в цикле «Возвращение Одиссея» в иной последовательности: «У берега», «Одиссей у Лаэрта», «Избиение женихов». В Ж 1910 и Ж 1918 — в цикле «Возвращение Одиссея».

Ж 1921, ред. 1910 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ВБП - - МП.

Дат.: Июнь 1909 — по времени публикации.

Брюсов в рецензии на Ж 1910 подчеркивал, что в созданных Гумилевым мирах «люди... живут и действуют не по законам обычной психологии, а по странным, необъяснимым капризам, подсказываемым автором — суфлером. И если встречаются нам в этом мире имена, знакомые нам по другим источникам: античные герои, как Одиссей, Агамемнон, Ромул... то все они как-то странно видоизменены, стали новыми, неузнаваемыми» (Среди стихов. С. 319). В. Полушин видит в ст-ниях «триптиха» изживание идей «ницшеанства»: «Заратустра первого сборника ушел безвозвратно, а на смену ему пришел Одиссей — не завоеватель, а путешественник...» (ЗС. С. 17). В.Размахнина сопоставляла трактовку образа Одиссея в творчестве Брюсова с гумилевской и делала вывод, что если Одиссей у Брюсова воплощает «тоску по неосуществленному безрассудству», то «у Гумилева — тяга к новым странствиям и недоверие домашнему воздуху, слишком пропитанному ленью, чувственностью и удовольствиями» (Размахнина В. Серебряный век. Очерки. Красноярск, 1993. С. 83). Эту же тему развивает И.Делич: «Улисс в "Возвращении Одиссея" (1910) обнаруживает, что его возвращение домой — это возвращение в ненастоящий дом и что, в конечном счете, у человека нет дома на земле» (История... с. 495).

В основе сюжета ст-ния — контаминация X и XIII песен «Одиссеи» Гомера. Ст. 5. — Трирема — древнегреческое боевое судно с тремя рядами весел. С. 11,12 — Афина Паллада — одна из самых популярных богинь античного пантеона, олицетворение мудрости, дева-воительница. Покровительница Одиссея в его странствиях. Ст. 17—20. — Как следует из рассказа Одиссея (песнь X), уже находясь в виду Итаки, спутники Одиссея развязали меха, подаренные Одиссею богом ветров Эолом, из мехов вырвались ураганные ветры и унесли корабль в океан.

145. Весы. 1909. № 6, с вар. - - Ж 1910, с вар. - - **Ж 1918.** В журнале ст-ния расположены в цикле «Возвращение Одиссея» в иной последовательно-

сти: «У берега», «Одиссей у Лаэрта», «Избиение женихов». В Ж 1910 и Ж 1918 — в цикле «Возвращение Одиссея».

Ж 1921, ред. 1910 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(ХХ век) - - ВБП - - МП.

Автограф — архив Лозинского: авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918 (см. с 289).

Дат.: Июнь 1909 — по времени публикации.

В основе ст-ния — сюжет XXII песни «Одиссеи». Ст. 17. — Тимпаны — ударные музыкальные инструменты, литавры. Ст. 44. — Илион — другое название Трои. Ст. 56. — Понт Эвксинский — древнегреческое название Черного моря.

146. Весы. 1909. № 6, с вар. - - Ж 1910 - - **Ж 1918.** В журнале ст-ния расположены в цикле «Возвращение Одиссея» в иной последовательности: «У берега», «Одиссей у Лаэрта», «Избиение женихов». В Ж 1910 и Ж 1918 — в цикле «Возвращение Одиссея».

Ж 1921, ред. 1910 - - СС 1947 I, ред. 1910 — СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(ХХ век) - - ВБП - - МП.

Дат.: Июнь 1909 — по времени публикации.

В основе ст-ния — сюжет XXIV песни «Одиссеи», сильно измененный и лирически переосмысленный. Лаэрт — отец Одиссея. Ст. 21. — Хариты — богини красоты, мечты, светлой радости (в римской традиции — грации). Ст. 40 — см. коммент. к № 128.

147. Аполлон. 1909. № 1, с вар. - - Ж 1910 - - Утренняя звезда. Сб. стихов для отрочества. СПб., 1912, с. вар. - - **Ж 1918**.

Ж 1921 - - Изб 1943 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - Изб 1959 - - СС I - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Кап 1988 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(ХХ век) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina — Изб(ХХ век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Трифонов 1969 - - Декадентская литература - - Трифонов 1971 - -

Силард 1979 - - Трифонов 1980 - - Силард 1983 - - Rossijskie kierunki literackie - - Трифонов 1987 - - Собеседник 1987 - - Русская поэзия XIX-начала XX в. М., 1987 — Русская поэзия начала XX века. М., 1988 - - Соколов - - Ст(Куйбышев) - - Серебряный век - - Русские поэты серебряного века - - Крук 1991, под общ. загл., без поясн. - - Баранников, под общ. загл. без поясн. - - Душа любви - - Бавин С., Семибратова И. Судьбы поэтов серебряного века. М., 1993, под общ. загл., без поясн - - Глинин - - Гольдштейн - - Акаткин - - Потапчук; Огонек 1986 - - Простор 1986; Голос Родины, под общ. загл., без поясн.

Дат.: Июнь 1909 — по свидетельству Е.И.Дмитриевой (Жизнь Николая Гумилева. С. 60).

Перевод на англ. (From «The Captains») — Twentieth Century Russian Poetry. London, 1993. P. 141—142.

Все четыре ст-ния, вошедшие в цикл «Капитаны» (№№ 146—149) написаны в июне 1909 г., в Коктебеле. «Он писал тогда "Капитанов" — они посвящались мне. Вместе каждую строчку обдумывали мы», — вспоминала Е.И.Дмитриева (см. о ней коммент. к № 137). «Первое чтение Гумилевым своих "Капитанов" состоялось при мне, — вспоминал С.К.Маковский. — Анненскому понравился буквенный звон этих стихов: звуки разлетающиеся, как брызги морских волн, гремящая инструментальная насыщенность рифмованных строф» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 77). Как большое поэтическое достижение Гумилева «Капитаны» были оценены Г.Чулковым, который упомянул и достоинства Брюсова — «наставника», сумевшего «научить своих последователей изящной точности стиля и крепкому и тугому ямбическому стиху, которому он сам (Брюсов. — *Ред.*) учился у Пушкина и Баратынского»: «Гумилев не умеет петь свирелью о любви печальной и увядающей, о тайной боли сердца или об ужасе ночного хаоса: поэт всегда увлечен мечтами рыцаря и капитана, "открывателя новых земель" <...> В стихах Гумилева есть прелесть романтизма, не того романтизма, которым чарует нас Новалис или Блок с их магической влюбленностью в Прекрасную Даму, а того молодого, воинствующего, бряцающего мечом романтизма, который зовет нас в страны, "где, дробясь, пылают блики солнца"» (Новый журнал для всех. 1910. № 20. С. 121—122. Подп.. Б.Кремнев). Ю.Верховский полагал, что цикл Гумилева — пример «истинно гармонического разрешения» противоречия между тягой к «душевно-музыкальному» и пристрастием к «эпическому» изложению, характерного для его ранней поэзии (см.: Верховский. С. 110; см. коммент. к № 130). Ю.Айхенвальд видел в «Капитанах» «общий смысл» поэзии Гумилева: «Манят его пути и путешествия человечества, красивые и опасные приключения, какие только можно встретить в истории или испытать в нашей современности; душой и телом проникает он в причудливые окраины бытия. Гумилев продолжает открытия, завоевания и скитания своих духовных предков. Неутолимо его любопытство, велика его сме-

лость. Гумилев — поэт географии. Он именно опоэтизировал и осуществил географию, ее участник, ее любящий и действительный очевидец». (Айхенвальд Ю.П. Поэты и поэтессы. М., 1922. С. 35—36). В 30-е годы приводили строфы из ст-ния «На полярных морях и на южных...» для подтверждения тезиса об «империалистических» пристрастиях Гумилева. О.Бескин отмечал, что Гумилев — «активный боец своей классовой группы» и его «излюбленный герой — моряк, капитан, отважный, гнущий команду в бараний рог, обогащенный своим вольным полупиратством» (Лит. энциклопедия. М., 1930. Т. 3. Стб. 85). «Своих мореплавателей "с острым уверенным взглядом", усмиряющих "бунт на борту корабля" Гумилев противопоставляет тем, у кого грудь пропитана "пылью затерянных хартий". Это брошенное мельком, но чрезвычайно характерное для поэта презрение к демократизму социально очень выразительно», — писал А.Волков (Волков А. Поэзия русского империализма. М., 1935. С. 128). Иначе оценивал ст-ния цикла Б.В.Михайловский: «Характерно встречающееся у Гумилева сочетание в образе героя черт, идущих от акмеистических стилизаций в духе рококо с чертами ницшеанского "сильного человека"» (Михайловский Б.В. Русская литература XX века. М., 1939. С. 341). Новизной отмечены суждения А.И.Павловского: «"Капитаны" <...> казались такой же сугубо книжной романтикой, взятой из литературы, из Стивенсона, из Киплинга <...>, но все же только с виду, так как они были не только отлично сделаны, но проникнуты эмоциональной напряженностью и оригинальным лиризмом, что тотчас и выделило это ст-ние среди остальных <...> Гумилев, пожалуй, впервые чуть-чуть сдвинул свою, ставшую уже привычной "конквистадорскую" маску, так что читатель если еще и не увидел его лица, то все же не мог не запомнить решительной и твердой интонации незнакомого ему голоса... В глазах современников "Капитаны", возможно, выигрывали хотя бы уже потому, что своим обликом не походили на манеру тогдашних кумиров "массовой" моды <...> При всей своей книжности и явной литературной вторичности Гумилев мог привлечь откровенно молодым обещанием будущей силы и намечавшейся оригинальности: в его стихах угадывалась мускулистость, четкость и твердость изображения, не слишком свойственные поэзии тех лет» (БП. С. 19). «Именно в этом стихотворении, — писал В.Енишерлов, имея в виду первое ст-ние цикла, — проявилось неподражаемое умение Н.Гумилева вырваться на простор истинной, вольной и свободной поэзии из тисков книжной романтики. Свежий ветер настоящего искусства наполняет паруса "Капитанов", безусловно, связанных с романтической традицией Киплинга и Стивенсона <цит. ст. 1—12>» (СП(Тб). С. 10). В.Смирнов обращается к мемуаристике и, в частности, для понимания причин успеха «Капитанов», приводит рассказ Г.Иванова: «...Какой-то домашний знакомый (это было в 1910 году) развлекал общество чтением "декадентских" стихов. Мне было шестнадцать лет, я уже писал стихи, тоже декадентские, дюжинами. Имена Гиппиус, Брюсова, Сологуба были мне хорошо известны. Но чтец прочел "Капитанов" и назвал имя Гумилева. Меня удивили стихи (ясностью, блеском, звоном)

и я запомнил это имя, услышанное впервые». Наверно, поэтому и кочуют ностальгически по русской словесности знаменитые строфы из «Капитанов», что в них вовсе не книжно-мальчишеская романтика, а вот эти «ясность», «блеск», «звон», «ярость и сила: <цит. ст. 21—24>» (Ст(XX век). С. 12). В том же духе высказывался о «Капитанах» и Е.Вагин: «Сборником <...> в котором уже вполне определилось поэтическое лицо Н.Гумилева, были “Жемчуга” ... В нем безошибочно распознается неповторимая *интонация* Гумилева, которая, однако, разнообразно варьируется в инструментовке. <...> Это <...> хрестоматийно-известные, кипучие молодым энтузиазмом “Капитаны” — извечный гимн первопроходцам, пионерам, первым во всем <цит. ст. 1—12>» (Вагин Е. Поэтическая судьба и миропереживание Н.Гумилева // Беседа (Л.; — Париж). 1986. № 4. С.179—180). Стремясь конкретизировать смысл и цель путешествий, которые предпринимают отважные капитаны, И.Делич отмечает, что «в конце концов все открытия, все достижения, все цели ведут к разочарованию <...> Колумб, Улисс, Лаперуз, Кук и все прочие “палладины”, подобно самому поэту, мечутся по морю жизни и вынуждены без конца открывать, что нет цели, помимо сверхмира, недостижимого здесь и сейчас» (Делич И. Николай Гумилев // История... С. 495). Подобную точку зрения отстаивает и Ю.Зобнин: «Учитывая, что «зеленый», т. е. лесной храм был характерен для некоторых древних эзотерических культов (например — друидических), а дифирамб изначально являлся культовым пением в честь Диониса — хтонического божества, одного из главных в пантеоне античных мистерий, то деятельность «открывателей новых земель», в понимании поэта, вероятно, не исчерпывалась поиском откровений только «географических», но простиралась и далее — в монуменальную «глубину» мирозданья (Зобнин Ю.В. Странник духа // Русский путь. С. 13.). В.Размахнина обращает внимание на композицию «Капитанов», называя ее «крестообразной». По ее мнению, «у каждой линии своя внутренняя тема, свой ритм и колорит. Первая — образ и действие, вторая — свершения и имена, третья — “власть суши”, четвертая — “тайна моря”» (Размахнина В. Серебряный век: Очерки. Красноярск. 1993. С. 82.). Собирательный образ капитанов ассоциировался в восприятии его современников с поэтической маской Гумилева, маской «флибустьера» и «открывателя новых земель». Этот факт зафиксирован в поэме И.Северянина «Рояль Леандра» (1925): «То “Капитаны” Гумилева / Где лишнего не видно слова / И вот к числу звучащих слов / Плюссируется: Гумилев».

По мнению В.Кошелева, «эта же “маска” становится определяющей и при восприятии гумилевской лирики» (Кошелев В.А.Гумилев и «северянинщина». Две маски // Русская литература. 1993. № 1. С. 167).

Ст. 8. — Мальстремы — водовороты, возникающие вследствие встречи приливной волны с отливным течением. Ст. 20. — Имеется в виду изготовленный в Брабанте, бельгийской провинции, славящейся своими кружевами. Ст. 27 — см. коммент. к № 95. Ст. 28. — Фрегат — трехмачтовое парусное судно, отличавшееся большой скоростью хода.

148. Аполлон. 1909. № 1. - - Ж 1910 - - **Ж 1918.**

Ж 1921, опеч. - - Изб 1943, опеч. - - Изб 1946 - - СС 1947 I, опеч. - - СС I - - Ст 1986 - - Изб (Огонек) - - Ст 1988, опеч. - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Кап 1988 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К); - - СТ(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Rosyjkie kierunki literachkie - - Собеседник 1987 - - Русская поэзия XIX — начала XX в. М., 1987 - - Русская поэзия начала XX века: Сб. М., 1988 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Глинин - - Гольдштейн - - Акаткин - - Потапчук; Огонек 1986.

Дат.: Июнь 1909 — см. коммент. к № 146.

Перевод на англ. («All Knights of Green Cathedral, in Armour») — A Book of Russian Verse. London, 1943. P. 112—113.

См. коммент. к № 147. Л.А.Смирнова связывала с этим ст-нием возможный источник названия Ж 1910: «“Чувством пути” <...> проникнут сборник “Жемчуга”. Самое его название исходит от образа прекрасных стран: “Куда не ступала людская нога, / Где в солнечных рощах живут великаны, / И светят в прозрачной воде жемчуга”. Открытие ценностей оправдывает и одухотворяет жизнь. Символом этих ценностей и стали жемчуга. А символом поиска — путешествие» (Изб(М). С. 16). В.С.Баевский обращает внимание на семантику метра ст-ния: «Утверждение, что амфибрахий “говорит о покое божественно легкого и мудрого бытия” (из статьи Гумилева «Принципы художественного перевода». — *Ред.*), по меньшей мере неожиданно. Обычно этот балладный метр связан с динамикой борьбы, преодоления... Вот характерный амфибрахий Гумилева, весьма далекий от семантики божественно-легкого и мудрого покоя: <цит. ст. 9—12>» (Н.Гумилев и русский Парнас. С. 68).

Ст. 3—6. — Гонзальво (Гонсальво ди Кордова; 1443—1515) — испанский флотоводец. Ганнон Карфагенянин (ок. 7—6 вв. до н. э.) — карфагенский мореплаватель, совершивший экспедицию вдоль западного берега Африки и основавший там поселения. Сенегамбий (Альвизе де Ка Мосто) — португальский мореплаватель, проплывший в 1455—1457 гг. мимо Сенегамбии (Земля в Африке) и оставивший ее описание. Синдбад-Мореход — герой сказок «1001 ночи». Ст. 9. — Флибустьеры — морские разбойники (XVII- нач. XVIII в.), используемые Англией и Францией для морской войны с Испанией.

149. Аполлон. 1909. № 1 - - Ж 1910 - - **Ж 1918**.

Ж 1921 - - Изб 1943 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - Изб 1959 — СС I - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Кап 1988 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) — СтПРП(ЗК)

- - СтПРП - - ОС 1989 — Изб(М) - - Ст(XX век) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 — СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Baranshi - - Rosyjskie kierunki literackie - - Собеседник 1987 - - Русская поэзия XIX — начала XX в. М., 1987 - - Соколов - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Глинин - - Гольдштейн - - Акаткин - - Потапчук; Огонек 1986.

Дат.: Июнь 1909 — см. коммент. к № 146.

См. коммент. к № 147. Ст. 5. — Таверна — кабачок, трактир в Италии и некоторых других странах. Сидр — некрепкое яблочное вино. Ст. 8. — Арбалет — приспособление для стрельбы короткими тяжелыми стрелами. Ст. 22. — Су — французская монета, чеканившаяся до 1793 г. Ст. 26. — Амулет — талисман против болезней, чар и других опасностей.

150. Аполлон. 1909. № 1, с вар. - - Ж 1910 - - **Ж 1918**.

Ж 1921 - - Изб 1943 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - Изб 1959 - - СС I - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - Сп(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - Кап 1988 - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Ст(М-В) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т)I - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП: Rosyjskie kierunki literackie - - Собеседник 1987 - - Русская поэзия XIX-начала XX в. М., 1987, с опеч. - - Русская поэзия начала XX века: Сб. М., 1988 - - Соколов - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Глинин - - Гольдштейн - - Акаткин - - Потапчук; Огонек 1986; «Лен. ун-т», 15 апреля 1988.

Дат.: Июнь 1909 (см. коммент. к № 146).

И.Г.Кравцова, опираясь на черновые материалы А.Ахматовой, указала на связь этого ст-ния с рассказом Э.По «Манускрипт, найденный в бутылке» (см.: Н.Гумилев и русский Парнас. С. 53).

В ст-нии заметна реминисцентная перекличка с циклом ст-ний Ш.Бодлера «Плаванье» (1859). В воспоминаниях С.К.Маковского отмечено: «Тогда писал он с воодушевлением своих талантливых (внушенных Бодлером), но несколько трескучих “Капитанов”...» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 59).

151. Остров. 1909. № 2, с вар. - - Ж 1910, с подзаг.: «Сонет» - - **Ж 1918**.

Ж 1921, ред. 1910 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - СС I - - Изб(Огонек) - - Ст 1988, ред. 1910 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Фе-

никс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М), ред. 1910 - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1910 - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(ХХ век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Русский сонет. Сонеты русских поэтов начала ХХ века. М., 1987 - - Сонет серебряного века. М., 1990 - - Душа любви.

Автограф — архив Лозинского: авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918 (см. с 289).

Дат.: Август 1909 — по времени публикации (СС III. С. 362).

М.А.Кузмин в своем обзоре современной поэзии следующим образом характеризовал это ст-ние: «Н.Гумилев дал изящный сонет, начинающийся с довольно рискованного утверждения: "Я попугай с Антильских островов"» (Аполлон. 1909. № 3. С. 47). По мнению И.Панкеева, это ст-ние подтверждает влечение поэта к экзотике, красочности, необычности. «И пусть "попугай с Антильских островов" живет в "квадратной келье мага", где лишь "реторты, глобусы, бумага, и кашель старика, и бой часов", но он, многопомнящий и многожелающий<...> Поэзия Гумилева отличительна тем, что тени былого она превращает в красочные полотна настоящего» (Панкеев И.А. Николай Гумилев. Биография писателя. М., 1995. С. 38).

Возможно, в ст-нии есть элементы биографического подтекста: попугай в клетке жил в доме Гумилевых в Царском Селе, а «магом» в глазах Гумилева являлся поэт (первое название замышлявшихся Ж было — «Золотая магия», см.: Неизд 1980. С. 58).

152. ЖТЛХО. 1909/1910 (сентябрь 1909). № 4.

СС III - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СС(Р-т) III - - Соч I - - СПП - - Круг чтения.

Дат.: Сентябрь 1909 — по времени публикации.

Ст. 2. — Ночные птицы служили двояким символом — черной магии, так как они живут во тьме, и секретных символических доктрин, так как обладают способностью видеть сквозь мрак.

153. ЖТЛХО. 1909/1910 (декабрь 1909). № 9, друг. ред. - - Ж 1910, с вар., друг ред. - - **Ж 1918**.

Ж 1921, ред. 1910 - - Изб 1946 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - СС I, ред. 1910 и 1918 - - Ст 1988, ред. 1910 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(ХХ век) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I, ред. 1910 и 1918 - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1910 - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир), ред.

1910 - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Изб(XX век) - - Русский путь (ред. 1910, ЖЛТХО) - - ОЧ - - ЧН 1995 - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Ст(Куйбышев).

Автограф — архив Лозинского: авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918 (см. с. 289).

Дат.: Осень 1909 — по свидетельству Н.С.Войтинской (СП(Тб). С. 40).

Об истории создания этого ст-ния пишет в своих воспоминаниях Войтинская «Ему не хватало экзотики. Он создал эту экзотику в Петербурге, сделав себе маленькое ателье на Гороховой улице. Он утверждал, что позировать нужно и для того, чтобы писать стихотворение, и просил меня позировать ему. Я удивилась: "Как?". Он: "Вы увидите entourage". Я пришла в ателье, там была черепаха, разные экзотические шкуры зверей. Он мне придумал какое-то странное одеяние, я ему позировала, а он писал стихотворение, "Сегодня ты придешь ко мне..."» (СП(Тб). С. 40). А.Ахматова полагала, что ст-ния «Свидание» и «Уходящей» посвящены Л.Е.Аренс (Там же).

154. Ж 1910.

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - СП(Феникс) - - Изб(Кр), опеч. в загл. - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(Ир) - - Изб 1997.

Дат.: осень 1909 — по свидетельству Н.С.Войтинской (СП(Тб). С. 40).

См. коммент. к № 153. А.Ахматова считала, что «это хорошее стихотворение... несмотря на то, что в нем неопытность, что оно остаточно юношеское, в нем есть несомненный лиризм» (Жизнь поэта. С. 64).

Ст. 10. — Имеется в виду Небесная Роза — образ единения всех праведных душ в вечном блаженстве; см.: Данте. «Божественная комедия» («Рай». Песнь XXX—XXXI).

155. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

СП(Тб), опеч. - - СП(Тб)2, опеч. - - Соч I; Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1986. Л.: Наука, 1987, публ. стих. - - Душа любви.

Автограф в альбоме О.Л.Делла-Вос-Кардовской. Архив семьи Кардовских.

Дат.: Осень 1909 — по воспоминаниям О.Л.Делла-Вос-Кардовской (Жизнь Николая Гумилева. С. 31, 226).

Делла-Вос-Кардовская Ольга Людвиговна (1877—1952) — живописец и график, царскосельская знакомая Гумилева. Ее кисти принадлежит портрет Гумилева (ныне находится в Третьяковской галерее), а также портреты А.Ахматовой и В.А.Комаровского. Муж ее, Дмитрий Николаевич Кардовский (1866—

1943) — академик живописи, автор знаменитой обложки Ж 1910. Об истории создания этого ст-ния см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 31, 38—39.

156. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I; Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1986. Л.: Наука, 1987, публ. стих.

Автограф в альбоме Е.Д.Кардовской. Архив семьи Кардовских.

Дат.: Осень 1909 — по воспоминаниям О.Л.Делла-Вос-Кардовской и Е.Д. Кардовской (Жизнь Николая Гумилева. С. 39).

Кардовская Екатерина Дмитриевна (1900—1985) — дочь О.Л.Делла-Вос-Кардовской и Д.Н.Кардовского, искусствовед, биограф родителей. См. коммент. к № 155. Об истории создания ст-ния см.: Жизнь Николая Гумилева. С. 38—39.

Ст. 14. — «Бойкой звали нашу собачку, с которой Н.С.<Гумилев> часто возился» (Жизнь Николая Гумилева. С. 31).

157. Аполлон. 1909 (декабрь), № 3, - - Ж 1910, с посвящ.: «В.Ю.Эльснеру» - - ПВ - - **Ж 1918**.

Ж 1921, ред. 1910 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - Ст(М), ред. 1910 - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1910 - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ВБП - - МП.

Автограф — архив Лозинского: авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918 (см. с. 289).

Дат.: До 26 ноября 1909 — по дате отъезда Гумилева в африканское путешествие 1909/1910, перед которым он сдал рукописи в редакцию «Аполлона».

В.Львов-Рогачевский видел в ст. 13—16 реминисценцию из ст-ния К.Д.Бальмонта «Волк феи» (см.: Современный мир. 1911. № 5. С. 341). С.Слободнюк оспаривает это предположение В.Львова-Рогачевского (Слободнюк. С. 22). Ахматова считала, что ст-ние на самом деле посвящено памяти Мариана Генриховича Згоржельского — однокашника Гумилева по царскосельской гимназии (см.: Соч I. С. 500). В дневниковых записях П.Н.Лукницкого об этом ст-нии существует запись: «А<нна> А<хматова> говорит, что это более взрослое, по сравнению с другими стихами этого периода, стихотворение. Вероятно, потому, что написано по поводу действительной смерти (Згоржельский застрелился)» (Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. Париж, ИМКА-Пресс, 1991. С. 164).

Эльснер Владимир Юрьевич (1886—1964) — поэт, шафер Гумилева на бракосочетании с Ахматовой. Ст. 5. — Возможно, имеется в виду Нимврод — в ветхозаветной мифологии — богатырь и охотник, внук Хама, строитель Вавилонской башни. Удачу в охоте ему приносили одежды, сшитые самим Богом для прикрытия наготы Адама и Евы: завидев эти одежды, звери становились перед Нимвродом на колени. Нимврода и его спутников убил Исав.

158. Аполлон. 1909. № 3, с другим загл., с вар. - - Ж 1910, с опечаткой. «рыбы» вместо «рабы» - - ПВ, с друг. загл., с вар. - - **Ж 1918.**

Ж 1921, опечат. - - СС 1947 I, опеч. - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - ОЧ - - ЧН 1995; В мире отечест. классики - - Ст(Куйбышев); Новый мир 1986; Лен. ун-т, 15 апреля 1988, опеч. - - Изб 1997 - - ВБП - - МП.

Автограф — архив Лозинского: авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918 (см. с. 289).

Дат.: До 26 ноября 1909 (см. коммент. к № 157).

Ю.Верховский отмечал, что это ст-ние «хорошо сделано», но отказывал ему в искренности поэтического чувства (Верховский. С. 96). М.Баскер пишет о возможности русского пейзажного фона в ст-нии: «Висячие сады Вавилона с их "цистернами для розовой влаги" — само совершенство которых наводит ассирийскую царицу Семирамиду на мысль о самоубийстве — легко могут вызвать ассоциации с другим "Висячим Садом" и когда-то знаменитым "*розовым* полем", сооруженными в Царском Селе "*Семирамидой* Севера" в восемнадцатом веке. Однако, русским "двойником" лирической героини гумилевского стихотворения поистине является, конечно, не Екатерина Великая, а, опять-таки, Анна Ахматова (здесь, как и часто бывает у Гумилева, тесно связанная с мотивами луны и "лунатизма"). К тому же "Семирамида" посвящается "светлой памяти" еще одного царскосельского поэта — И.Ф.Анненского» (Basker M. Gumilev, Annenskii and Tsarskoe Selo: Gumilev's Tsarskosel'skii krug idei // A Sense of Place: Tsarskoe Selo and Its Poets, edited by Lev Loseff and Barry Scherr. Columbus, Ohio, Slavica, 1993. P. 217).

Семирамида — мифологизированное имя вавилонской царицы Шаммурамат (9 в. до н. э.), которой легенда приписывает сооружение одного из «чудес света» — вавилонских висячих садов (в действительности построенных в эпоху Навуходоносора II, 6 в. до н. э.). Философы-герметики приписывали семи «чудесам света» символическое значение: сады Семирамиды были посвящены Венере и символизировали плоскости невидимого мира (см.: Холл. С. 216). Анненский Иннокентий Федорович (1855—1909) — поэт, драматург, педагог, директор

Николаевской царскосельской гимназии в бытность Гумилева ее учеником, затем — старший коллега Гумилева в редакции журнала «Аполлон». Скоропостижно скончался от сердечного приступа 30 ноября 1909 г. на Царскосельском вокзале. Ст-ние Гумилева было помещено в номере «Аполлона», содержащем некролог Анненского. Ахматова полагала, что тематически это ст-ние посвящено ей (Соч I. С. 500). Ст. 5. — Цистерна — в Древнем мире — каменный резервуар для хранения дождевой воды.

159. Аполлон. 1909. № 3, без посвящ., с вар. - - Ж 1910 - - ПВ, без посвящ., с вар. - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I, ред. 1910, без посв. - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Изб(Огонек) - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - ЧК - - Ст(Яр) - - Круг чтения; Ст(Куйбышев) - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП- - Русские поэты серебряного века, ред. 1910 - - Душа любви. Русская лит-ра XX в.: Учеб. книга для уч-ся старших классов. Ч. 1. М. — Смоленск, 1995; «Ленингр. правда», 1988. 8 июля (№ 158).

Автограф — РНБ (Ф. 400. № 176). Загл. подчеркнуто Гумилевым, в посвящ. указаны оба инициала: «М.А.Кузмину». Вместо ст. 1 ранее было: «Как сладки долгие часы». В ст. 15 вместо «взор» ранее было: «взгляды». Машинопись с вар. находится в архиве К.А.Сюнерберга (Эрберга) (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 462. Л. 5).

Дат.: До 26 ноября 1909 (см. коммент. к № 157).

См. коммент. к № 172. О «кузминских» мотивах «неизвестного преступления», см. также: Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 6 (1978). P. 254; Sampson E.D. Nicolai Gumilev. Boston, Twayne Publishers. 1979. P. 178, note 8.

На трактовку «библиотечной» темы Гумилевым очевидно влияла подобная трактовка этой же темы И.Ф.Анненским — прежде всего в ст-нии «Идеал»:

И там, среди зеленолицых,
Тоску привычки затая,
Решать на выцвевших страницах
Постылый ребус бытия, —

и в переводе ст-ния «Библиотека» М.Роллина:

Я приходил туда, как в заповедный лес:
Тринадцать старых ламп, железных и овальных,

Там проливали блеск мерцаний погребальных
На вековую пыль забвенья н чудес.

Тревоги тайные мой бедный ум гвоздили,
Казалось, целый мир заснул иль опустел...
<....>
И содрогнулась мысль, почуяв тяжкий плен, —
И пробили часы тринадцать раз железных
Средь запустення проклятых этнх стен.

Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936) — поэт, прозаик и музыкант, творчески близкий кругу акмеистов, в 1909—1910 гг. — близкий знакомый Гумилева. Ст. 8. — Жиль де Лаваль Рец (1404—1440) — барон, маршал Франции, участник Столетней войны. Сожжен на костре по обвинению в многочисленных ритуальных убийствах и насилиях, в частности — за умерщвление детей ради алхимических опытов. Один из возможных прототипов Синей Бороды. По мнению А.Х.Горфункеля, имеется в виду реальная книга: Bossarde E.Gilles de Rais, maréchal de France, dit Barbe — Bleu (1404—40), d'aprés les documents inédits. Paris, 1886. Ст. 21. — Аркада — ряд одинаковых арок. Ст. 36. — Шагреневый — сделанный из плотной дубленой кожи с шероховатой поверхностью (из шкур лошадей, ослов, мулов).

160. Аполлон. 1909. № 3, с подзагл.: «Сонет» - - Ж 1910, с подзаг.: «Сонет» - - ПВ, с подзагл.: «Сонет» - - **Ж 1918.**

Ж 1921, ред. 1910 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - Ос 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - Ст(М), ред. 1910 - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред, 1910 - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Русский сонет. Сонеты русских поэтов начала XX века. М., 1987 - - Сонет серебряного века. М., 1990 — Душа любви; Простор 1986.

Автограф — архив Лозинского: авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918 (см. с. 289).

Дат.: До 26 ноября 1909 (см. коммент. к № 157).

С.Л.Слободнюк пишет, что в этом ст-нии Гумилев «частично возвращает "утренней звезде" (т. е. Люциферу. — *Ред.*) исконные права на владение истиной, отнятые христианством» (Слободнюк. С. 54). Н.А.Богомолов указывает на перекличку этого ст-ния со ст-нием Ш.Бодлера «Авель и Каин» (Соч I. С. 498). «В этом стихотворении... — писал О.Ильинский, — звучат отголоски библейской стилизации... В концовке раскрывается смысл стихотворения: вся предыдущая жизнь человечества оправдывается и раскрывается Искуплением. Тема искупле-

ния чрезвычайно тактично введена в стихи...» (Ильинский О. Основные принципы поэзии Гумилева. К столетию со дня рождения Гумилева // Записки русской академической группы в США. 1986. № 19. С. 382—383).

История Каина, не ограничиваясь информацией, содержащейся в Книге Бытия (IV. 1—17), изобилует апокрифическими подробностями, благодаря которым название ст-ния порождает обширное поле потенциальных значений образной системы. Так, Каин стоит у истоков человеческой генеалогии — наряду с Адамом, он — «прародитель» человеков. Он же — первый убийца и первый изгнанник, он же является «магом», прародителем ремесел. Существовало предание о зачатии Евой Каина от Сатаны. Орудием убийства Каином Авеля один из апокрифов называет ветвь древа познания Добра и Зла: здесь можно увидеть преемственность грехопадения Каина от грехопадения его отца (см.: Мифологический словарь. С. 270). Ст. 2. — Утренняя звезда — Денница, символ Люцифера. См. коммент. к № 20. В гностических учениях Люцифер (Змей) и Бог являются одним и тем же началом (см.: Холл. С. 463—464). Ст. 3—4 — ср.: «И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3. 4—5). В соборном послании святого апостола Иуды читаем: «А сии злословят то, чего не знают; что же по природе, как бессловесные животные, знают, тем растлевают себя. Горе им, потому что идут путем Каиновым, предаются обольщению мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей» (Иуды. I. 10—11). Ст. 8. — Единорогом назывался фантастический зверь, похожий на белого коня с одним рогом во лбу. Единорог служил символом чистоты и девственности; христианская традиция связывала единорога с девой Марией и Иисусом.

161. Аполлон. 1910. № 5, с вар. - - Ж 1910 - - **Ж 1918.** *Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН 1995 - Изб 1997 - - ВБП - - МП; «Лен. ун-т», 15 апреля 1988, отрыв., опеч.*

Дат.: 29 ноября 1909 — по дате поэтического вечера «Остров искусств»: «Гумилев читал "Сон Адама"» (Соч III. С. 364).

Ю. Верховский полагал, что содержание этой поэмы — «греза» поэта «о первобытно-светлой душе, испуганной познанием жизни человеческой» (Верховский, с. 109). По мнению А.Ахматовой поэма навеяна произведениями Альфреда де Виньи (см.: СП(Тб), с. 476). И.Делич считает, что в этой поэме Гумилева воплощена модель мира, в которой «дано своеобразное "мифологическое обобщение" экзистенциальных условий общечеловеческого бытия». Адам «приобретает и положительный, и отрицательный опыт, но в итоге понимает, что никакой опыт земной жизни не

может дать полного удовлетворения... Он молит Бога о смерти, и Апокалипсис снисходит к нему... Адам пробуждается — снова в Эдеме. Там его ждет Ева. Но теперь она не похожа на чужестранку, какой была на земле. Она — сама женственность и его вторая половина. Адам обретает себя и свой дом» (Делич И. Николай Гумилев // История... С. 493—494). В. Размахнина обращает внимание на то, что «герой Гумилева всегда делает достойный выбор, оставляя покой, обретая тревоги, — такова его идеальная заданность. Но он не всегда оказывается на высоте собственного выбора — такова данность. Адам — сильный человек, но всего лишь человек — дрогнул под тяжестью принятой на себя ноши. Поэтому и звучит это заклинание» (Размахнина В. Серебряный век. Очерки. Красноярск, 1993. С. 84).

В религиозно-философских сочинениях, примыкающих к каббалистической традиции, Адам понимается как «первоначальный человек», обладающий божественной полнотой и целостностью, мудрец, светоч, первый пророк человечества, искомый «философский камень» (Адам Кадмон). В частности, в сочинении «Разиэль» (X в.) повествуется о том, что изгнанный из рая Адам стал молить Бога явить ему будущее каждого потомка всех поколений до конца времени и ангел Разиэль («божьи тайны») пришел к нему с Книгой Судеб (см.: Мифологический словарь. С. 19). Элементы каббалистической трактовки Адама сказались в гумилевском «адамизме». Ст. 7—8 — ср.: «И изгнал Адама и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся» (Быт. III. 24). Ст. 19—24 — см. коммент. к № 160. Ст. 25—30. — Излагается история гибели первого человечества в потопе и спасения Ноя в ковчеге (Быт. VI—IX). Ст. 38 — см. коммент. к № 43. Ст. 96. — Перифраз слов Бога при изгнании Адама из рая: «Ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. III. 19). Ст. 98. — Имеется в виду предсказанное Христом знамение Его Второго пришествия: «И звезды спадут с неба» (Мф. XXIV. 29). Ст. 103—104. — Тигр и Ефрат — реки в Месопотамии, упоминаемые в Библии как рукава единой райской реки, орошающие области райского сада (Быт. II. 10—14).

162. При жизни не публиковалось. **Печ. по автографу.**

БП - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - ВБП - - МП; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. 1987. № 1, публ. стих. (Р.Д.Тименчик).

Автограф — РГБ (Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 34). В ст. 4 вм. «взнесла» — «внесла», в ст. 6 «госпожу» со строчной буквы.

Дат.: декабрь 1909 — по дост. правке Р.Д.Тименчика.

В письме к В.К.Ивановой-Шварсалон Гумилев писал: «Посылаю новое стихотворение в общее пользование» (Неизвестные письма Н.С.Гумилева. Публ. Р.Д.Тименчика // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 46. 1987. № 1. С. 68—69).

Ст. 17—20. — Реминисцентная параллель со ст-нием Черубины де Габриак (Е.И.Дмитриевой) «Твои руки», ср.: «Эти руки, как гибкие грозди, / все сияют в камнях дорогих. / Но оставили острые гвозди / чуть заметные знаки на них».

163. Неизд. 1986 - - Соч I.

Автограф в РНБ (Ф. 124. № 1400. Л. 3). В ст. 13 вм. «На» ранее было «Над». Автограф в чернильных пятнах, слева в верхнем углу схематический рисунок.

Дат.: 1909—1910? — по датировке Н.А.Богомолова. (Соч I. С. 441, 570).

См. коммент. к № 159.

1910

164. Соч I, публикация стих. (Н.А.Богомолов).

Автограф — в альбоме М.А.Бородаевской. Местонахождение неизвестно.

Дат.: 27 февраля 1910 — по датировке Н.А.Богомолова. Печ. по публикации Н.А.Богомолова.

165. Ж 1910 - - Утренняя звезда. Сб. стихов для отрочества. СПб., 1912, вар. - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(ХХ век) - - ОЧ - - Изб 1997 - - ВБП.

Дат.: 20—23 марта 1910 — по свидетельству С.А.Ауслендера: «В начале 1910 г. <...> я уехал на станцию Окуловку <...> пригласил туда и его (Гумилева. — *Ред.*). <...> Там было написано стихотворение «Маркиз де Карабас»...» (Жизнь Николая Гумилева. С. 45—46); датировка поездки: Соч III. С. 365.

Об истории создания этого ст-ния рассказывает С.А.Ауслендер: «В начале 1910 г. он (Гумилев. — *Ред.*) вернулся в Россию. Великим постом я уехал на станцию Окуловку в Новгородскую губернию, где жили мои родные, пригласил туда и его. Он приехал с пачками папирос <...> Там было написано стихотворение "Маркиз де Карабас", посвященное мне. Оно навеяно обстановкой и весенним духом, хотя этот рабочий поселок не соответствовал ему по стилю» (Жизнь Николая Гумилева. С. 46). Вяч.И.Иванов назвал это ст-ние «бесподобной идиллией» (Аполлон. 1910. № 7. С. 39). Ю.Верховский утверждал, что

в «этих “жанровых” изображениях, как и в красочных, полных движения описаниях, есть уже черты эпического поэта... <цит. ст. 1—4, 8—8, 13—21, 27—35>» (Верховский. С. 98). «Даже для маленьких детей у него (Гумилева. — *Ред.*) неожиданно найдутся забавные строки» (Павловский А.И. «И терн сопутствует венцу...» // Кап 1991. Ч. 12). Герой ст-ния представляется И.Делич художником. «Но он живет в мире воображения и магии. Он — современный Адам, исполненный детской непосредственности и бессознательной мудрости, которые позволяют ему общаться со своим “ученым котом” и узреть свой маркизат в каждой травинке, в каждой ветке» (Делич И. Николай Гумилев // История... С. 495). О.Клинг обращает внимание на переплетение в этом ст-нии мотива известной сказки и реального, биографического плана. В этом приеме он видел «синтез «реализма» и «идеализма», о котором писал Брюсов в рецензии на «Жемчуга». (Клинг О. Стилевое становление акмеизма: Н.Гумилев и символизм // Вопросы лит-ры. 1995, № 5. С. 121).

В ст-нии использованы сюжетные мотивы сказки Ш.Перро «Кот в сапогах». Ауслендер Сергей Абрамович (1896—1943) — прозаик, критик, драматург. Племянник М.А.Кузмина. Близкий знакомый Гумилева в конце 1900-х годов. Ст. 43 — Маркизат — наследственное владение маркиза.

166. Сатирикон. 1910. 8 мая, № 19, с вар. - - Ж 1910, с вар. - - **Ж 1918.** *Ж 1921, ред. 1910 - - Изб 1946 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - Изб 1959 - - СС I - - Изб 1986 - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - Ст 1988, ред. 1910 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - Изб(М) - - Ст(М-В) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991, ред. 1910 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир), ред. 1910 - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina, загл. «Клятва» - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Акме - - Крук 1991 - - Душа любви - - Гольдштейн; Голос Родины.*

Автограф — архив Лозинского: авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918 (см. с. 289).

Дат.: 8 мая 1909 — по времени публикации.

Перевод на англ. («The Stekn Temple») — SW. P. 45; Lyvres from the Russian. Cunningham, 1951. P. 69.

Возможно, свет на источник этого ст-ния проливает следующая запись беседы Гумилева, сделанная И.В.Одоевцевой: «Первого Дон-Жуана, по всей вероятности, вовсе не существовало. Это — миф, легендарный образ злодея-обольстителя, гениально созданный Тирсо де Молина, а второй, Мигуэль де Маньяра, двенадцати лет поклялся в театре, на представлении Дон-Жуана, что сам станет Дон-Жуаном, и повторил свою клятву на следующее утро в соборе перед статуей Мадонны...» (Одоевцева И.В. На берегах Невы. М., 1988. С. 176). См. также

коммент. к 170. Ст. 9—20. — Возможна тематическая перекличка со ст-нием А.С.Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...»

167. Ж 1910 - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ВБП - - МП; Собеседник 1987 - - Русская поэзия XIX-начала XX в. М., 1987 - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви - - Гольдштейн; Огонек 1986.

Дат.: До 16 апреля 1910 — по времени выхода Ж 1910 (Соч III. С. 365).

И.Г.Кравцова, анализируя черновые материалы Ахматовой, пришла к выводу, что источником этого ст-ния послужила вступительная статья К.Бальмонта к сборнику его переводов Э.По (Эдгар По. Собрание сочинений. Пер. К.Д.Бальмонта. Т. I. М., 1901): «Именно портрет Э.По, созданный Бальмонтом, мог послужить праобразом демонического героя Гумилева. “Прекрасный демон” (Э.По у Бальмонта), над творчеством которого “никогда не погаснет изумрудное сиянье Люцифера”, в самом деле напоминает того, кто “отмечен знаком высшего позора”, “никогда не говорите о Боге”. “Планета без орбиты <...> следующая в мире своими необычными путями и горящая <...> ярким особым блеском кометы” соотносится с “кометным” происхождением героя Гумилева: “Быть может, как родился он, на небе / Кровавая растаяла комета”; а “ненасытимая алчность души”... Э.По — с “непознанными усладами”, к которым зовут уста изображенного на портрете» (Н.Гумилев и русский Парнас. С. 52). Ст. 9—12. — Слободнюк обратил внимание на признак «демонического» характера изображаемого Гумилевым героя: «В этой строфе Гумилев описывает основные элементы черной мессы» (Слободнюк. С. 168—169). Одним из источников ст-ния Б.Лосский считает «Портрет мужчины» неизвестного автора (XV век), хранящийся в Лувре. Он сообщает подробные сведения о происхождении картины, ее хранении и попытках атрибуции: «До середины прошлого века “Портрет мужчины” значился в инвентарях и каталогах как произведение Рафаэля, после чего пошли разнообразные и противоречивые атрибуции, уступившие место анонимному авторству. Тогда ею увлекся в 1908 году молодой Гумилев». Картина привлекала внимание Делакруа и Дэга, упоминается в новелле 1877 г. М.Вогюэ. (Лосский Б. К «Портрету мужчины» Гумилева // Вестник русского христианского движения. № 140 (1983). С. 131—134). Некоторые отзвуки этого ст-ния нашли свое отражение в «Поэме без героя» Ахматовой (см.: Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature 6 (1978). С. 253).

Возможно, в ст-нии отразились и автобиографические мотивы: по свидетельству современников, Гумилев пережил в конце 1907 г. увлечение черной магией (см. Жизнь Николая Гумилева. С. 31—32). В ст-нии ощущается перекличка со ст-нием Бальмонта «Он был из тех, на ком лежит печать...» (раздел «Проклятия» из книги «Только любовь»). Ст. 19. — Киприда — в классической традиции одно из имен Афродиты, богини красоты и любви в античной мифологии. Л.Н.Гумилев в пометах к БП, находящихся в архиве М.Д.Эльзона, сделал следующую запись: «Киприда — богиня, почитание которой было на острове Кипр». Ст. 21—24 — ср.:

Мне к людям больше не вернуться,
Я сердца своего вампир,
Глядящий с хохотом на мир
И сам бессильный улыбнуться.

(Ш.Бодлер. «Гэутонтиморуменос» (сам себя истязающий, греч.) пер. Н.Лихачева).

168. Ж 1910 - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Альманах библиофила. Вып. 27. М., 1990 - - Русские поэты серебряного века - - Душа любви - - Русская лит-ра XX века: Учебная книга для уч-ся старших классов. Ч. I. М. — Смоленск, 1995. Изд. 2-е. «Веч. Москва», 15 апреля 1989 (№ 88).

Дат.: До 16 апреля 1910 (см. коммент. к № 167).

Ю.В.Зобнин отмечает, что «лексический круг используется Гумилевым при создании метафор, обнаруживающих смысловой подтекст "странничества" в произведениях, которые непосредственно тематически к странничеству не относятся. Так, например, чтение книг метафорически уподобляется поэтом "путешествию"» (Зобнин Ю.В. Странник духа // Русский путь. С. 9).

См. коммент. к № 172. Ст. 10. — Киот — ящик со стеклом или небольшой шкаф для икон, божница.

169. Ж 1910.

Ж 1921 - - СС 1947 I - - Ст 1988 - - БП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Ст(М-В) - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир); Поэзия серебряного века (1880—1925). М., 1991.

Дат.: До 16 апреля 1910 (см. коммент. к № 167).

В.Полушин отмечал, что «поэт всецело на стороне первого человека земли, который предпочел суровую долю поиска и смерть беспечному, но пустому существованию в раю» (ЗС. С. 17). С.Л.Слободнюк источником ст-ния Гумилева видел ст-ние Ф.Сологуба «Я был один в моем раю...» (Слободнюк. С. 29—30). «Человек — плоть от плоти Адама, и он должен постичь ценность потерянного им рая, сравнивая его с падшим земным миром. Он обязан "оплатить" раскаянием и озарением свое возвращение в Эдем... Адам должен не горевать о своем утраченном блаженстве, но заслужить его вновь» — писала о тематике ст-ния И.Делич (История... С. 492).

О трактовке образа Адама философами-герметиками см. коммент. к № 161.

170. Ж 1910.

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1988 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Ст(М-В) - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Изб 1997; Силард 1979 - - Силард 1983 - - Душа любви; Театр. 1986. № 9.

Дат.: До 16 апреля 1910 (см. коммент. к № 167).

Ст-ние послужило поводом для Вас. Вл. Гиппиуса усомниться в искренности религиозного чувства поэта: «Ученик бесстрастного Брюсова, Гумилев умеет улыбаться, но у него неприятная и нечистая улыбка. Гумилев пишет балладу о Христе, одно из своих стихотворений кончает: "потому что я люблю тебя, Господи", но мы не верим его религиозности. Если бы это была правда, он не мог бы написать "Все мы смешные актеры В театре Господа Бога... Дева Мария довольна, Смотрит, склоняясь, либретто". Не стал бы щеголять ребяческим демонизмом ("Адам", "Портрет мужчины")» (Против течения. 3 декабря 1910. Подп.: Росмер). Это наблюдение было впоследствии подтверждено С.К.Маковским: «Как ни настраивал себя Гумилев религиозно, как ни хотел верить, не мудрствуя лукаво, как ни обожествлял природу и первоначального Адама, образ и подобие Божье, — есть что-то безблагодатное в его творчестве. От света серафических высей его безотчетно тянет к стихийной жестокости творения и к первобытным страстям человека-зверя, к насилию, к крови, к ужасу и гибели» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С. 66). Н.А.Богомолов считает, что это ст-ние — «развернутая и модифицированная метафора Шекспира: "Весь мир — театр, а люди в нем актеры"» («Как вам это понравится»). Ср. также стихотворение Э.По «Червь-победитель»» (Соч I. С. 549).

Ст. 7. — Хитон — в Древней Греции — широкая, ниспадающая складками шерстяная или льняная одежда. Ст. 14 — см. коммент. к № 160.

171. Ж 1910, с подзаг.: «Сонет» - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - СС 1947 I - - Изб 1959 - - СС I - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр)

- - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Ос 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - ЧК - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Силард 1979 - - Силард 1983 - - Ст(Куйбышев) - - Сонет серебряного века. М., 1990 - - Поэзия серебряного века (1880—1925). М., 1991 - - Душа любви - - Гольдштейн - - Акаткин; Голос Родины.

Автограф — архив Лозинского; авторская правка текста Ж 1910, воссоздающая текст Ж 1918 (см. с. 289).

Дат.: До 16 апреля 1910 (см. коммент. к № 167).

Перевод на англ. («Don Juan») — SW. P. 42; на франц. («Man rêve es simple») — La Poesie Russe. Paris, 1965. P. 269.

Резко негативно оценил это ст-ние В.Львов-Рогачевский: «...Дон-Жуан Н.Гумилева "не имел от женщины детей и никогда не звал мужчину братом". И все-таки смешон этот "мужчина", посыпающий пеплом "темя"...» (Современный мир. 1911. № 5. С. 342). Совершенно по-иному оценивал фигуру Дон-Жуана, нарисованную Гумилевым, Н.Оцуп: «В "Дон-Жуане" ("Жемчуга") последние три строчки поразительны по точности и силе:

Я вспоминаю, что, ненужный атом,
Я не имел от женщины детей
И никогда не звал мужчину братом.

О Дон-Жуане мало кем сказаны в такой сжатой форме слова более убийственно-верные. Не потому ли, что поэт страдал от взятой на себя, но чуждой его чистой мечте роли. Он ведь и перед Мадонной оправдывался, что ведет блудную жизнь только потому, что не встретил Беатриче. Вообще было бы очень несправедливо отказать в прямом благородстве стихам Гумилева о любви» (Изб 1959. С. 23). «...Гумилев не ищет новых форм, но мастерски использует известные. Он обращается к классическим образам, и они получают иное философское толкование. Казалось, что можно извлечь из образа Дон Жуана? О нем написаны были уже десятки произведений. Но поэт находит свой ракурс и показывает страдание души уставшего человека», — писал В.Полушин (ЗС. С. 16). Р.Карпиак, опираясь на теорию О.Мандела о соотнесенности трех главных начал в образе Дон Жуана — крови, души и интеллекта — с тремя стадиями развития этого образа в эпохи классицизма, романтизма и модернизма (см.: Mandel O. The Legend of Don Juan // The Theatre of Don Juan: A Collection of Plays and Views 1630—1963. Lincoln, 1963. P. 3—33) находит, что в 14 строках данного ст-ния Гумилеву удалось выявить эти три этапа. «В первом четверостишии — классический Дон Жуан Тенорио, "Дон Жуан крови", искатель приключений и опасностей, мчащийся от одной любовной победы к другой. Во втором можно узнать

Дон Жуана манарской легенды (the Don Juan of the, Manara legend), “Дон Жуана души”, порождаемого эпохой романтизма. В шестистишии — еще один портрет героя, современного “Дон Жуана интеллекта”, склонного к самоуглублению и самоанализу. Его дон-жуанство — лишь поверхностная личина, веселая праздничная маска, скрывающая непреходящий страх забвения, одиночества и собственного ничтожества» (Karpiak R. The Sequds to Pushkin's Kamennyi Gost': Russian Don Juan Versions by Nicolai Gumilev and Vladimir Korvin-Piotrovskii / / Studies in Honour of Louis Shein edited by S.D.Cicran, W.Smyrnov, G.Thomas. McMaster University, 1983. Pp. 80—81). «Дон Жуан в конце судит себя за то, что по существу он был на земле призраком, а не человеком и нравственная проблематика жизни осталась ему чужда. Поскольку это говорит монах-подвижник, то этим последним судом над собой самим его жизнь уже как бы оправдана». (Ильинский О. Основные принципы поэзии Гумилева. К столетию со дня рождения Гумилева // Записки русской академической группы в США. 1986. № 19. С. 384.)

172. Ж 1910 - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1986 - - Изб(Огонек) - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Ст(Пол) - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - ШЧ - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(ХХ век) - - СПП - - СП(Ир) - - ЧК - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Престол - - Изб(ХХ век) - - Русский путь - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Ежов-Шамурин 1925 - - Ст(Куйбышев) - - Крук 1991 - - Русская поэзия серебряного века - - Душа любви - - Гольдштейн - - Акаткин; Дружба народов 1986.

Дат.: До 16 апреля 1910 (см. коммент. к № 167).

Перевод на англ. («No Flowers will Live») — Twenties Century Russian Poetry. London, 1993. P. 142.

Ю.Верховский связывает тему «книг» в Ж 1910 с «элегическими настроениями» поэта, с «томлением духа»: «Эта скорбная, стонущая нота как-то глубоко созвучна с блоковской перифразой: “Молчите, проклятые книги!”... Это напоминает ужас духовной опустошенности, так жутко веющий порою со страниц Иннокентия Анненского» (Верховский. С. 105—106). С.Л.Слободнюк обратил внимание на то, что «...в поэзии XIX века <...> варьируется устойчивая параллель: небо — книга, звезды — буквы <...> Гумилев же предпочитает <...> собственный путь, понимая книгу не как небеса, а как ад» (Слободнюк. С. 54).

Ст. 13—16 — ср.: «Но вы, разрозненные томы / Из библиотеки чертей...» (А.С Пушкин. «Евгений Онегин». Гл. IV).

173. Ж 1910 - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - ШЧ - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - ЛиВ - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Ст 1995 - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Силард 1979 - - Силард 1983 - - В мире отеч. классики - - Ст(Куйбышев) - - Душа любви; Новый мир 1986.

Дат.: До 16 апреля 1910 (см. коммент. к № 167).

Ст-ние обращено к Ахматовой — см.: Анна Ахматова. Н.Гумилев. Стихи и письма. Публ., сост. и прим. Э.Герштейн // Новый мир. 1986. № 9. С. 198, 209. Ю.Верховский писал, что в этом ст-нии присутствует «чисто литературная, по-брюсовски холодная “эротика” с ее “поцелуями, окрашенными кровью”» (Верховский. С. 96). Приводится как образец русского анапеста в кн.: Unbegaun B.O. Russian Versification. Oxford, 1956. P. 49.

174. Ж 1910 - - **Ж 1918.**

Ж 1921 - - Изб 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1988 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб (XX век) - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Душа любви.

Дат.: До 16 апреля 1910 (см. коммент. к № 167).

Вас.Вл.Гиппиус писал: «А все-таки один женский образ из “Жемчугов” должен запомниться! Это образ девушки, к которой ласкался кенгуру, и которая в конце стихотворения восклицает:

Я хочу к кому-нибудь ласкаться,
Как ко мне ласкался кенгуру!

Быть может, эти строки — лучший образец того зоологического направления, которое приняла любовная лирика современности» (Против течения. 1910. 3 декабря. Подп.: Росмер).

175. Ж 1910 - - **Ж 1918.**

Ж 1921, опечат. - - СС 1947 I, опечат. - - СС I - - Ст 1988, опечат. - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Изб(Слов) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Изб 1997 - - ВБП

- - МП; В мире отеч. классики - - Ст(Куйбышев) - - Об Анне Ахматовой. Л., 1990; Новый мир 1986.

Дат.: До 16 апреля 1910 (см. коммент. к № 167).

По мнению Вас.Вл.Гиппиуса, «предпоследняя строфа» этого ст-ния (ст. 17—20) может служить «лучшей характеристикой» поэзии Гумилева, поскольку «пустота содержания» скрыта здесь «нарядной тканью не безукоризненной ценности» (Против течения. 1910. 3 декабря. Подп.: Росмер). Ю.Верховский, напротив, высоко оценил это ст-ние: «Рядом с утверждением, пожалуй — общим местом:

Но будет жизнь светла,
Пока жива любовь, —

как сказочное прошлое вспоминается

То время, когда мы любили,
Когда мы умели летать.

...Так постепенно наполняясь, развиваются перед нами лично-лирические мотивы "Жемчугов"» (Верховский. С. 107).

По свидетельству Ахматовой, в ст-нии присутствует автобиографический подтекст, связанный с ранним, «царскосельским» периодом ее любовного романа с Гумилевым, а в строфе 3 описывается так называемая «Турецкая башня» (искусственные руины) в Царском Селе, где проходили их свидания (см.: Жизнь поэта. С. 28). Поэт А.Найман, близкий к кругу Ахматовой, считал, что это ст-ние невозможно понять без специальных знаний биографии поэта, ибо нереально «угадать во "дворце великанов" царскосельскую <...> башню-руину, в "коне золотистом" — рыжего взбрыкнувшего жеребца, которого под их с Ахматовой взглядами осаживал кирасир, и тогда уже прочесть строчку "то время, когда мы любили" как горькое лирическое признание, а не как мораль басни из жизни сказочных существ» (Найман А. Поэзия и неправда // Октябрь. 1994. № 2. С. 25).

176. Ж 1910 - - **Ж 1918**.

Ж 1921 - - Изб. 1946 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - ОС 1989 - - Изб(М) - - Ст(XX век) - - СС(Р-т) I - - Ст(М) - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СП(XX век) - - СПП - - СП(Ир) - - СП(К) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ЧН - - Изб 1997 - - ВБП - - МП; Антология христианской лирики. Мариуполь, 1995; Гольдштейн.

Дат.: До 16 апреля 1910 (см. коммент. к № 167).

Характеризуя особенности религиозно-философского «миропереживания» Гумилева, Е.Вагин писал: «Надо сказать, что Н.Гумилев совершенно "выпадает" из русской интеллигенции: его высокий (и — надо добавить — практический, жизненный) идеализм не имеет ничего общего с традиционной интеллигентской "гражданственностью": этой вечной игрой в оппозицию, с неизбежной демагогией и стадными инстинктами, жестоко высмеянными еще Достоевским. Полное отсутствие стадного инстинкта — столь характерного для российского интеллигента — "оппозиционера" — и отмечает ярче всего личность Гумилева, его поэзию. Его часто обвиняют в индивидуализме, — но это неправда: у него нет ничего от того дешевого ницшеанства, который был в моде в начале века. Повышенное чувство личности, персонализм Гумилева — это не болезненный, эгоистический индивидуализм самоутверждения за счет других. Сам поэт нашел для своих убеждений прекрасную формулу: "Славянское ощущение равенства всех людей и византийское сознание иерархичности при мысли о Боге". "Мысль о Боге" — постоянная и естественная — заметно выделяет Гумилева и его поэзию. Свидетельствует Н.Я.Мандельштам: "Три акмеиста начисто отказались от какого бы то ни было пересмотра христианства. Христианство Гумилева и Ахматовой было традиционным и церковным..."» (Вагин Е. Поэтическая судьба и миропереживание Н.Гумилева // Беседа (Л.; Париж). 1986. № 4. С. 183—184.). По мнению Е.Вагина, уже в Ж 1910 подобное «миропереживание» придало некоторым ст-ниям Гумилева «неповторимую интонацию»: «Это — евангельски-чистый "Христос" (заставляющий вспомнить о провозглашенном акмеистами принципе целомудренности): <цит. ст. 1—4>» (Там же. С. 179). Ю.Зобнин отмечает в образе Христа черты странничества. «Итогом "странничества", понимаемого как "странничество духа", стало отчетливо видеться "воцерковление", откровение Царства Небесного». (Зобнин Ю.В. Странник духа // Русский путь. С. 31).

Ст. 5—24. — «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы; и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним» (Мф. IV. 18—20). Ст.17. — Притин — укромное место, убежище.

177. Ж 1910, другая ред. - - **РЦ 1918**.

Ж 1921, ред. 1910 - - Изб 1943, ред. 1910 - - Изб 1946, ред. 1910 - - СС 1947 I, ред. 1910 - - СС I - - Ст 1988, ред. 1910 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК), ред. 1910 - - СтПРП, ред. 1910 - - ОС 1989 - - СС(Р-т) I - - Ст(М), ред. 1910 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир), ред. 1910 - - Ст(Яр); Душа любви.

Автограф — архив Лозинского.

Дат.: До 16 апреля 1910 (см. коммент. к № 167).

О.Роннен видел в этом ст-нии перекличку со ст-ниями А.Блока, вошедшими в книгу «Нечаянная радость». Исключение в редакции 1918 г. строф 2, 3 и 6, по мнению О.Роннена, знаменует попытку вырваться из-под влияния поэзии А.Блока, поскольку проведено оно было в отношении «строф, навеянных сборником "Нечаянная радость"» (Ронен О. К истории акмеистических текстов. Опущенные строфы и подтекст // Slavica Hierosolymitana. Vol. III. Jerusalem, 1978. P. 69).

В ст-нии присутствуют тематические реминисценции из ст-ния А.Блока «На весеннем пути в теремок...». Ст. 9—12. — Существует славянское поверье об отвращающей силе собаки — «первака» или «ярчука» (перворожденного щенка первородящей суки). «Эти-то псы и обладают способностью видеть ведьм <...> Когда ярчуку уже минул год, с ним черти ничего не могут поделать <...> Если такая собака застанет ведьму <...> то непременно ее загрызет...». (Орлов М.А. История сношений человека с дьяволом. СПб., 1904. С. 118). С другой стороны, в мистико-астрологическом смысле пес является символом жреческого ремесла, символом Меркурия; Звездный Пес — Сириус — считался священным у древних египтян. Ст. 16. — В созвездии Козерога проходит зимнее солнцестояние, поэтому оно называется Домом Смерти; тем не менее, именно в созвездии Козерога начинает увеличиваться сила Солнца, поэтому «греки говорят, что Юпитер (имя Бога Солнца) кормится козьим молоком». Овен — созвездие весеннего равноденствия. Что касается Тельца, то у персов, в зороастрийской традиции, Солнце появлялось из-за спины Тельца, т. е. этот знак был посвящен Солнцу.

178. Ж 1910 - - **Ж 1918**.

Ж 1921 - - СС 1947 I - - СС I - - Ст 1986 - - СП(Волг) - - СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - БП - - СП(Феникс) - - Изб(Кр) - - СтПРП(ЗК) - - СтПРП - - Изб(М) - - Кап 1991 - - СС(Р-т) I - - Изб(Х) - - ОС 1991 - - Соч I - - СПП - - СП(Ир) - - Ст(Яр) - - Круг чтения - - Carmina - - Изб(XX век) - - Русский путь - - ОЧ - - ЧН 1995 - - ВБП - - МП.

Дат.: До 16 апреля 1910 (см. коммент. к № 167).

Вяч.Иванов обратил внимание на это ст-ние как на пример преодоления Гумилевым влияния Брюсова: «Довольно прочесть, например, превосходное "Путешествие в Китай" <...> чтобы увидеть, что Н.Гумилев подчас хмелеет мечтой веселее и беспечнее, чем Брюсов, трезвый в самом упоении» (Аполлон. 1910. № 7. С. 38—39). На этот — косвенный — выпад Вяч.Иванова Брюсов ответил подобным же образом — в рецензии на «Чужое небо» Гумилева: «Гумилев пишет и будет писать прекрасные стихи: не будем спрашивать с него больше, чем он может нам дать» (Русская мысль. 1912. № 7. С. 19), где пародируются ст. 7—8 «Путешествия в Китай». Ю.Верховский отмечал в ст-нии «свежую и веселую живость, не чуждую иронической улыбки и легкого юмора» (Верховский. С. 98—99). В духе «вульгарного социологизма» трактовал ст-ние А.Волков: «Лозунг "не думать" прекрасно выражает идейное существо класса Гумилева. "Счастье",

получаемое ценой отхода от размышлений, конечно, иллюзорное, непрочное счастье. Лозунг "не думать" всегда является лозунгом уходящих, загнивающих классов» (Волков А. Поэзия русского империализма. М., 1935. С. 134). Это ст-ние, по мнению Н.Богомолова, как и некоторые другие, «связывают магическую и визионерскую поэзию "Романтических цветов" с акмеистической и вещественной поэтикой зрелого Гумилева». (Богомолов Н. Читая Гумилева // Гумилев Н. Избранное. М., 1995. С. 11). Е.Вагин видел в ст-нии «щемящую грусть (предвестие будущих духовных прозрений)» (Беседа (Л.; Париж). 1986. № 4. С. 179). М.Баскер пришел к выводу, что «Путешествие в Китай» в творчестве Гумилева является символом «поиска рая» — в духе Пушкина и Бодлера: «...Китай, как конечное место назначения, должен, естественно, восприниматься как достижение совершенного понимания...» (Н.Гумилев и русский Парнас. С. 15).

Судейкин Сергей Юрьевич (1883—1946) — художник-«мирискусник». У Гумилева находилась его картина «На острове Цитера» (сообщено М.Д.Эльзоном). Ст. 24 — Рабле Франсуа (1494—1553) — французский писатель, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль», крупнейший идеолог французского Возрождения, пользовался репутацией «мага», знатока оккультных наук. Гумилев называл Рабле писателем, имя которого «чаще всего произносят в кругах, близких к акмеизму» (СтПРП. С. 413).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ГУМИЛЕВУ

179. Отрывок воспроизведен по памяти А.Ахматовой (**СП(Тб). С. 18**).

180. СП(Тб) - - СП(Тб)2 - - Соч I; ЛН. **Печ. по автографу.** Автограф в письме к Брюсову на обороте листа со ст-нием «Мой старый друг, мой верный дьявол...» (РГБ. Ф. 386. К. 84. Ед. хр. 20. Л. 43 об.). Текст написан рукой неустановленного лица (не Гумилева), перечеркнут, по-видимому, Брюсовым.

181. Отрывок воспроизведен по памяти Е.И.Дмитриевой (**СП(Тб). С. 434**). Существует эпиграмма на эти строки, авторство которой не установлено:

Стоял Гумилев пред креолкой простой,
Надушен «Иланг-илангом»:
«Сеньора, с оранг-утангом
Имел разговор небольшой»

(Молодков В.Э. Источники двух эпиграмм // Русская лит-ра. 1993. № 2. С. 234).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фронтиспис. Н.С.Гумилев. Фотография Л.Кона. 1909 г.

АВТОГРАФЫ Н.С.ГУМИЛЕВА[1]

С. 33. Титульный лист альбома М.М.Маркс. Л.3.

С. 85. «Я в лес бежал из городов...». Альбом М.М.Маркс. Л.4.

С. 122. Молодой францисканец («Младой францисканец безмолвно сидит...»). Альбом М.М.Маркс. Л.15.

С. 150. «Много в жизни моей я трудов испытал...». Альбом М.М.Маркс. Л. 29.

С. 184. «Я всю жизнь отдаю для великой борьбы...». Альбом М.М.Маркс. Л. 31.

С. 235. «Я песни слагаю во славу твою...» (посвящено М.М.Маркс). Альбом М.М.Маркс. Л. 35.

С. 264. 1905, 17 октября («Захотелось жабе черной...»), с записью Л.И.Веселитской-Микулич. Альбом Л.И.Веселитской-Микулич. Л. 73.

[1] Факсимиле ст-ния «Я в лес бежал из городов» опубликовано: Лит. Грузия, 1988. Остальные автографы воспроизводятся впервые.

Список условных сокращений, принятых в комментариях и разделе «Другие редакции и варианты»

Акаткин — Поэзия серебряного века: Хрестоматия для средних учебных заведений / Сост., автор предисловия В.М.Акаткин. — Воронеж: Изд. Воронежского гос.ун-та, 1995.

Акме-Акме значит вершина: Гумилев, Ахматова, Мандельштам в переводах Леопольда Левина. — Warshawa: Czytelnik, 1986.

Архив Лозинского — архив М.Л.Лозинского (хранится у И.В.Платоновой-Лозинской, Санкт-Петербург); данные материалы приводятся по описаниям, сделанным И.В.Платоновой-Лозинской (см.: Николай Гумилев. Исследования и материалы: Библиография. — СПб.: Наука, 1994. — С. 351—355).

Баранников — Русская литература XX века: Хрестоматия для 11 кл. сред. школы: В 2 ч. / Сост. А.В.Баранников и др. — М.: Просвещение, 1993.

Библейская энциклопедия — Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. Репринтное изд. — Л.-Загорск: Изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990.

БП — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст. статья А. И. Павловского, биограф. очерк В.В.Карпова, сост., подгот. текста, прим. М.Д. Эльзона. — Л.: Сов. писатель, 1988 (Б-ка поэта. Большая сер.).

ВБП — Гумилев Н.С. Избранное: к 110-й годовщине со дня рождения. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996 (Всемирная библиотека поэзии).

В мире отеч. классики — В мире отечественной классики: Сб. статей. Вып. 2 / Сост. Д.Николаев; Редкол. Г.Бердников, Ф.Кузнецов, Ю.Мелентьев, В.Рыкович. — М.: Худ. лит-ра, 1987.

Верховский — Верховский Ю.Н. Путь поэта // Современная литература. Л., 1925.

Гимн любви — Гимн любви: Избранная лирика поэтов мира: В 3 т. Т. I. Лирика русских поэтов /Сост., пред. С.М.Магдисон. — М.: Мол. гвардия, 1991.

Глинин — Хрестоматия по литературе: Для средней школы. 10—11 классы / Под ред. Г.Г.Глинина, В.Н.Гвоздей, В.В.Гурилевой и др. — Астрахань, 1994.

Голос Родины — Рубцов Н. Две музы Николая Гумилева // Голос Родины. 1989. № 44 (2708).

Гольдштейн — Антология русской поэзии и прозы XX века. Ч.1 / Сост. Г.Г.Гольдштейн, Н.С.Орлова. Вст. статья Е.А.Таратуты. — М.: Изд. дом «Круглый год», 1994.

Гумилевские чтения — Гумилевские чтения: Материалы международной конференции филологов-славистов: Санкт-Петербургский университет профсоюзов и Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. 15—17 апреля 1996. — СПб.: изд-во СПбГУП, 1996.

Декадентская литература — Русская литература XX века: Дореволюционный период: Хрестоматия / Сост. Н.А.Трифонов. — Chicago, [Б. Д.] (Russian Study Sekies, № 38; Russian language specialties [на обл.: Декадентская литература: Ахматова, Бальмонт, Белый, Гумилев, Сологуб и др.]).

День поэзии 1986 — День поэзии 1986: Сб. М., 1986.

ДП — Гумилев Н.С. Драматические произведения: Переводы: Статьи / Сост., вст. статья Д.И.Золотницкого, прим. Д.И.Золотницкого и М.Д.Эльзона. — Л.: Искусство, 1990 (Б-ка русской драматургии).

Дружба народов 1986 — Гумилев Н.С. Стихи разных лет // Дружба народов. 1986. № 12. — С. 181—183.

Душа любви — Душа любви: Сб./ Сост., вст. статья и прим. А.Казаковой. — Челябинск: Южно-Уральское кн.изд-во, 1991.

Ежов-Шамурин — 1925 — Ежов И.С., Шамурин Е.И. Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти XX века. — М.: Новая Москва, 1925.

Ежов-Шамурин — 1991 — Ежов И.С., Шамурин Е.И. Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти XX века. — Репринтное воспроизведение изд. 1925 г. — М.: Амирус, 1991.

ЕЛПН — Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива».

Ж 1910 — Гумилев Н.С. Жемчуга: Стихи. — М.: Скорпион, 1910.

Ж 1918 — Гумилев Н.С. Жемчуга: Стихи 1907—1910 гг. 2-е изд.— СПб.: Прометей, 1918.

Ж 1921 — Гумилев Н.С. Жемчуга: Стихи. — Берлин: Мысль, 1921 (Кн. для всех № 66—67).

Жизнь Николая Гумилева — Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников / Сост., коммент. Ю.В.Зобнина, В.П.Петрановского, А.К.-Станюковича. — Л.: Международный фонд истории науки, 1991.

Жизнь поэта — Лукницкая В.К. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. — Л.: Лениздат, 1990.

ЖТЛХО — Журнал Театра литературно-художественного общества.

ЗС — Гумилев Н.С. Золотое сердце России: Сочинения / Сост., вст. статья, коммент. В.Полушина. Семейная хроника Гумилевых О.Высоцкого. Художник Ю.Пивченко. — Кишинев: Лит. артистикэ, 1990.

Изб (XX век) — Гумилев Н.С. Избранное / Предисл., сост., примеч. Н.Богомолова. Художник А.Свердлов. — М.: Панорама, 1995 (Сер. «Русская литература. XX век»).

Изб 1943 — Гумилев Н.С. Избранные стихи. — Одесса, 1943.

Изб 1959 — Гумилев Н.С. Избранное / Ред., предисл. Н.А.Оцупа. — Paris: Librairie des cinq continents, 1959.

Изб 1986 Гумилев Н.С. Избранное / Предисл. и ред. Н.Оцупа. — 4-е изд., стереотип. — Нью-Йорк: Орфей, 1986.

Изб 1997 — Гумилев Н.С. Избранное. — СПб.: Димант, 1997.

Изб(КР) — Гумилев Н.С. Избранное / Сост., прим., коммент. Ю.Г.Кротова. — Красноярск: Кн. изд-во, 1989.

Изб(М) — Гумилев Н.С. Избранное / Сост., вст. статья, прим. Л.А.Смирновой. Художник В.К.Серебряков. — М.: Сов. Россия, 1989.

Изб(Огонек) — Гумилев Н.С. Избранные стихотворения / Сост., ред., вст. статья В.Енишерлова. — М.: Правда, 1988 (Б-ка «Огонек». № 3).

Изб(Слов) — Гумилев Н.С. Избранное / Сост., вст. статья, коммент., лит.-биограф. хроника И.А.Панкеева. Художник С.Соколов. — М.: Просвещение, 1990 (Б-ка словесника).

Изб(Х) — Гумилев Н.С. Избранное / Сост., предисл., коммент. Л.А.Смирновой. — Хабаровск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1991.

ИРЛИ — Институт русской лит-ры (Пушкинский дом) РАН. Рукописный отдел.

Исследования и материалы — Николай Гумилев: Исследования и материалы: Библиография / Сост. М.Д.Эльзон, Н.А.Грознова. — СПб.: Наука, 1994.

История... — История русской литературы XX века. Серебряный век / Под ред. Ж.Нива, И.Сермана, Н.Струве и др. — М., 1995.

Кап 1988 — Гумилев Н.С. Капитаны [Для сред. школьного возраста] / Рис. Г.А.В.Траугот. — Л.: Дет. лит-ра, Лен. отд-ние, 1988.

Кап 1991 — Гумилев Н.С. Капитаны: Стихотворения и поэмы / Вст. статья, сост., коммент. А.И.Павловского. — Нижний Новгород: Волго-Вятское книжн. изд-во, 1991.

Carmina... — Гумилев Н. С. Carmina ab auctore selecta / Подгот. текста, посл. М.Д.Эльзона. — СПб.: Изд-во Дм.Буланин, 1994.

Круг чтения — Гумилев Н.С. Когда я был влюблен...: Стихотворения. Поэмы. Пьесы в стихах. Переводы. Избранная проза / Сост., вст. статья Л.А.Озерова. — М: Школа-Пресс, 1994 (Сер.: «Круг чтения. Школьная программа»).

Крук 1991 — Русская литература XX века. Дооктябрьский период: Хрестоматия: Пособие для студентов нац.групп пед.ин-тов / Сост. И.Т.Крук. — Л.: Просвещение, Лен. отд-ние, 1991.

Лазаренко — Хрестоматия по отечественной литературе XX века: Для уч-ся XI класса / Сост. Г.П.Лазаренко. — М.: Метод. кабинет Западного округа г. Москвы, 1995.

ЛиВ — Гумилев Н.С. Слепая музыка моей любви...: Лирика / Сост. А.Апасов. — М.: Единение, Евроросс, 1992 (Б-ка поэзии «Любовь и вера»).

Лит.Грузия 1988 — Гумилев Н.С. Вам, Кавказские ущелья...: Стихи /Публ. и предисл. В.Петрановского и М.Эльзона // Лит.Грузия. 1988. № 1. С. 94—104.

ЛН — Переписка В.Брюсова с Н.С.Гумилевым (1906—1920) / Вст. статья и коммент. Р.Д.Тименчика и Р.Л.Щербакова. Публ. Р.Л.Щербакова / / Валерий Брюсов и его корреспонденты. Книга вторая. — М.: Наука, 1994. — С. 400—514 (Лит. наследство. Т.98).

Мифологический словарь — Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М.Мелетинский. — М.: Большая Рос. Энциклопедия, 1992.

МП — Гумилев Н.С. Конквистадор: Стихотворения. М.: Летопись, 1997.

Н.Гумилев и русский Парнас — Н.Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции 17—19 сентября 1991 г. — СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992.

Неизд 1980 — Гумилев Н.С. Неизданные стихи и письма. — Paris: YMCA-PRESS, 1980.

Неизд 1986 — Гумилев Н.С. Неизданное и несобранное / Сост., ред., коммент. М.Баскер и Ш.Греем. Художник А.Ракузин. — Paris: YMCA-PRESS, 1986.

Николай Гумилев в воспоминаниях современников — Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Ред., сост., предисл., коммент. В.Крейда. — Репринтное изд. — М.: Вся Москва, 1990.

Новый мир 1986 — Ахматова А., Гумилев Н. Стихи и письма / Публ. сост. и прим. Э.Г.Герштейн // Новый мир. 1986. № 9. — С. 196—227.

Огонек 1986 — Гумилев Н.С. Стихи разных лет / Вст. заметка и сост. В.Енишерлова // Огонек. 1986. № 17. — С. 26—28.

ОС 1989 — Гумилев Н.С. Огненный столп: Стихи из девяти книг / Сост. Л.Г.Григорьян. Предисл. С.Чупринина. Худож. оформл. Е.М.Курманаевской. — Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во, 1989.

ОС 1991 — Гумилев Н.С. Огненный столп: Стихи и проза / Предисл. и сост. Е.А.Подшиваловой. — Ижевск: Удмуртия, 1991.

ОЧ — Гумилев Н.С. Озеро Чад. — М.: Центр—100, 1995.

ПВ — Гумилев Н.С. Пьяные вишни: Стихи — [Б.м.]: Сатурн, [Б.г.][1918].

ПК — Гумилев Н.С. Путь конквистадоров. — СПб.: Тип. Р.С.Вольпина, 1905.

Потапчук — Хрестоматия по русской литературе: Для уч-ся старших классов средних школ, гимназий и лицеев: В 2 т. / Сост. И.Потапчук. — Тула: Пересвет II., 1995. Т.2.

Престол — Гумилев Н.С. Престол красоты / Сост., вст. статья Т.Смертиной. — М.: Спас, 1994.

Простор 1986 — Гумилев Н.С. Выбор, Орел, Молитва и другие стихотворения / Предисл. Л.Ошанина // Простор. 1986. № 12. — С. 160—172.

ПРП 1990 — Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / Сост. Г.М.Фридлендера (при участии Р.Д.Тименчика). Вст. статья Г.М.Фридлендера. Подг. текста и коммент. Р.Д.Тименчика. — М.: Современник, 1990 (Б-ка «Любителям российской словесности»).

ПС 1922 — Гумилев Н.С. Посмертный сборник / Сост., вст. статья Г.В.Иванова. — Пг.: Мысль, 1922.

ПС 1923 — Гумилев Н.С. Стихотворения: Посмертный сборник. — 2-е изд. доп. — Пг.: Мысль, 1923.

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва). Отдел рукописей.

РНБ — Российская национальная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (С.-Петербург). Отдел рукописей.

Родник 1988 — Гумилев Н.С. Молитва мастеров. Священные плывут и тают ночи. Отказ и другие стихотворения / Публ., вст. статья Р.Д.Тименчика // Родник. 1988. № 10. — С. 20—23.

Русская поэзия серебряного века — Русская поэзия «серебряного века»: 1890—1917: Антология. — М.: Наука, 1993.

Русские поэты серебряного века — Русские поэты «серебряного века»: Сб. стихотворений: В 2 т. Т.2 / Сост., вст. статья, коммент. Н.Ю.Грякаловой. — Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1991.

Русский путь — Н.С.Гумилев: Pro et contra / Сост., вст. статья, примеч. Ю.В.Зобнина. — СПб.: Изд. РХГИ, 1995 (Русский путь).

РЦ 1908 — Гумилев Н.С. Романтические цветы. — Париж: Danzig, 1908.

РЦ 1918 — Гумилев Н.С. Романтические цветы: Стихи 1903—1907 гг. — 3-е изд. — СПб.: Прометей, 1918.

Серебряный век — Серебряный век: Петербургская поэзия конца XIX — начала XX / Сост., вст. статья М.Ф.Пьяных. — Л.: Лениздат, 1991.

Серебряный век русской поэзии — Серебряный век русской поэзии / Сост. Н.В.Банников. — М.: Просвещение, 1993.

Силард 1979 — Силард Л. Русская литература конца XIX — начала XX века (1890—1917). — Budapest: Tankцyokiado, 1979.

Силард 1983 — Силард Л. Русская литература конца XIX — начала XX века (1890—1917). — 2-е изд. — Budapest: Tankцnyokiado, 1983.

Слободнюк — Слободнюк С.Л. Н.С.Гумилев. Проблемы мировоззрения и поэтики. — Душанбе: Сино, 1992.

Собеседник 1987 — Гумилев Н.С. Волшебная скрипка; Андрей Рублев; Капитаны и другие стихотворения // Собеседник: Лит. критический ежегодник. Вып. 8. — М.: Современник, 1987. — С. 303—311.

Соколов — Поэтические течения в русской литературе конца XIX — начала XX века: Лит. манифесты и художественная практика: Хрестоматия / Сост. А.Г.Соколов. — М.: Высшая школа, 1988.

Соч I — Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. Т. I. Стихотворения. Поэмы / Вст. статья, сост., прим. Н.А.Богомолова. — М.: Худож. лит-ра, 1991.

Соч II — Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. Т. 2. Драмы. Рассказы / Сост., подгот. текста, прим. Р.Щербакова; подгот. текста «Записок кавалериста», прим. Е.Степанова. — М.: Худож. лит-ра, 1991.

Соч III — Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. Т.3. Письма о русской поэзии/ Подгот. текста, прим. Р.Тименчика. — М.: Худож. лит-ра, 1991.

СП(XX век) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы/ Сост., вст. статья, коммент. И.А.Панкеева. — М.: Профиздат, 1991 (Сер.: Поэзия XX века).

СП(Волг) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Сост. М.Д.Эльзона, вст.статья М.А.Дудина. Оформл. В.Э.Коваля. — Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988.

СП(Ир) — Гумилев Н.С. Стихи. Проза / Предисл. Вяч.Вс. Иванова. Послеслов. Н.А.Богомолова. — Иркутск: Восточно-Сибирское кн.изд-во, 1992.

СП(К) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст. статья Вл.Смирнова. — Курск: ИПП «Курск», 1992.

СП(Тб) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Ред., предисл. В.П.Енишерлова. Сост., биогр. очерк., коммент. В.К.Лукницкой. — Тбилиси: Мерани, 1988 (Сер.: Россия-Грузия: сплетение судеб. XX век).

СП(Тб) 2 — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст.статья В.П.Енишерлова, биогр.очерк, сост., коммент. В.К.Лукницкой. — 2-е изд. — Тбилиси: Мерани, 1989 (Сер.: Россия-Грузия: сплетение судеб. XX век).

СП(Феникс) — Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы / Вст.статья Н.Н.Скатова. Сост. и примеч. М.Д.Эльзона. — М.: Современник, 1989 (Феникс. Из поэтического наследия XX века).

СПП — Гумилев Н.С. Стихотворения. Поэмы. Проза / Вст. статья А.И.Павловского. Биогр. очерк В.В.Карпова. Сост., подг. текста В.П.Кочеткова. — Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1990.

Среди стихов — Брюсов В.Я. Среди стихов: 1894—1924: Манифесты, статьи, рецензии. — М.: Сов.писатель, 1990.

СС 1947 I — Гумилев Н.С. Собр. Соч.: В 4 т. Стихотворения: Том первый / Ред., вст. статья Вяч. Завалишина. Худ. Симечкевиус и Дражевской. — Регенсбург, 1947.

СС I — Гумилев Н.С. Собр. Соч.: В 4 т. Том первый: Стихи 1903—1915 гг. / Под. ред. проф. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. — Вашингтон: Изд. кн. магазина Victor Kamkin, Inc, 1962.

СС II — Гумилев Н.С. Собр. Соч.: В 4 т. Том второй: Стихи 1916—1921 гг. и стихи разных лет / Подгот. текста, коммент., вст. статья Г.П.Струве. Ред. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. — Вашингтон: Изд. кн. магазина Victor Kamkin, Inc., 1964.

СС III — Гумилев Н.С. Собр. Соч.: В 4 т. Том третий: Драматические произведения и стихи разных лет (дополнения к второму тому) / Подгот. текста, коммент. Г.П.Струве. Вст. статья В.М.Сечкарева. Ред. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. — Вашингтон: Изд. кн. магазина Victor Kamkin, Inc, 1966.

СС(Р-т) I — Гумилев Н.С. Собр. Соч.: В 4 т. Том первый. Репринтное воспроизведение изд. 1962—1968 гг. — М.: Терра, 1991.

СС(Р-т) II — Гумилев Н.С. Собр. Соч.: В 4 т. Том второй. Репринтное воспроизведение изд. 1962—1968 гг. — М.: Терра, 1991.

СС(Р-т) III — Гумилев Н.С. Собр. Соч.: В 4 т. Том третий. Репринтное воспроизведение изд. 1962—1968 гг. М.: Терра, 1991.

Ст. — стих.

Ст-ние — стихотворение.

Ст 1986 — Гумилев Н.С. Стихотворения / Сост. В.П.Бетаки. Художник А.Ракузин. — Paris: YMCA-PRESS, 1986 (Сер.: Избранная поэзия).

Ст 1988 — Гумилев Н.С. Стихи / Сост. О.Михалевич. Художники А.Куташов и В.Решетов. — Л.: Аврора, 1988.

Ст 1995 — Гумилев Н.С. Стихотворения. — М.: Худ. лит-ра, 1995.

Ст(XX век) — Гумилев Н.С. Стихотворения / Сост., вст. статья, примеч. В.Смирнова. Илл. П.Караченцева. — М.: Мол. гвардия, 1989 (Сер.: XX век: поэт и время. Вып. 9).

Ст(Куйбышев) — Волошин М., Гумилев Н., Иванов Г., Ходасевич В. Стихотворения. — Куйбышев: Кн. изд-во, 1990.

Ст(М) — Гумилев Н.С. Стихи. — М.: Родина, 1992.

Ст(М-В) — Гумилев Н.С. Стихотворения: На польском языке с параллельным русским текстом / Сост. и ред. польских переводов Адам Поморский. — М.; Варшава: Радуга; WspYtpraca, 1990.

СтПРП — Гумилев Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии/ Вст. статья Вяч. Вс. Иванова. Сост., науч. подгот. текста, послесл. Н.А.Богомолова. — М.: Худ. лит-ра, 1990.

Ст (Пол) — Гумилев Н.С. Стихотворения / Худож. Н.И.Калита. — М., 1988 (Б-ка журн. «Полиграфия»).

СтПРП (ЗК) — Гумилев Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии / Вст. статья Вяч. Вс. Иванова. Сост., науч. подгот. текста, послесл. Н.А.Богомолова. — М.: Худ. лит-ра, 1989 (Сер.: Забытая книга).

Ст(Яр) — Гумилев Н.С. Стихотворения / Сост. С.Локалов. — Ярославль: изд-во Гринго, 1994 (на обл.: Николай Гумилев. «Я свет у тебя за плечами...»).

Трифонов 1962 — Русская литература XX века: Дореволюционный период: Хрестоматия. Учеб. пособие для пед. ин-тов/ Сост. Н.А.Трифонов. — М.: Гос. изд-во, 1962.

Трифонов 1971 — Русская литература XX века: Дооктябрьский период: Хрестоматия (для пед. ин-тов) / Сост. Н.А.Трифонов. 3-е изд. — М.: Просвещение, 1971.

Трифонов 1980 — Русская литература XX века: Дооктябрьский период: Хрестоматия (для пед. ин-тов) / Сост. Н.А.Трифонов. 4-е изд. — М.: Просвещение, 1980.

Трифонов 1987 — Русская литература XX века: Дооктябрьский период: Хрестоматия (учеб. пособие для пед. ин-тов) / Сост. Н.А.Трифонов. 5-е изд., доп. и перераб. — М.: Просвещение, 1987.

Холл — Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцерской символической философии. — 2-е изд. испр. — Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив лит-ры и искусства (ныне Российский государственный архив лит-ры и искусства, Москва).

ЧК — Гумилев Н.С. Читатель книг / Вст. статья, сост. М.Д.Эльзона. — СПб., 1993.

ЧН — Гумилев Н.С. Чужое небо: Третья книга стихов. — СПб.: Аполлон, 1912.

ЧН 1995 — Гумилев Н.С. Чужое небо: Стихотворения и поэмы / Ред., сост., послесловие М.Т.Латышева. — М.: Яуза, 1995 (Сер.: Серебряные струны).

ШЧ — Гумилев Н.С. Шестое чувство: Стихи, проза, письма о русской поэзии / Сост., вст. статья А.С.Бутузовой-Зюзиной. — Тверь: Московский рабочий, Тверское отд-ние, 1990.

Baranski — Baranski Z. Litwinow G.Rosyiskie manifesty literackie. Cz. 1. — Poznac, 1974.

Basker — Basker M. «Stixi iz snov»: art, magic and dream in Gumilev's Romantiиeskie cvety // Nicolaj Gumilev. 1886—1986. — Bᵒrkeley slavic specialities, 1987. P. 27—68.

Rosyjskie kierunki literackie — Rossyjskie kierunki literackie; Krzelem 19 : 20 wieku. — Warszawa, 1983.

SW — Nikolai Gumilev, Selected Works, selected and translatcd by Burton Raffl and Alla Burage. — Allany: State University of New York Press, 1972.

Алфавитный указатель произведений

Содержание

Стихотворения и поэмы (1902—1910)

1902—1903

1904

1905

1906

1907

1908

1909

1910

Стихотворения, приписываемые Гумилеву

Научно-художественное издание

Николай Степанович Гумилев

Полное собрание сочинений в десяти томах

Том первый

Компьютерный набор: Е.Е.Федотова

Верстка: В.Э.Воротынцева

Корректоры: О.А.Быстрова, Е.А.Шипова

Маркетинг: А.В.Белова, Н.Н.Крылова, К.И.Мажейка

Издание подготовлено при участии ТОО «Евразия+»
Лицензия ЛР № 010193 от 19.02.1997
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2: 953000 — книги, брошюры

Сдано в набор 08.10.1997 г. Подписано в печать 04.03.1998 г. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. 31,5 п. л. Тираж 7 000 экз. Заказ № 7186.

Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»
125805, Москва, ул. «Правды», 24.
Тел. (095) 257-32-53, 257-31-06, 257-30-53.
Отпечатано с оригинал-макета на Смоленском полиграфическом комбинате Государственного комитета Российской Федерации по печати. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.